

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 18. № 3
2023

Vol. 18. No. 3
2023

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки)
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Филологические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск, Россия);

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, Кибер-Ленинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества.

В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках русской и зарубежной филологии, аксиологии медиадискурса, языковой картины мира и поэтики текста.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуются ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2023

Редактор К. Р. Потапова, редактор перевода В. М. Ерёмкина, технический редактор Г. А. Зенкова.

Подписано в печать 26.10.2023. Дата выхода в свет 30.10.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 23083.

Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences)
- 5.6.3. Archeology (historical sciences)
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences)
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences)
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences)
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences)
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Philological Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Kulikova, Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Sidorov, Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, ArbiCon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society – new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community.

The content of the issue presents an understanding of sociocultural problems and axiological practices within the framework of Russian and foreign philology, axiology of media discourse, linguistic worldview and poetics of the text.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign-oriented realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2023

Editor K. R. Potapova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova.

Signed to print 26.10.2023. Date of publication 30.10.2023.
Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".
Operative printing. Order No. 23083.

Conv. quires 23,1. Ed.-print quires 20,4. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).
Free price.

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (г. Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (г. Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (г. Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (г. Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (г. Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (г. Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (г. Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (г. Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (г. Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (г. Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (г. Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (г. Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (г. Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (г. Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (г. Ариэль, Израиль);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (г. Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (г. Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (г. Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (г. Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnikov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

<i>Абрамова К. В.</i> Поэтика прозаических произведений Николая Щёголева: мотив двойного самоубийства	8
<i>Искандари Махнуш, Саиди Али.</i> Элементы абсурда в повести Д. Хармса «Старуха»	19
<i>Ковтун Н. В., Новикова Е. О.</i> Мифологема воды в рассказе А. Варламова «Сплав»	27
<i>Ларина М. В.</i> Маленький человек в малой прозе Р. Сенчина конца 1990-х – начала 2000-х гг.	38
<i>Хань Дань, Тугулова О. Д., Бардаханова З. Д.</i> К вопросу о рецепции китайских «рассказов о странном» в российской литературе	48

МЕНТАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

<i>Халида Сиями Эйдлак, Бахаре Чераги.</i> И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога	57
<i>Чжан Сяо.</i> Агнонимы в российской деревенской прозе и их переводы на английский язык (лингвокультурологический аспект)	67
<i>Красавина А. В., Лободенко Л. К., Матвеева И. Ю.</i> Политический интернет-мем как коммуникативно-культурный феномен современного медиапространства	78
<i>Простакишина Н. В.</i> Медиаобраз Забайкальского края как инструмент национальной идентификации	90
<i>Цветова Н. С.</i> Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста	101

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

<i>Аетаева Н. О., Савинова О. Н.</i> Семейные ценности в современном медиаобразовании	112
<i>Виноградова К. Е.</i> Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы	121
<i>Дементьева К. В., Бакеева Д. А., Фролова Н. М.</i> Медиаимидж региона и особенности его формирования (на примере Республики Мордовия)	131
<i>Иванян Р. Г.</i> Гражданские ценности студентов – будущих журналистов	142
<i>Ильченко С. Н.</i> Газлайтинг: трансформация манипуляции от частному к общему в практике современных медиа	153
<i>Мясникова Ц. Ц., Сафронова О. В., Толстокулакова Ю. В.</i> Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума	164

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

<i>Ли Сюань.</i> Первое русское кругосветное путешествие и колонизация Русской Америки (1803–1806)	175
<i>Стрыгина Т. В., Зуева Г. С., Сердобинцева Е. Н., Шиблева Н. А., Симчук Д. В.</i> Человек науки верен своей главной теме: памяти Екатерины Константиновны Рева	185

CONTENTS

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

Abramova K. V. Poetics of the Prose Works by Nikolai Shchegolev: The Motive of Double Suicide	8
Iskandari Makhnoush, Saidi Ali. Elements of Absurd in the Story <i>The Old Woman</i> by D. Kharms	19
Kovtun N. V., Novikova E. O. The Mythologem of Water in A. Varlamov's Story <i>Rafting</i>	27
Larina M. V. The Little Man in R. Senchin's Short Prose of the Late 1990s and Early 2000s	38
Han Dan, Tugulova O. D., Bardakhanova Z. D. On the Issue of the Reception of Chinese "Strange Stories" in Russian Literature	48

MENTAL AND LINGUOCULTURAL SPACE OF DISCOURSE

Khalida Siyami Eidlak, Bahareh Cheraghi. I. A. Krylov in the Mirror of Russian-Persian Intercultural Dialogue	57
Zhang Xiao. Unknown Words (Agnonyms) in Russian Village Prose and Their Translations into English (Linguocultural Aspect)	67
Krasavina A. V., Lobodenko L. K., Matveeva I. Yu. Political Internet Meme as a Communicative and Cultural Phenomenon of Modern Media Space	78
Prostakishina N. V. The Media Image of the Transbaikal Region as a Tool of National Identification	90
Tsvetova N. S. Wartime Journalism: The Communicative Position of the Media Text Author	101

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Avtaeva N. O., Savinova O. N. Family Values in Modern Media Education	112
Vinogradova K. E. The Development of Artificial Intelligence and the Transformation of Journalism: New Opportunities and Challenges	121
Dementieva K. V. Bakeeva D. A., Frolova N. M. Media Image of the Region and Features of its Formation (The Case of the Republic of Mordovia)	131
Ivanian R. G. Civic Values of Students – Future Journalists	142
Il'chenko S. N. Gaslighting: Transformation of Manipulation from the Particular to the General in the Practice of Modern Media	153
Myasnikova Ts.Ts., Safronova O. V., Tolstokulakova Yu. V. Fake News in the Social Media of the Trans-Baikal Territory: The War Against the Axiology of Society	164

PEOPLE. EVENTS. TIME

Li Xuan. First Russian Circumnavigation and Colonization of Russian America (1803–1806)	175
Strygina T. V., Zueva G. S., Serdobintseva E. N., Shibleva N. A., Simchuk D. V. The Scientist is Always True to Her Topic: For the Memory of Ekaterina K. Reva	185

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18

Поэтика прозаических произведений Николая Щёголева: мотив двойного самоубийства

Ксения Вадимовна Абрамова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>*

Статья посвящена анализу особенностей поэтики прозаических произведений Николая Щёголева. Исследование основывается на принципах культурно-исторического, историко-генетического и структурно-описательного методов. Представлен анализ рассказа Щёголева «Происшествие в парке», сделан акцент на исследовании довольно редкого мотива для художественной литературы – мотива двойного самоубийства. Мы прослеживаем истоки данного мотива, приобретшего большое значение в эмигрантской литературе, причём, как в европейской, западной её ветви, так и в восточной. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в настоящее время проза Николая Щёголева остаётся малоизученной, существующие исследования рассматривают преимущественно жизненный и творческий путь поэта, дают характеристику отдельным текстам. Кроме того, изучение данной темы позволит проследить, как меняется картина мира, трансформируются ценности и приоритеты человека в изменяющемся социуме. На примере анализа мотивов, появляющихся в произведениях авторов, вынужденных эмигрировать, разорвать свои связи с родиной, мы можем увидеть важность сохранения культурно-исторических ценностей в условиях трансформации всех сфер современной жизни. Детально рассмотрены приёмы, которые использует Николай Щёголев в рассказе: создание эффекта кинематографичности повествования, театральности. Обращено внимание на сопутствующие мотивы двойного самоубийства, мотивы вещего сна, старух – предвестниц смерти. Указанное вносит в рассказ элемент фантазмагии, хотя, в целом, произведение написано в реалистичной манере, и позволяют автору создать интригу, нарушающую читательские ожидания. Тема двойного самоубийства в рассказе Николая Щёголева становится преобразованием настроений в среде русской эмиграции (западной и восточной), в то же время самоубийство, окружённое сопутствующими мотивами, превращается в театральное действие, а Харбин, где происходят описываемые события, преобразуется в идеальное мифологическое пространство.

Ключевые слова: Щёголев, мотив двойного самоубийства, кинематографичность, мотив сна, театральность, моральные мотивы, танатологические мотивы

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

© Абрамова К. В., 2023

Original article

Poetics of the Prose Works by Nikolai Shchegolev: The Motive of Double Suicide

Ksenia V. Abramova

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

The article is devoted to the analysis of the poetics of prose works by Nikolai Shchegolev. Harbin poet created not only lyrical works but also wrote stories, as well as reviews, articles, dreamed of creating a novel. We analyze Shchegolev's story *The Incident in the Park*, focusing on the study of a rather rare motive for fiction – the motive of a double suicide. We trace the origins of this motive, which has gained great importance in emigrant literature, both in the European, western part of it, and in the eastern. The relevance of the topic under consideration is that at present Nikolai Shchegolev's work remains poorly studied. Existing studies consider the life and creative path of the poet, give a description and analyze individual poetic works, but Shchegolev's prose remains practically unexplored. In addition, the study of this topic will allow you to trace how the picture of the world is changing, human values and priorities in a changing world are transforming. On the example of the analysis of the motives of the authors in the works who were forced to emigrate, to break their ties with their homeland, we can see the importance of preserving cultural and historical values in the context of the transformation of all spheres of modern life. We examined in detail the techniques that Shchegolev uses in the story, such as creating the effect of cinematic storytelling, editing. We also dwell on the accompanying motifs of a prophetic dream, old women-harbingers of death, and others. All of them introduce an element of phantasmagoria into the story, although the work is written in a realistic manner, and allow the author to create an intrigue that violates the reader's expectations. The theme of double suicide in the story by Nikolai Shchegolev becomes a transformation of moods among the Russian emigration (both its western and eastern branches). At the same time, suicide, surrounded by the above motives, turns into a theatrical action, and Harbin, where the events described take place, is transformed into an ideal mythological space.

Keywords: Shchegolev, poetics, double suicide motif, cinematography, dream motif, theatricality, mortal motifs, thanatological motifs

Acknowledgment: Research is financially supported by the RSF grant no. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the XX century as a space for literary transfer".

Введение. Николай Александрович Щёголев – харбинский поэт, чьё творчество на настоящий момент остаётся малоизвестным и практически неизученным. Тем не менее, он оставил заметный след в литературной жизни восточной ветви русской эмиграции. Он был участником таких объединений, как «Молодая Чураевка» в Харбине (он был её председателем), «Пятница» в Шанхае. Николай Щёголев был лириком, но писал и стихотворения в прозе (известно одно произведение этого жанра – «Полдень», анализ которого представлен в работе [1]), и прозаические произведения. Анализу одного из таких произведений, рассказа «Происшествие в парке», мы хотим посвятить свою работу. Целью исследования является рассмотрение прозаического произведения Николая Щёголева «Происшествие в парке», в первую очередь, с точки зрения исследования довольно редкого мотива для художественной литературы – мотива двойного самоубийства. Мы проследим истоки этого сюжета, ставшего важным для эмигрантской литературы, причём, как для европейской её части, так и для китайской, проанализи-

руем особенности его проявления в рассказе Щёголева, а также сопутствующие ему приёмы и мотивы. Кроме того, изучение данной темы позволит проследить, как меняется картина мира, трансформируются ценности и приоритеты человека в изменяющемся мире. На примере анализа мотивов, появляющихся в произведениях авторов, вынужденных эмигрировать, разорвать свои связи с родиной, мы можем увидеть важность сохранения культурно-исторических ценностей в условиях трансформации всех сфер современной жизни.

Обзор литературы. До недавнего времени творчество Николая Щёголева оставалось практически не представленным в исследовательской литературе. Большой вклад в изучение творческого наследия Щёголева внесены работами А. А. Забияко [1–5], в том числе в соавторстве с Л. А. Горловой [6], а также необходимо отметить монографию о дальневосточных поэтах и писателях Е. О. Кирилловой [7], в которой упоминается и интересующий нас автор. Ряд исследований, посвящённых поэтике произведений авторов, которые после революции

оказались во Владивостоке, в Харбине, а затем – в Шанхае, рассматривают «прозу поэтов» – прозаические произведения тех писателей, которые стали известны в первую очередь как поэты: А. А. Забияко анализирует прозу харбинских лириков, останавливаясь подробно на произведениях А. Ачаира и Г. Гранина [8]. Исследовательница также обращается, как мы указывали выше, к стихотворению в прозе Н. Щёголева «Полдень» [1], подробно разбирает его ритмическую и семантическую структуры. Также можно назвать работы Е. А. Денисовой, посвящённые анализу прозаических произведений дальневосточного футуриста В. Марта [9; 10]. Рассказ Николая Щёголева «Происшествие в парке» не становился предметом научного исследования.

Интересующий нас мотив двойного самоубийства тесно связан с темой смерти, поэтому скажем несколько слов об изучении этой темы. Тема смерти, в том числе и добровольной, была объектом исследования для разных научных дисциплин. Одной из важнейших вех в изучении темы смерти и её восприятии с точки зрения различных отраслей научного знания стал междисциплинарный труд «Значение смерти» ("The Meaning of Death") [11], в состав которого входили статьи многих известных философов и учёных: К. Г. Юнга, П. Тиллиха, Г. Маркузе, В. Кауфмана, Р. Кастенбаума, Э. Шнейдмана и др. Истории развития танатологии – науки, занимающейся изучением смерти как феномена культуры и человеческой мысли, посвящены исследования Р. Л. Красильникова [12; 13], который отмечает, что на рубеже XX–XXI вв. появляется специфический раздел танатологии – литературоведческая танатология, задачей которой становится рассмотрение преломления темы смерти в литературных произведениях, а также особенности подходов к выражению тем и мотивов, связанных с смертностью у различных авторов. Большую роль в становлении этого раздела сыграли исследования А. Ханзена-Лёве [14], Ю. М. Лотмана [15], А. Бабаянца [16] и других [13, с. 14–72; 17, с. 7–17]. Р. Л. Красильников выделяет в отдельную группу и интересующие нас мотивы добровольного ухода из жизни, поскольку «произведения о самоубийстве также образуют некий дискурс, обладающий сюжетогенетическим и жанро-генетическим потенциалом» [13, с. 68]. Непосредственно темы самоубийства

касаются антология-исследование А. А. Кобринского [18] и двухтомный труд Г. Чхартишвили «Писатель и самоубийство» [19; 20]. В последней названной работе появляется и тема двойного самоубийства, приводятся известные случаи сведения счётов с жизнью писателей и поэтов, анализируются мотивы их решения, также мотив самоубийства, в том числе двойного, упоминается в ряде литературоведческих работ [21–25], но, в целом, этот аспект, особенно с точки зрения преломления мотива двойного самоубийства в художественных произведениях, остаётся неисследованным.

Методология и методы исследования определяются историко-литературным и структурно-семиотическими подходами. В нашей работе мы основывались в первую очередь на принципах культурно-исторического, историко-генетического и структурно-описательного методов, для того чтобы выявить особенности поэтики прозаических произведений харбинского поэта и писателя Николая Щёголева. Используемые методы позволяют проанализировать истоки мотива двойного самоубийства в рассматриваемом рассказе Щёголева, выявить сопутствующие ему темы, мотивы, а также проанализировать переклички с другими произведениями русской литературы в первую очередь – эмигрантской.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассказ харбинского поэта и участника поэтического объединения «Молодая Чураевка» Николая Щёголева «Происшествие в парке» был впервые опубликован в журнале «Рубеж» в 1934 г., в № 13 и 14 (глава 5 в ранней редакции была также опубликована в 1933 г. в № 10 газеты «Чураевка»). Текст рассказа, за исключением одного утраченного фрагмента, воспроизведён в собрании сочинений Николая Щёголева «Победное отчаяние», подготовленном А. А. Забияко и В. А. Резвым и выпущенном в 2014 г. [26].

Николай Щёголев по воспоминаниям современников мечтал написать большое прозаическое произведение, и рассматриваемый текст, возможно, был частью задуманного «большого романа» (об этом, в частности, упоминает А. А. Забияко [4, с. 173]). Другой харбинский поэт, Валерий Перелешин, в «Поэма без предмета» так иронически описывал литературный круг эмигрантов, оказавшихся в Китае:

Нам этой жизни было мало:
 Напрасно женщина качала
 Бессмысленную колыбель, –
 Манила нас другая цель.
 Я о кресте мечтал и розе,
 Сергин – о музыке небес,
 Чтоб отступил упрямый бес,
 А Щёголев – о звонкой прозе,
 Чтоб Сирий завистью пылал,
 А Бунин ахал и вздыхал.

(Песнь первая, строфа LXXIV) [27].

Находясь в Харбине, Николай Щёголев создавал не только стихотворения, но и небольшие прозаические произведения, а также писал рецензии и публицистические статьи (они также опубликованы в упомянутом собрании сочинений [26]). Позднее, после переезда в СССР, Щёголев начал писать роман «Перекрёсток», в основу которого были положены воспоминания о жизни в Харбине. Произведение не было закончено и никогда не публиковалось, черновики некоторых глав были случайно обнаружены уже после смерти Николая Щёголева и его жены и в упомянутом собрании сочинений не опубликованы.

Перейдём к анализу рассказа Николая Щёголева «Происшествие в парке». В первых предложениях автор вводит в текст моральную тему: рассказ начинается со смерти матери одного из героев, Шадрина. Излюбленная тема писателей-эмигрантов, в первую очередь поэтов «парижской ноты», в тексте харбинца Николая Щёголева становится главной и раскрывается через мотив двойного самоубийства: центральным событием в рассказе становится сведение счётов с жизнью двух влюблённых, рабочего Васи Лукошкина и комсомолки Вари Весниной, которой запрещает встречи с Лукошкиным руководитель местного отдела молодёжи Шадрин.

Тема самоубийства, двойного или тройного самоубийства традиционна для литературы и известна со времён Античности (например, легенда о Фисбе и Пираме, которая в дальнейшем упоминалась и обыгрывалась в произведениях Боккаччо, Чосера, Шекспира), но в произведениях русской эмиграции она приобретает особое звучание. Смерть персонажа – всегда событие, которое потрясает в произведении. Когда происходит её удвоение или даже утроение – это всегда усиливает эффект, что делает такое самоубийство максимально театральным. Подобное усиление присутствует, например, в рассказах И. Бунина «Дело корнета

Елагина» и «Сын» и в романе В. Набокова «Дар», хотя в каждом из них погибает только один из героев, остальные же оказываются не в силах совершить задуманное. К тому же, самоубийство – это продуманная смерть, смерть обставленная так, как желает её видеть умирающий, и это тоже ведёт за собой мотив театрализации (это иногда приводит даже к эстетизации смерти, к соединению моральных мотивов с категорией прекрасного [28]).

Для эмигрантской среды смерть была вездесущей, причём, как замечает Патрик Витчак (Patryk Witczak), как в творчестве, так и в жизни (исследователь связывает танатологические мотивы эмигрантской литературы с влиянием произведений Михаила Лермонтова) [24, с. 154]. В комментарии к роману Набокова Александр Долинин приводит сообщение, опубликованное в газете «Руль», о двойном самоубийстве молодых русских эмигрантов на берегу Чёртова озера в Груневальдском лесу в 1928 г., отражением которого стала история Яши Чернышевского [21, с. 106–107].

Нужно сказать, что шокирующие истории, связанные с одновременными самоубийствами, случались и раньше: можно упомянуть, например, о самоубийстве московского щёголя, миллионера и мецената Николая Лазаревича Тарасова в 1910 г., когда любовный треугольник привёл к тому, что стрелялся сначала любовник актрисы Ольги Грибовой (Ясюнинской), затем сама актриса, а потом Тарасов. Более ранним, но широко известным в Европе случаем было самоубийство австрийского кронпринца Рудольфа и его любовницы Марии Вечеры 30 января 1889 г. в императорском охотничьем замке Майерлинг, в Венском Лесу. Эта трагедия стала основой для создания большого количества кинофильмов и произведений для сцены: например, фильма «Майерлинг», поставленного в 1936 г. режиссёром Анатодем Литваком с Шарлем Буайе и Даниэль Дарьё в главных ролях, или балет Кеннета Макмиллана на музыку произведений Ференца Листа «Майерлинг», созданный в 1978 г. Заметим, что этот случай отразился и в русской литературе – в поэме Велимира Хлебникова «Мария Вечера» (1909).

На ряд случаев, связанных с писателями, когда было совершено двойное самоубийство, указывает Г. Чхартишвили. Например, самоубийство двух юных драматургов

Виктора Эскуса и Огюста Лебра в 1832 г., которые «в соответствии с романтическими веяниями эпохи умерли (отравившись угарным газом), взявшись за руки» [20, с. 15]. Большое влияние на литературную традицию оказало самоубийство немецкого поэта Генриха фон Клейста, который в лесу около озера Ванзе сначала убил возлюбленную Генриетту, а затем застрелился сам [Там же, с. 37–39]. В частности, фигура Клейста, его творчество и судьба интересовали Бориса Пастернака. В 1910–1920-е гг. он переводил его драмы и комедию «Разбитый кувшин», готовил статьи о нем, публикация которых не была осуществлена (см. об этом [29, с. 531]).

Для эмигрантов в Китае эта тема также была связана с реальным случаем: 6 декабря 1934 г. в гостинице «Нанкин» застрелились два поэта, входивших, как и Николай Щёголев в объединение «Молодая Чураевка», Георгий Гранин и Сергей Сергин. Самоубийство Г. Гранина и С. Сергина было воспринято в свете влияния парижских упаднических настроений, смакующих брюсовские идеи «Демона самоубийства» [30]. Был ещё один случай такого самоубийства, территориально близкий к Харбину: в 1918 г. покончил с собой поэт и сатирик Фёдор Чудаков, живший в это время в Благовещенске. Вместе с ним застрелилась его жена Варвара, также были мертвы их единственная дочь и собака [31].

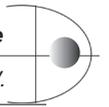
Нужно отметить, что рассказ Щёголева задуман и написан до происшествия, потрясшего литературный мир Харбина, и связан в первую очередь с литературной традицией описания самоубийств.

Остановимся на анализе фрагмента произведения Николая Щёголева, в котором происходит двойное самоубийство. Момент сведения счётов с жизнью Вари и Васи показан максимально отстранённо, даже кинематографично: всё описание происходящего развёртывается, с точки зрения беспристрастного наблюдателя, сами герои в этот момент почти что отсутствуют – не называются их имена, только «он и она» («Он и она пошли сначала по большой, усыпанной гравием аллее...»; «Тогда он и она пересели...»; «Она, не поворачиваясь к нему, вдруг заплакала...»), окружающее их превращается в театральную декорацию, в которой перемещаются герои, описываются лишь случайно встреченные героями про-

хожие, и только после выстрелов в тексте появляется сама картина самоубийства. В самом конце сцены называются их имена, когда собирается толпа, привлечённых звуками выстрелов, и создаётся впечатление, как будто камера движется от этой толпы к самоубийцам, и, приблизившись, крупным планом показывает их лица («На левом боку лежала девушка, очень миниатюрная, но прекрасно сложенная. Молодой человек ещё сидел, облокачиваясь о её колени. У него был прострелен висок, – он хрипел и покачивался. Все знали, что это Лукошкин и Веснина»). Этот эффект достигается тем, что имена названы неожиданно, как будто зритель, пройдя сквозь толпу зевак, вглядывается и узнаёт главных героев рассказа.

На протяжении всей сцены внимание зрителя сосредоточено на Васе и Варе, проходящих через парк. Пейзажи и другие люди появляются «в кадре», когда вступают во взаимодействие с главными героями. Например, появляется «веснушчатая девочка, остриженная под машинку, со встопорченными, выгоревшими на солнце волосами», а за ней – другая, которая кивает Лукошкину и Весниной, но «ни словом, ни жестом они не выказали, что заметили её кивок». Отстранённость повествования как будто передаёт состояние самих героев, готовящихся совершить двойное самоубийство. Интересно, что остальной мир присутствует в виде разнообразных звуков, которые слышат, но как будто не замечают герои: «Далеко в парке три или четыре девических голоса, не совсем в лад, пели входивший в моду романс, где самыми плоскими словами говорилось о вечной силе любви»; «Неподалёку раз двадцать кукушка произнесла: ку-ку, ку-ку. В Желсопе налаживали электролу, слышалось начало марша "Под двуглавым орлом", переименованного нынешней администрацией в "Красное знамя"». Всё это подготавливает к кульминационному моменту – смерти героев, ведь он тоже показан только как звук: «Секунд через двадцать совсем близко от железнодорожного собрания, под старым тополем, прозвучало два револьверных выстрела...»

Эти особенности текста Николая Щёголева, создающие эффект кинематографичности, также, на наш взгляд, связаны с темой смертности, не только из-за того, что здесь описан момент гибели героев. Кинематограф – тема, которая интересу-

ет поэтов и писателей первой половины XX в. Она становится, с одной стороны, знаком времени, модной новинкой, которой все увлечены. С другой стороны – она ведёт за собой тему «живого» и «неживого», их соотносённости и взаимодействия, ведь кинолента создаёт всего лишь иллюзию жизни. В этом мы видим переключку произведения Щёголева с романом В. Набокова «Машенька»: В. Ю. Лебедева показывает, что одним из вариантов метафизической смерти героя романа становится его взаимодействие именно с индустрией кино [17, с. 231–241]. Ганин, для того чтобы получить средства к существованию, «продаёт свою тень» – снимается в качестве статиста. Причём в описании появляются намёки на омертвление или превращение людей в неживые объекты: «... в балаганном сарае с мистическим писклом закипали светом чудовищные фацеты фонарей, наведённых, как пушки, на мертвенно-яркую толпу статистов, палили в упор белым убийственным блеском, озаряя крашенный воск застывших лиц...». Позже, когда случайно Ганин узнаёт себя на экране, он переживает ужас, поскольку видит себя со стороны, что противоречит естественной природе. Так же и герои «Происшествия в парке» становятся лишь марионетками, статистами в киноленте, которая разворачивается перед их взором, и обретают свои имена только после смерти. Отметим, что Щёголев не впервые обращается к теме кинематографа. В рассказе «Телеграмма» главный герой кажется окружающим бездушным, неживым механизмом, манекеном, и такое впечатление создаётся, поскольку он работает в кино-театре (в «Происшествии в парке» героиня, Варя, тоже связана с кинематографом – она продаёт билеты в кассе, где её впервые и видит Лукошкин). Щёголев обращался к теме кинематографа и в поэтических произведениях (мы анализировали их в работе [32]).

Через мотив леса/сада сюжет рассказа «Происшествие в парке» сближается с легендой о Тристане и Изольде, ещё одной паре погибших влюблённых. По замечанию А. В. Ведель, эпизод жизни Тристана и Изольды в лесу особенно важен для русской культуры, он «воплощает эротический потенциал легенды», а также способствует её проекции на библейские образы Адама и Евы, что ведёт за собой мотивы вины и наказания, грехопадения, изгнания из рая [33, с. 115]. Отметим, что в рассказе Ирины Одо-

евцевой «Изольда», сюжет которого прямо конструируется на основе истории любви мифических Тристана и Изольды, также появляется мотив двойного самоубийства: героиня рассказа Лиза в финале произведения открывает газовый кран, тушит свет и ложится к своему спящему возлюбленному Андрею (о теме смерти у И. Одоевцевой, в том числе в указанном рассказе см. [24]).

Герои рассказа Щёголева также оказываются «грешниками»: мотивом для самоубийства становится ультиматум Шадрина, запрещающий их отношения, а смерть героев можно прочесть как своеобразное изгнание из рая. Сама же фигура Шадрина может быть воспринята в качестве неудачливого жениха, обманутого Изольдой-Варей, которая предпочла ему другого. Мотив леса/парка/сада постоянно сопровождает Варю и Васю: в парке оказывается Варя после объяснения с Шадриным («Нарочно сквозь густой кустарник, чтобы никого не встретить, она проридралась к реке, выжидая – когда же слезы, проклятые слезы, наконец иссякнут»), «в кустах» происходит разговор между влюблёнными, когда они договариваются совершить самоубийство («Минут через пять они шли где-то в кустах, давя полынь и твёрдые цветки змееголовика. Варя порывисто, как встала из-за стола, остановилась. Здесь скучная, слегка печальная – доброй печалью – природа. Высоко и раскидисто растут только вязы и тополя. Более прихотливые растения никогда не развиваются здесь во всей полноте. Парк состоит исключительно из вязов и тополей, да ещё кустиков ивняка у реки... Они были в ивняке. От земли на них веяло сырою прохладой, и нудно пили над ухом комар, не зная, на ком остановиться, подлетающий то к ней, то к нему»), там же совершают задуманное.

С легендой о Тристане и Изольде роднит «Происшествие в парке» и морской мотив: Шадрин видит купающуюся Варю, после чего и решает поговорить с ней. Кроме того, после этого разговора Варя опаздывает к ужину и её мать боится, что Варя утонула. Это указывает также и на потустороннюю, русалочью природу героини, что дополняется и другими намёками на то, что в ней сосредоточены опасность и гибельность. Их мы рассмотрим далее.

Основной интригой рассказа «Происшествие в парке», разрешающейся только в конце, становится вопрос о том, кто из

влюблённых нажал на курок. Читателю известно, что идея покончить с жизнью принадлежит Варю, а Лукошкин страшится смерти, но сразу после описания трагедии многократное повторение предположения о том, что «Вася убил Варю» приводит к тому, что создаётся противоположное читательское ожидание, которое затем нарушается: кажется, что решительная героиня должна была сама реализовать задуманное.

Эту версию поддерживают намёки на демоническую сущность Вари. Так, например, при первой встрече героев описывается, что в восприятии Васи Варя затмевает звезду кинематографа, что, с одной стороны, кажется банальной передачей влюблённости героя, но, с другой – в этом описании подчёркивается то, что Варя погубит его: «это лицо весь вечер сначала вытесняло из Васиного зрения Лию-де-Путти, вампирствовавшую в зигзагах мигающего света на грязном полотне...». Таким образом, тема, связанная с кинематографом, ведёт за собой смертельные мотивы.

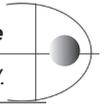
Своеобразным «предсказанием» становится сон героя накануне самоубийства, в котором карлица что-то совершает с отцом Васи, а затем, герой видит во сне свою смерть, но не ясно, кто его убивает: «"Это – папа. Что она сделала с папой?" – вскрикивает он и сбегает с веранды, туда, в сад, навстречу лезвию странного оружия – не то секиры, не то ятагана, – но, наталкиваясь на лезвие, чувствует, что совсем не больно...».

Приведённые примеры вносят элемент фантазмагии в рассказ: кинодивы, вампиры, карлики, смерть от лезвия, как бы висящего в воздухе, – хотя в этом тексте, на первый взгляд, все предельно реалистично. И эти вкрапления вводят в текст мотив театральности жизни, который, по замечанию В. В. Каблукова, в русской литературе 1920–1930-х гг. тесно связан с мотивом самоубийства [23, с. 34]. Приведём здесь ещё мнение Т. В. Модовцевой о том, что русская литература XIX–XX вв., в особенности поэзия Серебряного века, были «воплощением философской рефлексии авторов над судьбой человека и мира, которые неминуемо привели к драматической тематизации жизни и смерти, иногда переходящей в фарс» [25]. Некоторые черты рассказа Щёголева позволяют говорить, что двойное самоубийство разыгрывается в нём не только в траги-

ческом ключе, но и как своеобразная пародия, как нечто ненастоящее, изображённое, например, на киноэкране.

Композиция в рассказе следующая: повествование не заканчивается смертью влюблённых, далее фокус внимания снова смещается на Шадрина, на сообщение ему новости о смерти Вари и Васи, об их похоронах. В финальной сцене происходит возвращение в момент двойного самоубийства: теперь оно описывается не отстранённо, а с точки зрения Васи. Как отмечает Р. Л. Красильников, «танатологические мотивы имеют выраженный "завершительный" потенциал, так как они способны обозначить окончательный обрыв сюжетной линии или нарратива в целом». Если же они располагаются в середине произведения, то оказываются связаны с кульминацией, но нарратив не завершается, а «получает сильный толчок к развитию, новому с семантической точки зрения» [13, с. 69]. В рассказе Щёголева тема смерти оказывается удвоенной не только из-за количества покончивших с собой – она появляется в момент кульминации рассказа, но не приводит к какому-либо движению: описаны лишь похороны, причём описание во многом отсылает к первой части рассказа: здесь также всё показано через восприятие Шадрина и, например, он снова наблюдает за купающимися, но в этот раз, это музыканты оркестра, которые должны играть на похоронах Вари.

То есть, двойное самоубийство в рассказе Щёголева занимает место и в середине, и в финале произведения. Возвращение к нему разрешает интригу, читатель получает ответ на вопрос, кто же прав: люди, подозревавшие Васю Лукошкина в убийстве возлюбленной, или Шадрин, оказывающийся не в состоянии поверить в это. Остановимся подробнее на финальном эпизоде. В отличие от первого описания, как мы уже указали, здесь отсутствует эффект отстранённости, здесь, наоборот, появляется детальность, как будто камера приближается к изображаемому: «Лукошкин ещё, пожалуй, не вполне верил в то, что произойдёт, неминуемо должно произойти в следующие пять-шесть секунд. Он даже удивлённо словил себя на том, что полупшепотом бессмысленно считает: «один, два, три» – рассматривает переползающего через шнурок его ботинка коричневого жучка, только что слетевшего на запалённый боти-

нок с ветки, с ещё не успевшими спрятаться прозрачноватыми подкрыльями. Эти подкрылья медленно, чуть заметно, как минутная стрелка, втягивались под твёрдые шоколадного цвета крылья, и приблизительно в тот миг, когда подкрылья окончательно исчезли под глянцевыми шоколадными пластинками, Лукошкина оглушило сбоку, а Варя стала отдаляться от него – совсем, навсегда! – клонясь на левую сторону». Здесь всё внимание сосредотачивается даже не на самом герое, который вот-вот умрёт, всё заполняет жук, переползающий шнурок на ботинке, а его крылья превращаются в секундную стрелку часов, отсчитывающих оставшееся героям время. То есть, автор уводит взгляд читателя от самоубийц: за то время, что описывается жук, Варя успевает застрелиться.

Кроме того, в «Происшествие в парке» описано не две, а три смерти (даже четыре, если считать смерть отца Васи, упомянутой в описании сна). Рассказ заканчивается ретроспективным описанием самоубийства влюблённых, но в начале рассказа умирает тихо и незаметно мать Шадрина. Композиционная переключка этих событий, а также то, что косвенным виновником всех смертей является один и тот же человек, заставляет обратить внимание на то, что в рассказе по-

стоянно присутствуют фигуры старух, своеобразных предвестниц смерти Вари и Васи, которые ассоциируются с древнегреческими Мойрами, Судьбой, что ведёт за собой тему древнегреческой трагедии и обращения мира в театр.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели, как преломляется в рассказе «Происшествие в парке» тема двойного самоубийства. Результаты анализа показали, что были реальные случаи, которые могли оказать влияние на формирование тенденции к более частому появлению мотива двойного самоубийства в произведениях русской эмиграции, и рассказ Николая Щёголева становится преобразованием настроений в среде русской эмиграции (как западной, так и восточной её ветвей). В то же время самоубийство, окружённое указанными нами мотивами театральности, кинематографичности, мотивами леса/сада, морскими мотивами, мотивами старух – предвестниц смерти, сближающими прозаическое произведение Щёголева с литературной традицией приводит к тому, что самоубийство в рассказе превращается в театральное действие, а Харбин, где происходят описываемые события, преобразуется в идеальное мифологическое пространство.

Список литературы

1. Забияко А. А. Стихотворение в прозе «Полдень» как опыт метапоэтической рефлексии Н. Щёголева // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 106–114.
2. Забияко А. А. «Самый буйный, самый строптивый, самый одарённый из всей молодой поросли» (художественный мир харбинского поэта Николая Щёголева) // Филологические науки. 2006. № 5. С. 111–121.
3. Забияко А. А. Харбинский поэт Николай Щёголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 67–77.
4. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: Культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Наука, 2016. 437 с.
5. Забияко А. А. Николай Щёголев: замысел неопубликованного романа «Перекресток» // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Вып. 7. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. С. 150–161.
6. Забияко А. А., Горлова Л. А. «Взыскующий поэт» харбинского Монпарнаса (поэтический мир Н. Щёголева) // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ преподавателей и студентов кафедры русской филологии АмГУ / под ред. А. А. Забияко, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 67–84.
7. Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (Поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011. 632 с.
8. Забияко А. А. Прозаические штудии харбинских лириков // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 82–105.
9. Денисова Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 36–43.
10. Денисова Е. А. Проза В. Марта: Некоторые литературные связи и контексты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 10. С. 2901–2905.

11. The Meaning of Death / ed. H. Feifel. New York; Toronto; London. 1959. 388 p.
12. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
13. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
14. Hansen-Löve A. A. Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes (Tagung München 2006) / Hrsg. A. A. Hansen-Löve. München; Wien; Bamberg: Sagner, 2007. P. 7–78.
15. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–430.
16. Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало. 2002. Вып. 5. С. 52–64.
17. Мортальность в литературе и культуре / сост. А. Г. Степанов, В. Ю. Лебедев. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
18. Кобринский А. А. Самоубийство поэтов Серебряного века: между литературным бытом и литературным фактом // «А сердце рвется к выстрелу...» / сост. А. А. Кобринский. М.: Эллис Лак, 2003. С. 3–24.
19. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2 кн. Кн. 1: Человек и самоубийство. М.: Захаров, 2008. 463 с.
20. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2 кн. Кн. 2: Энциклопедия литературицида. М.: Захаров, 2008. 207 с.
21. Долинин А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое изд-во, 2019. 648 с.
22. Панова Н. Ю. Проблема самоубийства в русской литературе конца XIX начала XX вв. Текст: электронный // Society for Cultural and Scientific Progress in Central and Eastern Europe. Budapest. URL: <http://scaspee.com/all-materials/problem-of-suicide-in-russian-literature-of-the-end-of-xix-beginning-of-the-xx-centuries-panova-n-y> (дата обращения: 10.01.2023).
23. Каблуков В. В. Концепт «самоубийство» в тезаурусе русской литературы 1920–1930 годов // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Московский гум. ун-т, 2007. С. 31–39.
24. Witczak P. Танатологические мотивы в прозе Ирины Одоевцевой в контексте диалога с литературной традицией // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, 2014. № 7. С. 153–162.
25. Мордовцева Т. В. Лики Танатоса в русском художественном слове // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2008. № 10. С. 80–87.
26. Щёголев Н. А. Победное отчаянье: собр. соч. М.: Водолей, 2014. 184 с.
27. Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. Семена Карлинского. Холиок: Нью Ингланд Пабл., 1989. 411 с.
28. Красильников Р. Л. «Voilà une belle mort»: Красота и смерть в художественной литературе. Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=12216> (дата обращения: 10.01.2023).
29. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. V. Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений / сост., ком. Е. Б. Пастернак и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 752 с.
30. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.
31. Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., пред., ком. А. Урманова. Владивосток: Рубеж, 2016. 716 с.
32. Абрамова К. В. Поэтика харбинских и шанхайских стихотворений Николая Щёголева: Рифмы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 136–144.
33. Ведель А. В. Легенда о Тристане и Изольде в русской поэзии первой трети XX века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 106–125.

Информация об авторе

Абрамова Ксения Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент; Институт филологии СО РАН 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; a-ks@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>.

Для цитирования

Абрамова К. В. Поэтика прозаических произведений Николая Щёголева: мотив двойного самоубийства // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Zabyako, A. A. The poem in prose "Noon" as an experience of N. Shchegolev's metapoetic reflection. In: Russian Harbin, imprinted in the word. Issue 3. Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of L. N. Andersen. Ed. by A. A. Zabyako, G. V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 106–114, 2009. (In Rus.)
2. Zabyako, A. A. "The most violent, the most obstinate, the most gifted of all the young growth" (the artistic world of the Harbin poet Nikolai Shchegolev). Philological sciences, no. 5, pp. 111–121, 2006. (In Rus.)
3. Zabyako, A. A. Harbin poet Nikolai Shchegolev: from the history of Russian emigration. Ural Historical Bulletin, no. 1, pp. 67–77, 2013. (In Rus.)
4. Zabyako, A. A. Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Russian Harbin. Novosibirsk: Novosibirskoe otdelenie izdatel'stva "Nauka", 2016. (In Rus.)
5. Zabyako, A. A. Nikolai Shchegolev: the concept of the unpublished novel "Crossroads". In: Russian Harbin embodied in the word. Ed. by A. A. Zabyako G. V. Efendieva. Iss. 7. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 150–161, 2017. (In Rus.)
6. Zabyako, A. A., Gorlova, L. A. "The Seeking Poet" of Montparnasse in Harbin (the poetic world of N. Shchegolev). In: Russian Harbin embodied in the word: Collection of scientific works of teachers and students of the Department of Russian Philology of the AmSU. Ed. by A. A. Zabyako, E. A. Ogleznevoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos.un-t, pp. 67–84, 2006. (In Rus.)
7. Kirillova, E. O. Far Eastern harbor of Russian futurism. Book one. Modernist trends in the literature of the Russian Far East in 1917–1922. (Poetic names, ideological and artistic searches). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta, 2011. (In Rus.)
8. Zabyako, A. A. Prose studies of Harbin lyric poets. Russian Harbin imprinted in the word. Issue. 3. Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of L. N. Andersen. Ed. by A. A. Zabyako, G. V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, pp. 82–105, 2009. (In Rus.)
9. Denisova, E. A. Poetics of the story "Dere – a water wedding" (1932) in the context of the Far Eastern prose of V. Mart in the 1920s–1930s. Gumanitarnyy vector, no. 5, pp. 36–43, 2020. (In Rus.)
10. Denisova, E. A. Prose of V. Mart: Some Literary Connections and Contexts. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 10, pp. 2901–2905, 2021. (In Rus.)
11. The Meaning of Death. Ed. by H. Feifel. New York; Toronto; London, 1959. (In Eng.)
12. Krasil'nikov, R. L. The image of death in a literary work. Vologda: GUK IATsK, 2007. (In Rus.)
13. Krasil'nikov, R. L. Thanatological motives in fiction (introduction to literary thanatology). M: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. (In Rus.)
14. Hansen-Löve A. A. Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov. In: Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes (Tagung München 2006) / Hrsg. A. A. Hansen-Löve. München, Wien, Bamberg: Sagner, 2007: 7–78. (In Germ.)
15. Lotman, Yu. M. Death as a Problem of Plot. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School. M: Gnozis, pp. 417–430, 1994. (In Rus.)
16. Babayants, A. A few remarks about the category of death in the literature. Beginning. M., Vol. 5. Pp.52–64, 2002. (In Rus.)
17. Morality in Literature and Culture. Compiled by A. G. Stepanov, V. Yu. Lebedev. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Rus.)
18. Kobrinskiy, A. A. Suicide of the poets of the Silver Age: between literary life and literary fact. "And the heart is eager for a shot ...". Completed by A. A. Kobrinskiy. M: Ellis Lak, 2003, 3–24. 2003. (In Rus.)
19. Chkhartishvili G. The Writer and Suicide. In 2 books. Book. 1: Man and suicide. M: Zakharov, 2008. (In Rus.)
20. Chkhartishvili G. The Writer and Suicide. In 2 books. Book. 2: Encyclopedia of literary suicide. M: Zakharov, 2008. (In Rus.)
21. Dolinin A. A. Commentary on Vladimir Nabokov's novel "The Gift". M., 2019. (In Rus.)
22. Panova, N. Yu. The problem of suicide in Russian literature of the late 19th and early 20th centuries. Society for Cultural and Scientific Progress in Central and Eastern Europe. Budapest. Web. 10.01.2023. <http://scaspee.com/all-materials/problem-of-suicide-in-russian-literature-of-the-end-of-xix-beginning-of-the-xx-centuries-panova-n-y> (In Rus.)
23. Kablukov, V. V. The concept of "suicide" in the thesaurus of Russian literature of the 1920–1930s. The-saurus analysis of world culture. Collection of scientific papers. M., 2007: 31–39, . (In Rus.)
24. Witczak Patryk. Thanatological Motifs in Irina Odoevtseva's Prose in the Context of Dialogue with Literary Tradition. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, no. 7, pp. 153–162, 2014. (In Rus.)
25. Mordovtseva, T. V. Faces of Thanatos in the Russian artistic word. Paradigma. SPb. Vol. 2. Pp. 143–150, 2005. (In Rus.)
26. Shchegolev, N. A. Victory despair. Collected Works. M: Vodoley, 2014. (In Rus.)
27. Pereleshin, V. Poem without subject. Ed. by S. Karlinsky. Kholiok: N'yu Inland Publ., 1989. (In Rus.)

28. Krasil'nikov, R. L. "Voilà une belle mort": Beauty and death in fiction. Modern problems of science and education, no. 1, 2014. Web. 10.01.2023. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12216> (In Rus.)
29. Pasternak, B. L. Complete Works: in 11 vols. Articles, reviews, prefaces. Dramatic works. Literary and biographical questionnaires. Unfinished sketches. Transcripts of speeches. Commented by E. B. Pasternak and E. V. Pasternak. M: SLOVO/SLOVO, 2004. (In Rus.)
30. Slobodchikov, V. A. About the sad fate of the exiles... Harbin.. M., 2005. (In Rus.)
31. Chudakov, F. "The cup of suffering has been drunk to the bottom!.." From the creative heritage of the outstanding satirist of the early 20th century. Vladivostok: Rubezh, 2016. (In Rus.)
32. Abramova, K. V. Poetics of Harbin and Shanghai poems by Nikolai Shchegolev: Rhymes. Humanitarian Vector, no. 5, pp. 136–144, 2019. (In Rus.)
33. Vedel', A. V. The Legend of Tristan and Isolde in Russian Poetry of the First Third of the 20th Century. "Eternal" Plots and Images in the Literature and Art of Russian Modernism. M: Indrik, 2015: 106–125. (In Rus.)

Information about author

Abramova Ksenia V., Candidate of Philology, Associate Professor; Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia; a-ks@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>.

For citation

Abramova K. V. Poetics of the Prose Works of Nikolai Shchegolev: The Motive of Double Suicide // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 8–18. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-8-18.

Received: January 12, 2023; approved after reviewing February 26, 2023; accepted for publication February 28, 2023.

Научная статья

УДК 82 994

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-19-26

Элементы абсурда в повести Д. Хармса «Старуха»

Искандари Махнуш¹, Саиди Али²^{1,2}Университет имени Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран¹eskandari.mahnush@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4259-1713>,²a.saeidi1364@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1735-2592>

Литература абсурда – особый стиль в литературе, который зародился в результате политических событий в Европе двадцатого века. Данная статья посвящена рассмотрению общих элементов абсурда в повести Д. Хармса «Старуха». Для достижения цели в ходе исследования применены такие методы, как изучение литературоведческих источников о литературе абсурда, сравнение и анализ полученных сведений по теме исследования, классификация и систематизация общих элементов абсурда в повести Д. Хармса «Старуха». Авторы ставят вопросы о том, какие элементы абсурда встречаются в рассматриваемом произведении; и можно ли отнести повесть «Старуха» Д. Хармса к произведениям литературы абсурда. Делается вывод – почти все общие содержательные элементы литературы абсурда, включая бесцельность человека и жизни, пессимизм, безнадежность, беспомощность и бессмысленность, отсутствие границы между реальностью и фантазией, неудача, неверие персонажей произведения, разговор с самим собой, встречаются в повести Д. Хармса «Старуха». В тексте присутствуют общие структурные элементы стилистики абсурда, в том числе отсутствие реалистичной последовательности времени и пространства, подчеркнутое отсутствие причинно-следственных связей, гротескная демонстрация нелепости и бессмысленности человеческого бытия, особый тип развязки. На основе анализа полученных данных делается вывод о том, что повесть Д. Хармса «Старуха» представляет собой яркий вариант литературы абсурда, которая обращается к глубинным областям сознания человека, раскрывая суть его бытия.

Ключевые слова: литература абсурда, элементы абсурда, Д. Хармс, повесть «Старуха», русская литература

Original article

Elements of Absurd in the Story *The Old Woman* by D. KharmsIskandari Makhnush¹, Saidi Ali²^{1,2}Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran¹eskandari.mahnush@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4259-1713>,²a.saeidi1364@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1735-2592>

One of the literary styles that was influenced by the political events of twentieth century Europe is the literature of the absurd. This literary trend affected Europe and Russia. This article is devoted to the consideration of the elements of absurdity in the work *The Old Woman* by D. Kharms. To achieve the goal in the course of the study, we used such methods as the study of the necessary reliable and main sources of information about the literature of the absurd, the comparison and analysis of the information received about the research topic, the detection and classification of common elements of the absurd, including content and structural elements, and the consideration of these elements in the story *The Old Woman*. The author raises the question of what elements of absurdity are found in the work under consideration. We make a conclusion that most of the common elements of absurdity, all common content elements such as the aimlessness of man and life, pessimism, hopelessness, helplessness, the absence of a border between reality and fantasy, failure, self-talk are found in the story of *The Old Woman* by D. Kharms. Among the common structural elements of the absurd in this story are the lack of logic in events, an unclear and unsuccessful or unexpected denouement, and the absence of a causal connection between episodes. Based on the data obtained in the course of the study, it can be concluded that the story *The Old Woman* by Kharms can be confidently attributed to works of literature of the absurd.

Keywords: literature of the absurd, elements of the absurd, D. Kharms, story *The Old Woman*, Russian literature

Введение. Д. Токарев начинает свою книгу «Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета» так: «Существует ли литература абсурда? На первый взгляд, на этот вопрос не так сложно ответить, ведь термин «абсурд» используется многими авторами и критиками с чрезвычайной легкостью, при этом, правда, не совсем понятно, какой смысл они в него вкладывают» [1, с. 2].

Абсурд – нечто нелогичное, противоречащее здравому смыслу. В Оксфордском словаре английского языка слово «абсурд» включает семы: «совершенно нелепо, иррационально и нелогично» [2]. «Абсурд – это сама ситуация пересечения разумом границы рационально-логического мышления» [3, с. 189].

Впервые Эслин Мартин Юлиус (1918–2002), английский профессор драмы, использовал термин «литература абсурда» в своей речи и своей книге «Театр абсурда» (1962) для описания нового направления в драме. «Согласно Эслину, у слова «абсурд» можно различать два значения – то, которое ему придаётся в обиходной речи, и то, которое связано с так называемым театром абсурда» [4, с. 28]. Он применял этот термин для описания творчества некоторых драматургов 1950-х гг., которые в своих пьесах определяли человека как одинокий, безнадёжный, беспомощный в бессмысленном мире.

Также в словаре литературных терминов Джона Энтония Бодена Каддона так определяется это понятие: «Абсурд – это термин, который применяется к большинству пьес драматургов 50-х годов, таких как Артур Адамс, Жан Жене, Эжен Ионеско, Альбер Камю и Сэмюэл Баркли Беккет» [5, с. 910]. Через некоторое время этот термин был распространён на повествовательную литературу. Появился жанр под названием «литература абсурда», в котором человек считается изолированным существом, загнанный в чужой мир, у которого изначально не было истины, ценности или смысла. В этом жанре человеческая жизнь «изображается как беспокойное и бессмысленное явление, при котором человек тщетно ищет цель и смысл. В нём изображается жизнь, которая начинается с нуля и заканчивается ничем» [6, с. 1].

Корни «литературы абсурда» восходят к 1896 г., точнее, к французской пьесе Аль-

фреда Жарри «Король Убу». Кроме того, литература абсурда уходит своими корнями в школу экспрессионизма и сюрреализма 1920-х годов, а также в произведения Франца Кафки («Процесс» и «Превращение»). М. Эслин в своей книге подробно изучает историю появления жанра абсурда, и видит его элементы в произведениях Шекспира и комедии Дель Арте во Франции [7, с. 168]. Литература абсурда сформировалась во Франции после ужаса и страха Второй мировой войны в противовес фундаментальным верованиям и ценностям традиционной литературы и культуры. «Возникновение «абсурдного» текста было подготовлено всей эволюцией европейской литературы конца XIX – начала XX в., прошедшей путь от символистской поэзии к экзистенциальной тоске сартровской «Тошноты» [1, с. 7].

Началом абсурда в русской литературе можно считать авангард начала XX в. По словам О. Д. Бурениной, «абсурд становится наиболее ярким феноменом художественной культуры первой половины двадцатого столетия, основополагающим её признаком и доминантой мышления» [3, с. 35].

Идеи абсурда первоначально наблюдались в творчестве группы ОБЭРИУ, в которую вошли Александр Введенский, Даниил Хармс, Николай Олейников, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Игорь Бахтерев и Борис Левин. Д. Хармса надо считать идейным вдохновителем литературного объединения ОБЭРИУ [9, с. 3]. Жаккар выделяет две разновидности «абсурда» у Хармса: «"битва со смыслами" и "абсурд в полном смысле этого слова"» и утверждает, что «одна разновидность постепенно переходила у Хармса в другую» [10, с. 230].

С конца 1980-х гг. в России началась массовая публикация произведений Хармса, который из разряда детского поэта и юмориста перешёл в авангард известных имён русской литературы, открывших новое направление и предвосхитивших европейскую «литературу абсурда» [11, с. 512].

Методология и методы исследования. В ходе исследования использовались следующие методы: изучение необходимых источников информации, сравнение и анализ полученных результатов, систематизация теоретических данных о литературе абсурда и её элементах. Следует отметить, что на персидском языке написаны несколько статей, в которых классифицированы эти

элементы¹, и мы с помощью данных статей и русских источников классифицируем компоненты абсурда в повести «Старуха».

При классификации элементов абсурда мы ориентируемся на определение театра абсурда, выдвинутое Эллином: «Театр абсурда пытается выразить бессмысленность человеческого состояния и несовершенства логических подходов, полностью отказавшись от рациональных и мыслительных идей» [12, с. 24].

«Джеймс Робертс так пишет в книге "Беккет и театр абсурда": "В пьесах литературы абсурда мы не встречаем связного театра или логических мотивов и реакций персонажей. Иногда время и место спектакля не имеют никакой реальной и внутренней связи со всем спектаклем. Язык также не служит инструментом логического общения и в отличие от традиционных пьес, между событиями отсутствует причинно-следственная связь"» [13, с. 18].

Пьесы Беккета, по Ибермсу, представляют иррациональность, беспомощность и бессмысленность жизни в театральных формах и не согласуются с реалистическим временем и местом, логичным рассуждениями или законченным и связным сюжетом. Ирвинг Уордл (1929) перечисляет следующие элементы театра абсурда: постоянное изменение внешнего мира на внутренний мир, отсутствие чёткого разграничения между фантазией и реальностью, свободный взгляд на время, текучая среда, которая превращает образ мышления в визуальные метафоры.

Специфичный для абсурдного текста «семантический хаос» уравнивается его структурной выверенностью, «литературной грамотностью», считает Е. В. Клюев и в качестве образчиков таких текстов приводит классические стихотворные и прозаические произведения абсурда («Охота на Снарка» и «Алиса...» Л. Кэрролла, лимерика Э. Лира)», [14, с. 24–69].

Литература абсурда «не зависит от "времени и места" восприятия, то есть не приурочена ни к текущему моменту, ни к прошлому, ни к будущему – или опять же приурочена ко всему сразу. Абсурд (подобно фольклору) связан с наиболее глубинными

структурами человеческой личности, с наиболее фундаментальным в ней, апеллируя к сущности, к природе личности, а не к её социальным и прочим связям. Упорядоченность абсурда суть проявление его литературности» [Там же, с. 64].

По мнению исследователя, литература абсурда, по сути дела, «вытекает» из экзистенциализма, поскольку оба эти течения выражают чувство абсурдности бытия, «которое испытывает человек, осознавший механистичность повседневного существования и ограниченность человеческой экзистенции» [1, с. 1].

Учитывая сказанное, а также содержание статьи «Компоненты абсурда в стихотворении «Надпись» Ахаван Салес»², можно сделать вывод о том, что элементы абсурда делятся на две группы:

1. Содержательные элементы, включающие бесцельность человека и жизни: пессимизм, безнадежность, беспомощность и бессмысленность, отсутствие границы между реальностью и фантазией, неудача, неверие персонажей произведения и разговор с самим собой.

2. Структурные элементы, включающие отсутствие реалистичной последовательности времени и места: отсутствие связного сюжета, отсутствие логики в событиях, неясная, неудачная или неожиданная развязка, отсутствие причинной связи между эпизодами, юмор (иногда чёрный).

Кроме того, в произведениях литературы абсурда иногда можно различать такие лингвистические элементы, как повторы и бессмысленные разговоры.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрение элементов абсурда в повести Д. Хармса «Старуха»:

1. Содержательные элементы.

1.1. Бесцельность человека и жизни.

Поведение главного героя повести «Старуха» характеризуется бесцельностью и отсутствием контроля над событиями. В начале повести он бродит по улице и городу без цели и плана. Это можно понять из этих строк: «Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне (...) Я иду пешком, щурю глаза и курю трубку. На углу садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы

¹ Talibian Yahya. Wafaei Abbasali and colleagues, the components of the meaning of loss in the poem of the inscription of the Third Brotherhood // Bostan Adeb Scientific-Research Journal. – 2018. – No. 2. – P. 163–182. (Оригинал источника на персидском языке).

² Talibian Yahya. Abdollahian Hamid and Bagheri Ali Asghar, the components of the meaning of loss in Bahram Sadeghi's "Kingdom" // Matn Pajuhi Adabi Journal. – 2019. – No. 86. – P. 7–28. (Оригинал источника на персидском языке).

здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем (...) Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой, потом прощаемся, и я иду дальше один».

1.2. Пессимизм.

Основной характеристикой повести «Старуха» Д. Хармса считается её мрачное мировоззрение. Данная характеристика, т. е. пессимистичность, относится к прошлому, настоящему и будущему. Безнадежность и пессимизм наблюдаются во всей повести и в поступках главного героя. Например, в его безнадежной жизни в настоящем времени, в его враждебных замыслах по отношению к детям, которые являются символом будущего, и в его ненависти к мертвецам, представляющим собой прошлое.

1.3. Безнадежность.

Безнадежность так же, как пессимизм, можно увидеть на протяжении всей повести Д. Хармса «Старуха». Когда «с улицы слышен противный крик мальчишек», и главный герой лежит, выдумывает казнь, желает их убить, он смотрит на будущее без надежды. А когда он питает отвращение к старухе, символу прошлого, она для него – сама безнадежность и безысходность. Иными словами, он не может освободиться от прошлого даже в настоящем и будущем. Глубина этой безнадежности понимается в пространстве настоящего: именно тогда, когда главный герой старается писать, но не может создать больше одного предложения; когда безнадежно старается найти милую даму, а увидев её на улице, вдруг вспоминает, что труп старухи в его чемодане, и он не может встречаться со своей любимой дамой.

1.4. Беспомощность и бессмысленность.

Этот элемент является наиболее важным и хорошо известным содержательным признаком литературы абсурда. Можно рассматривать абсурд как процесс, началом которого является пессимизм, а продолжением которого – бесцельность. Беспомощностью и бессмысленностью есть конец этого процесса, окончание всех неудачных попыток поиска смысла. Литература абсурда с этой точки зрения имеет сходство с экзистенциализмом и нигилизмом, но литературу абсурда невозможно считать проявлением этих литературных направлений.

В конце повести главный герой видит, что «по земле ползёт большая зелёная гусеница, опускается на колени и трогает её пальцем, низко склоняет голову и негромко говорит:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Что же касается описанных положений рук и головы как таковых, то они, видимо, символизируют беспомощность индивидуума перед высшей силой, будь эта сила безликая тоталитарная система или всемогущий Бог [4, с. 69].

1.5. Отсутствие границы между реальностью и фантазией.

В повести «Старуха» отсутствует граница между реальностью и фантазией, в результате чего читатель точно не знает и не понимает, что происходит с главным героем-рассказчиком, это случается с ним во сне или наяву.

Например, когда герой начинает писать о чудотворце, он засыпает. И просыпается, когда в дверь стучит старуха. Войдя в квартиру главного героя, старуха заставляет поступать героя против его воли, после чего он ещё раз засыпает. Проснувшись, он видит труп старухи в кресле и думает о том, где спрятать её. На протяжении всей повести читатель не понимает: происходящее с героем – это сон или действительность. Отсутствие границы между реальностью и фантазией иногда реализуется в разговоре персонажей с самими собою, о котором речь пойдёт дальше.

1.6. Неудача.

Главный герой повести – это писатель, который неудачно старается написать рассказ о чудотворце. Предложение героя «Я всё обдумал ещё вчера» показывает, что он с вчерашнего дня пишет неудачно. Чем больше старается писатель, тем меньше он достигает результата, и в итоге может написать только одно предложение: «Чудотворец был высокого роста». Чтобы успокоиться, писатель стоит около окна и закуривает. «Вот мимо окна пролетает ворона», и это начало несчастных событий в повести, «в христианской традиции ворон служит предвестником несчастий и неудачи и символизирует сатану и грех»¹.

1.7. Неверие персонажей произведения.

Неверие в повести «Старуха» проявляется в разговоре главного героя с Сакердоном Михайловичем, он спрашивает: «Вы веруете в Бога?» и Сакердон Михайлович отвечает, что считает такие вопросы неприличными и злится на писателя. Тогда писа-

¹ Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL: <https://megabook.ru/article/Ворон> (дата обращения: 21.08.2023). – Текст: электронный.

тель в оправдание говорит: «Видите ли, – сказал я, – по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить».

Сакердон Михайлович задаёт вопросы и получает невнятные ответы от главного героя, который желает уйти от вопросов и покинуть дом: «А верят или не верят во что? В Бога? – Нет, – сказал я, – в бессмертие. – Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога? – Да просто потому, что спросить: «верите ли вы в бессмертие? – звучит как-то глупо».

С приходом старухи в квартиру героя начинается духовный рост писателя, и он в самом конце повести становится теистом и способен произнести: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». До этого момента главный герой повести пребывает в неверии.

1.8. Разговор с самим собой.

В произведениях литературы абсурда персонажи ведут диалог с самим собой. Главный герой в повести «Старуха» после возвращения от Сакердона Михайловича, отперев дверь своей комнаты и увидев старуху на четвереньках, медленно ползущую к нему, начинает следить за своими собственными мыслями:

«Так стоять нельзя. Так стоять нельзя», – повторял я мысленно (...). – Да, так стоять нельзя, – сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный (...).

– Покойники, – объясняли мне мои собственные мысли, – народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее беспокойники (...) – Стоп! (...) – Хорошо, – сказали мне мои собственные мысли (...).

– И войду! – сказал я решительно своим собственным мыслям.

– Попробуй! – сказали мне мои собственные мысли».

2. Структурные элементы.

2.1. Отсутствие реалистичной последовательности времени и места

В большинстве произведений литературы абсурда мы сталкиваемся с нереальным временем и нереальным местом. Это одна из характеристик литературы абсурда, которая делает произведение понятным в других культурах. Вневременность и безместность произведения имеют символический характер и по этой причине действие произведения можно отнести к разному пространственно-временному континууму.

«В повести множество часов, и каждый такой "прибор" имеет свою собственную систему измерения, в которую никак не вписывается время иных часов и иных людей. Это мир множественности несоотносимых между собой временных абстракций» [15, с. 78]. Человеческое время, с которым знакомы все люди во всём мире и, так называемое божественное время, воплощается в часах старухи, у которых нет стрелок. Печерская указывает на то, что «сообщенному старухой времени – без четверти три – соответствует положение стрелок, в котором они образуют горизонтальную линию. Эту линию Печерская видит как знак минуса, означающий отсутствие времени, которому противостоят многочисленные сообщения героя о протекании времени» [4, с. 20].

Действие повести, по словам Кукулина, происходит не в Санкт-Петербурге, а в Ленинграде [16, с. 134]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в этой повести отсутствуют реалистичное место и реалистичная последовательность времени, как и принятых во всех произведениях литературы абсурда.

2.2. Отсутствие/присутствие связного сюжета.

В этой повести, в отличие от произведений литературы абсурда, есть связный сюжет. Это объясняется тем, что в эпических и лирических произведениях литературы абсурда существует связный сюжет, в отличие от драматических произведений этого жанра, в которых подчёркнутое отсутствие причинно-следственных связей, гротескная демонстрация нелепости встраивается в сценические действия, такие как дизайн, декорация, мизансцена и др.

2.3. Отсутствие логики в событиях.

В большинстве пьес и рассказов литературы абсурда встречаются действия и факты, которые нельзя оправдать коллективным разумом, их возникновение связано с фантазией и воображением автора. Высокая частота этого элемента делает произведение абсурдным.

В повести «Старуха» присутствует ряд элементов композиционного абсурда: старуха, у которой нет адреса писателя, но она приезжает к нему, в его комнату; а также мертвая старуха, которая на четвереньках медленно ползет к писателю навстречу. Отсутствие логики заменено парадоксальностью. Например, когда главный герой обду-

мал то, что написал вчера, и решил написать о чудотворце, который не творит чудес: «Это будет рассказ о чудотворце, который живёт в наше время и не творит чудес»; когда спрашивает время у старухи с часами без стрелок; когда главный герой разговаривает со своими собственными мыслями и т. д.

По мнению Юсси Хейнонена, «эмблематическим парадоксом в "Старухе" служат бесстрелочные часы, которые показывают время для старухи. В этом можно видеть идею одновременного наличия временности и вневременности. Данный парадокс можно соотнести с той парадоксальной идеей, что старуха принадлежит одновременно и к человеческой, и к божественной действительности» [4, с. 215].

В большинстве произведений литературы абсурда причинно-следственная связь между эпизодами отсутствует. В «Старухе» также встречается этот общий элемент литературы абсурда. В тексте не даются объяснения истинной природы происходящих событий, и нет ответов на многие вопросы.

2.4. Неясная и неудачная или неожиданная развязка.

Прочтение развязки этой повести приведёт в замешательство любого читателя. Видно, что, вопреки ходу повести и ожиданиям читателя, внезапные и быстрые изменения происходят внутри главного героя, и он неожиданно становится теистом. Неожиданная развязка свойственна произведениям Хармса.

2.5. Юмор, иногда чёрный.

Как отмечает А. Александров, «стихотворные повести Буша, в особенности «Макс и Мориц», получили большое распространение в России в начале XX века» [17, с. 526]. По словам С. Б. Борисова, жестокий, бесчеловечный юмор В. Буша, трактуемый убий-

ство как комичную ситуацию, был популярен в России начала XX в. Хармс с детства любил книги Буша на немецком языке [18, с. 139–153], но в повести «Старуха», в отличие от других произведений Д. Хармса, юмора нет.

Лингвистические элементы. В произведениях литературы абсурда, как правило, используются особые лингвистические элементы, такие как повторы и бессмысленные абсурдные разговоры. Как указывает А. Александров, «повесть отличается сравнительно маленькой долей абсурдных элементов, а также важностью психологического измерения главного героя» [19, с. 172].

Заключение. Исходя из вышесказанного, все общие содержательные элементы абсурда, такие как бесцельность человека и жизни, пессимизм, безнадёжность, беспомощность и бессмысленность, отсутствие границы между реальностью и фантазией, неудача, неверие персонажей произведения, разговор с самим собой, встречаются в «Старухе» Хармса. Среди общих структурных элементов абсурда в этой повести обнаруживается отсутствие реалистичной последовательности времени и пространства, отсутствие логики в событиях, неясная и неудачная или неожиданная развязка, отсутствие причинно-следственной связи между эпизодами. Несомненно, данное произведение считается одним из ярких русских произведений литературы абсурда, в котором присутствуют почти все общие элементы этого литературного жанра. Тема «литературы абсурда» интересна с точки зрения обращения авторов к глубинным областям сознания человека, данная литература наиболее последовательно проникает в суть вещей мира, поэтому элементы абсурда в персидских и русских произведениях требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Токарев Д. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1780 p.
3. Буренина О. «Реющее» тело Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900–1930-х годов // Абсурд и вокруг: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 188–241.
4. Хейнонен Ю. П. Это и то в повести «Старуха» Даниила Хармса. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 230 с.
5. Cuddon J. A., Preston C. E. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 4th ed. London: Penguin Books, 1999. 910 p.
6. Abrams M., Harpham G. A Glossary of Literary Terms. 10th ed. Boston: Thomson, Wadsworth, 2012. 386 p.
7. Talibian Yahya, Wafaei Abbasali and colleagues, the components of the meaning of loss in the poem of the inscription of the Third Brotherhood // Bostan Adeb scientific-research journal. 2018. No. 2. P. 163–182.

8. Буренина О. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. СПб., 2005. 34 с.
9. Шмидт М. М. Проза Д. Хармса в контексте литературы абсурдизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2011. 146 с.
10. Жаккар Ж. Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.
11. Кобринский А. А. Даниил Хармс: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2008. 506 с.
12. Esslin M. *The Theatre of the Absurd*. Third Edition. New York: Doubleday, 2001. 200 p.
13. Roberts Games cried and chanted with us / translated by Hossein Payandeh. Tehran, 1389. P. 144.
14. Клюев Е. В. Теория литературы абсурда. М.: УРАО, 2000. 181 с.
15. Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое лит. обозрение, 1998. 384 с.
16. Кукулин И. Рождение постмодернистского героя по дороге из Санкт-Петербурга через Ленинград и дальше (Проблемы сюжета и жанра в повести Д. И. Хармса «Старуха») // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 128–156.
17. Александров А. Примечания // Хармс Д. Полет в небеса. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 505–537.
18. Борисов С. Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции // Из истории русской эстетической мысли. СПб.: Образование, 1993. С. 139–153.
19. Лаврова В. А. Петербургский текст. Из истории русской литературы 20–30-х годов XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 191 с.

Информация об авторах

Искандари Махнуш, кандидат филологических наук, доцент; Университет имени Алламе Табатабаи; 1997967556, Иран, г. Тегеран, шоссе Шахид Чамран, мост Модират, ул. Южный Алламех; eskandari.mahnush@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4259-1713>.

Саиди Али, кандидат филологических наук, доцент; Университет имени Алламе Табатабаи; 1997967556, Иран, г. Тегеран, шоссе Шахид Чамран, мост Модират, ул. Южный Алламех; a.saeidi1364@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1735-2592>.

Вклад авторов

Искандари Махнуш – основной автор, обзор научной литературы, оформление статьи.

Саиди Али – систематизация информации, разработка теоретико-методологического блока и формулирование выводов исследования.

Для цитирования

Искандари Махнуш, Саиди Али. Элементы абсурда в повести Д. Хармса «Старуха» // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 19–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-19-26.

Статья поступила в редакцию 07.09. 2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

References

1. Tokarev, D. "A course for the worst: Absurdity as a category of text by Daniil Kharms and Samuel Beckett". M: New Literary Review, 2002. (In Rus.)
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2005. (In Engl.)
3. Burenina, O. "Soaring" body Absurdity and visual representation of flight in Russian culture of the 1900s–1930s. Absurdity and around: collection of articles. M: Languages of Slavic culture, 2004: 188–241. (In Rus.)
4. Heinonen, Yu. P. This and that in the story "The Old Woman" by Daniil Kharms. Helsinki. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. (In Engl.)
5. Cuddon, J. A., Preston C. E. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. London, 1999. (In Engl.)
6. Abrams, M., Harpham G. *A Glossary of Literary Terms*. Boston, 2012. (In Engl.)
7. Talibian Yahya, Wafaei Abbasali and colleagues, the components of the meaning of loss in the poem of the inscription of the Third Brotherhood. Bostan Adeb scientific-research journal, no. 2, pp. 163–182, 2018. (In Pers.)
8. Burenina, O. Symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the XX century. Dr. sci. diss. abstr. SPb., 2005. (In Rus.)
9. Schmidt, M. M. The prose of D. Kharms in the context of the literature of absurdism. Cand. sci. diss. abstr. M., 2011. (In Rus.)

10. Jacquard, J. F. Daniil Kharms and the end of the Russian avant-garde. St. Petersburg: Academic project, 1995. (In Rus.)
11. Kobrinsky, A. A. Daniil Kharms: The life of wonderful people. M: Young Guard, 2008. (In Rus.)
12. Esslin, M. The Theater of the Absurd. third edition. New York: , 2001. (In Engl.)
13. James Beckett's Eberts and Mananabaktagi Theater. Translator: Hossein Payandeh, Tehran, 1389. (In Pers.)
14. Klyuev, E. V. The theory of literature of the absurd. M: URAO, 2000. (In Rus.)
15. Yampolsky, M. Unconsciousness as a source (Reading Kharms). M: New literature review, 1998. (In Rus.)
16. Kukulín, I. Birth of a postmodernist hero on the road from St. Petersburg through Leningrad and beyond (Problems of plot and genre in D. I. Kharms's story "The Old Woman"). Questions of Literature, no. 4, pp. 128–156, 1997. (In Rus.)
17. Aleksandrov, A. Notes. Kharms D. Flight to the sky. L: Sov.pisatel, 1990: 505–537. (In Rus.)
18. Borisov, S. B. Aesthetics of "black humor" in the Russian tradition. From the history of Russian aesthetic thought. St. Petersburg: Education, 1993: 139–153. (In Rus.)
19. Lavrova, V. A. Petersburg text. From the history of Russian literature in the 1920s-30s, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1996. (In Rus.)

Information about authors

Iskandari Makhnoush, Candidate of Philology, Associate Professor; Allameh Tabataba'i University; South Allameh st., Modiriat Bridge, Shahid Chamran Highway, Tehran, 1997967556, Iran; eskandari.mahnush@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4259-1713>.

Saidi Ali, Candidate of Philology, Associate Professor; Allameh Tabataba'i University; South Allameh st., Modiriat Bridge, Shahid Chamran Highway, Tehran, 1997967556, Iran; a.saeidi1364@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1735-2592>.

Contribution of authors to the article

Iskandari Makhnoush – main author, scientific literature review, article design.

Saidi Ali – systematization of information, development of a theoretical and methodological block and conclusions of the study.

For citation

Iskandari Makhnoush, Saidi Ali. Elements of absurdity in the story by D. Kharms *The Old Woman* // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 19–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-19-26.

**Received: September 7, 2022; approved after reviewing October 28, 2022;
accepted for publication October 29, 2022.**

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-27-37

Мифологема воды в рассказе А. Варламова «Сплав»

Наталья Вадимовна Ковтун¹, Елизавета Олеговна Новикова²¹Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Россия, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия,²Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия¹nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>,²novickova.e1iz@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5951-2790>

В статье анализируется мифологема воды – феномен, ставший особенно популярным в искусстве, художественном творчестве XX–XXI вв., что связано со сломом прежней культурной парадигмы, необходимостью нового взгляда на мир и человека, актуализацией интереса к архаике, связям художественного слова и неомифологической образности. Материал исследования – рассказ Алексея Варламова «Сплав» как показательный текст, раскрывающий данную проблематику. Предмет анализа – мифологема «воды», особенности её художественной репрезентации в рассказе во всем разнообразии смыслов: первоэлемент бытия, граница между мирами, пространство инициации, лабиринт, особая сущность, чьё бытие неотделимо от истории человека и человечества. Целью исследования является анализ художественной репрезентации мифологема воды в прозе А. Варламова на примере ключевого рассказа «Сплав», через призму которого очевидны принципиальные изменения в отношениях человек – природа, характерные для актуальной словесности, в целом. Используя методологию и методы мифопоэтического анализа в сочетании со структурно-системным подходом к материалу и культурно-историческим анализом, проведено исследование ключевого для данной темы рассказа Варламова «Сплав». При анализе текста учитываются традиции художественного решения темы в творчестве современных авторов: от произведений В. Астафьева до Р. Сенчина. Продемонстрировано своеобразие неомифа А. Варламова на фоне отечественной и зарубежной прозы соответствующей проблематики. Водные образы (река, дождь, колодец, морское чудовище) используются в рассказе для раскрытия внутреннего мира героев, в судьбе которых отражена история человечества: от райских времен, через испытания любовью, искушения (ступени инициации) к познанию трагичности бытия и человеческой смертности. Вода, традиционно означающая границу между мирами, становится выходом в инобытие, собственное подсознание персонажей (мотив лабиринта), где каждому суждено встретить «двойника», чудовище, сражение с которым определяет прозрение, приближение к тайне сущего. Акцентирование внутренних, психологических переживаний, опосредованных водной стихией, заставляет читателя обратиться к мифопоэтическому пласту культуры, напоминает об архетипической универсалии.

Ключевые слова: миф, мифологема, вода, архетип, А. Варламов, рассказ «Сплав»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Original article

The Mythologem of Water in A. Varlamov's Story *Rafting*

Natalia V. Kovtun¹, Elizaveta O. Novikova²

¹Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Saint Petersburg, Russia,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia,

²Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia

¹nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>,

²novickova.e1iz@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5951-2790>

The article analyzes the mythologem of water – a phenomenon that has become particularly popular in the art and artwork of the XX–XXI centuries, which is associated with a breakdown of the previous cultural paradigm, the need for a new view of the world and man, the actualization of interest in the archaic, the links of artistic words and neomythological imagery. The object of the research is Alexei Varlamov's novel *Rafting* as an indicative text that reveals this issue. The subject of analysis is the mythologeme of "water" and its artistic representation in the novel in all its variety of meanings: the primary element of being, the border between worlds, the space of initiation, the labyrinth, a special entity whose existence is inseparable from the history of man and mankind. The aim of the study is to analyze the artistic representation of the mythologem of water in the prose of A. Varlamov. Varlamov's key story *Rafting* through the prism of which the fundamental changes in the relationship between man and nature, characteristic of the current literature in general are evident. Water images (river, rain, well, sea monster) are used in the text to reveal the inner world of heroes whose fate reflects the history of mankind: from paradise times, through love, temptations (stages of initiation) to the knowledge of the tragedy of being and mortality. Water, traditionally signifying the border between worlds, becomes an exit to otherness, the characters' own subconsciousness (the motif of the labyrinth), where everyone is destined to meet a "double", a monster, the battle with which determines insight, approaching the mystery of existence. The emphasis on internal, psychological experiences mediated by the water element forces the reader to turn to the mythopoetic layer of culture, reminds of the archetypal universal. The methodology and methods of research are defined by mythopoetic analysis, a structural-systemic approach to the material and cultural-historical analysis. The practical significance of the work is the possibility of using research materials in teaching such courses as "History of Russian Literature", "Comparative Studies", "Culturology". The mythologeme of water unfolds as one of the key in the work of a number of contemporary authors, representing the natural philosophical direction within modern traditionalism (V. Rasputin), neo-traditionalism (R. Senchin, M. Tarkovsky), developing ecological prose, starting with the texts by V. Astafyev. It is important to show how A. Varlamov's neo-myth fits into the designated artistic field, what is its fundamental novelty, and how the author continues already established artistic traditions.

Keywords: myth, mythologem, water, archetype, Alexey Varlamov, novel *Rafting*

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Введение. Интерес к архаике остаётся актуален в культуре рубежа XX–XXI вв., переживающей очередной слом, или «взрыв» (по Ю. Лотману), обернувшийся сменой традиционных ориентиров и ценностей [1]. В этой ситуации особое значение приобретает миф из-за его укоренённости «в бытии и признания его универсального, вневременного характера» [2, с. 45]. Миф открывает возможность «восстановления некоего первичного и впоследствии утраченного единства человека и мира» [3, с. 15]. Изучение первичных образов в качестве социокультурной реалии тесно переплетается с экзистенциальной потребностью человека в познании окружающей действительности и собственной судьбы.

Проблема взаимодействия мифа и авторского текста оказывается в центре вни-

мания современного литературоведения, отражает ситуацию бифуркации художественной системы, когда центр и периферия меняются местами, табуированные ритуалы и ценности приобретают особую значимость, с ними связывается открытие нового, иного. Интерес к феномену мифа в актуальной культуре характеризуется «ремифологизацией». Этот процесс в свою очередь продуцирует развитие феномена неомифологизма, связанного с «созданием собственного языка символов и мифологем», к которому прибегают современные художники [4, с. 9]. Миф входит в структуру рационального познания, становится языком для описания стремительно изменяющегося бытия и человека. «Миф (как и поэзия) лишь представляет меняющуюся систему связей, которая даёт возможность мыслить реальность, но

не кристаллизует её в репрезентируемый объект. В этом смысле миф – это форма», но форма радикально анахронистическая, в которой «самые архаические элементы сплетаются с самыми современными. Анахронизм и приводит эту форму в движение» [3, с. 397]. Миф таким образом не просто повествует о зачине мира, как принято считать, но способен демонстрировать трансформации, вносимые в первичный порядок, что и порождает явление современности.

Методология и методы исследования. Проблема соотношения мифа и художественного произведения в известной мере восходит к учению К. Юнга об «архетипах» как о первичных образах, закрепившихся в коллективном бессознательном и передающихся из поколения в поколение на протяжении веков [5, с. 184]. Юнгианский паттерн тесно связан с понятием мифологема, которая выступает в качестве лингвистической репрезентации мифа. В литературной среде термин используют для обозначения целого ряда мифологических событий, сцен, образов, отличительной чертой которых становится повсеместная распространённость в культурах разных народов мира. По мнению М. Ларионовой, «мифологема – это архетип, обретший конкретную художественную форму» [6, с. 99], если архетип – всеобщая, универсальная модель, закрепившиеся в сознании человека в качестве «первичного образа», то мифологема приобретает значение в качестве мифологического материала и входит в общее понятие «архетип».

Мифологема одновременно характеризуется *статичностью*, отражаясь в тексте, предстаёт в виде архаичного образа, на материале которого строится сюжет (работы И. Дьяконова [7], А. Козлова [8] и др.), и *динамичностью*, когда в структуре сюжета важную роль играют не только исходные, древние мифологема, но и исторически преобразованные в культуре первообразы (работы Е. Мелетинского, М. Ямпольского, М. Эпштейна [9], А. Розенберга [10], С. Телегина [11], А. Минакова [12], Н. Ковтун и др.). Как отмечает Ю. Вишницкая, «Мифологема – самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах» [13, с. 13]. Таким образом, мифологема воплощает

знание прошлого, создаёт новую, альтернативную реальность с преобразованными символами и знаками на страницах художественного текста.

Интерес к мифологическому сюжету в литературе конца XX – начала XXI в. возникает на фоне своеобразной «усталости» от «вторичной», иронической и скептической культуры постмодернизма, порождающей тоску по идеалу, гармонии бытия. Н. Лейдерман, рассуждая о поэтике реализма в актуальной прозе, отмечает, что особенностью «реалистического мифа» становится некая объективность. При этом творчество современных писателей-реалистов предполагает «диалог между авторским мифом и читателем, провоцируя читателя постоянно сопоставлять свой опыт с "виртуальной реальностью" художественного мифа, созданного писателем, – искать в вымышленном персонаже "знакомого незнакомца", находить в той или иной мере условных обстоятельств то, что делает их типическими» [14]. Целью данного диалога становится желание автора убедить читателя принять, осмыслить «новую мифологию», взглянуть на мир под иным углом зрения. Исследователи отмечают, что художественная структура текста конца XX в. «...определяется множественностью одинаковых равноправных точек зрения, деконструирующих устойчивую структуру известного мифа, позволяющих посмотреть на известные мифологические события глазами всех участников и даже представить любого человека в роли мифологического персонажа» [15, с. 121]. Усложнение сюжета в произведениях этого времени объясняется тем, что «литература становится формой интерпретации действительности, формой привнесения в неё смысла» [16, с. 38], что отчасти объясняется складывающейся ситуацией культуроцентризма, пришедшей на смену постмодернистской стратегии. На страницах современной прозы оформляется иной тип мифа, тесно связанный с индивидуальным сознанием. Новая мифология заимствует древние образы, символы, однако они существенно отличаются от «первообразов» ранних цивилизаций. В актуальной словесности «речь идёт уже не о мифологическом, а собственно художественном образе, создаваемом с привлечением тех или иных черт мифа» [17, с. 2].

Результаты исследования и их обсуждение. Творчество А. Варламова, обыч-

но причисляемое к неотрадиционализму, отличает художественный синтез традиций классики с творением собственного *нео-мифа* [18]. Вхождение автора в литературу приходится на рубеж XX–XXI вв., когда «культурная ситуация вновь заставила говорить о судьбе реализма в современном мире. Разочарование в идее глобализма, сворачивание проекта постмодернизма вызвало подчеркнутый интерес к реалистическим принципам письма»¹. Отличительной чертой творчества художника, по словам Ю. Счастливцевой, является приверженность к «гуманистическим ценностям русской литературы XIX–XX вв.» [19]. Обращаясь к традициям православной культуры, наследию «деревенской прозы», А. Варламов переосмысливает тему человек и природа, в известной степени апеллируя к натурфилософской линии направления [20]. Его герои отмечены классическими приметам «маленького человека» и «лишнего человека», на которых держится свод русской классики. В. Курбатов подчёркивает – персонажи варламовской прозы наделены чертами нового «лишнего человека», они лишены жизненных ориентиров, подавлены, стоят на пороге апокалиптической катастрофы [21, с. 4]. Природа в творчестве писателя сакрализуется, выступая единственной силой, сохранившей первосмыслы, способной преобразить грядущее.

В этом контексте произведения мастера коррелируют и с экологической прозой, одним из основателей которой в отечественной традиции считают В. Астафьева [22]. В рассказах рубежа веков: «Сплав» (1999), «Все люди умеют плавать» (2004), «Вальдес: Маленькая повесть» (2005) автор особое внимание уделяет образу воды – мифологеме, связанной с символикой первоначала, границей между мирами, идеей движения времени. В романах «Затонувший ковчег» (1997), «Душа моя Павел» (2018) мотив воды подчёркивает важность онтологии, преобразовывая социально-историческое повествование в мифопоэтическое, философское [23]. В первом романе образ воды соотносится с темой Всемирного потопа, во втором амбивалентная сущность воды в качестве живой и мёртвой стихии организует мифопоэтическое пространство внутри художественного текста. Герой рома-

¹ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 571.

на – Павел – переживает искушения, проходит испытания, что на символическом уровне решено как выход из власти «нижней», «тёмной воды» к Крещению и Свету.

Вода – многомерный образ. В исследовании «Очерки сравнительного религиоведения» говорится о том, что «в космогонии, мифе, ритуале, иконографии вода выполняет одну и ту же функцию: вода предшествует любой форме и лежит в основе всякого творения, поддерживая его» [24, с. 183]. Стихия воды имеет двойственную природу – мужскую и женскую. Одновременно вода символизирует плодотворящее мужское семя и женское материнское лоно. В древнейших культурах вода является олицетворением начала и конца сущего, объединяя в себе мотивы зарождения жизни и её эсхатологического завершения, что находит отражение в образах «живой и мёртвой воды» [25, с. 83]. Живая вода выступает в качестве небесной, дарующей жизнь на земле, она часто представлена в образе дождя: «Дожденосные облака издревле представлялись небесными колодцами и реками» [26]. Мёртвая – нижняя, тёмная вода ассоциируется с забвением, очищением земли от скверны, властью иномира.

В христианской традиции вода символизирует таинство крещения, она связана с рождением, творением и возрождением. Слово «крещение» в славянском переводе Евангелия было переложением с древнегреческого «баптисма», что означает «погружение в воду, омовение»². В эпоху Ветхого Завета обычай стал ритуальным [27, с. 21]. Закон Моисея гласил о необходимости «омыть тело водой», чтобы очистить человеческую плоть от осквернения. Омыть человека могла лишь *живая вода* – проточная, из естественного источника, либо дождевая, так как она имеет божественное происхождение (Лев. 11: 33–36). В мифологии архетип воды зачастую выступает в качестве первоэлемента. С течением времени образ воды трансформируется, приобретая новые формы и ассоциации: *кровь, снег, лед* и т. д. Разнообразие вариантов воплощения архетипа раскрывается в мифопоэтических образах *всемирного потопа, колодца, морского чудовища, русалки, водяного...*

В рассказах А. Варламова мифологема воды имеет двойственную природу, реали-

² Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: Энцикл., 1969–1986.

зуется одновременно в образе живого источника, обладающего животворящей силой, и как неуправляемая, опасная, губительная стихия. Эсхатологический мотив потопа разворачивается на страницах ключевого для избранной темы рассказа «Сплав». Именно потоп, безудержный поток реки и дождя угрожает жизни главных героев – Анны и её спутника Верстова. События разворачиваются на фоне путешествия героев по дальней таёжной реке, которая и становится главным героем текста, отражая, как в зеркале, внутренние борения персонажей, их потаённые чувства, финализируя их путь, судьбу: «...река недовольно их обтекала, пенясь и пускаясь в водовороты»¹.

Сплав описан и как реальное передвижение в пространстве, и как метафизическое путешествие к глубинам собственной психики, прошлому персонажей. С топосом дороги сопрягается идея трансформации, изменения внутреннего состояния личности. Ю. Лотман отмечает, что «архаический образ реки чаще символизирует жизнь как таковую. Дорога более впитывает в себя конкретные исторические признаки» [28, с. 25]. Река и дорога – проявление протяжённости, не имеющие ширину, как озеро, земля или небо. А. Варламов моделирует в тексте перцептуальное время, проживаемое героями изнутри. Используя перцептуальный хронотоп, автор иллюстрирует картину современности. В рассказе «текущий момент» раскрывается через описание, внутренний монолог, размышления персонажей.

Фамилия главного героя – Верстов – отсылает к слову «верста», которое связано со старинной мерой длины. Так, чтобы указать расстояние во время движения, использовалась «путевая верста»². В рассказе герой наделен чертами «проводника», судьбу которого и определяет дорога. Он умен, выдержан и опытен, автор подчёркивает brutальные черты в облике героя (кряжистая фигура, физическая сила, решительность). Став обеспеченным человеком, Верстов путешествует по всему миру, но туристические маршруты скоро наскучивают, он ищет возможности испытать себя. Его спутница Анна, напротив, олицетворение женственности, хрупкости, незащищённости. В прошлом красавица, она, по слову спутника, так

и не сумела стать достойной этого дара, обрести счастье. Имя героини в переводе с иврита – «благая». П. Флоренский пишет, что в Анне главное – её подсознательная почва, с помощью которой обладательница имени способна уходить в недра бытия – «суть недр благодати» [29, с. 275].

Структура рассказа определена мотивом пути, включающим широкий спектр слов-знаков: *граница, переход, периферия, распутье, тропа, верста* и т. п. Основной целью пути является прохождение заданной траектории и обретение конечного пункта. Целеполагание всегда зависит от направленности, обычно выделяют две центральные линии: горизонтальный и вертикальный путь. В первом случае движение происходит по земле в сторону сакрального центра, либо наоборот. Во втором реализуется идея перехода в Верхний или Нижний мир, ассоциирующийся с трансцендентным. В рассказе путь изначально проходит по горизонтальной траектории, река несёт плот вниз, вода из светлой, прозрачной, маняще прекрасной постепенно превращается в бурный, страшный поток. Пейзаж окрест реки быстро лишается идиллических черт, становится суров, тёмн. С этой картиной контрастирует игрушечность снаряжения путников, они сплавляются на «оранжевом надувном» плоту, похожем на детскую игрушку – сниженный вариант *Ковчега*. Минутные старобрядческие деревни по берегам реки, застывшие в своём, ахронном мире, герои подчиняются воле реки, время утрачивает всякую значимость: «Потянулись однообразные, похожие друг на друга дни»³.

В поле экзистенции изначально ощущается опасность, усиленная невнятным чувством вины, которое испытывают герои. Анна уходит в поход, обманов детей и мать, вглядываясь в собственное отражение в воде, она не узнает себя, мгновенно превратившись в увядшую, некрасивую, состарившуюся женщину. Рядом со спутником чувствует не отдохновение и дружескую поддержку, но стыд и страх, отчего ситуация становится тягостной. Не может освободиться от безотчётной тревоги и Верстов: «Слишком гладко они шли, и странное дело, он начал испытывать легкое разочарование, как будто ждал от реки иного»⁴. Мужчина ощущает жёсткую волю реки как тайной силы, которая «несла

¹ Варламов А. Н. Все люди умеют плавать: сб. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – С. 29.

² Шевцов В. В. Историческая метрология России: учеб. пособие. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. – С. 178.

³ Варламов А. Н. Все люди умеют плавать: сб. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – С. 33.

⁴ Там же. – С. 41.

их вниз, время от времени выбрасывая на берег, чтобы дать отдохнуть, и с утра снова забирала к себе»¹. Верстов, отправляясь в путешествие, по сути хочет переиграть прошлое, отомстить Анне, которая в юности не ответила ему взаимностью. Мужчина играет с женщиной, река играет с ним, становится отражением скрытых переживаний и тёмных мыслей, которые испытывают люди. В этом контексте происходящее спровоцировано и внутренними борениями путников.

Пейзаж резко мрачнеет, над рекой нависает огромная туча, от которой невозможно спастись, выйти на землю: «...берег весь зарос лесом, кустарником, или вплотную подступали к воде отвесные скалы»². Плот буквально превращается в «теннисный шарик», его несёт вниз, как в преисподнюю: «Ветер дул в межгорье, как в трубе, плот сделался почти неуправляемым»³. Конечная точка пути – периферия пространства, где горизонтальная направленность сменяется вертикальной, что предполагает выход в инобытие. Пещера, к которой героев приводит течение, суть граница между трансцендентным и личностным: «Верстов увидел пещеру, такую древнюю и страшную, будто она принадлежала первобытным людям»⁴. Мир окрест исчезает во мраке, пронизанный громом и шумом дождя: «...снаружи началось светопреставление»⁵.

В начале путешествия земля, вода окутаны туманом, что напоминает сюжет Творения: «Река едва виднелась, они стояли облепленные туманом, от которого першило в горле, озябшие, невыспавшиеся и ошеломленные той переменной, что произошла с ними посреди этой тишины, и боялись вспугнуть её неосторожным словом или даже движением. Солнце уже встало над лесом, но разбить туман оно было не в силах»⁶. Образ тумана ассоциируется с неизвестностью, в народных сказаниях туман является границей между реальностью и потусторонним миром духов. В мистицизме используют символизм тумана перед инициацией. Погружаясь в туман, душа способна достичь просветления. Не случайно в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976)

¹ Варламов А.Н. Все люди умеют плавать: сб. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – С. 43.

² Там же. – С. 44.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 28.

остров как изначальная, благая земля не гибнет, но погружается в непроглядный туман, его судьба связывается с легендарным градом Китежем [30].

В рассказе река – архаический символ, ассоциирующийся с Лабиринтом, проходом через время. Здесь главным испытанием становится схватка с Чудовищем как собственной скрытой сущностью: «Покоящееся в низинах море – это лежащее ниже уровня сознание», т. е. «подсознательное» [31, с. 120]. Сплав становится способом приблизиться к тайнам прошлого, события которого более рельефны, значимы, чем современность. Человек, смотрящий в «зеркало вод», видит своё истинное лицо, «которое он никогда не показывал миру, скрывая его за Персоной» [Там же]. Мотив воспоминаний дополняет мотив прозрения собственной судьбы: «Анна поскользнулась на этой мимолетной и такой обыкновенной мысли и повлеклась вслед за ней в печальные раздумья о том, что ей уже немало лет и лучшие из них, должно быть, миновали <...> Долгое время ей верилось: что-то лучшее, настоящее ждет ее впереди – но здесь, на реке, она почувствовала, что перелом уже произошел, и прожитая наполовину жизнь вдруг показалась Анне убогой»⁷.

По мнению К. Юнга, снизу всегда поднимается всё «мутное и дурное», вода в таком случае – темница хтонического. Верстов обращается к «тёмной воде» как к «тёмному зеркалу, лежащему в основании души» [Там же, с. 118], и вынужден признать, что «вся его жизнь была цепью последовательных поступков, восхождения от одной ступеньки на другую, но без нее он не смог шагу ступить, и всем, что с ним произошло, он был обязан этой, в сущности, заурядной женщине, которая когда-то отвергла его любовь»⁸. Чтобы избавиться от постыдных, тягостных воспоминаний, перечеркнуть прошлое, он возвращается к месту их первой встречи с Анной на берегу реки: «Я счастливый человек, в моей жизни есть все, о чем можно мечтать, – я счастлив, река, слышишь меня? Двенадцать лет спустя я пришёл к тебе, сказать... – Но река равнодушно катилась мимо его лжи»⁹.

У древних славян таинство обращения к духам воды связывается с необходимо-

⁷ Там же. – С. 30.

⁸ Там же. – С. 42.

⁹ Там же. – С. 43.

стью смыть печаль, боль, сопровождается жертвоприношением. Верстов и решается исполнить ритуал, принести в жертву Анну, чтобы навсегда исцелиться от любви: «Когда ты уснешь, я положу все самое необходимое в плот и уплыву. Река прибывает, там, наверху, уже началось наводнение, все эти мелкие ручейки, что стекли с гор, превратились в реки, вода дойдет досюда и сегодня или завтра зальет пещеру и принесёт новые плавуны. Ты проснешься от одиночества, ты почувствуешь себя брошенной и поймешь, что это такое»¹.

Прошлое не отпускает своей властью и Анну, она вспоминает, что «её жизнь складывалась по-разному: она была счастлива, была не счастлива – снова вышла замуж, снова родила и развелась, и с годами научилась больше ценить Верстова..., но никогда как мужчину его не воспринимала»², теперь же он стал «и вовсе противен»³. Первая же ночёвка на берегу реки едва не заканчивается ссорой, в мужчине разгорается страсть, он едва владеет собой: «Верстов стал смотреть на Анну жадными глазами, женщине сделалось не по себе». Лунный пейзаж только усиливает чувство тревоги, опасности. В древних культурах стихию воды часто сопоставляют с образом луны: «Ритмы лунные и ритмы акватические подчинены одному и тому же закону; они управляют периодическим появлением и исчезновением всех форм, придают циклическую структуру всеобщему становлению» [24, с. 184]. Следующая параллель намечена между образами *воды, луны и женщины*, что особым образом отражается в мифологии *Лилит*, почитающейся духом ночи, соблазнительницей мужчин. Сексуальность «бесстыжей Анны», её хаотичные любовные связи, жажда независимости усиливают данную аналогию.

Оказавшись в древней пещере, на краю гибели героиня видит спутника в образе Синой Бороды, за спиной которого мерещатся кости несчастных жертв. Сцена иронически развернута и в сторону мифов первобытной культуры, но усвоенной по наивному, детскому сценарию. Пещера соотносится с мрачным подземельем, одновременно рождая в женщине щемящее чувство сострадания к спутнику, к грозящей им обоим участи.

¹ Варламов А. Н. Все люди умеют плавать: сб. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – С. 46.

² Там же. – С. 34.

³ Там же. – С. 32.

И Анна, подобно первоженщине, соблазняет Верстова. Сцена их любви выписана в стилистике грехопадения, окрест пещеры буйствуют стихии, плот уносит чёрная вода и остаётся только ждать неизбежного: «Вода подступила к пещере и как живая стала подниматься все выше. Анна <...> легла рядом с мужчиной и, глядя в темноту блестящими сухими глазами, стала ждать»⁴. Акт погружения в воду сулил древним обретение «добытийной бесформенности» тела, освобождение из воды «повторяет космогонический акт формообразования» [Там же, с. 183].

Мифологема воды в рассказе включает и ряд других образов, прежде всего, *образ колодца*. Колодцы издревле характеризовались символами жизни, плодородия: «... на Руси у колодцев совершались моления о дожде» [32, с. 8], божественные силы призывались наполнить источник живой водой. Одновременно кладёзь ассоциировался с дверью в подземный мир: «У славян, как и у других народов, колодцы являлись культовыми объектами и почитались, прежде всего, как один из входов хтоническими богами и душами предков» [Там же]. Оказавшись во время остановки вблизи крохотного поселения с убранными домиками, окрест которых бродили коровы, стояли ульи с пчелами (примета рая), Анна, пренебрегая запретом, пьёт воду: «Вода была замечательно вкусной – она пила и не могла остановиться»⁵. Жест героини нарушает жизненный ритм староверов, лишая их возможности пользоваться колодезной водой после её осквернения чужим. Древняя старуха, одарившая путников хлебом, теперь почти проклинает их, предсказывая беду: «...увидев стоящую у колодца Анну, старуха переменилась в лице, охнула, и ее стало трясти. – Да ты что наделала-то? – запричитала она. – Как же я теперь буду-то, Господи? Кто же мне родник-то выкопат?»⁶.

Осквернение колодца приводит к дисгармонии мира в целом. В славянской мифологии существует поверье о подземных, земных и небесных водах. Эта триада есть воплощение трёхчастной модели Мира, в которой три сферы бытия: нижняя (подземная), средняя (человеческая), высшая (божественная). Колодец связан со всеми мирами, имеет выход ко всем водам, ана-

⁴ Там же. – С. 49.

⁵ Там же. – С. 36.

⁶ Там же.

логично «допотопной пра-воде» обладает способностью переносить души из людского мира в пределы потустороннего, и наоборот. Посещение колодца с водой из священного источника сопровождается многочисленными запретами. Зачастую они соотносятся с суточным и календарным временем, касаются конкретных лиц, чужих. Эти поверья накладываются в рассказе на старообрядческую мифологию, что, в целом, характерно для поэтики традиционалистской прозы.

Не менее важная роль отведена в рассказе А. Варламова образу дождя: «Небо почернело, ударили совсем близко молнии, и ветер обрушился на реку, склоняя деревья к воде, ломая их и круша все на своем пути. Вслед за ними встала стена дождя»¹. Если колодец ассоциируется с женской сущностью, то дождь – священное мужское начало. Акт оплодотворения дождем Земли соотносится со сценой любви Анны и Верстова, усиливая эротическую символику, указывая на возможность обновления бытия. Мифологема дождя сопоставлена в тексте и с мотивом Всемирного потопа, но уже вне перспективы спасительного Ковчега. Эсхатологический мотив маркирует финал повествования: «Вода была уже совсем близко <...> Плот уволокло на несколько километров вниз – пронесло под мостом, а впрочем, не было уже и никакого моста – его смыло наводнением и затопило лежавшие внизу поселки»². Анна отчётливо понимает, что разбушевавшейся горный поток, чёрная вода «завтра зальёт пещеру»³ – их последнее прибежище.

В мифопоэтическом контексте река обретает очертания Стикса (Ахерона) как границы между мирами живых и мёртвых. Направление течения акцентирует переход в потусторонний мир, с чем связана и символика пещеры как места погребения, одновременно она связывается и с материнским лоном – чревом Богини-Земли: «Как в недрах земных зарождается новая жизнь, подобно зерну, брошенному в землю, туда же, в недра, и уходит, чтобы снова дать начало новой жизни» [33, с. 153]. Круговорот жизни и смерти обуславливает учение о метемпсихозе, интерес к которому очевиден в творчестве современных авторов: от В. Распутина до Л. Петрушевской и Л. Улиц-

¹ Варламов А. Н. Все люди умеют плавать: сб. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – С. 45.

² Там же. – С. 48.

³ Там же. – С. 46.

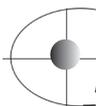
кой. В христианстве кругообразному движению противопоставляется движение по восходящей, обращённое к идеям Творения, Всемирного потопа, после чего и рождаются новая земля и новое небо. В этом контексте пещера связывается с таинством воскресения души. Пересечение горы, в которой сокрыта пещера, с горизонталью реки образует в тексте оптический крест.

Заключение. В рассказе А. Варламова мифологема воды актуализирует множественные культурные коды, художественные контексты, вбирает древнюю символику и христианские ритуалы, выступает гносеологическим символом, смысл которого принципиально неисчерпаем. Течение реки ассоциируется с потоком времени и человеческой истории. Сюжет персонажей в известной мере повторяет историю перволюдей, связан с тайной грехопадения как познания себя и мира. Их путь сопрячен движению мироздания (мотив инициации). В культуре рубежа XX–XXI вв. отношения человека с природой приобретают подчеркнута личностную окраску – как взаимодействие двух существ, бытие которых наполнено сложной борьбой, противостоянием, но и познанием Иного, Другого, лежащее в основе всякого развития.

В современной прозе мифопоэтика воды обретает одно из ключевых значений в текстах В. Астафьева, В. Распутина, Р. Сенчина. Художников «объединяет идея разумного союза с природой, со стихией воды» [34, с. 35], хотя понимание разумности достаточно различно: от идеи включения человека в созидательно-преобразовательную деятельность (ранние тексты В. Астафьева, публицистика В. Распутина) до акцентирования мотивов памяти и возмездия за пренебрежение законами целостности мира, безудержную рационализацию бытия (повести В. Распутина, проза Р. Сенчина). Последнюю линию в известной мере наследует А. Варламов, считающий себя преемником идей М. Пришвина и В. Распутина, создающий собственный мономиф о судьбе человека, лишённого прежних оберегов и святынь, вынужденного всякий раз искать утраченные смыслы заново, как проходить испытание Лабиринтом, чтобы постичь себя подлинного, обрести чувство полноты бытия.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 703 с.
2. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: монография. М.: Академия Естествознания, 2013. 130 с.
3. Ямпольский М. Возвращение Адама. Миф, или современность архаики. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2022. 416 с.
4. Войводич Я. Неомифологизм в актуальной русской прозе. М.: Флинта, 2021. 240 с.
5. Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. И вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Канон+: Реабилитация, 2021. 336 с.
6. Ларионова М. Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 256 с.
7. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука: Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. 247 с.
8. Козлов А. С. Мифологическое направление в литературоведении США: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 1985. 32 с.
9. Berry E., Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry). New York: St. Martin's Press (Scholarly and Reference Division), 1999, 340 p.
10. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин: Shildex, 1998. 524 с.
11. Телегин С. М. Миф и Бытие. М.: Спутник+, 2006. 320 с.
12. Минакова А. М. Поэтический космос М. А. Шолохова: О мифологизме в эпике М. А. Шолохова. М.: Прометей, 1992. 77 с.
13. Вишницкая Ю. В. Мифологемы Александра Блока в русском этнокультурном пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Киев, 2003. 18 с.
14. Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. Текст: электронный // Ежемесячный литературный журнал. Урал. 2003. № 7. URL: <http://uraljournal.ru/work-2003-7-1367> (дата обращения: 01.03.2023).
15. Рытова Т. А., Щипкова Е. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 115–128.
16. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория: онтология / сост., пер. и прим. И. В. Кабановой. М.: Флинта: Наука, 2004. 344 с.
17. Медведева Н. Г. Миф как форма художественной условности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 1984. 17 с.
18. Kovtun N., Klimovich N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to "new realism" // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Хорватия). 2018. No. 3/4. P. 315–337.
19. Счастливецова Ю. А., Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007. 18 с.
20. Ковтун Н. В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 77–87.
21. Курбатов В. Я. Отражение небесной битвы // Варламов А. Затонувший ковчег. М.: Мол. гвардия, 2002. 442 с.
22. Ковтун Н. В. Природа и религия как основа жизненного уклада в повести В. Астафьева «Стародуб» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1. С. 71–83.
23. Солдаткина Я. Мифологема воды в современном русском «Романе о взрослении» (А. Г. Архангельский «Бюро проверки», А. Н. Варламов «Душа моя павел», Е. Г. Водолазкин «Брисбен») // Наука и школа. 2020. № 4. С. 11–17.
24. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
25. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
26. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. 411 с. URL: <http://slavya.ru/trad/afan> (дата обращения: 01.03.2023). Текст: электронный.
27. Witzel M. Water in Mythology // Daedalus. 2015. Vol. 144, no. 3. P. 18–26.
28. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / подгот. текста и прим. Т. Д. Кузовкиной при уч. О. И. Утгоф. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.
29. Флоренский П. А., Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность / вступ. ст. и прим. И. Андроника (Трубачев). М.: Мир книги: Литература, 2010. 464 с.

30. Kovtun N. House-spirit, Master, Pinochet: a Patriarchal Myth in the Late Traditional Prose // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2012. No. 2. P. 255–264.

31. Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Канон+: Реабилитация, 2021. 336 с.

32. Русанова И. П. Священные колодцы. Текст: электронный // Историческая археология. Традиции и перспективы. 1998. С. 8–14. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Rusanova/Rusanova_1998_Sviaschennye_kolodtzy.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

33. Козарезова О. О. Образ пещеры в иконографии Рождества Христова: традиция восточного и западного христианства // Культура и общество. МПГУ. 2019. № 1. С. 151–161.

34. Брюханова Ю. М. Образ воды в контексте одного метасюжета (М. Пришвин, В. Распутин, Р. Сенчин) // Валентин Распутин. Исконное и злободневное в сознании художника: материалы всерос. конф. Иркутск, 25–29 сентября 2022 г. Иркутск: ИГУ, 2023. С. 32–40.

Информация об авторах

Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; nkovtun@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>.

Новикова Елизавета Олеговна, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; novickova.e1iz@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5951-2790>.

Вклад авторов

Ковтун Н. В. – основной автор, осуществляла обзор научной литературы, оформляла статью.

Новикова Е. О. – систематизировала информацию, прописывала теоретико-методологический блок и выводы исследования.

Для цитирования

Ковтун Н. В., Новикова Е. О. Мифологема воды в рассказе А. Варламова «Сплав» // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 27–37. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-27-37.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 18.06.2023; принята к публикации 19.06.2023.

References

1. Lotman, Yu. M. Semiosphere. SPb: Iskusstvo-SPb, 2000. (In Rus.)
2. Galanina, E. V. Myth as Reality and Reality as Myth: Mythological Foundations of Modern Culture. M: Akademiya Estestvoznaniya, 2013. (In Rus.)
3. Yampolsky, M. The Return of Adam. Myth or Modernity of Archaicism. St. Petersburg: Izd-vo I.Limbakha, 2022. (In Rus.)
4. Voyvodich, Y. Neomifologism in actual Russian prose. M: FLINTA, 2021. (In Rus.)
5. Jung K. G. The Archetype and the Symbol. The introductory article by A. M. Rutkevich. M: "Kanon+", ROOI "Reabilitatsiya", 2021. (In Rus.)
6. Larionova, M.Ch. Myth, Tale and Rite in the Russian Literature of the 19th Century. Rostov. Izd-vo Rost. un-ta, 2006. (In Rus.)
7. Diakonov, I. M. Archaic myths of the East and the West. M: Nauka, 1990. (In Rus.)
8. Kozlov, A. S. The mythological trend in U. S. literary studies. Dr. sci. diss. abstr. Moskva, 1985. (In Rus.)
9. Berry, E., Epstein, M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry). New York: St. Martin's Press (Scholarly and Reference Division), 1999. (In Engl.)
10. Rozenberg, A. The Myth of the Twentieth Century. Assessment of the spiritual-intellectual struggle of the figures of our time. Tallin, 1998. (In Rus.)
11. Telegin, S. M. Myth and Genesis. M: Kompaniya Sputnik+, 2006. (In Rus.)
12. Minakova, A. M. Poetical cosmos of M. A. Sholokhov: About mythologism in Sholokhov's epics. M: Prometei, 1992. (In Rus.)
13. Vishnitskaya, Y. V. Mythologems of Alexander Blok in the Russian ethno-cultural space. Cand. sci. diss. abstr. Kiev, 2003. (In Rus.)
14. Leiderman, N. Georgy Vladimov and his generals, or Realism Today. Ezhemesyachnyi literaturnyi zhurnal. Ural, no. 7, 2003. Web. 01.03.2023. <http://uraljournal.ru/work-2003-7-1367>. (In Rus.)
15. Rytova, T. A., Shchipkova E. A. The problem of researching mythologism and myth plot as an element of plot structure in Russian prose of the late XX – early XXI century. Bulletin of Tomsk State University, no. 4, pp. 115–128, 2012. (In Rus.)

16. Iser V. The Changing Functions of Literature. Modern Literary Theory: Ontology. M: Flinta: Nauka, 2004. (In Rus.)
17. Medvedeva, N. G. Myth as a form of artistic conventionality. Cand. sci. diss. abstr. Moskva, 1984. (In Rus.)
18. Kovtun, N., Klimovich, N. The traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to "new realism". The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Croatia), no. 3/4, pp. 315–337, 2018. (In Croat.)
19. Shchashevtseva, Y. A. Prose of Alexei Varlamov 1980–1990s: genre and stylistic originality. Cand. sci. diss. abstr. Magnitogorsk, 2007. (In Rus.)
20. Kovtun, N. V. Patriarchal myth in the traditionalist prose of the 20th-21st centuries. Sibirskii filologicheskii zhurnal, no. 1. pp. 77–87, 2013. (In Rus.)
21. Kurbatov, V. Ya. Reflection of the Heavenly Battle. Varlamov A. Zatonuvshii kovcheg. M: Mol. gvardiya, 2002. (In Rus.)
22. Kovtun, N. V. Nature and religion as the basis of the way of life in the Astafiev's story "Starodub". estn. TGU. Filologiya, no. 1, pp. 71–83, 2009. (In Rus.)
23. Soldatkina, Y. A. The Mythologem of Water in the Contemporary Russian Novel of Adulthood (A. G. Arkhangel'sky "The Verification Bureau", A. N. Varlamov "My Soul is Pavel", E. G. Vodolazkin "Brisbane"). Science and school, no. 4, pp. 11–17, 2020. (In Rus.)
24. Ehliade, M. Selected essays. Essays on Comparative Religious Studies. M: Ladomir, 1999. (In Rus.)
25. Ivanov, V. Vs., Toporov, V. N. Slavic language modeling semiotic systems. M: Nauka, 1965. (In Rus.)
26. Afanas'ev, A. N. Poetic beliefs of Slavs on nature: experience of comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with mythical tales of other related peoples. In 3 v. 1. M: Sovremennyy pisatel', 1995. Web. 01.03.2023. <http://slavya.ru/trad/afan/> (In Rus.)
27. Witzel M. Water in Mythology. Daedalus, no. 3, pp. 18–26, 2015. (In Engl.)
28. Lotman, J. M. Unpredictable mechanisms of culture. Yu. M: Lotman. Tallinn: TLU Press, 2010. (In Rus.)
29. Florensky, P. A. Author's Abstract; Trinity-Sergius Lavra and Russia; Iconostasis; Names. The Metaphysics of Names in Historical Illumination. Name and Personality; Suggested State Structure in the Future. M: Mir knigi, Literatura, 2010. (In Rus.)
30. Kovtun, N. House-spirit, Master, Pinochet: A Patriarchal Myth in the Late Traditional Prose. Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences, no. 2, pp. 255–264, 2012. (In Rus.)
31. Jung K. G. The Archetype and the Symbol. Compiled by A. M. Rutkevich. M: "Kanon+", ROOI "Reabilitatsiya", 2021. (In Rus.)
32. Rusanova, I. P. Rusanova I. P. Sacred wells. Historical archeology. Traditions and perspectives. M: Monuments of historical thought, 1998. Pp. 8–14. (In Rus.)
33. Kozarezova, O. O. The image of the cave in the iconography of the Nativity: the tradition of Eastern and Western Christianity. Culture and society. M: MPGU, 2019. Pp. 151–161. (In Rus.)
34. Bryukhanov, Yu. M. The image of water in the context of one metaplot (M. Prishvin, V. Rasputin, R. Senchin). Valentin Rasputin. Primordial and topical in the mind of the artist. Materials Vseros. conf. Irkutsk, September 25–29, 2022. Irkutsk: IGU, 2023: 32–40.

Information about authors

Kovtun Natalia V., Doctor of Philology, Professor; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; 15 Fontanka River emb., St. Petersburg, 191023, Russia; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 89 Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; nkovtun@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>.

Novikova Elizaveta O., Postgraduate Student; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 89 Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; novickova.e1iz@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5951-2790>.

Contribution of authors to the article

Kovtun N. V. – main author, review of scientific literature, documentation.

Novikova E. O. – systematization of information, theoretical and methodological block and conclusions of the study.

For citation

Kovtun N. V., Novikova E. O. The Mythologem of Water in A. Varlamov's Story Rafting // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 27–37. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-27-37.

Received: May 10, 2023; approved after reviewing June 18, 2023;
accepted for publication June 19, 2023.

Original article

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-38-47

The Little Man in R. Senchin's Short Prose of the Late 1990s and Early 2000s

Maria V. Larina

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia,
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Saint Petersburg, Russia
m_larina@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7998-0790>*

Roman Senchin, a winner of prestigious literary awards and a recognized master of social prose, is one of the most brilliant representatives of the "new realism". The main character of the author's works is a little man who survives the cataclysms of the late 20th century, losing himself in the historical and social chaos. The author develops this type of character in the novels *The Eltyshyevs* (2009), *Flood Zone* (2015), *Rain in Paris* (2018), the anthologies *Day Without Number* (2006), *Moscow Shadows* (2009), etc. However, the peculiarities of R. Senchin's interpretation of the image of the little man were formed in the writer's early stories. The article offers a classification of the variants of the image of the little man, depending on the author's goals, based on the material of the stories published in the magazines *Znamya*, *Novy Mir*, and *Oktyabr* in the late 1990s and early 2000s. It reveals the characteristics of the "portrait of the transitional period" created by R. Senchin. The aim of the study is to identify the typical features of the author's description of the image of the little man in the short prose of this period. The poetics of four representative stories of the author were analyzed by means of motive analysis, compositional analysis, intertextual and narrative methods. The principles of the representation of the little man in connection with the domestic and foreign paradigm of marginal heroes, the trend of "new realism" and its focus on the treatment of traditional images not only of the little man, but also of the superfluous and underground hero are revealed. Specific characteristics of R. Senchin's artistic world are revealed. A complex descriptive analysis of the stories shows that the author, referring to the classic type of the little man, mercilessly destroys the illusions of his characters, accusing them of passivity and their need for escape from themselves. Senchin's Little Man is a product of the post-perestroika era, having missed his former opportunities and failed to acquire new ones. However, deprived of the author's compassion, this type still appeals to the reader's empathy: behind each, even the most repulsive hero, one can see a human being in general and oneself in particular.

Keywords: little man, "new realism", Roman Senchin, Inspiration, Athenian Nights, Alekseyev is a Happy Man, Common Day

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Научная статья

Маленький человек в малой прозе Р. Сенчина конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Мария Валерьевна Ларина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Россия
m_larina@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7998-0790>*

Роман Сенчин – один из ярчайших представителей «нового реализма», лауреат престижных литературных премий, признанный мастер социальной прозы. Герой произведений автора – маленький человек, переживший катаклизмы конца XX в., потерявший себя в историческом и общественном хаосе. Данный тип героя писатель разрабатывает в романах «Елтышевы» (2009), «Зона затопления» (2015), «Дождь в Париже» (2018), сборниках «День без числа» (2006), «Московские тени» (2009) и др. Однако особенности интерпретации Р. Сенчиным образа маленького человека сложились в ранних рассказах писателя. В статье на материале рассказов автора, опубликованных в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в журналах «Знамя», «Новый мир» и «Октябрь», предлагается классификация разновидностей образа маленького человека в зависимости от авторских задач; раскрываются отличительные черты создаваемого Р. Сенчиным «портрета переходного времени». Цель исследования – выявить характерные черты

© Ларина М. В., 2023

авторской трактовки образа маленького человека в малой прозе указанного периода. Методом мотивного анализа, композиционного анализа, при использовании интертекстуального и нарративного методов проанализирована поэтика четырёх репрезентативных рассказов автора. Продемонстрированы принципы изображения маленького человека в их связи с отечественной и зарубежной парадигмой героев-маргиналов, направлением «нового реализма» и его установкой на обращение к традиционным образам не только маленького, но и лишнего, и подпольного героя. Раскрыты конкретные свойства художественного мира Р. Сенчина. Комплексный дескриптивный анализ обозначенных рассказов показывает, что автор, обращаясь к хрестоматийному типу маленького человека, беспощадно разрушает иллюзии своих героев, обвиняя их в пассивности, желании сбежать от себя. Маленький человек у Сенчина – продукт постпрестроечной эпохи, упустивший былые возможности и не обретший новые. Однако лишённый авторского сострадания, данный тип по-прежнему апеллирует к читательской эмпатии: за каждым, даже самым отворотительным героем можно увидеть человека вообще и себя, в частности.

Ключевые слова: маленький человек, «новый реализм», Роман Сенчин, «Вдохновение», «Афинские ночи», «Алексеев – счастливый человек», «Общий день»

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Introduction. Roman Senchin is a Russian writer, the author of several novels, novellas and short stories. His works are characterized by high moral significance, deep thought, and vivid imagery, making him one of the most talented and influential Russian-speaking writers of our time. Senchin's work is known for its profound, philosophical approach to life and death. His critically acclaimed book about the decline and decay of the Russian village, family, and human being under the new economic conditions, *The Eltyshyevs* («Елтышевы», 2009), is a gritty work of naturalistic genre that has been shortlisted for several awards. The novel was the quintessence of the author's previous creative activity, touching on the themes of fate, love, human destiny, and attempts to find one's place in a rapidly changing reality. The origins of the artistic world of *The Eltyshyevs*, as well as of the author's other *big* works, can be found in the early stories published at the end of the 1990s and the beginning of the 2000s in the magazines *Znamya*, *Novy Mir* and *Oktyabr*, which received little critical attention.

The works under review are problematically close: the author creates a "portrait of a transitional period" (Ganieva), his own generation, whose youth and adolescence fell in the 1990s. Senchin's prose is acutely social, and this correlates with the author's belief that literature should be considered as a social process and in connection with other similar processes [1]. The main and constant theme is the gnawing of man by the environment, domestic slavery, lack of willpower, powerless degradation, hopelessness and inertia [2]. By turning to the classical image of *the little man*, rethinking it, and standing on the threshold of the new mil-

lennium, Senchin realizes his writing strategy – "to write close to life" [2].

In connection with the mentioned characteristics, R. Senchin's work is considered within the framework of "new realism" – "social prose about a *little man* forgotten on the periphery of Soviet construction sites"¹. The author also associates himself with this movement, although he notes its certain spontaneity: "I have nothing against the term New Realism, although there has never been such a group of writers as the Serapion brothers, who got together and discussed what we should write and how we should write. Fate somehow brought us together, many of us, for a while, but we did not discuss the literary question. But it is good that we met and formed such a community" [2]. In the typical search for a new hero, writers turn to a range of traditional images, from the trickster to archaic figures. *The little man* has become one of the classic characters of the trickster paradigm, updated in the works of New Realism, with its setting of "existential impasse", alienation, search, dissatisfaction and tragic gesture [2].

The stories *Inspiration* («Вдохновение», 1997), *Athenian Nights* («Афинские ночи», 2000), *Alekseyev is a Happy Man* («Алексеев – счастливый человек», 1995), *Common Day* («Общий день», 1999), which are underdeveloped in the critical literature, but representative of the author's work, were chosen in order to reveal the peculiarities of the author's interpretation of the image of the small man in the early works of R. Senchin. The poetics of the selected texts is studied. The classification

¹ Черняк М. А. Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2018. – С. 125.

of the characters was made on the basis of the realistic tradition and characteristic features of R. Senchin's work.

Literature Review. The work by R. Senchin is actively considered by many Russian and foreign researchers, also through the prism of the image of *the little man*. However, the author's early prose has been insufficiently studied in this context. The attention of literary experts and critics is directed mainly to the novels of the writer or to his later short stories.

It is necessary to mention, among others, the articles of the critics A. Ganieva [1], S. Belyakov [3; 4], A. Danilkin [5], in which the authors, using R. Senchin's novels as an example, reflect on *the little man* as a character of the transitional period of the 2000`s.

On the revision of the constants of the "tradition" in the image of the hero of the "new realism" the following researchers write: N. Kovtun, who identifies the reasons for the appeal to *the little man* as the weariness of postmodernism and the nostalgia for national values [6]; N. Klimovich, who explores the poetics of the mythology of the "new realism" from the perspective of the attempt to reconcile Soviet and anti-Soviet discourses [7].

A number of studies are devoted to the comparison of R. Senchin's prose with the works of authors of the previous generation. A. Wawrzyńczak notes a decrease in the status of the character in R. Senchin, a change in the author's attitude to *the little man* in comparison with the mythopoetic perception of his literary predecessors, especially V. Rasputin. Senchin's characters appear as apathetic philistines, unable to resist the blows of fate, gradually turning into degenerates. The Russian man, the Siberian, represented for decades by Rasputin as the last stronghold of humanity, is ruthlessly exposed by Senchin. He presents his heroes not as victims, but as participants, albeit involuntary, in the social and economic processes caused by the crisis of the 1990s [8]. K. Jastrzębska considers the heroes of Senchin's prose, the author's contemporaries, as the next "lost generation" [9]. A. Borkowska analyzes the author's strategy of the "new realism", comparing the story of the Eltyshev family with V. Astafyev's novel *The Sad Detective* (1986) [10].

The following articles are devoted to certain aspects of the author's work. K. Jastrzębska examines the image of Russia as a topos of the fictional universe of the author's novels [11]. E. Pankowska analyzes the world of the dying

Russian village in the works of R. Senchin [12]. E. Novikova studies the complex of mortal motifs connected with the perception of death as a personal drama of *the little man* and as a traumatic experience of the modern age as a whole on the example of the novels *The Flood Zone* («Зона затопления») and *The Eltyshevs* («Елтышевы») [13]. *The little man* "deprived of the aureole of transcendence" is the subject of the researcher's article "The image of the literary character in the early work of R. Senchin" [14]. T. Ponomareva studies the characters of the novel *The Eltyshevs* («Елтышевы») as a type of "marginal heroes" [15].

One of the most recent works on the subject is the section in the anthology "The Crossing of Epochs... Russian Prose of the 1960–2020s" ("Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х – 2020-х годов") by O. Bogdanova and N. Tsvetova. The authors study the autopsychological protagonist in the story *Minus* («Минус», 2001), which is devoted to the ordeal of a worker, a theatrical set designer, in the "eternally sleepy" and "sour" Minusinsk [16].

As we can see, the question of the peculiarities of the image of *the little man*, its classification in the early stories of the author needs further development, even though the study of the peculiarities of the character of R. Senchin's prose is quite productive.

Methods. The hypothesis of the study is as follows: in his works, R. Senchin systematically refers to the classical image of *the little man*. But this type of character has its own poetics, characteristics, developed in the stories of the late 1990s and the early 2000s.

The primary importance of *the little man* for the solution of the author's goals is proved by its repetition in the works of R. Senchin. In order to reveal the characteristic qualities of the studied image in the stories *Inspiration* («Вдохновение», 1997), *Athenian Nights* («Афинские ночи», 2000), *Alekseyev is a Happy Man* («Алексеев – счастливый человек», 1995), *Common Day* («Общий день», 1999) the intertextual method is used to integrate the characters into the literary process, to trace the typological similarities in the images of protagonists and heroes of Russian and foreign prose. Using the narrative method, the autopsychological figure of the protagonist in each of the selected stories is analyzed, which allows us to identify the techniques characteristic of the author's method.

Motif analysis is the basis of the study of the poetics of the selected texts. Specific mo-

tifs are emphasized: theater, puppetry, illusion, etc. Their peculiarities are supplemented by the methods of compositional analysis, which most fully reveals the image of the "human thing".

Findings and Discussion. The heroes of Senchin's prose are "shallow, crushed by everyday life" and dream of escape. In a broad sense, most of them continue the paradigm of marginal characters of Russian (S. Dovlatov, V. Yerofeev, V. Makanin) and foreign (J. Kerouac, W. Burroughs, C. Bukowski) prose. The unique peculiarity of the R. Senchin's *little man* becomes **his specific perception of the world**. N. V. Kovtun writes about the "deeschatologization of consciousness" of the characters of the new realism, the absence of a feeling of eternity, when experiencing the most important events is extremely formalized [17, c. 194]. The characters are locked in themselves. They resemble a thing. There is a return of the image "to the origins" – Gogol's Akaky Akakievich, with an adjustment to the time.

In the author's works of the late 1990s, it is possible to distinguish **two types** of the *little* heroes. **The first type** is connected with a kind of "romantic impulse" (Ganieva), **the will to change**: "The weak-hearted immersion in everyday life is replaced by aimless struggle, an attempt to escape the situation. Consumption of the environment transforms into a losing battle against it" [1]. As a tendency, this type in Senchin's work is close to *the superfluous people* who suffer from the impossibility of escaping from their coarse and miserable existence. The attempt to act in such characters is connected with an obsession with some idea of improving life and escaping into illusion – hence chronic drunkenness and a connection "with art". The metaphor of "art" – theater, painting, cinema, literature – becomes one of the keys to the unveiling of the image. In R. Senchin's artistic space, culture does not fulfill its functions, the attitude of "sowing the wise, the good, the eternal" does not work, but only feeds the illusions of the characters.

The second type – *the little man, resigned to his position*, gradually losing his human traits, leaving his disguise, becoming either an "empty puppet" or a "decomposed corpse" – appears less frequently in the author's works, but is no less revealing.

This period is **a pseudo-documentary** in the author's style: Senchin describes in detail the nuances of life in the late 1990s, reproduces advertising slogans, brands of products and

things; he endows the protagonists with his first and last names, the facts of his own biography. As **inhabitants of the threshold, of the crossroads**, Senchin's characters **are mobile**: they move from the city to the village and back again, from the province to the capital, from Tyva "to Russia". They almost never have a shelter, the main toposes of the stories – the service quarters, the dormitory, the "kandeyka", the railway station, the dilapidated rustic hut, the back of the theater. The main impulses of the actions are illusions – dreams of a different existence, of life, which go hand in hand with thoughts "of the high": spirituality, the meaning of life.

In the 1997, short story *Inspiration*, the classic *Oblomov/Stoltz* pairing is expressed in 1990s Russia as **the antithesis of "successful man"/ "scum"**, where "scum" is the protagonist, Roman, a poor student at the Literature Institute, and "successful man" is his friend Andrey, who has become rich selling shoes. Andrey sees creativity as a craft, tries to teach Roman, to help him organize his life (he fixes a heater in his room and gives him money for a typewriter). However, all his efforts are in vain: the writer friend cannot produce a single line, and he systematically embezzles the money allocated to him.

Roman sees Andrey as a burden and puts up with him for the sake of money. Poverty, longing and frustration are the basic constants of the failed writer's existence. He sees himself above earthly concerns and relationships, and cultivates a romantic hero complex: "I pondered the towels hanging on the wall. They needed washing a while back... Is it love? Dissolve into love. Tell yourself that you love and dissolve. Just pretend you're in love and let the feeling consume you. Stare at each other's eyes and disregard everything around you. It's simple to be happy! This alien and dangerous place is filled with foes, beasts, snares, and hazards. Everyone seeks salvation. In others. But fear must be conquered to attain freedom and solitude". ("Я сидел и с задумчивым видом смотрел на висевшие на стене полотенца. Их давно надо бы постирать... Любовь, да? Раствориться в любви. Внушить себе, что любишь, и раствориться. Смотреть друг другу в глаза и не замечать окружающего. Как легко быть счастливым! Вокруг ведь чужое, хищное пространство, там полно врагов, чудовищ, ловушек, опасностей. Все ищут спасения. Друг в друге. Но нет, нужно победить страх, быть одиноким и свободным") [18].

The hero is a *superfluous man*, but this is more of a pose, a game, which he does not hide, noting in his own voice "the pain of a rejected, crushed genius" or adding that he likes to be pitied. As a *superfluous man*, Roman is capable of introspection, which limits everything: "I don't have the energy and brains to live like Andrey, to do what he does. So, I had to say that his life was boring, unacceptable for me" ("У меня нет энергии и мозгов, чтобы жить, как Андрей, заниматься тем, чем он. Поэтому нужно было сказать, что у него скучная, неприемлемая для меня жизнь") [18].

The characters' argument about literature traditionally turns into a discussion about "how to live one's life". Roman realizes that Andrey is right, but the protagonist's masochistic confession reveals that the reason for his failure is not his lack of strength to change. Roman's final monologue resembles a passage from a Romantic work; the hero has finally found his inspiration: "I'm proud, I'm proud that I'm insignificant, weak, will-less, I don't mind humiliating myself again and again, I can lie and moan endlessly and a light joy fills me; I'm proud that I'm stronger than them after all. I am stronger than Andrey, who portrays him as a prosperous, clean, civilized fellow; he can do many things, he can and will be able to do even more if he does not give up, stays on the path he is on. Or rather, he walks over it. And I am proud of the fact that I am stronger than Lena; she wants warmth, love, tenderness, and I spread myself out in front of her like a stinking sewer sludge, pointing at myself and claiming that everyone else is like that. And I'm right. They hide, make up, hide their sludge, their habitual, sweet-sweet, necessary rottenness under a shell..." ("Я горд, я горд тем, что ничтожен, слаб, безволен, я не прочь унижаться еще и еще, я могу бесконечно врать, стонать, и светлая радость наполняет меня; я горд тем, что я все-таки сильнее их. Я сильнее Андрея, который изображает преуспевающего, чистенького, цивилизованного малого; ему, дескать, многое по плечу, он может и сможет еще больше, если не опустит рук, не отступит с того пути, на котором стоит. Точнее – идет. И я горд тем, что я сильнее Лены; ей хочется тепла, любви, нежности, а я растекаюсь перед ней вонючей канализационной жижей и, показывая на себя, утверждаю, что таковы все остальные. И я прав. Они скрывают, гримируют, таят под оболочкой свою жижу, свою привычную, сладковатую, необ-

ходимую гниль...") [Ibit]. But the author's irony is ruthless: Roman's passionate monologue remains in his head, not on paper. In reality, the hero's rebellion is limited to the fact that Roman drinks away the hundred rubles that Andrey left him as help.

Failed artists appear in the short story *Athenian Nights* (2000). Roman, Dan, and Boris are struggling painters, the "Three Comrades" of the late 1990s. Roman is forced to make a living by controlling the sale of cheap soda. His friends are more successful, but just as unhappy. Stifled by everyday life, the characters hope for a trip to the suburbs – "to have fun". But *Athenian Nights* – the orgies of jaded high society – turn out to be a pathetic parody. The very title of the story refers the reader to **popular carnival cults**; the author uses the symbolism of an **"inverted" carnival act**, placing *the little man*, the trickster, at the center.

The story is set in a **time of transition**: the narrator (Roman) notices the sudden arrival of spring and his own obsessive desire to "break free" from his tired routine. Deceiving his wife, Roman runs away to his friends who are waiting for him at the train station.

The beginning of the "holiday" is marked by a change of status: the purchase of more expensive cigarettes (Senchin's characters traditionally buy "Soyuz-Apollo" instead of "Prima" in the days of "the triumph") and a change of name. His friends greet Roman with the nickname "Chrono", which in the characters' interpretation means "chronic alcoholic". But at the same time, Chrono is the absolute time in the Orphic cosmogony, one of the beginnings of the world¹, which gives the hero a kind of "divine" status that is immediately downgraded: "Uh-oh, here comes Chronynsh! – Boris shouted to me" («О-о, вот и Хроныш! – заорал мне навстречу Борис») [19].

Accompanied by alcoholic drinks, the heroes' journey from the cafeteria of the Belorussian Railway Station to the necessary station repeats Venichka Erofeev's wanderings in the Moscow electric train. Mozhaisk – "Petushki", where the heroes find themselves, is depicted in their dreams as an earthly paradise with alcohol and available women. However, the initially declared "element of freedom" turns out to be **"the image of the underworld"**. The au-

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/111172/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD?ysclid=li33dw42th394203491 (дата обращения: 02.06.2023). – Текст: электронный.

thor places the three friends in an empty ghost town on the edge of life and death: "Next to the market, there is a narrow paved road with a swampy wasteland to the right and left. <...> The wasteland has been replaced by woods, with five-story buildings crooked and slanting" («После рынка – узкая асфальтированная дорожка, а справа и слева болотистый пустырь. В кювете валяется то ли пьяный, то ли умерший <...> Пустырь сменился лесочком, среди которого вкривь и вкось стоят пятиэтажки») [19]. The dwellings of the Mozhaik people are compared to a cellar.

Chrono, who, according to mythology, created the egg from which Eros emerged, has nothing to offer his friends in the artistic world of the story but "forbidden love": the novel wonders why they cannot invite underage girls to a cafe, and in the episode in the woods the image of Svidrigailov with his dreams appears.

The "feast imagery" in the story is expressed by the poems of the poet Odinoki, quoted by Dan, which frame the journey of the three friends. Odinoki is the pseudonym of the Russian literary decadent Alexander Ivanovich Tinyakov. This person is important to the problematic of the story. Odinoki, who knew many of the Silver Age poets personally and partied with them in his youth, gradually descended and became a professional beggar in 1926. R. Senchin himself, in an article devoted to Tinyakov with the telling title "He Quit Pretending" [20], writes about the impression the beggar-poet made on his more successful colleagues: "Tinyakov was described by them (Ivanov and Khodasevich) with that squeamish interest which is peculiar to those who are respectable, but who like to celebrate with those who have fallen to the bottom of life in their youth. And there he perished" [Ibit]. In the story *Athenian Nights*, Dan quotes a poem by Tinyakov that once made M. Zoshchenko 'shudder' <...> Because of these poems, Tinyakov was shunned in Leningrad in the 1920s, accused of being responsible for Gumilev's arrest and death (these accusations have not been documented). But if I compare the disgustingly outspoken Tinyakov with those young generals of literature who appeared in those years, who wrote poems and novels about courage, honesty, sacrifice, revolutionary asceticism, and at the same time drowned each other for rations and apartments, the first one is more sympathetic to me personally. 'He didn't want to lie anymore. He stopped pre-

tending' – as Zoshchenko wrote" [Ibit], – noted R. Senchin.

In the story *Athenian Nights*, this problem is embodied in the fate of Boris and Roman, who betrayed art for the sake of a more prosperous life. Thus, in the painting that Boris dreamed of painting in his youth, "a remake of *The Appearance of Christ Before the People*", God appears to the well-fed Philistines as a beggar (a reference to the fate of the Odinnoki): "So Christ appears to the people and they run away in terror. They run into the woods, throw themselves into the water, ride away on horses. The people are all beautiful, well-groomed, like ancient demigods, and their Savior is dressed in a kind of rags, with wounds, with a leper's bell around his neck" ("Появляется, дескать, Христос перед людьми, а те в ужасе разбегаются. Мчатся в лес, кидаются в воду, ускакивают на лошадях. Люди все красивые, ухоженные, такие античные полубоги, а спаситель их в рванине какой-то, в язвах, с колокольчиком прокаженного на шее") [21]. Now, however, Boris is of the opinion that his project is "childish", "infantilistic".

Boris opposes the philistines, the "trash", "bydlo", while possessing all the vices and interests typical of "bydlo", without realizing his total complementarity to the dead city around him: the province is the characters' essence, Moscow the disguise behind which they hide. The little people who have abandoned themselves, who have somehow made it in life, find no way out, and their paradise turns out to be the Mozhaik cemetery.

In the same pattern of development are the outwardly "prosperous" and atypical of Senchin's world. In the story *Alekseyev is a Happy Man* (1995) there is a sense of ideal life, harmony in the family. The exemplary hero – the cameraman Ilya Pavlovich Alekseyev begins his day with training. The morning routine is described in detail: Alekseyev always tidies up, wipes himself down, washes his face, dabs on cologne, puts on a pressed suit. The author paints an idyllic picture: "The fresh, blinding sun is shining through the window, his wife is cooking breakfast in the kitchen. The record player plays the 'Space' record, to which Ilya Pavlovich exercises every morning, gaining strength" ("В окно смотрит свежее, слепящее солнце, на кухне готовит завтрак жена. Проигрыватель крутит пластинку "Спейс", под музыку которой Илья Павлович каждое утро делает зарядку, набирается бодрости") [Ibit]. The quiet life is only oc-

asionally disturbed by minor annoyances (the son not coming home on time, the overcrowding on the bus) that are easily resolved. The hero tries to live by the rules. He has no illusions about his colleagues – to make a feature film "no worse than Mosfilm" – Alexeyev does not strive for anything, he knows his place.

At the same time, real life outside Alekseyevs' apartment is tragic, cruel, and hopeless. This is shown most vividly in the episode in which a report on the factory strike is being filmed, and Ilya Pavlovich and his colleagues are nearly killed by half-starved, angry workers. The Alekseev family's philisterial happiness contrasts with the passions raging around them; the tragedy of life does not seem to affect them. However, Alekseyev's apparent prosperity is shattered by a chance encounter with the hero's former friend, the failed poet Maxim Petrov, who diagnoses Ilya Pavlovich with the following illness: "You're a happy man, Ilyukha. I envy you. It's like everyone else's fever and flu, but you're healthy. Nothing shakes you. A rare man..." («Счастливый ты человек, Илюха. Завидно даже... Это вот как у всех лихорадка, жар, а ты – здоровый. Ничего тебя не колеблет. Редкий человек...») [21].

Maxim is a typical character of R. Senchin's fictional world. Abandoning his family, trying to create "art", a drunken loser, he is contrasted with the well-fed and prosperous Alexeyev. The conversation with Maxim makes Alexeyev's deadness and cardboard nature more and more obvious.

Each character in the story is possessed by some idea-illusion: Maxim – to publish the collection of poems he has been working on for five years; Davydin – to make a movie about Sologub, etc. Alexeyev is a "happy man", because such 'illusions' and suffering for their sake are alien to him, and he has long forgotten how to feel compassion: "Ilya Pavlovich felt sorry for Petrov and wanted to say something sincere and kind to him. But there were no such words" («Илье Павловичу стало жаль Петрова, захотелось сказать ему что-нибудь искреннее, хорошее. Но таких слов не нашлось») [Ibid].

Every hint of emotion throws the hero off balance for a moment, causes irritation: Davydin's joy at shooting, a young colleague's declaration of love ("a kind of savagery"), Maxim's outbursts are perceived by Alexeyev as an attack on his own well-being: "The mood had gone completely out of whack. Something

heavy pressed on his shoulders, bent him, crushed him. The heels of Masha's shoes clattering on the parquet floor pricked his ears like needles... First the idiot Davydin, now this one was giving him a hard time..." («Настроение испортилось окончательно. На плечи надавило что-то тяжелое, гнуло его, мяло. Стучащие по паркету каблуки Машиных туфелек иглами кололи уши... Сначала идиот Давыдин, теперь вот эта проходу не даёт...») [Ibid].

As a result, it becomes clear that we are not a "happy man", but a wound puppet, living according to a predetermined script. This effect is intensified by the naturalistic "substantiality" of the author's syllables (the author describes every detail of Alekseyev's routine) and the circular composition. The story begins and ends the same way, as it is repeated every day: sunny morning, getting up, gymnastics, the wife prepares breakfast... The life of the Alekseyevs is a vicious circle of little people who have abandoned all pretensions, all self-consciousness. Their escapism is not an attempt to break out of a stale environment, but a deadening one.

The hero of the story *Common Day* (1999) is an opposite example of a "humiliated" and deadened *little man*. The author paints the picture of a morally degenerate subject, practically an inhabitant of the other world. The protagonist is an unemployed drug addict who dreams of money and lives with his elderly mother in a musty-smelling hole-in-the-wall apartment. By his own admission, he beats his mother "for fun" and takes her last pennies: "I hate her, her aging and her whole stinking life, and this apartment where everything is rotten and yellow-white fungus, like dried foam, crawls out of the cracks... She screams and fights back, and I know that she hates it as well" («Я ненавижу её, её старость и всю её вонючую жизнь, и эту квартиру, где всё сгнило и из щелей ползёт жёлто-белый, как засохшая пена, всё пожирающий грибок... Она визжит, отбивается, и я знаю, что она тоже ненавидит») [22].

The topos, cold, ghostly St. Petersburg, and the confessional form of the story refer to a classical model – Dostoyevsky's *Notes from Underground*. An attempt of R. Senchin's little hero "to go out into the world". Senchin also becomes an encounter with a woman he "feels sorry for". Every two years, the nameless protagonist meets his former classmate Alyona and spends the day with her. The life of both characters is "a chain of equally dead days",

and for Alyona the day they spend together is an attempt to escape the crushing routine: the heroine wants to go to Petrodvorets, to the Hermitage, to talk about art.

Alyona is a representative of the majority: she works as a librarian, unhappy in her family life, "drinks and dreams of better things". Her companion (the narrator), a more unique subject, describes himself as a "decomposed corpse": "The thin sheath of skin still holds back the putrefaction that's ready to spurt out, but it's about to burst, and I'll spill out, spread out. The fresher corpses will stagger away and then begin to look at my remains with interest, sniffing, shaking their heads, expecting the same end for themselves. And the snow will gradually cover me, and everything will disappear" («Тонкая оболочка кожи еще сдерживает готовую брызнуть наружу гниль, но вот-вот она лопнет, и я вытеку, расплзусь. Более свежие трупы шарахнутся в стороны, а затем с интересом начнут разглядывать мои останки, принимают, качать головами, предчувствуя такой же конец и для себя. И снег постепенно покрывает меня, и все исчезнет...») [22]. The narrator rejects everything social: work, marriage, family, history, beauty, culture.

Traditionally, the characters argue about art and literature, and the narrator, in contrast to the not-quite-desperate Alyona, remarks: "In the words 'A man – it sounds proud' I can hear a mockery of the person who said it to everyone and first of all to himself, and after these words he must necessarily spit in his face" («В словах "Человек – это звучит гордо" мне слышится

издевательство сказавшего над всеми, и в первую очередь над самим собой, и после этих слов он обязательно должен плюнуть себе в лицо») [Ibid]. People's lives are hopeless, closed in on themselves, fearing the lack of an outcome.

Conclusion. What is difficult to convey in the short story, the author continues to develop in larger genre forms. Both types of the little man are reflected in Roman Senchin's novels and novellas. In particular, in the novella *Minus*, where the protagonist, suffering from the imposition of "stupid books", will give up his dreams and aspirations for a better life in favor of some kind of work and a bottle of alcohol.

Nikolai Eltyshev, having once crossed the line, will not be able to stop, gradually turning into a murderer and degrader.

Staying true to his illusions, Andrei Topkin will rush to the beloved Paris, but, immersed in the memories of a wasted life, will never see the city on the Seine.

R. Senchin's *little people* live in a double reality, they fantasize, they make unsuccessful attempts to act. Showing "a painful gap between man and existence", the author does not pity his little heroes, he puts part of the responsibility on them. But he does not ridicule them, does not despise them. As M. Remizova notes, the author's pathos is different here: "Senchin refrains from being snobbish and judgmental. While it may be tempting to omit these individuals from an idealized picture where goodness, beauty, and justice prevail, such a simplistic approach rings false. Alternatively, one may seek to comprehend and empathize with them" [23].

References

1. Jastrzebska, K. "Where is there light at the end of the tunnel?". Conversation with Roman Senchin, no. 2, pp. 113–120, 2016. (In Rus.)
2. Ganieva, A. A. Gray by gray. Roman Senchin. Voprosy literatury, no. 3, pp. 230–240, 2010. (In Rus.)
3. Beliakov, S. S. The ghost of the titular counselor. Novyi Mir, no. 1, pp. 139–155, 2010. (In Rus.)
4. Beliakov, S. S. Roman Senchin: an unfinished portrait in twilight. Ural, no. 10, 2011. (In Rus.)
5. Danilkin, L. Benchmarks of the "new realism". Ed. by Ogryzko V. Everything about Senchin. M: Literaturnaya Rossiia, 2013: 277–279. (In Rus.)
6. Kovtun, N. Modern Traditionalism: Wake for Utopia vs. Revival of Realism. Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences, no. 7, pp. 1052–1057, 2016. (In Eng.)
7. Kovtun, N., Klimovich, N. The traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to "new realism". The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies, no. 3/4, 2018, pp. 315–337, 2018. (In Eng.)
8. Vavzhinchak, A. New Realism as an attempt to overcome the mythopoetics of traditionalism. Valentin Rasputin and Roman Senchin. Sibirskii filologicheskii forum. 2018. No. 4. Web. 17.06.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-realizm-kak-popytka-preodoleniya-mifopoetiki-traditsionalizma-valentin-rasputin-i-roman-senchin> (In Rus.)
9. Jastrzębska K. Nowe formy w literaturze rosyjskiej : Romana Sienczina: "Minus", "Nubuk", "Naprzód i w górę na wyczerpanych bateriach". Przegląd Rusycystyczny, no. 2, pp. 157–171, 2022. (In Pol.)

10. Borkovska, A. Degradation of the family in the novel by V. P. Astafiev "Sad Detective" and the novel by R. Senchin "The Eltyshevs". *Sibirskii filologicheskii forum*, no. 2, 2018. Web. 16.06.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/degradatsiya-semi-v-romane-v-p-astafieva-pechalnyy-detektiv-i-romane-r-senchina-eltyshevy> (In Rus.)
11. Jastrzębska K. Depressive prose of Roman Senchin. Ed. by Chodurska, H., Kotkiewicz A. *Tradycja i nowoczesność : język i literatura Słowian Wschodnich*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016: 72–80. (In Rus.)
12. Pańkowska, E. The world of dying Russian village in the works of "new realists" (on the material of novels: Sankya by Zakhar Prilepin and the Eltyshevs by Roman Senchin). *Studia Wschodniosłowiańskie*, no. 15, pp. 109–132, 2009. (In Rus.)
13. Novikova, E. Mortal motifs in the works of R. Senchin. *Sibirskii filologicheskii forum*, 2020. Web. 16.06.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/mortalnye-motivy-vproizvedeniyah-r-senchina> (In Rus.)
14. Novikova, E. The image of a literary hero in the early work of Roman Senchin. *Sibirskii filologicheskii forum*, 2022. Web. 17.06.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-literaturnogo-geroya-v-rannem-tvorchestve-romana-senchina> (In Rus.)
15. Ponomareva, T. Marginal hero in the prose of R. Senchin. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, no. 2, 2017. Web. 17.06.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnyy-geroy-v-proze-r-senchina> (In Rus.)
16. Bogdanova O., Tsvetova N. *Minus by Roman Senchin*. Ed. by Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. *Epochs crossed... Russian prose of the 1960s – 2020s*. O. V. Bogdanova, Saint Petersburg: Aleteia, 2023: 356–368. (In Rus.)
17. Kovtun, N. V. Trickster as a hero of our time. On the material of Russian prose of the second half of XX–XXI century. M.: FLINTA; Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet im. V. P. Astaf'eva, 2022. (In Rus.)
18. Senchin, R. Inspiration. *Oktiabr'*, no. 12, 1997. Web. 10.06.2023. <https://magazines.gorky.media/october/1997/12/vdohnovlenie.html> (In Rus.)
19. Senchin, R. Athenian Nights. *Znamia*, no. 9, 2000. Web. 30.05.2023. <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/9/afinskie-nochi.html> (In Rus.)
20. Senchin, R. No longer pretending. *Literaturnaia Rossiia*, no. 22, 2005. Web. 02.06.2023. <https://web.archive.org/web/20140403231623/http://www.litrossia.ru/2009/22/04156.html> (In Rus.)
21. Senchin, R. Alekseyev is a happy man. *Novyi mir*, no. 5, 1999. Web. 02.06.2023. https://magazines.gorky.media/novy_mi/1999/5/alekseev-schastlivyj-chelovek.html (In Rus.)
22. Senchin, R. Common day. *Znamia*, no. 3, 1999. Web. 02.06.2023. <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/obshhij-den.html> (In Rus.)
23. Remizova, M. S. *Text Only. Post-Soviet prose and its reflection in literary criticism*. M: Sovpadenie, 2007. (In Rus.)

Information about authors

Larina Maria V., Postgraduate Student; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; 89 Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; 15 Fontanka River Embankment, St. Peterburg, 191023, Russia; m_larina@yahoo.com; <https://orcid.org/000-0001-7998-0790>.

For citation

Larina M. V. The Little Man in R. Senchin's Short Prose of the Late 1990s and Early 2000s // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 38–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-38-47.

Список литературы

1. Ястребска К. «Где есть свет в конце тоннеля?». Разговор с Романом Сенчиным // *Przeglad Rusycystyczny*. 2016. № 2. С. 113–120.
2. Ганиева А. А. Серым по серому. Роман Сенчин // *Вопросы литературы*. 2010. № 3. С. 230–240.
3. Беляков С. С. Призрак титулярного советника // *Новый Мир*. 2009. № 1. С. 139–155.
4. Беляков С. С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках. Текст: электронный // *Урал*. 2011. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html> (дата обращения: 21.06.2023).
5. Данилкин Л. Эталонные образцы «нового реализма» // *Всё о Сенчине. В лабиринте критики: сб. ст. / сост. В. Огрызко*. М.: Литературная Россия. 2013. С. 277–279.
6. Kovtun N. Modern Traditionalism: Wake for Utopia vs. Revival of Realism // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2016. Vol. 9, no. 7. С. 1052–1057.

7. Kovtun N., Klimovich N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to "new realism" // *The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies*. 2018. No. 3/4. P. 315–337.

8. Вавжинчак А. «Новый реализм» как попытка преодоления мифопоэтики традиционализма. Валентин Распутин и роман Сенчин. Текст: электронный // *Сибирский филологический форум*. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-realizm-kak-popytka-preodoleniya-mifopoetiki-traditsionalizma-valentin-rasputin-i-roman-senchin> (дата обращения: 17.06.2023).

9. Jastrzębska K. Nowe formy w literaturze rosyjskiej : Romana Sienczina: "Minus", "Nubuk", "Naprzód i w górę na wyczerpanych bateriach" // *Przegląd Rუსystyczny*. 2022. No. 2. P. 157–171.

10. Борковска А. Деградация семьи в романе В. П. Астафьева «Печальный детектив» и романе Р. Сенчина «Елтышевы». Текст электронный // *Сибирский филологический форум*. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/degradatsiya-semi-v-romane-v-p-astafieva-pechalnyy-detektiv-i-romane-r-senchina-eltyshyevy> (дата обращения: 16.06.2023).

11. Ястребска К. Депрессивная проза Романа Сенчина // *Tradycja i nowoczesność : język i literatura Słowian Wschodnich* / отв. ред. Н. Chodurska, А. Kotkiewicz. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. P. 72–80.

12. Паниковска Е. Мир умирающей российской деревни в творчестве «новых реалистов» (на материале романов: «Санька» Захара Прилепина и «Елтышевы» Романа Сенчина) // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2015. № 15. С. 109–132.

13. Новикова Е. Мортальные мотивы в произведениях Р. Сенчина. Текст: электронный // *Сибирский филологический форум*. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mortalnye-motivy-v-proizvedeniyah-r-senchina> (дата обращения: 16.06.2023).

14. Новикова Е. Образ литературного героя в раннем творчестве Романа Сенчина. Текст: электронный // *Сибирский филологический форум*. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-literaturnogo-geroia-v-rannem-tvorchestve-romana-senchina> (дата обращения: 17.06.2023).

15. Пономарева Т. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина. Текст: электронный // *Вестник РУДН*. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnyy-geroy-v-proze-r-senchina> (дата обращения: 17.06.2023).

16. Богданова О., Цветова Н. «Минус» Романа Сенчина // *Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х – 2020-х гг.* / отв. ред. О. В. Богданова, Н. С. Цветова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 356–368.

17. Ковтун Н. В. Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX–XXI века. М.: ФЛИНТА; Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2022. 408 с.

18. Сенчин Р. Вдохновение. Текст: электронный // *Октябрь*. 1997. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1997/12/vdohnoveniye.html> (дата обращения: 10.06.2023).

19. Сенчин Р. Афинские ночи. Текст: электронный // *Знамя*. 2000. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/9/afinskie-nochi.html> (дата обращения: 30.05.2023).

20. Сенчин Р. «Переставший притворяться». Текст: электронный // *Литературная Россия*. 2005. № 22. URL: <https://web.archive.org/web/20140403231623/http://www.litrossia.ru/2009/22/04156.html> (дата обращения: 02.06.2023).

21. Сенчин Р. Алексеев – счастливый человек. Текст: электронный // *Новый мир*. 1999. № 5. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/5/alekseev-schastliviy-chelovek.html (дата обращения: 02.06.2023).

22. Сенчин Р. Общий день. Текст: электронный // *Знамя*. 1999. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/obshhij-den.html> (дата обращения: 04.06.2023).

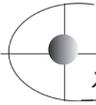
23. Ремизова М. С. Только текст. Постсоветская проза и её отражение в литературной критике. М.: Совпадение, 2007. 447 с.

Информация об авторах

Ларина Мария Валерьевна, аспирант; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, дом 89; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15; m_larina@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-7998-0790>.

Для цитирования

Ларина М. В. Маленький человек в малой прозе Р. Сенчина конца 1990-х – начала 2000-х гг. // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 3. P. 38–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-38-47.

Научная статья

УДК 821.581

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56

К вопросу о рецепции китайских «рассказов о странном» в российской литературе

Хань Дань¹, Ольга Доржиевна Тугулова², Замира Доржиевна Бардаханова³

¹Харбинский педагогический университет, г. Харбин, КНР,

²Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия,

³Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹handan0826@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-2023-1650>,

²tugulova.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>,

³zamira7777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-9224>

В статье исследуется влияние образов, в частности, лисы, из произведений «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина и «Записки о поисках духов» Гань Бао на современную русскую прозу. Материалом исследования послужили сборники Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» и Гань Бао «Записки о поисках духов» в русских переводах. В исследовании используется приём интерпретации, предполагающий опору на контексты, методы сравнительного и сопоставительного анализа, феноменологический подход. В статье представлен обзор столетней истории переводов новелл Пу Сунлина и рассказов Гань Бао на русский язык. На материале произведений В. Пелевина, А. Николашиной, М. Успенского определена степень влияния образов из китайской классической литературы на российскую прозу. Чаще всего заимствуется образ лис-оборотней, наделяющийся в текстах-реципиентах узнаваемыми по источнику качествами – красота, мудрость, страсть, преданность, независимость. При этом такие героини претерпевают личностные изменения в ходе развития сюжета, как, например, в романе В. Пелевина, не оставаясь в статике канонических рамок. «Волшебными» способностями, познаниями в восточной философии обладает также бедный монах в повести М. Успенского. Сама атмосфера «волшебного», «странного» как особый приём позволяет писателям особым языком выделить актуальные проблемы современности. Результаты данного исследования отражают процесс адаптации китайских «рассказов о странном» в российской литературе, сначала как оригинальные произведения в переводе, затем как тексты-доноры для российских писателей. Используемый в работе методологический подход может быть применён для дальнейшего изучения рецепции творчества Пу Сунлина и Гань Бао в русской литературе, а также влияния и адаптации других произведений китайской классики.

Ключевые слова: рецепция, перевод, Пу Сунлин, Ляо Чжяй, влияние на русскую прозу, лисы-оборотни

Original article

On the Issue of the Reception of Chinese "Strange Stories" in Russian Literature

Han Dan¹, Olga D. Tugulova², Zamira D. Bardakhanova³

¹Harbin Pedagogical University, Harbin, China,

²Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia,

³Transbaikal State University, Chita, Russia

¹handan0826@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-2023-1650>,

²tugulova.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>,

³zamira7777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-9224>

The article examines the influence of images, in particular, of a fox, from the works *Liao Zhai's Stories about the Extraordinary* by Pu Songlin and *Notes on the Search for Spirits* by Gan Bao on modern Russian prose. The research material was the collections of Pu Songlin *Liao Zhai's Stories about the Extraordinary* and Gan Bao *Notes on the Search for Spirits* in Russian translations. The study uses an interpretation technique involving reliance on contexts, methods of comparative and comparative analysis, and a phenomenological approach. The article presents an overview of the century-old history of translations of Pu Songlin's novellas and Gan Bao's stories into Russian. Based on the works by V. Pelevin, A. Nikolashina, M. Uspensky, the degree of influence of images from Chinese classical literature on Russian prose is determined. Most often, the image of werewolf

foxes is borrowed, which is endowed in the recipient texts with recognizable qualities from the source – beauty, wisdom, passion, devotion, independence. At the same time, such heroines undergo personal changes during the development of the plot, as, for example, in the novel by V. Pelevin, without remaining in the static canonical framework. The poor monk in the story by M. Uspensky also possesses "magical" abilities and knowledge in Eastern philosophy. The very atmosphere of the "magical", "strange" as a special technique allows writers to highlight topical issues of our time in a special language. The results of this study reflect the process of adaptation of Chinese "strange stories" in Russian literature, first as original works in translation, then as donor texts for Russian writers. The methodological approach used in the work can be applied to further study the reception of Pu Songlin's and Gan Bao's creativity in Russian literature, as well as the influence and adaptation of other works of Chinese classics.

Keywords: reception, translation, Pu Songling, Liao Zhai, influence on Russian prose, werewolf foxes

Введение. История культурного взаимодействия между Россией и Китаем имеет долгую и устойчивую традицию. Советскими и российскими китаеведами переведены на русский язык основные произведения китайской классической литературы, что заложило прочный фундамент для изучения духовных констант китайского общества. Большое распространение среди широкой аудитории получил сборник Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» («Странные истории из кабинета Неудачника»)¹ в переводе академика В. М. Алексеева. С момента публикации первого перевода в 1922 г. его суммарный тираж достиг почти миллиона. В. М. Алексееву принадлежит перевод более 150 новелл из сборника «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном».

«Записки о поисках духов» – сборник рассказов, составленный Гань Бао, историком династии Восточная Цзинь. Первоначально книга была написана в 30 *цзюанях*, и до нас дошло 20 *цзюаней*, включающих в общей сложности 464 рассказа. Большинство содержащихся в нём историй короткие, простые по сюжету и богатые по содержанию. Произведения относятся к так называемым «*рассказам о странном*», традицию которых развил Пу Сунлин.

Указанные сборники, разделённые более чем 1300 годами, связаны между собой, поскольку сборник Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» представляет собой своего рода беллетризованное продолжение «Записок о поисках духов»² Гань Бао, о чём говорит сам Пу Сунлин в автобиографическом предисловии к сборнику своих новелл: «Талантом я не схож с былым

Гань Бао, но страсть люблю, как он, искать бесплотных духов»³.

Вниманием со стороны читателей и исследователей к творчеству Пу Сунлина и Гань Бао не исчерпывается. Образы и мотивы «*рассказов о странном*» нередко используются в той или иной интерпретации в произведениях современных российских писателей.

Целью данной статьи является изучение рецепции творчества Пу Сунлина и Гань Бао в русской литературе. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: сделать обзор истории переводов произведений Пу Сунлина и Гань Бао на русский язык; выявить интертекстуальные связи между произведениями российских писателей второй половины XX–XXI вв. и китайскими «*рассказами о странном*»; изучить образы из «*рассказов о странном*», присутствующие в произведениях В. Пелевина, М. Успенского, А. Николашиной, А. Старобинец.

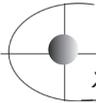
Обзор литературы. Различные аспекты творчества Пу Сунлина представляют актуальный объект исследования для российских и китайских ученых. Так, Е. А. Завидовская в статье «Иллюстрированные издания и народные картины няньхуа к новеллам Пу Сунлина "Описание чудесного из кабинета Ляо"» (2020) приходит к выводу, «что народные картины по "Ляо Чжаю" могли восприниматься покупателями как благожелательные, а также отвечающими спросу на изображения популярного жанра "Картин с красавицами" (美人畫 мэйжэньхуа)» [1, с. 106]. Таким образом, отмечаем, что в России популярность обрели не только новеллы Пу Сунлина, но и народные картины по «Ляо Чжаю».

В работе «Концепция общества и человека в новеллах Пу Сунлина» (2021) Д. Т. Зиямухамедов выделяет различные

¹ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета неудачника / пер. с кит. В. М. Алексеева. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2000. – 776 с.

² Гань Бао. Записки о поисках духов / пер. Л. Н. Меньшикова. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 1994. – 576 с.

³ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета неудачника / пер. с кит. В. М. Алексеева. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2000. – 776 с.

типы центрального в системе персонажей образа лисицы, обосновывает их сюжетообразующую значимость в художественном мире писателя, определяет нравственную нагрузку для интерпретации произведений: «У Пу Сунлина в рассказах существуют феи лисицы и духи лисицы. Разница в ранге лисиц позволяет Пу создавать истории, которые иногда действуют как отражение человеческого мира, имеющего как положительные, так и отрицательные характеристики» [2, с. 31].

Гэ Баоцюань первым из китайских учёных начал изучать историю распространения в Советском Союзе произведений из сборника «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» (1981), им описано содержание первых новелл, переведённых на русский язык [3]. Гэ Баоцюань разбирает издание и переиздание четырёх сборников переводов В. М. Алексеева, а также делает обзор исследований сборника «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» литературоведами в Советском Союзе.

Ли Ицзинь в статьях «Обзор исследований "Описание чудесного из кабинета Ляо" в России и Советском Союзе в XX веке», «Колдовская культура "Описание чудесного из кабинета Ляо" и интерпретация русского перевода В. М. Алексеева» (2013) обращает внимание на отражение китайской культуры в переведённых на русский язык произведениях: «перевод Алексеева не просто является литературным переводом, но и переводом с культурной спецификой» [4, с. 30]. Гао Юхай в работах «Алексеев. "Описание чудесного из кабинета Ляо". Русская переводная версия столетней перемены» (2017), «Столетняя историческая хроника о Ляо Чжай в России» (2021) [5] представил историю переводов «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном». Хань Дань и Чжан Чжицзюнь в статье «Сравнительное исследование стиля русских переводов «Подлинная история» на базе лингвистического корпуса» (2022) отмечают, что стиль перевода В. М. Алексеева оказал влияние на перевод «Подлинной истории» Б. А. Васильевым на русский язык [6].

Материалом исследования послужили сборники «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина и «Записки о поисках духов» Гань Бао в русских переводах, а именно произведения, где сюжетообразующим является образ лисы. Русская литература новейшего времени отмечена по-

явлением повестей и романов, в которых присутствуют образы лисы или монаха, отсылающие к произведениям Пу Сунлина и Гань Бао. Среди таковых, к примеру, можно назвать, например, повесть А. Коростелевой «Цветы корицы, аромат сливы» (2013), юмористический роман М. Успенского «Там, где нас нет» (1995) и его продолжения «Время Оно» (1997)¹, «Кого за смертью посылать» (1998), образующие трилогию «Приключения Жихаря», роман В. Пелевина «Священная книга оборотня» (2004)², А. Старобинец «Лисьи броды» (2022)³.

Методология и методы исследования. Необходимо отметить, что в исследованиях, посвящённых изучению переводных произведений, влияние образов из китайских произведений на русскую прозу редко становится предметом детального анализа. В данном исследовании используется метод интерпретации, предполагающий опору на контексты с целью выявления связей между китайскими и русскими произведениями. Для определения сходства и различия между произведениями применяются методы сравнительного и сопоставительного анализа. Феноменологический подход позволяет актуализировать самоценность художественного произведения и самораскрытие творческого сознания автора через текст.

Результаты исследования. Обсуждение результатов исследования. К переводу «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина обращались в разное время многие китаеведы. Первым переводчиком считается Н. И. Монастырев, которому принадлежит перевод рассказа «Трава Шуй Ман». Академик В. П. Васильев (известный в Китае под именем Ван Сили) перевёл пять рассказов: «Трава Шуй Ман» и «А бао» из 2-й *цзюани*, «Гэн Нянь» и «Мохнатая лиса» из 3-й *цзюани* и «Цзэн Ююй» из 11-й *цзюани* «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном». А. И. Ивановым выполнены переводы семи произведений из сборника, И. Г. Барановым – восьми, Ф. Ф. Даниленко – восемнадцати, П. В. Шкуркиным – одного, однако данные переводы не получили большого распространения в среде российских читателей. А. Г. Сторожук (известный в Китае

¹ Успенский М. Время оно [М]. – СПб.: Терра-Азбука, 1998. – 352 с.

² Пелевин В. Священная книга оборотня. – М.: Эксмо, 2004. – 330 с.

³ Старобинец А. А. Лисьи броды. – М.: Рипол-классик, 2022. – 720 с.

под именем Со Цзявэй) в статье «Русский перевод романов времён династии Тан и династии Цин: история и влияние» выявляет причины, по которым данные новеллы Пу Сунлина не получили должного внимания [7, с. 54–55].

Широкую известность и любовь читателей к произведениям Пу Сунлина обеспечили переводы академика В. М. Алексеева. Его дочь, М. Б. Баньковская, пишет, что у отца Пу Сунлин «входил в университетские курсы как материал для упражнений со словарем», в Китае он «штудировал новеллы с их знатоками и ценителями-сяньшэнами», «в отношении Алексеева к творчеству Пу Сунлина с самого начала научного пути встретились два главных направления его научных интересов – литература и фольклор»¹. «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» произвели на В. М. Алексеева сильное впечатление, впоследствии он со всей тщательностью перевёл произведения сборника, максимально точно передавая особенности «ляочжаевского языка», сложного даже для современников Пу Сунлина. Русский перевод В. М. Алексеева обладал непреходящим очарованием с момента его создания [8, с. 99].

Согласно русскому сайту «Китайская литература», переводы В. М. Алексеева книг «Лисьи чары», «Лисьи чары. Монахи-волшебники» «Рассказы о людях необычайных» и «Странные истории»² в последний раз переиздавались в 2020 г., что свидетельствует о популярности и востребованности новелл Пу Сунлина. По статистическим данным, «Странные истории из кабинета Ляо Чжяя» были опубликованы в России 33 раза.

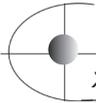
В Китае неоднократно проводились исследования различных аспектов перевода произведений Пу Сунлина на русский язык. Так, профессор Ли Ицзинь подчёркивает, что

¹ Баньковская М. В. Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 298–299.

² Пу Сунлин. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Описание чудесного из кабинета Ляо) / пер. с кит. и предисл. В. М. Алексеева: в 2 т. – СПб.: Гос. изд-во, 1922. – 159 с.; Пу Сунлин. Монахи-волшебники: Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Описание чудесного из кабинета Ляо) / пер. с кит. и предисл. В. М. Алексеева. – М.: Гос. изд-во, 1923. – 278 с.; Пу Сунлин. Рассказы о людях необычайных (из серии новелл Ляо-чжай чжи-и) / пер. с кит. В. М. Алексеева. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. – 494 с.; Пу Сунлин. Странные истории / пер. с кит., прим. и предисл. В. М. Алексеева. – Л.: Мысль, 1928. – 272 с.

в русском переводе «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном» академика В. М. Алексеева даны подробные комментарии по китайским народным обычаям и верованиям, свадебному и похоронному этикету и другим аспектам народной культуры [8]. Ему же принадлежит обзорная работа про «колдовскую литературу» в переводе В. М. Алексеева [9], которая определяет перспективы нового направления для исследования. Цзо Аньфэй на основе выборки репрезентативных случаев из трёх аспектов культуры китайского и русского народов – материальной, духовной и институциональной – проводит сравнительный анализ между оригинальным текстом и русским переводом и выявляет достоинства и недочёты перевода В. М. Алексеева [10]. Чжан Вэньцзе отмечает особенности перевода В. М. Алексеева, который стремился всесторонне использовать транслитерацию, словотворчество, имитацию дословного перевода, разбавленный вольный перевод, интерпретацию и другие приемы, а также давать комментарии к труднообъяснимым или имеющим глубокий культурный подтекст феноменам [11]. Профессор Гао Юйхай, анализируя перевод «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном» В. М. Алексеева, указывает недостатки или неточности предыдущих исследований китайских учёных, рассматривавших сборник Пу Сунлина [12].

Первый перевод «Записок о поисках духов» Гань Бао на русский язык был опубликован в «Восточном альманахе» за 1957 г., куда вошли семь рассказов из сборника в переводе В. Панасюка – «Яшмовая дева с небес», «Хань Пин и его жена», «Цинь Цзюйбо», «Ли Цзи», «Ган Цзян Мо-се», «Дочь правителя княжества У» и «Лу Чун» [13, с. 170–172]. В 1963 г. под редакцией О. Л. Фишман вышел сборник «Восточная новелла», в первом разделе «Средневековые рассказы» были помещены 11 рассказов из «Записок о поисках духов» в переводе Л. Н. Меньшикова: «Цзо Ци», «Ю Цзи», «Сюй Гуан», «Дун Юн и девушка-ткачиха», «Гуаньсюй», «Хуа То», «Класс Ху Му», «Фань Яньшоу», «Ван Даопин», «Песня Динбо», «Тысяча дней вина». В 1989 году в антологии «Путь к Заоблачным вратам» опубликованы 10 рассказов из сборника «Продолжение "Записей о поисках духов"» в переводе К. И. Голыгиной. В 1963 г. в сборник «Волшебное зеркало. Дотанские новеллы» в переводе А. Тишкова и В. Панасюка были включены 22 расска-

за из «Записок о поисках духов». В 1977 г. вышли «Рассказы о необычайном. Сборник дотанских новелл» (переводчики А. Тишков и В. Панасюк).

В 1994 г. опубликован весь сборник «Записки о поисках духов» в переводе известного русского китаевода, исследователя дуньхуанского наследия Л. Н. Меньшикова. Русский перевод сборника «Записки о поисках духов» переиздавался дважды, в 2000 и 2004 гг. Л. Н. Меньшиков не переводил названия глав при работе над «Записками о поисках духов», а заменял названия цифрами, например, первый рассказ в первом томе называется «Шэньнун бянь бай цай (Шэньнун рассекает сто трав)», а в переводе появляется только числовой рубризатор «1.1», первая единица означает первую *цзюань*, а последняя – первый рассказ из 464 рассказов сборника. Первый рассказ второй *цзюани* является 32-м среди 464 рассказов и в переводе нумеруется как «2.32».

В статье «Русский перевод романов династий Тан и Цин: история и влияние» Со Цзявэй отмечает, что в отдельных произведениях русской литературы середины – конца XX в. присутствует влияние китайских «рассказов о странном» [14]. Среди таковых, например, можно назвать романы М. Г. Успенского (1950–2014), В. О. Пелевина.

Так, героиню романа В. О. Пелевина «Священная книга оборотня»¹ зовут А Хули, в переводе с китайского языка означает «сестрёнка-лисичка», коей она и является, произношение её ими на русском языке отсылает к нецензурной брани, что создаёт дополнительный сатирический подтекст. Повествование ведётся от лица лисы-оборотня. А Хули, рассказывая о происхождении имени и своём жизненном опыте, процитировала историю А Цзы из «Записок о поисках духов» Гань Бао, «создателя китайских странных романов», где якобы допущена ошибка в имени, которое должно было быть записано как А Хули. Таким образом, автор романа через имя героини, её путь перерождения, жизненную философию даёт прямую отсылку к традиционному китайскому образу лисы-оборотня. Однако Пелевин не ограничивается прямым заимствованием образа из китайской литературы. В интерпретации писателя образ лисы символизирует всю китайскую культуру с её

философией, стремлением к гармонизации человека в мире природе. А Хули входит в конфликт-диалог-компромисс с оборотнем-волком, символизирующим западную культуру. И снова автор отходит от канона, давая лисе в качестве возлюбленного не человека, которому в Пусунлиновских «рассказах о странном» она помогает, если он обладает нравственными качествами, либо пользуется его жизненной энергией и приводит его к упадку и даже гибели, в случае корыстных его намерений. В романе задумана романтическая история между двумя оборотнями, что вполне можно трактовать как пелевинский символ «упадка современного социума» [15, с. 343].

Образы оборотней, отсылающие непосредственно к «рассказам о странном», органично вписываются и становятся сюжетобразующим элементом художественного мира Пелевина, где сошлись фантастика, постмодернизм, ирония и реальная история. В. Пелевин, неоднократно посещавший Китай, во многих своих произведениях использует образы из китайской культуры, которые становятся символами абсурда социальной действительности и служат средствами обличения и сатиры.

Элемент «странного» присутствует и в вполне реалистической повести «Домик для ангелов» (2013) писательницы из Хабаровска, главного редактора журнала «Дальний Восток» Александры Николашиной [16]. В произведении важное место отводится моменту появления лисицы-оборотня, в образе которого можно предположить альтерэго автора. Оборотничество как волшебство реализуется в повести в следующем за охотой эпизоде, когда по возвращении в посёлок Константин увидел своего друга доктора «с совершенно незнакомой девчонкой – худой, остроносенькой и красно-рыжей. Ну, вылитая наша лисичка!». Костя признаётся, что кое-как удержался, чтобы с ней не поздороваться и не повторить «свою торжественную речь у прощального костра: «Ты – не оборотень, Лиса? Дорогая Ляо, золотая...». Здесь Ляо – отсылка к сборнику Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном».

Помимо образа лисы в произведениях российских писателей присутствуют, например, образы монахов, также отсылающие к творчеству Пу Сунлина, в частности, к разделу «Монахи-волшебники» из сборника «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном».

¹ Пелевин В. Священная книга оборотня. – М.: Эксмо, 2004. – 384 с.

В. М. Алексеевым переведены, в том числе, новеллы «Душа Чанцинского хэшана», «Превращения святого Чэна», «Талисман игрока» и др.

В трилогии М. Г. Успенского «Приключения Жихаря» есть образ положительного героя – Лю седьмого, бедного монаха. Манера его общения, умение творить чудеса – всё однозначно несёт отпечаток Алексеевского Ляо Чжая. В повести «Время оно» из указанной трилогии М. Г. Успенского, помимо образа монаха, упоминаются древнекитайские мифологические Лунная богиня и заяц, толкущий снадобье бессмертия: «– Там должно быть все, необходимое для жизни, – утешал спутников Бедный Монах. – Там встретит нас лунная богиня Гуань-Инь, проведёт во дворец, а священный заяц поделится содержимым своей ступки – толченой травой бессмертия...»¹. В тексте оригинальное имя Лунной богини Чанъэ заменено на имя буддийского божества, женской эманации Авалокитешвары – Гуаньинь. Культурологически многослойные и стилистически разнородные тексты М. Успенского, в том числе за счёт апелляции к феноменам китайской культуры, вовлекают читателя в интертекстуальную игру, причем в зависимости от уровня подготовки читателя предусмотрены и разные уровни доступности игры-восприятия текста.

Роман «Лисьи броды»² Анны Старобинец отличается пересечением нескольких сюжетных линий, соединяющих реальность и фантастику, мистику и мифологию, войну и древние культы.

Центральный персонаж – лиса, не подерживающая отношений со своим кланом, является матерью, что принципиально отличает её от оборотня из китайской культуры, как правило, бесполого, но выбирающего для трансформаций образ прекрасной девушки. Попытки героини выжить в среде людей – бандитов, чекистов, солдат, простых сельчан и защитить свою дочь вскрывают проблемы нравственности, отсылая к традиционной литературе Китая, в которой дидактическая функция превалировала над остальными.

Подробное описание в главе 12 фольклорно-мифологического ритуала: «Лиза остановилась, отдышалась, поправила на

¹ Успенский М. Время оно. – СПб.: Терра-Азбука, 1998. – 352 с.

² Старобинец А. А. Лисьи броды. – М.: Рипол-классик, 2022. – 720 с.

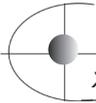
шее цепочку с круглым кулоном и понюхала у себя под мышкой. Ей нравился собственный запах. Но ещё больше ей нравился терпкий запах лесной богини. Когда богиня потела, она пахла прелой землей, смолой и, сильнее всего, можжевельником. Прикрыв чуть раскосые глаза и раздувая ноздри, Лиза уткнулась лицом в синюю гроздь шишкочагод, потом лизнула одну из ягод кончиком языка и привязала красную ленту к можжевельниковой ветке. Прошла босиком по изумрудному, хрусткому, присыпанному сухими иглами мху к алтарю храма Отшельницы-Лисицы. Чугунный колокол, подвешенный к крепившемуся на четырех столбах навесу, болтался на ветру, издавая траурный звон. Она воскурила благовонные палочки, воткнула их в глиняную чашку с пеплом и поставила на жертвенный пень, а рядом с деревянной фигуркой крылатой лисы положила подношение – мертвого петуха» воспроизводит действия Ху-Сянь в рассказе Пу Сунлина «Лис-невидимка, Ху Четвёртый» (пер. В. М. Алексеева).

Интертекстуальные отсылки в романе присутствуют также в виде хождений в потусторонний мир, даосской алхимии и философии, пробуддийской идеи о воздаянии, культовых практик.

Таким образом, рецепция традиции «рассказов о странном», широко развивавшаяся в произведениях Пу Сунлина и Гань Бао, в российской литературе многоаспектна, от читательской рефлексии собственно рассказов, существующих в художественном мире в ставшем классическим переводе В. М. Алексеева, до актуализации различных аспектов и образов китайской литературы в творчестве российских писателей.

Заключение. Классические китайские произведения стали доступны русским читателям через переводы и в известной мере оказали влияние на творчество русских писателей.

Рецепция творчества Гань Бао и Пу Сунлина в произведениях российской литературы проявляется через заимствование образов (лисы, монаха и др.) в различной степени интерпретации, использование «чудесной», «странной» мотивной или сюжетообразующей составляющей, возможность сквозь фантастический мир, населённый нежитью и оборотнями, критически посмотреть на реальную действительность. Удивительные, невероятные, «странные»

образы и события позволяют провести деконструкцию современной социальной и политической мифологии.

Интертекстуальность предоставляет писателям большие возможности для создания макротекстов, усиливая их контекстуальную глубину и символическую многослойность.

В течение века китайская литература распространялась и принималась в России. Русское литературное сообщество по отно-

шению к китайской литературе имеет различные акценты и многополярную ориентацию. При всем изобилии и разнообразии древней китайской литературы, различные акценты и ориентация использования этих образов являются результатом выбора самой российской литературы. Субъективные факторы страны-реципиента играют важную роль в этом выборе, включая исторические традиции народов, культурно-психологические факторы, атмосферу времени и реальные потребности.

Список литературы

1. Завидовская Е. А. Иллюстрированные издания и народные картины няньхуа к новеллам Пу Сунлина «Описание удивительного из кабинета Ляо» // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. Т. 19, № 4. С. 94–107.
2. Зиямухаметов Д. Т. Концепция общества и человека в новеллах Пу Сунлина // Социосфера. 2021. № 3. С. 23–31.
3. Гэ Баоцюань. «Описание чудесного из кабинета Ляо» в России [J] // Знания литературы и истории. 1981. № 04. С. 115–119.
4. Ли Ицзинь. Введение и толкование китайской народной веры и культа в переводе «Описание чудесного из кабинета Ляо» Алексеева // Изучение иностранных языков в Северо-Восточной Азии. 2013. № 02. С. 30–36.
5. Гао Юйхай. Столетняя историческая хроника о Ляочжае в России [J] // Исследования Пу Сунлин. 2021. № 04. С. 116–132.
6. Хань Дань, Чжан Чжицзюнь. Сравнительное исследование стиля русских переводов «Подлинная история» на базе лингвистического корпуса [J] // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2023. № 01. С. 105–116.
7. Со Цзявэй (Сторожук А. Г.). Тандай юй Цинчао дэ сяошо эи: лиши цзи инсян = 索嘉威. 唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學. Перевод на русский язык танских и цинских новелл: история и роль в культуре // Чжунго эюй цзяосюэ [Русский язык в Китае]. 2020. Т. 39, № 2. С. 54–61.
8. Ли Ицзинь. Обзор исследования «Описание чудесного из кабинета Ляо» в России и Советском Союзе в 20-м веке [J] // Исследования Пу Сунлин. 1999. № 01. С. 99–105.
9. Ли Ицзинь. Колдовская культура «Описание чудесного из кабинета Ляо» и интерпретация русского перевода Алексеева [J] // Культура. 2014. № 04. С. 120–124.
10. Цзо Аньфэй. Исследование стратегий компенсации культурного разрыва в русском переводе «Описание чудесного из кабинета Ляо» [D]. Ляонин: Ляонинский ун-т, 2018.
11. Чжан Вэньцзе. Переводческое исследование религиозных и культурных факторов в русском переводе «Описание чудесного из кабинета Ляо» [D]. Шанхай: Шанхайский ун-т междунар. исслед., 2013.
12. Гао Юхай. Алексеев «Описание чудесного из кабинета Ляо» Русская переводная версия столетней перемены [J] // Исследование литературы Мин и Цин. 2017. № 02. С. 170–182.
13. Чэн Вэньян, Перевод и исследование китайских классических романов в России (до династий Мин и Цин) [D]. Нанкай: Нанкайский ун-т, 2017.
14. Сторожук А. Г. Физические вместилища сознания: идейно-философские предпосылки новеллы Пу Сунлина «Прокурор Лу» // Россия – Китай: история и культура: сб. статей и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Фэн, 2019. С. 464–470.
15. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир культуры, науки, образования. 2020. № 3. С. 341–343.
16. Николашина А. В. Домик для ангелов // Дальний Восток. 2013. № 4. С. 31–88.

Информация об авторах

Хань Дань, аспирант; Харбинский Педагогический университет; 150500, Китай, г. Харбин, ул. Шида, 1; handan0826@126.com; <https://orcid.org/0000-0003-2023-1650>.

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а; tugulova.olga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>.

Бардаханова Замира Доржиевна, кандидат филологических наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; zamira7777@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2590-9224>.

Вклад авторов в статью

Хань Дань – организация исследования, подбор материала, построение гипотезы, обзор источников, обоснование методологии, описание истории переводов сборников Пу Сунлина и Гань Бао на русский язык.

Тугулова О. Д. – анализ рецепции и адаптации образов в произведениях российских писателей.

Бардаханова З. Д. – обобщение результатов исследования, написание аннотации на русском и английском языках.

Для цитирования

Хань Дань, Тугулова О. Д., Бардаханова З. Д. К вопросу о рецепции китайских «рассказов о странном» в российской литературе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 48–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

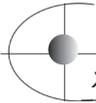
1. Zavidovskaya, E. A. Illustrated editions and folk paintings of nianhua to Pu Songling's short stories "Strange tales from a Liaozhai". Bulletin of the Novosibirsk State University, no. 4, pp. 94–107, 2020. (In Rus.)
2. Ziyamukhametov, D. T. The concept of society and man in the novels by Pu Songling. Penza: Scientific Publishing Center "Sociosphere", no. 3, pp. 23–31, 2021. (In Rus.)
3. Ge, Baotsuan "Strange Tales from a Liaozhai" in the Soviet Union. Beijing: Chinese Literature and History, no. 04, pp. 115–119, 1981. (In Chinese)
4. Li, Yitszin' Introduction and interpretation of the Chinese folk faith and cult in the translation of Alekseev's Description of the Miraculous from Liao's Study. Study of Foreign Languages in Northeast Asia, no. 02, pp. 30–36, 2013. (In Chinese).
5. Gao, Yuhai Centenary historical chronicle of Liaozhai in Russia [J]. Pu Songling Research, no. 04, pp. 116–132, 2021. (In Chinese).
6. Han, Dan, Zhang Zhijun. Comparative study of the style of Russian translations "True History" on the basis of the linguistic corpus [J]. Foreign languages and teaching foreign languages, no. 01, pp. 105–116, 2023. (In Chinese).
7. So, Tszyavei (Storozhuk A. G.). Russian Translation of Tang and Qing Novels: History and Influence. Russian in China, no. 2, pp. 54–61, 2020. (In Chinese).
8. Li, Yitszin' A review of the research on "Strange Tales from a Liaozhai" by Russia and the Soviet Union in the 20th century. Research on Pu Songling, no. 01, pp. 99–105, 1999. (In Chinese)
9. Li, Yitszin' The Witchcraft Culture of "Strange Tales from a Liaozhai" and Alekseev's Russian Translation Interpretation. Journals "Culture", no. 04, pp. 120–124, 2014. (In Chinese)
10. Zuo, Anfei A Study of Cultural Gap Compensation Strategies in the Russian Translation of "Description of the Miraculous from the Liao Study" [D], Liaoning University, 2018. (In Chinese)
11. Zhang, Ventsze Translation Study of Religious and Cultural Factors in the Russian Translation of "A Description of the Miraculous from Liao's Study" [D], Shanghai University of International Studies, 2013. (In Chinese)
12. Gao, Yuhai Alekseev's "Strange Tales from a Liaozhai" Russian translation has changed over the past 100 years. Research on Ming and Qing Fiction, no. 02, pp. 170–182, 2017. (In Chinese)
13. Chen Ven'yan. Translation and Research of Chinese Classical Novels in Russia (Before the Ming and Qing Dynasties). Nankai University, 2017. (In Chinese)
14. Storozhuk, A. G. Physical receptacles of consciousness: ideological and philosophical premises of Pu Songling's short story "Prosecutor Lu". Kazan: Feng, 2019: 464–470. (In Rus.)
15. Guo Wei. Werewolf foxes in Chinese literature and art and in the work by V. Pelevin. World of Culture, Science, Education, no. 3, pp. 341–343, 2020. (In Rus.)
16. Nikolashina, A. V. House for angels. Far East, no. 4, pp. 31–88, 2013. (In Rus.)

Information about the authors

Han Dan, PhD student; Harbin Pedagogical University; 1 Shi Da st., Song Bay District, Harbin, 150500 China; handan0826@126.com; <https://orcid.org/0000-0003-2023-1650>.

Tugulova Olga D., Candidate of Philology; Dorzhi Banzarov Buryat State University; 24a Smolina st. Ulan-Ude, Buryatia, Russia, 670000; tugulova.olga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>.

Bardakhanova Zamira D., Candidate of Philology; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; zamira7777@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2590-9224>.

Contribution of authors to the article

Han Dan – organization of research, selection of material, hypothesis building, review of sources, justification of methodology, description of the history of translations of collections of Pu Songlin and Gan Bao into Russian.

Tugulova O. D. – analysis of the reception and adaptation of images in the works of Russian writers.

Bardakhanova Z. D. – generalization of the research results, writing an abstract in Russian and English.

For citation

Han Dan, Tugulova O. D., Bardakhanova Z. D. On the Issue of the Reception of Chinese "Strange Stories" in Russian Literature // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 48–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-48-56.

***Received: June 20, 2023; approved after reviewing July 25, 2023;
accepted for publication July 29, 2023.***

МЕНТАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

MENTAL AND LINGUOCULTURAL SPACE OF DISCOURSE

Научная статья

УДК 8113

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-57-66

И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога

Халида Сиями Эйдлак¹, Бахаре Чераги²

¹Боджнордский университет, г. Боджнорд, Иран,

²Университет им. Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран

¹kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>,

²bahareh.cheraghi@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>

В развитии иранского литературоведения переводы произведений великого русского баснописца И. А. Крылова способствуют взаимопроникновению и взаимообогащению культур двух народов. Данная статья содержит анализ переводческих интерпретаций басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» на иранском языке, воспроизведённых с языка оригинала через язык-посредник (английский язык). В работе подчёркивается значение перевода литературного наследия И. А. Крылова на развитие и взаимодействие культурных отношений между Ираном и Россией. Актуальность работы обусловлена подъёмом интереса иранских читателей к многомерным переводческими вариациями произведений И. А. Крылова с разных языковых культур. В результате данного явления возникает и больший интерес исследователей в области сопоставительно-семантического анализа соответствия их оригиналу. Крыловское наследие насчитывает 236 басен, в связи с чем в рамках данной научной статьи авторами в качестве материала исследования была избрана басня «Ворона и Лисица», которая прочно вошла в культурную жизнь иранского народа и, к тому же, соответствует воспитательному менталитету, как подрастающего поколения, так и всего иранского общества. Цель исследования – соотнести текст оригинала басни «Ворона и лиса» с различными его переводческими интерпретациями на персидском языке. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материала в процессе преподавания творчества русского баснописца в вузах институт российской истории, а также в качестве примера по предмету теории перевода художественных текстов. В статье впервые предпринята попытка изучения творчества И. А. Крылова через сопоставительно-семантический анализ басни «Ворона и Лисица» в изданиях на иранском языке переведённых с разных языков-источников.

Ключевые слова: перевод, Иван Андреевич Крылов, Иран, Россия, литература, «Ворона и лисица»

Original article

I. A. Krylov in the Mirror of Russian-Persian Intercultural Dialogue

Khalida Siyami Eidlak¹, Bahareh Cheraghi²

¹University of Bojnord, Bojnord, Iran, ²Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

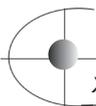
¹kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>,

²bahareh.cheraghi@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>

In the development of Iranian literary criticism, translations of the works of the great Russian fabulist I. A. Krylov contribute to the interpenetration and mutual enrichment of the cultures of the two countries. This article contains an analysis of translation interpretations of the fable by I. A. Krylov's The Crow and the Fox in

© Халида Сиями Эйдлак, Бахаре Чераги, 2023

Iranian, produced both from the original language and through an intermediary language, or rather from English. The paper emphasizes the importance of translating the literary heritage of I. A. Krylov on the development and interaction of cultural relations between Iran and Russia. The relevance of the work is due to the rise in the interest of Iranian readers to the multidimensional translation variations of the works by I. A. Krylov from different linguistic cultures. As a result of this phenomenon, there is also a greater interest of researchers in the field of comparative semantic analysis of their correspondence to the original. The Krylov heritage includes 236 fables, in connection with which, in the framework of this study, the authors chose the fable The Crow and the Fox as the methodological basis for the study. This fable has firmly entered the cultural life of the Iranian people and corresponds to the educational mentality of both the younger generation and the entire Iranian society. The purpose of the study is to make a comparative analysis of the text of the original fable The Crow and the Fox with its various translations in Persian. The practical significance of the study lies in the possibility of using the material in the process of teaching the work of the Russian fabulist in the universities of Iran, as well as as an example in the subject of the theory of translation of literary texts. The novelty of the work lies in the fact that at the moment it is the first attempt to study the work of I. A. Krylov through a comparative semantic analysis of the fable The Crow and the Fox in publications in Iranian translated from different source languages.

Keywords: translation, Ivan Andreevich Krylov, Iran, Russia, literature, The Crow and the Fox

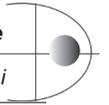
Введение. На данный момент русско-иранские отношения переживают взлёт во всех областях соприкосновения и одним из основных путей взаимодействия и взаимообогащения в области культуры и межкультурного диалога России и Ирана. На современном этапе популяризируются и публикуются произведения русских классиков в Иране. Проблема литературного взаимодействия через призму творчества отдельных писателей стала одной из ведущих в исследованиях литературоведов. Особое внимание уделяется проблемам освоения творчества русских писателей и их влиянию на национальные литературы [1, с. 5]. Русско-персидские культурные отношения, а именно в области литературы являются сравнительно новым явлением и вызывают всё больший интерес иранских исследователей и читателей к произведениям русских классиков. По словам профессора Тегеранского Университета Дж. Карими-Мотакхар, «Русские переводные произведения становились частью национальной литературы, способствовали её обогащению и развитию. И сейчас мы смело можем сказать, что без учёта переводной литературы картина национального литературного развития не будет полной» [2, с. 1]. В наше время перевод стал одной из основных форм взаимосвязи между народами. Необходимость сделать достоянием своего народа духовные богатства других народов путём перевода так естественно, что не нуждается в объяснении [3]. «Новая волна интереса к русской литературе спровоцировала в начале XXI века бум переводов. Переводчики нового поколения отличаются от своих предшественников тем, что работают напрямую с языком оригинала, а не с языками-посредниками (ан-

глийским или французским), как было раньше» [4, с. 3].

С именем И. А. Крылова в мировой и русской литературе связывают развитие баснописания. «И. А. Крылов – русский поэт, сатирик и драматург XVIII века. А. С. Пушкин назвал Крылова "во всех отношениях самым народным нашим поэтом". В. Г. Белинский подчёркивал народность басен Ивана Андреевича. Он писал, что басни Крылова – сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка, они отличаются простодушием и народностью» [5, с. 176].

Произведения И. А. Крылова были переведены на 50 языков мира, они оказали огромное влияние на развитие мировой литературы, и Иран в данном отношении не является исключением. Персидские интерпретации басен И. А. Крылова сыграли знаковую роль в переводческой деятельности иранских переводчиков и внесли неоценимый вклад в развитие персидской литературы и литературоведения. Первые знакомства с баснями И. А. Крылова у персидских читателей произошли в середине XX в. при посредстве переводчиков с английского и французского языков. К ним относятся труды Х. Ягмаи, С. Алипур, Н. Саади и др. Б. С. Азабдафари, переводчик басен И. А. Крылова с английского языка на персидский, приводит слова английского русиста Бернарда Пэйрза: «Его творческий путь совпадает с зарождением современной русской литературы, а сам он является одним из пионеров классической русской литературы» [6, с. 28].

Благодаря деятельности переводчиков первое знакомство иранских учеников с баснями Крылова начинается в средних образовательных учреждениях, а отдельные бас-

ни И. А. Крылова даже рекомендованы Министерством образования Ирана к изучению уже в начальных классах. Более подробно творчество баснописца И. А. Крылова изучается в вузах Ирана в рамках таких учебных предметов, как: «Знакомство с русской литературой XVIII–XIX веков» – при ознакомлении с творчеством писателей данного периода; «Теория литературоведения» – при знакомстве с малыми эпическими жанрами; «Литературные течения и направления» – при изучении литературного направления – реализм.

Творчество И. А. Крылова открыло, как для переводчиков, так и для иранского читателя новую ступень литературно-культурных связей России и Ирана. Басни Крылова способствуют в Иране глубокому взаимопроникновению культур и представляют особую воспитательную ценность, так как иранский читатель находит в них наставления, которые веками ценятся иранским обществом. Известно, что на Крылова как баснописца оказало сильное влияние творчество Лафонтена, который обращался в своём творчестве к восточным мотивам, сюжетам и образам таких персидских поэтов, как Хакима Локмани, Саади Ширази, Джалал ад-Дина Руми. Да и сам Крылов подчёркивал, что значительная часть его басен наполнены поучительным духом персидского фольклора. Именно поэтому басни Крылова с лёгкостью оседают в персидской литературе как элемент взаимопроникновения и взаимообогащения литературного и культурного развития русского и иранского народов, а иранский читатель с лёгкостью находит в баснях Крылова восточно-персидскую основу, которая пришла изда-лека, но так схожа с их родной.

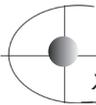
В исследовании впервые подвергаются сопоставительно-сравнительному анализу басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» и его переводческие интерпретации на персидском языке, выполненные с русского и с английского языков, с целью выявить соответствие текста оригинала двум представленным переводческим интерпретациям. Общеизвестно, что сюжет обозначенной басни был использован многими баснописцами. «...Широко известная басня "Ворона и Лисица" с таким же точно названием встречается и у Эзопа, и у Лафонтена. Этот же сюжет описан и у Тредиаковского, и у Сумарокова, и у Хераскова, на этот же сюжет, с таким же названием написал басню и Крылов» [9].

Мы неслучайно остановили наш выбор на басне «Ворона и Лисица». Являясь одним из самых известных творений И. А. Крылова, она занимает особую нишу не только в творчестве самого писателя, но и в культуре персидского народа она имеет немаловажное значение. Это связано с тем, что с самого раннего возраста иранских малышей данная басня занимает особое место в их нравственно-воспитательном процессе. Очень часто по местному телевидению и радиовещанию проходит трансляция мультипликационного фильма с одноимённым названием, а также используются выражения и цитаты из басни в передачах познавательного характера. Следовательно, данная басня полностью соответствует воспитательной доктрине персидского менталитета.

На данный момент в Иране известно несколько вариантов перевода данного произведения. Иранская версия басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» представлена переводами Х. Яагмаи, Н. Саиди и М. Иражд, которые работали с французским вариантом басен Лафонтена. Перевод Б. С. Азабдафтари опирается на английский текст Б. Пареса, созданный на основе русского варианта басни. Н. В. Крицкая, исследователь переводов басен И. А. Крылова на английском языке, утверждает: «...тот, кто был знаком с банями Крылова в оригинале, не мог быть удовлетворен их прозаическим воспроизведением...по сути дела, эти переводы надвое разбивали комплексное, фразеологически нерушимое понятие "басни Крылова" и изымали из него последний, "авторский" компонент с тем результатом, что если их можно безоговорочно назвать "баснями", то "баснями Крылова" назвать их нельзя» [8, с. 186]. Нами был выявлен один единственный перевод, сделанный с русского языка преподавателем РКИ в Иране Л. Ханджани [9].

Исходя из вышеизложенного, объектом нашего исследования является своеобразие трансформаций интерпретаций произведений одной культуры на язык другой, как с исходного языка, так и с языка-посредника. Предметом исследования являются басня «Ворона и лиса» И. А. Крылова на русском языке и две его интерпретации на персидском языке, под названием "Kalagh va rubah".

А что такое в нашем понимании является басня? Дж. Хорган называет басни историями: «... изображающие животных или насекомых, например лисиц, кузнечиков,

лягушек, кошек, собак, муравьев, крабов, оленей и обезьян, представляющих людей, вовлеченных в ситуации, подобные человеческим (вера, известная как аминизм)» [10].

Рассуждая на эту тему, В. А. Жуковский подчёркивает: «Стихотворный рассказ-происшествие, в котором действующими лицами обыкновенно бывают или животные, или твари неодушевленные. Цель сего рассказа – впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой общежития и, следовательно, более или менее полезной» [11, с. 402].

Иранский исследователь М. Джафари на тему басни рассуждает следующим образом: «Басня – это один из самых древних повествовательных литературных жанров. Персидские басни рассказываются в прозе, и иногда в стихах... Основная тематика аллегорических басен связана с практической жизнью и способами решения повседневных проблем, то есть с мирскими категориями» [12, с. 149].

Процесс перевода текста с одного языка на другой является актом межкультурной коммуникации, репрезентацией культуры носителей исходного языка на язык перевода сквозь призму языковой личности переводчика [13].

Опираясь на высказывание С. Табарова, М. Б. Галимова в исследовании пишет: «Произведения великого литератора одного народа должен переводить великий литератор другого народа» [14, с. 116].

Художественный перевод значительно отличается от других видов перевода и подчёркивает идею непереводаемости литературных произведений, особенно стихотворных форм, являясь в противном случае лишь слабым отражением исходного текста, указывает З. Мохаммади [15, с. 141].

Однако, как утверждает К. Сафави: «Каждый язык обладает необходимыми и достаточными возможностями для полноценной коммуникации, и они могут быть использованы в процессе перевода. Перевод может быть дословным, предложение за предложением или свободным» [16, с. 17]. Верное воспроизведение стиля является одной из главных задач переводчика, ибо индивидуальный стиль писателя и составляет, как правило, то неповторимое, что есть в каждом произведении. Произведение, лишённое в переводе индивидуальных черт, в огромной степени теряет эстетическую ценность [17, с. 13].

Иранский исследователь М. Дж. Таваколи отмечает, что принцип верности перевода, будучи основным критерием переводной оценки, заключается в усилиях, которые переводчик прикладывает чтобы достоверно передать авторский смысл [18, с. 171].

Исследуя басни Крылова на английском языке, Н. В. Крицкая указывает, что англичане сомневались в возможностях перевода русской лирики: «... допускали как поэтическую, так и прозаическую форму воплощения авторского замысла» [19, с. 71]. Однако В. Г. Белинский высказал мнение, что басни И. А. Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать ... и в таком случае от них не останется ничего хорошего, авторского [20, с. 574].

Из вышесказанного вытекает актуальность нашего исследования, которая представлена своевременным интересом проведения сопоставительного анализа в семантическом аспекте переводческих интерпретаций басни И. А. Крылова на персидском языке, выполненных с русского и английского языков, так как произведения гениального автора русских басен на персидском языке и их соответствие оригиналу до настоящего времени являются не исследованной проблемой.

Методы и методология исследования.

В данной работе авторы, исходя из цели исследования, опирались на: а) метод сопоставительного и лингвистического анализа, при построении детального сравнении подлинника и его интерпретаций на персидском языке; б) историко-литературный методы исследования при выявлении сходств и различий взглядов автора и переводчиков на ряд вопросов мировоззрения и мировосприятия; в) сравнительный метод, который позволяет достаточно подробно представить роль интерпретаций басни И. А. Крылова на персидском языке. Для решения обозначенной цели авторы использовали теоретические и методологические положения в области перевода и межкультурного взаимодействия и коммуникации российских и иранских специалистов-исследователей, таких как Т. В. Ковалева, Л. С. Бархударов, М. Дж. Таваколи, К. Сафави и др. Теоретическим материалом для последующего сопоставительно лингвистического анализа послужили басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» и перевод выполненный Л. Ханджани с языка подлинника и перевод, выполненный Б. Азабдафари с английского языка.

Результаты исследования и их об- суждение. Далее представлен более подробный построчный анализ данных двух интерпретаций басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» на персидском языке.

Общеизвестно, что существует несколько версий данной басни: Эзопа, Лафантена, Сумарокова т. д. Сюжет басни И. А. Крылова начинается со строки: *Вороне где-то бог послал кусочек сыру.*

Перевод данной строчки, сделанный с английского языка, *باری، خداوند تکه پنیری را نصیب کلاغی کرد* характеризуется наличием слов, не имеющих в тексте. Например, [bari] – «*как-то раз*» указывает на приближение переводимого отрывка к легкому и быстрому пониманию ее детской аудиторией, так как народные иранские сказки начинаются со слов *либо [eki bud eki nabud] – было ли не было ли, либо [bari] – как-то раз.*

Перевод с русского языка звучит следующим образом *خداوند تکه پنیری را نصیب کلاغ سیاهی کرد*, где автор переводчик добавил к слову Ворона эпитет [siahi] что означает цвет «*чёрный*». Следует отметить, что автор сознательно вводит данный эпитет. Это связано с тем, что в Иране имеется несколько вариантов перевода данной басни, произведенных с вариантов английских, французских и других авторов. Обратившись к данным переводам, мы обнаружили, что переводчики использовали «*сорока*» в качестве главной героини басни – *زاغ – zagh* вместо вороны – *کلاغ [kalagh]*. Известно, что данные роды птицы имеют принципиальное отличие в своей окраске. Следовательно, автор-переводчик постарался точно передать род птицы через данный эпитет, т. е. путём описания окраса его оперения.

Далее отметим, что Крылов использовал «*бог послал*» и данная строчка очень близка к культуре иранского народа, так как любой иранец, будучи религиозной личностью, часто в своей речи использует выражение «*дай бог*», «*бог даст*» и т. д. Таким образом, в данной строчке можно найти переплетение русской и персидской лингвокультур.

Следующий отрывок басни: *На ель Ворона взгромоздясь, Позавтракать было совсем уж собралась, Да призадумалась, а сыр во рту держала.*

Б. С. Азабдафари приводит следующий перевод этих строк: *کلاغ در حالی که قالب پنیر را به منقار داشت روی درخت کاج فرود آمد*. В данном отрывке перевод выполнен в произвольной повествовательной форме, что в принципе

не противоречит жанровому стилю иранской басни. «*Взгромоздиться*» имеет значение взобраться с усилием на что-нибудь высокое. Переводчик использовал слово [forod amäd], что означает «*высадиться на чем-либо*». Однако переводчик по совершенно непонятным причинам опустил следующую строку: *Позавтракать совсем уж было собралась.* При переводе с русского языка переводчик использует слово [neshäst] в значении «*сидеть*»: *کلاغ بر درخت کاجی نشست ، آماده صبحانه خوردن بود و تکه پنیر در دهانش بود که در غرق افگارش شد.*

Пытаясь сохранить сходство с текстом И. А. Крылова, переводчик вместо слова [menghar] – *клюв*, как это было сделано с английского текста, использовал [dahan] в значении *рот*. Отметим, что данный перевод выполнен, по сравнению с переводом с английского языка, мастерски искусно. Переводчик сумел сохранить ясность мысли и простоту изложения.

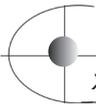
Следующая строка И. А. Крылова звучит: *На ту беду Лиса близехонько бежала.*

Перевод Б. С. Азабдафари звучит следующим образом: *از شانس بد روبهی در آن اثنا از آنجا رد می شد*. Автору не удалось передать слово «*близехонько*», свойственное народнопоэтическому стилю, и использует [räd mishod], в значении наречия «*мимо*» пройти, что также противоречит действию «*бежала*». Перевод, предложенный с русского текста, выглядит как: *از بخت بد روبهی دوان دوان از کنار درخت می گذشت*. В данном варианте переводчик предпочёл также употребить глагол [dävandävan migozasht], близкое по значению к глаголу «*бежать*» с наречием «*мимо*» (дерева).

Обратимся к следующему отрывку: *Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.*

В переводе с английского текста переводчик лишь указал, что запах сыра доносился до Лисицы, а вид сыра вызвал у него слюноотделение: *بوی پنیر به دماغش می خورد و از دیدن قالب بوی پنیر مانع از ادامه ی حرکتش شد. روبه پنیری: بوی پنیر مانع از دید که هوش از سرش برده است* на то, что запах сыра стал причиной того, что Лисица не смогла дальше продолжить свой путь, что явно намного ближе к тексту оригинала. Однако переводчик, синтаксически переосмыслив данный отрывок, посчитал целесообразным разделить его на два простых предложения.

В следующем эпизоде басни автор называет Лисицу плутовкой: *Плутовка к дере-*

ву на цыпочках подходит. Согласно статьям толковых словарей «плутовка» определяется как лукавая обманщица. Отметим, что в русской языковой картине мира лиса характеризуется как обольстительница и олицетворяет такие качества характера, как хитрость, красноречие и притворство.

В переводе данного отрезка басни переводчик Б. С. Азабдафтари, желая указать на данные характеристики использует слово [dozdäki], т. е. представляет персонаж скорее в образе воровки, чем плутовки: آرام و دزدکی به درخت نزدیک می شود. Однако в переводе с оригинала автор попытался не отступать от оригинала и представил его следующей фразой: حيله گر با نوک پا و آرام به درخت نزدیک شد.

Из приведённых фраз видно, что переводчик, работая с текстом на английском языке, необоснованно удалил из текста одно эмоционально-оценочное слово – «плутовка», эквивалентом которого в персидском языке является [hilegar], и заменил его на другое – «воровку». Мы можем предположить, что в английском варианте басни И. А. Крылова, выполненным Б. Пэйрзом, лиса представлена в образе воровки и именно поэтому Б. С. Азабдафтари заменил её «плутовку». В переводе с русского языка переводчик сохранил самобытность русского фольклорного жанра. Отметим, что и в персидской языковой картине мира лиса так же, как и в русском языке, является персонажем, олицетворяющим аналогичные с русской лингвокультурой качества.

В данном переводном отрезке также можно выделить ошибку в переводе способа передвижения. Переводчик использует эквивалентом «на цыпочках» персидское аналитическое выражение [ba poke ra], т. е. буквально как «на кончиках ног», в то время, когда имеется более звучное и точное эквивалентное выражение [pavärchin].

Следующие строки басни: *Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит, И говорит так сладко, чуть дыша.*

Перевод басни, сделанный с английского языка, утратил наречие «сладко», что характеризует в русской лингвокультуре красноречивость Лисицы: آرام لب به سخن می گشاید. Поэтому перевод, сделанный с родного языка И. А. Крылова, более достоверно передаёт данные характерные качества персонажа при помощи [ba shirini]. Однако автор передаёт данное выражение в форме прошедшего времени: اندکی نفس تازه کرد و با شیرین زبانی گفت.

В русском языке фразеологизм «чуть дыша» означает «чрезвычайно осторожно, чуть слышно». Эквивалентом ему в персидском языке является оборот [be agämi], что и было употреблено переводчиком с английского языка, в отличие от переводчика с русского языка. Таким образом, в данном случае первый перевод является более достоверным по отношению ко второму. Однако второй перевод не утерял своей оригинальности и красноречивости.

В следующих строках басни: *«Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, так право, сказки! Какие перышки! какой носок! И верно ангельский был должен голосок! Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица, При красоте такой и петь ты мастерица, – Ведь ты б у нас была царь-птица!».*

Для передачи язвительной красноречивости Лисицы И. А. Крылов использует следующие выразительные средства языка: эпитеты, восклицательную интонацию, а также уменьшительно-ласкательные суффиксы. Примечательно что авторы обоих переводов попытались сохранить речевую выразительность персонажа, используя различную интерпретацию прямой речи, как при помощи восклицательных предложений, так и эпитетов. Однако персидская грамматика характеризуется отсутствием уменьшительно-ласкательных суффиксов передающих экспрессивную окраску – положительную оценку, выражение симпатии. С этой целью авторы-переводчики для передачи выразительности слов «глазки», «перышки», «носок», «голосок», «шейка» и т. д. вынуждены были использовать восклицательные частицы [che], [chegädr], [än] и [äjäb]. Выразительность использованных автором обращений, такие как «голубушка» переводчики передали при помощи эпитетов [mähbube man] и [pärende mähbub], а «сестрица» его прямым эквивалентом – неэмоциональным «сестра» [kähär], где возможно было бы предпочтительнее использовать более эмоциональное [kähärjun]. Однако, в переводе с английского языка была полностью удалена одна из строк: *Рассказывать, так, право, сказки!* Переводчик использовал приём упрощения текста, тем самым лишив его исключительной крыловской выразительности.

Далее не менее значимым для русской языковой картины мира является выражение из басни: *«Вещуньяина с похвал вскружилась*

голова, ...». Переводчик Б. С. Азабдафари данную строку приводит как: کلاغ نادان از شنیدن مدیحه ی روباه از خود بی خود می شود. Автор называет Ворону نادان [nadan], что имеет значение «глупая». Однако «вещунами» в русской лингвокультуре называют предсказателей, что и было зафиксировано в переводе с языка оригинала при помощи слова خبرچین [häbärchin]: کلاغ خبرچین مجذوب تمجیدهای روباه شد. Однако если учесть, что басни носят аллегорический характер, то авторам-переводчикам следовало бы учесть, что ворон в русской лингвокультуре является птицей, символизирующей мудрость и опыт, а ворона же, как представительница женского пола данного рода птиц, в русской лингвокультуре ассоциируется с такими качествами характера как невежество и глупость. Вороной также называют людей-болтунов и сплетников. Таким образом, в русской фольклористике ворона и ворон это совсем разные по характеру поведения персонажи. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что Крылов И. А. таким образом язвительно иронизирует и насмехается, называя ворону вещуньей. Возвращаясь к переведённым текстам, выходит, что правильным изложением смысла фразы всё-таки является перевод с английского языка, где переводчик довольно точно передал тонкую иронию И. А. Крылова.

Основным признаком басни является наличие в ней морали. Мораль басни И. А. Крылова заключается в следующих строках: *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок, И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

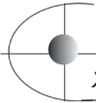
Перевод с английского языка выглядит следующим образом: جقدر به ما گفته اند که تملق کار زشت و پستی است! شخصی متملق همیشه در دل ماجایی پیدا میکند.

Из приведённого примера наглядно видно, что автор с целью показать эмоциональность морали басни, хотя он и передаёт общее содержание отрывка, делит речь на части и вводит в речь восклицательные предложения, чего явно не достаёт в переводе, сделанном преподавателями РКИ в Иране. Например: اینکه تملق منفور است و پر گزند بار ها به مردمجهان گفته شده اما این تکرار برای عاقبت اندیست نیست فایدهای نیز ندارد چراکه آدم چاپلوسی همیشه گوشه ای از قلب را می یابد. Здесь перевод содержит практически дословно переведенную мораль. Однако речь не эмоциональна, отсутствуют восклицательные предложения и частицы.

Заключение. Нами был проведён сопоставительно-сравнительный анализ интерпретаций на персидском языке текста басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица», выполненных с русского языка преподавателем русского как иностранного в Иране Л. Ханджани и с английского варианта автора Бернарда Пэйрза, выполненный Б. С. Азабдафари. Отметим, что перевод «Вороны и Лисицы», сделанный с английского источника, стал на сегодняшний день неотъемлемой частью персидской литературы и культуры.

На основании проведённого аналитического исследования интерпретаций басни, можно сделать вывод, что принципиально важных отличий в исследуемых переводах не было обнаружено. Обе исследованных нами интерпретации перевода басни выполнены согласно принципу функционального соответствия переводного и оригинального текста, что характеризуется отсутствием для истинного её толкования существенных изменений. Авторы путём различных переводческих трансформаций пытались сохранить в пределах возможного соответствия экспрессивно-эмоциональный окрас произведения, его художественно-идейное содержание и пафос. Переводчики избегали внесения изменений в текст, не вносили каких-либо собственных умозаключений, не дополняли персидскими изречениями и выражениями. Таким образом, переводы данной басни на персидском языке довольно близки по своему смыслу к оригиналу. Переводчики пытались сохранить самобытность и национальный культурный колорит произведения, стремились передать тонкости языка басни. Однако, с точки зрения авторов, басня, переведённая Б. С. Азабдафари с английского источника, утратила свойственную крыловским басням непосредственность и больше приближена к пересказу, чем художественному переводу. Помимо этого, работа над переводом данного автора осуществлялась через перевод-посредник, в результате чего текст все-таки приобрёл некую специфику английской культуры.

Было выявлено, что при переводе были использованы различные способы адекватного перевода, особенно столкнувшись с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в силу того, что данная морфологическая особенность отсутствует в персидском языке, переводчики прибегли к использованию восклицательных частиц.

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» написана в стихотворной форме соблюдением рифмовки, вольным разностопным ямбом и включает 26 строк. Варианты исследуемых нами переводов басен на персидском языке выполнены в форме свободного перевода и без строгого соблюдения рифмовки. Выше мы указывали, что жанровое своеобразие персидской басни позволяет прозаическую форму повествования, в отличие от русской басни. В связи с этим, у переводчиков оказались значительные расхождения в его метрике и некоторые расхождения с оригиналом относительно текстового объема произведения, в связи с внутритекстовыми сокращениями, усечениями и видоизменениями. Перевод басни произведённый с родного языка И. А. Крылова, т. е. с русского языка, состоит из 20 строк, а перевод Б. С. Азабдафари с английского источника уложился в 15 строк. Здесь возникает необходимость подчеркнуть, что в обоих вариациях пере-

водов хоть и сохранено содержание текста, однако были утрачены красота и своеобразие басен И. А. Крылова.

Отметим, что в цель нашего сопоставительного анализа не входило выявление какой перевод из данных вариантов является лучшим по отношению к другому, и потому наш анализ несколько не умиляет заслуг переводчиков в процессе становления художественного перевода в Иране.

Переводы басен И. А. Крылова, несомненно, играют значимую роль в обогащении литературы персидского народа. Переводы произведений И. А. Крылова способствуют в Иране большему взаимопроникновению и взаимообогащению художественных культур. В перспективы нашего исследования входит возможность продолжения более подробного сопоставительно-сравнительного изучения интерпретаций басни И. А. Крылова и их персидских интерпретаций, с целью выявления различий и сходств в данном направлении.

Список литературы

1. Саидова М. Ш. Особенности перевода произведений Н. С. Гумилева на таджикский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Душанбе, 2021. 155 с.
2. Карими-Мотаххар Дж. Перевод русской литературы в Иране. Ч. 1. URL: <https://www.tebyan.net/index.aspx?pid=184506> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
3. Макибаева А. М. Перевод как одна из форм литературных взаимосвязей (на примере перевода поэзии Гёте). URL: <https://articlekz.com/article/23669> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
4. Пулаки П. Переводы произведений В. В. Маяковского и М. А. Шолохова в Иране: проблемы интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2020. 32 с.
5. Жарикова Е. Е. Изучение творчества И. А. Крылова иностранными студентами (на примере басни «Ворона и лисица») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 8. С. 176–178.
6. Азабдафари Б. Иван Андреевич Крылов. Аллегорические анекдоты. Тегеран: Нилуфар, 2013. 217 с.
7. Исаков К. А. Влияние И. А. Крылова на жанр кыргызской басни. Текст: электронный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4–6. С. 1231–1234. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9170> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Крицкая Н. В. Басни И. А. Крылова в зеркале русско-английского диалога: аспекты преображения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. 183–187.
9. Ханджани Л., Рагаки П. Б. Иван Андреевич Крылов: полное собрание басен, стихов, эпиграмм. Гилан: Публикации Гилянского университета, 2020. 110 с.
10. Хорган Дж. Басни Эзопа. Энциклопедия всемирной истории. Март. 2014. URL: <https://www.worldhistory.org/article/664/aesops-fables> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
11. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное изд-во худ. лит-ры, 1960. Т. 4. С. 402–418. URL: https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/02prose_rarets/318.ht (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
12. Джафари Канавати М. Аллегорические мифы // Культура иранского народа. Лето 2009. № 17. С. 145–161.
13. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Л., 1984. 16 с. (дата обращения: 10.03.2022). URL: <https://studfiles.net/preview/3299583> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
14. Галимова М. Б. И. А. Крылов и таджикская литература (проблемы перевода его басен на таджикский язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.087. Душанбе. 2021. 164 с.
15. Моххамеди З. Неудачи переводов русских произведений на персидский язык (на примере перевода повестей Александра Пушкина) // Лингвистические исследования иностранных языков. 2012. Т. 2. С. 137–147.

16. Сафави К. Семь речей о переводе. Тегеран: Maad Book Markaz Publishing, 2003. 80 с.
17. Холботурова С. С. Особенности перевода поэзии А. Блока на таджикский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Душанбе, 2019. 26 с.
18. Таваколи М. Дж. Принципы и основы сравнительного сопоставления переводов, на примере перевода книги Амартьясена «Развитие и свобода» // Журнал гуманитарных исследований. 2009. № 1. С. 165–224.
19. Крицкая Н. В. Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестник Томского педагогического государственного университета. 2010. № 8. С. 70–72.
20. Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР. 1953. Т. 8. С. 565–592.
21. Бархурдаров Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отн., 1975. 240 с.
22. Ковалева Т. В. Художественный перевод и личность переводчика // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. VII Междунар. науч. практ. конф., Минск, 25 ноября 2014 г. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2015. С. 108–112.
23. Сидоренко К. П. Басни И. А. Крылова в ассоциативных реакциях // Психолингвистические аспекты речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т; Урал. психолингв. общество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. № 14. С. 300–311.
24. Трахтенберг Л. А. Крылов и Ж. де Лафонтен. Динамика рецепции // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 39–61. DOI: 10.31249/litzhur/2019.46.04.
25. Ханджани Л., Гударзванд Х. Произведение Антона Чехова «Чайка». Недочеты перевода пьесы: материалы Первой нац. конф. по лит. исследованиям. Тегеран: Университет Алламе Табатабаи, 2016. С. 1–9.

Информация об авторах

Халида Сиями Эйдлак, кандидат филологических наук; Боджнордский университет; 9453155111, Иран, Северный Хорасан, г. Боджнорд; kh.siyami@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>.

Бахаре Чераги, кандидат филологических наук; университет им. Шахида Бехешти; 1997967556, Иран, г. Тегеран, Вэленджак; bahareh.cheraghi@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>.

Вклад авторов

Халида Сиями Эйдлак – основной автор, организатор данного исследования, собирал материал, формулировал выводы и написал заключение исследования.

Бахаре Чераги – соавтор, собирал и обрабатывал материал по эквивалентности вариантов переводов русской басни на персидском языке.

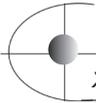
Для цитирования

Халида Сиями Эйдлак, Бахаре Чераги. И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 57–66. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-57-66.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 29.05.2022.

References

1. Saidova, M.Sh. Features of the translation of the works by N. S. Gumilyov into the Tajik language. Cand. sci. dis. Dushanbe, 2021. (In Rus.)
2. Karimi-Motakhhkar, J. Translation of Russian literature in Iran. Part 1. Web. 10.03.2022. <https://www.tebyan.net/index.aspx?pid=184506> (In Rus.)
3. Makibaeva, A. M. Translation as one of the forms of literary interconnection (for example, translation of Goethe's poetry). Web. 10.03.2022. <https://articlekz.com/article/23669> (In Rus.)
4. Pulaki, P. Translations of V. V. Mayakovsky and M. A. Sholokhov in Iran: problems of interpretation: author. Cand. sci. dis. Moscow, 2020. (In Rus.)
5. Zharikova, E. E. Studying the creativity of I. A. Krylov by foreign students (on the example of the fable *The Crow and the Fox*). Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 8, pp. 176–178, 2017. (In Rus.)
6. Azabdafari, B. Ivan Andreevich Krylov. Allegorical jokes. Tehran: Nilufar Publishing House, 2013. (In Persian)
7. Isakov, K. A. The influence of I. A. Krylov on the genre of the Kyrgyz fable. International Journal of Applied and Fundamental Research, no. 4–6, pp. 1231–1234, 2016. Web. 10.03.2022. <https://applied-research.ru/article/view?id=9170> (In Rus.)

8. Kritskaya, N. V. IA Krylov's Fables in the Mirror of Russian-English Dialogue: Aspects of Transformation. Bulletin of TSPU, no. 3, pp. 183–187, 2012. (In Rus.)
9. Khanjani, L., Ragaki, P. B. Ivan Andreevich Krylov: a complete collection of fables, poems, epigrams. Gilan University Publications. 2020. (In Rus.)
10. Horgan, John. Aesop's Fables. World History Encyclopedia. March 2014. Web. 10.03.2022. <https://www.worldhistory.org/article/664/aesops-fables> (In Engl.)
11. Zhukovsky, V. A. About Krylov's fable and fables. Collected works in 4 volumes. M. L.: State Publishing House of Fiction, 1960. T. 4. Pp. 402–418. Web. 10.03.2022. https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/02prose_papers/318.ht (In Rus.)
12. Jafari Kanavati, M. Allegorical myths. Culture of the Iranian people, no. 17, pp. 145–161, summer 2009. (In Persian)
13. Bogin, G. I. Model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts: author. Dr. sci. dis. Leningrad, 1984. Web. 10.03.2022. <https://studfiles.net/preview/3299583> (In Rus.)
14. Galimova, M. B. I. A. Krylov and Tajik literature (problems of translating his fables into Tajik). Cand. sci. dis. Dushanbe, 2021. (In Rus.)
15. Mohamadi, Z. Failures of translations of Russian works into Persian (on the example of translation of the stories by Alexander Pushkin). Linguistic studies of foreign languages, no. 2, pp. 137–147, 2012. (In Persian)
16. Safavi, K. Seven speeches about translation. Tehran: Maad Book Markaz Publishing, 2003. (In Persian)
17. Kholboturova, S. S. Features of the translation of A. Blok's poetry into the Tajik language: author. Cand. sci. dis. Dushanbe, 2019. (In Rus.)
18. Tavakoli, M. J. Principles and foundations of comparative comparison of translations, on the example of translation of Amartyasen's book "Development and Freedom". Journal of Humanitarian Research, no. 1, pp. 165–224, spring \ summer 2009. (In Persian)
19. Kritskaya, N. V. The phenomenon of the English fable in genre and functional aspects. Bulletin TPGU, no. 8, pp. 70–72, 2010. (In Rus.)
20. Belinsky, V. G. Ivan Andreevich Krylov, Poln. coll. cit.: in 13 v. M., 1953. Vol. 8. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1953. Pp. 565–592. (In Rus.)
21. Barkhurdarov, L. S. Language and translation (Questions of general and particular theory of translation). M: International relations, 1975. (In Rus.)
22. Kovaleva, T. In Literary translation and the personality of the translator 2015 Minsk: BSU Ideas. Search. Decisions. Collection of articles VII Intern. scientific. practical conf. Minsk, November 25, 2014. Minsk: BSU, 2015. Pp. 108–112. (In Rus.)
23. Sidorenko, K. P. Fables I. A. Krylova in associative reactions. Psycholinguistic aspects of speech activity. Ural. state ped. un-t; Ural. psycholinguist. society. Yekaterinburg, no. 14, pp. 300–311, 2016. (In Rus.)
24. Trakhtenberg, L. A. Krylov and J. de La Fontaine. Dynamics of reception. literary journal, no. 46, pp. 39–61, 2019. DOI: 10.31249/litzhur/2019.46.04 (In Rus.)
25. Khanjani, L., Gudarsvand, H. The work of Anton Chekhov *The Seagull*. Deficiencies in the translation of the play. Materials of the First National Conference on Literary Research. Tehran: Allame Tabatabai University. March 2016. Pp. 1–9. (In Persian)

Information about author

Khalida Siyami Eidlak, Candidate of Philology; Bojnord University; Bojnord, North Khorasan, 9453155111, Iran; kh.siyami@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>.

Bahareh Cheraghi, Candidate of Philology; Shahid Beheshti University; Valenjak, Tehran, 1997967556, Iran; bahareh.cheraghi@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>.

Contribution of authors to the article

Siyami Eidlak Kh. – the main author, the organizer of this study, who collected and processed material, formed the conclusions and drew the conclusion of the study.

Cheraghi B. – the second author, who collected and processed material on the equivalence of versions of translations of a Russian fable in Persian.

For citation

Khalida Siyami Eidlak, Bahareh Cheraghi. Krylov I. A. in The Mirror of Russian-Persian Intercultural Dialogue // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 57–66. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-57-66.

**Received: April 10, 2022; approved after reviewing May 28, 2022;
accepted for publication May 29, 2022.**

Научная статья

УДК 82-94

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-67-77

**Агнонимы в российской деревенской прозе и их переводы на английский язык
(лингвокультурологический аспект)**

Чжан Сяо

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
894595981@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9849-2001>

Цель статьи – рассмотреть способы передачи русских агнонимов в русских художественных текстах о деревне при переводе на английский язык и проанализировать утерянные функции и характеристики русских агнонимов в английском переводе с точки зрения лингвокультурологических различий между русским и английским языками. Для достижения данной цели поставлены задачи: сопоставить русский текст рассказа В. Шукшина «Сураз» с переводом этого рассказа на английский язык и различные способы передачи смыслов русских агнонимов в английских текстах. Актуальность данной работы обусловлена трудностью перевода русских агнонимов на английский язык и насущной потребностью изучения того, как национальные культуры получают отражение в разных языках, а новизна – новым аспектом рассмотрения лингвокультурологических различий между русским и английским языками. В качестве материала использованы полный текст рассказа В. Шукшина «Сураз» и его английский перевод Р. Даглиша, а в качестве методов – метод наблюдения, метод контекстуального анализа и сопоставительный метод. В ходе работы было установлено следующее. Во-первых, наличие в тексте русских агнонимов является трудностью для перевода текста на английский язык; во-вторых, в связи с различиями между русской и английской языковыми картинами мира русские агнонимы могут служить «ключом» для понимания некоторых частей русской культуры. В переводе русских агнонимов на английский язык возможны пять способов: (1) перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически нейтральным английским литературным словом или словосочетанием; (2) перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием; (3) семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью; (4) передача одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов; (5) сопровождение агнонима его английской транслитерацией с предшествующим родовым наименованием. Во многих случаях в английском переводе русские агнонимы утрачивают свои выразительные особенности.

Ключевые слова: русские агнонимы, описание российской деревни, английский перевод, русская языковая картина мира, лингвокультурологические различия, язык и культура, способы перевода

Original article

**Unknown Words (Agnonyms) in Russian Village Prose and Their Translations into English
(Linguocultural Aspect)**

Zhang Xiao

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
894595981@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9849-2001>

The purpose of the article is to consider the ways of rendering Russian unknown words (agnonyms) in Russian literary texts about the village in translation into English and to analyze the lost functions and characteristics of Russian unknown words in English translation from the point of view of linguocultural differences between Russian and English. To achieve this goal, the following tasks were set: to compare the Russian text of V. Shukshin's story *The Bastard* with the translation of this story into English and various ways of conveying the meanings of Russian unknown words in English texts. The relevance of this work is due to the difficulty of translating Russian unknown words into English and the urgent need to study how national cultures are reflected in different languages, the novelty is due to a new aspect of considering linguocultural differences between Russian and English. The full text of V. Shukshin's story *The Bastard* and its English translation by R. Daglish were used as material. The methods of observation, contextual analysis and the comparative method were used. The following was established in the course of work. First, the presence of Russian unknown words in the text is a difficulty for translating the text into English; secondly, due to the differences between the Russian and English

© Чжан Сяо, 2023

language pictures of the world, Russian unknown words can serve as a "key" for understanding some parts of Russian culture. There are five possible ways to translate Russian unknown words into English: (1) translation of a stylistically colored Russian unknown words by a stylistically neutral English literary word or phrase; (2) translation of a stylistically colored Russian unknown words into a stylistically colored English word or phrase; (3) semantic translations of unknown words with social and cultural significance; (4) rendering the same unknown word in different places in the text using different English words; (5) accompaniment of the unknown word by its English transliteration with the preceding generic name. Russian unknown words lose their expressive features in English translation in many cases.

Keywords: Russian unknown words (agnonyms), description of the Russian village, English translation, Russian language picture of the world, linguocultural differences, language and culture, methods of translating Russian unknown words

Введение. По разным причинам русские авторы художественных текстов иногда используют в своих произведениях те слова, которые неизвестны или малоизвестны многим носителям русского языка. Такие слова, по предложению В. В. Морковкина и А. В. Морковкиной, стало принято называть агнонимами [1]. Агнонимы – это лексические и фразеологические единицы языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям [2, с. 86].

Цель исследования – рассмотреть разные способы передачи смыслов русских агнонимов при переводе русских художественных текстов на английский язык. Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**: сопоставить русский текст рассказа В. Шукшина «Сураз» с переводом этого рассказа на английский язык, выполненным Робертом Даглишем, и выявить различные способы передачи смыслов русских агнонимов в английских текстах, а также смысловые особенности каждой из таких передач.

Методология и методы исследования. В исследовании использованы методы наблюдения, метод контекстуального анализа и сопоставительные методы. Актуальность данной работы обусловлена трудностью перевода русских агнонимов на английский язык и насущной потребностью изучения того, как национальные культуры получают отражение в разных языках, а новизна – новым аспектом рассмотрения лингвокультурологических различий между русским и английским языками.

Работы В. В. и А. В. Морковкиных пробудили интерес к проблеме агнонимии [1; 2]. Одни исследователи рассматривают использование русских агнонимов как трудность и проблема коммуникации [3–5]. А в работах А. А. Кобелевой, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. Д. Шмелева покажутся проблема и трудность перевода русских

агнонимов на английский язык, ещё и определяются возможные способы перевода русских агнонимов на английский язык [6–8].

Результаты исследования. В результате данной работы выявлены пять способов в переводе русских агнонимов на английский язык: (1) перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически нейтральным английским литературным словом или словосочетанием; (2) перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием; (3) семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью; (4) передача одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов; (5) сопровождение агнонима его английской транслитерацией с предшествующим родовым наименованием. Во многих случаях в английском переводе русские агнонимы утрачивают свои выразительные особенности. В дальнейшей работе мы будем анализировать русские агнонимы в романе Ф. А. Абрамова «Две зимы и три лета» и посмотрим какую разницу перевода одного русского агнонима на английский язык разными переводчиками.

Обсуждение результатов исследования. С одной стороны, употребление русских агнонимов в тексте способно отражать российские культурные особенности и специфические смыслы, которые стремится передать автор данного текста [3]. Однако, с другой стороны, при переводе художественных текстов на иностранные языки агнонимы вызывают затруднения у переводчиков. Как правило, эти затруднения могут быть преодолены разными способами [6]. В результате сравнения произношения русских агнонимов с их английскими переводами получается, что в переводном тексте ни одно русское слово не переводится с отражением фонетических признаков. Согласно А. А. Ко-

белевой, в исследованном ею тексте «абсолютное большинство (95 %) фонетических особенностей речи персонажей было утеряно при переводе, т. е. практически все особенности произношения оказываются невоспроизведёнными, так как они переданы в переводе словами литературного языка» [6, с. 167].

Для разных носителей русского языка агнонимами могут являться разные слова. Чтобы уточнить, какие слова в рассказе «Сураз» могут быть неизвестны носителям русского языка, в данной статье мы будем опираться на два словаря – Малый академический словарь¹ и Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой² (в последующем тексте мы введём в употребление сокращения МАС и ТСОШ). Мы будем считать агнонимами слова или слова в значениях, которые либо отсутствуют в обоих словарях, либо снабжены в этих словарях с пометой «областное», «просторечное» или «устарелое». Те агнонимы, которые употреблены в рассказе «Сураз», включают в себя не только диалектизмы, просторечия, историзмы, но ещё и слова литературного языка, которые употреблены в переносных значениях, например, метафоры. Именно в данном рассказе использовано слово *тёрка*:

– *Спирька, дурак ты, дурак, хоть рожу свою пожалей! К кому поперся – к Лизке корявой, к тёрке!.. Неужели не совестно?*

– *С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – тёрка, а душевней всех вас.*

Существительное *тёрка* фиксируется в ТСОШ и МАС и имеет значение «предмет кухонного обихода» – пластинка с острой насечкой и отверстиями (служит для измельчения чего-л. трением)³. Для рассмотрения точного смысла рассматриваемого слова введём понятие «микрконтекстные показатели». Микрконтексты – это контексты, ограниченные рамками предложений, в них все компоненты связаны в основном грамматически [9, с. 84]. При помощи микрконтекстного показателя мы можем понять смысл слова *тёрка* как «женщина некрасивая, лицо которой похоже на *тёрку*». Смысл рассма-

триваемого слова не совпадает со значениями, которые фиксируются в словарях. Так что, в соответствии с вышесказанным можно считать данное слово агнонимом.

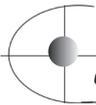
Если бы рассказ «Сураз» и его английский перевод прочитали читатели, в том числе и носители русского языка, то они обязательно бы заметили, что в тексте на русском языке они нередко сталкиваются с русскими агнонимами, а в английском переводе – почти нет непонятных слов и для двуязычных читателей, и для носителей английского языка. Отсутствие непонятной лексики в переводе позволяет избежать трудности при чтении текста, но в то же время вызывает ощутимую сложность при переводе. Согласно В. Н. Комиссарову, «для теории перевода существование территориальных диалектов представляет интерес, главным образом, в связи с практическими проблемами, которые они создают для переводчика. <...> Трудность заключается в том, что для этой цели невозможно использовать соответствующие диалектальные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей» [10, с. 75]. Именно поэтому Р. Даглиш всегда переводит русские агнонимы на английский язык литературной лексикой.

Разница грамматических особенностей русского языка и английского языка не является единственной причиной, которая оказала влияние на перевод русских агнонимов на английский язык. Язык не только явления культуры, но и носитель культуры. В одном языке сохраняется большая часть мышления и сознания данного этноса, иными словами, национальной культурной информации [7, с. 41], и язык передаёт культуру и из поколения в поколение, а также и другом этносу. Как утверждают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «при таком понимании семема представляет собой комплексную совокупность всей информации, свойственной слову. Если же из семантики слова (для исследовательских целей) исключить значения, обусловленные различными языковыми уровнями (деривационное, морфологическое и синтаксическое), не учитывать внутренней формы слова, «образного значения», эстетических ассоциаций, то в остатке окажется так наз. экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру» [Там же, с. 43].

¹ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой; в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1984. – 2985 с.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 368 с.

³ Тёрка. Значение слова. – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. – 357 с.

Как пишет Э. Сепир, «содержание языка неразрывно связано с культурой. Общество, не имеющее представления о теософии, не нуждается в наименовании её. <...> язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно» [11, с. 194].

Как часть лексики русского языка, русские агнонимы, естественно, могут отражать русскую культуру – в рассказе «Сураз» автор использует русские агнонимы, чтобы читатели лучше представили себе русскую деревню и то, как события воспринимает Спирька. Непонимание тех агнонимов, которые описывают русскую деревню, и особенности русской диалектной речи, в том числе особенности речи в Сибири непременно вызовет у читателей отсутствие представления о русской культуре. По мнению А. Д. Шмелева, в русском языке некоторые слова способны служить своего рода ключом к пониманию особенностей каких-то частей русской культуры [8, с. 11–12]. Таким образом, мы обратим внимание на одну функцию русских агнонимов – описание колорита истории России и русской культуры. Но по той причине, что в английском языке не имеется близких аналогов русским агнонимам, переводчик не может полностью передать в переводе на английский язык значения и смыслы русских агнонимов [Там же, с. 14].

Ниже мы проанализируем некоторые примеры переводов русских агнонимов на английский язык пятью разными способами и обнаружим сематическую разницу между русскими агнонимами и их английскими переводами в связи с различиями в культурных и исторических аспектах, одновременно иногда в тексте перевода появляются некоторые семантические ошибки.

1. Первый способ перевода стилистически окрашенного русского агнонима (как мы уже написали во введении, русские агнонимы – это диалектизмы, просторечия, историзмы, метафоры и т. п.) **стилистически нейтральным английским литературным словом или словосочетанием**. Такой способ является наиболее часто встречающимся в переводе Р. Даглиша. В результате текст перевода, конечно, теряет часть своих выразительных особенностей.

В связи с отсутствием эквивалентов некоторых русских агнонимов в английском

языке мы разделим этот способ перевода на два подпункта:

1.1 Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным английским эквивалентом:

(1) *Он шел темной улицей, крепко сжимал в руке **тулку**.*

*He walked down the dark street, gripping his **gun**.*

В этом фрагменте смысл агнонима *тулка* может быть уточнен с помощью словообразовательного показателя – только такие читатели, которые хорошо знают историю России и русскую культуру, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель – слово *тулка* образовано от названия города Тула, где расположен известный оружейный завод. И по контексту получается, что, когда Спирька снял со стены ружьё и пошел убивать учителя, слово *тулка* означает «ружьё, изготовленное в Туле». А в его английском переводе такое историческое и культурное содержание утеряно, поскольку слово *тулка* переведено стилистически и культурно не окрашенным английским эквивалентом *gun*.

(2) – *Да пошла ты к... – И Спирька загнул такой **мам**, какого постеснялся бы пьяный мужик.*

*"By all the..." And Spirka let fly with a string of **oaths** that a drunken cobbler would have been ashamed to utter.*

В рассматриваемом рассказе слово *мам* употреблено в значении «неприличная брань», оно имеет в английском языке приблизительный эквивалент *oaths* – "a swear word" [12, с. 976].

(3) *Сутки гуляли напропалую у Спирькиной «**марухи**» ... К нему подсылали «**маруху**» его, Веру-тараторку, – уговорить сдаться добром.*

*Then they threw a wild party at Spirka's **girl-friend's** place and that was where the police caught them. <...> They even sent in his **girl-friend** Verka ("Chatty Verka") to persuade him to give himself up.*

Использованное в этом фрагменте существительное *маруха* не фиксируется в толковых словарях русского литературного языка, и можно считать его агнонимом. В данном рассказе рассматриваемое слово обозначает «женщина – любовница Спирьки» с отрицательной оценкой и переводится английским нейтральным словом (стили-

чески не окрашенным английским приблизительным эквивалентом) *girl-friend*, который не отражает никакой особенности культуры, но понятно всем носителям английского языка.

(4) С дружкой, таким же отпетым «чухонцем», перехватили на тракте сельповскую телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки...

He and a mate of his, as far gone as himself, held up a shop delivery waggon from the neighbouring village and took a crate of vodka off the driver.

В данном фрагменте слово *тракт* означает место, где ездят, т. е. «разновидность дороги»; *сельповский* обозначает того, кому принадлежала телега и по контексту получается, что в телеге был ящик водки. Это значит, что водку везли на продажу. Таким образом, слово *сельповский* означает принадлежность к определённой разновидности магазина, но более точное значение данного слова по-английски не передаётся. Такая фраза переводится стилистически не окрашенным английским приблизительным эквивалентом *a shop delivery wagon*.

(5) – Ты што, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?!

What d'you think you're up to, Spirka, you little snake. Do you want to get me into prison?!

Фонетика слов *што* и *что* похожа друг на друга. Таким образом, разговорное слово *што* имеет те же значение, как и литературное слово *что*, которое выражает вопросительное значение. В английском тексте данное слово переводится приблизительным эквивалентом "What d'you think you're up to". В этом примере мы видим, что Даглиш тоже хотел бы передать разговорность исходного текста и поэтому он использует усеченные формы английской речи.

(6) – Я получил аванец... я его должен отработать.

I've had an advance payment... I've got to work it off".

Слова *аванец* и *аванс* похожи друг на друга по фонетическому признаку. Так как слово *аванец* употреблено в значении слова *аванс* «деньги, выдаваемые вперед в счёт заработка, причитающихся кому-н. платежей»¹, оно переводится стилистически не

окрашенным английским эквивалентом *an advance payment*.

(7) – Тебе. Им же *усть* надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...

"You. They've got to have something to eat!" He meant Nyura's children. "They must be real hungry, I reckon."

По фонетическому признаку диалектное слово *усть* равно литературному слову *есть*. В английском тексте использован его эквивалент без дополнительной окраски *something to eat*, и в этом случае утеряна фонетическая особенность диалектизма.

(8) Ходил *упружисто*, легко прыгал, кувыркался.

Muscular man with a springy walk, good at jumping and somersaulting.

Слово *упружисто* употреблено в этом рассказе в значении «ходил с сильными и плавными движениями», но его в русском литературном языке нет. В связи с отсутствием данного агнонима оно также и не имеет эквивалентов в английском языке. Переводчик даёт ему перевод на английский язык стилистически нейтральным словом *springy*.

1.2. Переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически не окрашенным описательным английским словом или словосочетанием:

(9) Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал.

He never appeared after he got Mum in the family way.

Здесь слово *забрюхатела* употребляется в метафорическом смысле *забеременела*. В английском языке нет эквивалента для рассматриваемого агнонима, и он переведен описательным английским выражением *he got Mum*.

(10) «Байрона» немилосердно выпорола мать.

"Byron" got a merciless beating from his mother.

Агноним *выпороть* употреблён в значении «бить в наказание, обычно ремнем или розгами» и переводится стандартными не окрашенными английскими словами *got ... beating from*, в рассматриваемом примере допущена грамматическая трансформация: в русском тексте использованы действительный залог и постпозиция подлежащего *выпорота мать*, а в английском языке, где аналогичный порядок слов невозможен, применен страдательный залог.

(11) Старики Прокудины вечеряли.

¹ Аванец. Значение слова // Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 14.

The old couple were having supper.

В данном рассказе слово *вечерять* употреблено в значении «ужинать». На английском языке рассматриваемый агноним не имеет эквивалента, и он переводится стандартными английскими словами *were having supper*.

(12) Она **прижила** Спирьку от «проезжего молодца» и болезненно любила и ненавидела в нем того молодца.

She had had Spirka by a dashing fellow of no fixed address, so she both loved and hated the young devil in the son.

В данном рассказе агноним *прижить* употреблён в значении «родить, вне брака произвести на свет ребёнка» и переведён на английский язык стандартным литературным способом *had had*, что, без сомнения снижает выразительные особенности текста.

(13) Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел **шоферить**.

But he didn't. He enjoyed himself for a bit, gave all his savings to his mother, and took a job as a driver.

В этом фрагменте появился агноним *шоферить*, который употреблён в значении «работать шофёром, водить машину». Отсутствие в английском языке разговорного эквивалента для данного агнонима приводит к тому, что он переводится стилистически не окрашенными английскими словами *took a job as a driver*.

2. Перевод стилистически окрашенного русского агнонима (диалектизма, просторечия, историзма, метафоры и т. п.) **стилистически окрашенным** английским словом или словосочетанием. В результате текст английского перевода сохраняет часть выразительных особенностей исходного текста.

Чтобы выразить стилистическую окраску исходного русского текста, переводчику часто приходится использовать неточные английские эквиваленты. Ввиду этого, мы разделим этот способ перевода на следующие подпункты:

2.1. Точные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием:

(14) Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера **пластаться** там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам.

*Sometimes on a day-off he would drive out to the forest, **work like mad**, and come back in the evening with a load of fire-wood for someone old and lonely...*

В этом фрагменте слово *пластаться* употреблено в значении «тяжело работать». Отсутствие в английском языке эквивалента для данного агнонима приводит к тому, что он переводится стилистически окрашенным английским словосочетанием *work like mad* и сохраняет экспрессивное содержание исходного текста.

(15) Пять лет **«пыхтел»**.

He was "away" for five years.

Из текста вытекает, что за стрельбу по милиционерам Спирьку должны были посадить в тюрьму. *Пять лет «пыхтел»* означает, что он пять лет сидел в тюрьме, т. е. в этот период Спирька был занят тяжелым, неприятным делом. В английском переводе фраза *was "away"* косвенно выражает тот же смысл, но есть отличие в способе выражения в русском языке. Получается, что глаголы русского языка описывают ситуации более точно, чем глаголы английского языка, поэтому, чтобы передать смысл одного русского агнонима полностью при переводе на английский язык, переводчик должен был использовать более одного слова.

(16) – Спирька!..

– **Аиньки?**

– Ты что... **воюешь, что ли, бегаешь?**

"Spirka!"

"Yoo-hoo!"

"What are you doing... Have you been up to something! Are you in a flap?"

В рассматриваемом фрагменте агноним *аиньки* является разговорным эквивалентом частицы *А?*, которая означает отклик на чьи-то слова¹. В этом предложении к частице *А* добавляется уменьшительно-ласкательный суффикс *-иньк, -еньк*, который придаёт частице *А* оттенок ласковости, приветливости². Данный агноним переводится на английский язык тоже частицей, которая может сохранять часть выразительных особенностей исходного текста.

(17) «Ну!.. **Все?!**» Пальцы нащупали две **холодные тоненькие скобочки**...

¹ А? Значение слова // Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 13.

² -иньк, -еньк. Значение суффиксов. – Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 410.

"Well... Is this all?" His fingers felt the two cold thin **hoops**...

Здесь метафора *скобочки* означает курки – на охотничьем ружье курков два, и по форме они похожи на скобки. В английском тексте данное слово переводится тоже метафорой *hoops* 'колечки'.

(18) *Спирька был вылитый отец, даже характером **сшибал**.*

*Spirka was a **chip off the old block**, even in character.*

В этом фрагменте слово *сшибал* имеет значение «быть похожим». Оно переводится в английском фразеологизмом *a chip off the old block*, которое в английском языке часто употребляется в значении "someone who is very similar in character to their father or mother" [12, с. 236].

(19) *И из окошечка **брызгал** стремительный длинный огонь, гремело.*

*Spirka shouted back and **blazed away** from the window.*

В данном фрагменте слово *брызгал* имеет значение «стрелять очень часто». В английском языке есть его эквивалент *splashed*, но, чтобы сохранить свое экспрессивное содержание исходного текста оно переводится метафорой *blazed away*, которая употреблена в значении "to burn brightly and strongly".

2.2. Неточные переводы стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием.

(20) «**Это мне – до фени**». Ему все «**до фени**».

He himself liked to say he was "easy" about it. He was "easy" about everything.

В русском языке выражение *до фени* рассматривается как просторечный фразеологизм и может быть понято как «безразлично». Данный агноним переводится на английский язык литературным прилагательным *easy*, которое известно всем носителям английского языка.

(21) – ..., **гад**, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?..

*"What are you doing, you **bastard!**" he groaned.*

Слово *гад* в русской речи является бранью. Важно, что в этом фрагменте данные слова употреблены не для обозначения семантики слова, а для выражения отрицательного отношения Спирьки к кому-то. Поэтому, хотя в английском языке есть их

эквиваленты *gay*, *scum* и другие синонимы, но в тексте перевода они переводятся одним словом *bastard*, значение которого не совпадает с значениями данных слов, а имеет ту же экспрессивную окраску.

(22) – *Садись, Спиридон, **похлебай**.*
*"Sit down and **have a bite**, Spiridon."*

В этом фрагменте слово *похлебай* может быть понято как «поесть». В русском языке глагол *похлебать* часто употребляется с словом *ложка* – «похлебать суп ложкой» или «похлебать кашу ложкой». В английском тексте данный агноним переводится фразеологизмом *have a bite*, значение которого не совпадает со значением русского слова *похлебать*, чтобы сохранить разговорную окраску.

3. Семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью (замена перевода агнонима описанием его значения). Как мы уже написали, наличие в тексте агнонимов затрудняет его понимание и перевод на английский язык. Чтобы все читатели могли понимать смысл исходного текста, некоторые русские агнонимы переводятся английскими описаниями их значений:

(23) – *Здесьний. **Чалдон**.*

*"Sure I am. **Siberian born and bred**."*

В этом фрагменте слово *чалдон* имеет значение «коренной житель Сибири», и у него нет эквивалентов в английском языке. Так что, слово *чалдон* переводится описанием его значения "Siberian born and bred".

(24) – *Пришел **попроведать**, – поясnil гость.*

*"I just dropped in **to see how you were getting on**," their guest explained.*

Слово *попроведать* может быть понято как «навестить новоприбывших и поздравлять их с приездом». В связи с отсутствием эквивалента данного слова в английском языке Р. Даглиш переводит его описанием его смысла – *to see how you were getting on*.

(25) *К кому поперся – к Лизке корявой, к **терке!** ...– Она – **терка**, а душевней всех вас.*

*What a one to pick on – lumpy Lizka, the **face-grater!** ... "She may be a **grater** but she's a lot kinder than any of you."*

Литературное слово *тёрка* имеет в МАС значение «предмет кухонного обихода – пластинка с острой насечкой и отверстиями (служит для измельчения чего-л.

трением)»¹. В данном рассказе оно употреблено в переносном значении «женщина некрасивая, лицо которой похоже на *тёрку*» и переводится по значению двумя английскими словами *face-grater* и *grater*. Переводчик берёт обычное английское слово *grater*, значение которого совпадает со значением слова *тёрка*. Для того чтобы английские читатели избежали непонимания смысла данного слова, в первый раз Р. Даглиш добавит перед словом *grater* слово *face-*, а дальше такое добавление уже необязательно для понимания.

4. Один и то же агноним в разных местах текста переводится несколькими разными английскими словами, чтобы показать разные аспекты содержания рассматриваемого агнонима, которые были в русском тексте. Появление этого способа переводов русских агнонимов на английский язык по причине того, что в русском тексте некоторые агнонимы употреблены в разных значениях и одно английское слово или выражение не могло бы передавать все смыслы данного агнонима:

(26) **Сураз** [название рассказа]

The bastard [title of the story]

– Я – **сураз**, – начал он.

<...>

"I'm a **brat**," he began.

Диалектизм *сураз* появляется в русском тексте данного рассказа два раза – он и название рассказа, и выражение отношения героя рассказа Спирьки к себе. Данный агноним можно понимать и как «незаконно-рожденный ребёнок», и как бранное. Оно в первый раз появляется как название рассказа и под влиянием макроконтраста может быть понято как «красавец», но такой смысл в английском переводе не отражён; при втором употреблении – как «незаконно-рожденный». В английском тексте Даглиш переводит это слова разными словами *bastard* и *brat*, чтобы выразить его разные смыслы. В заглавии слово *сураз* переводится словом *bastard*, которое имеет не только значение «незаконно-рожденный» – "a person born to parents who are not married to each other", ещё и значение "an unpleasant person" [12, с. 110], а при втором употреблении *сураз* переводится словом *brat*, чтобы смысл "an unpleasant person" подчёркивался.

¹ Тёрка. Значение слова // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. – С. 357.

Случай, когда одно слово или выражение имеет два варианта перевода на английский язык, в рассматриваемом рассказе не является единственным.

(27) **Стой, ффраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? ... Ну и ффраер!** – Спирька даже засмеялся и схватился за губу...

Hold it, you **clot**, don't be in such a hurry! I ask you, what's the big idea? <...> "You're a **right swank**, you are!" Spirka even laughed and clutched at his lips...

В рассказе точное значение агнонима *ффраер* не является обязательным для понимания текста. На самом деле, оно выражает отрицательное отношение Спирьки к адресату, т. е., поскольку он обращается сам к себе, то отрицательное отношение к самому себе. Данное слово переводится двумя разными вариантами на английский язык *you clot* и *a right swank*, которые совпадают с его значениями по словарям русского языка, и они тоже выражают отрицательное отношение к человеку.

Из вышесказанного вытекает, что в разных фрагментах на английском языке один и тот же русский агноним может переводиться разными английскими словами, значения которых не совпадают по той причине, что в рассказе русское слово может быть понято сразу в нескольких смыслах. Согласно С. О. Карцевскому, одно и то же означаемое может соотноситься с несколькими означающими (синонимия); одно и то же означающее может соотноситься с рядом означаемых (синонимия, омонимия) [13].

(28) – Я тебя **уработаю**, – неразборчиво, слабо, серьезно сказал Спирька. ... Сергей Юрьевич, я тебя, извини, все же **уработаю**. – Как это... **уработаю?** – глупо переспросила Ирина Ивановна.

"I'll **fix** you," Spirka mumbled weakly, but seriously. <...> But, Sergei Yurievich, if you'll excuse me, I'm **going to work you over** just the same."

"What d'you mean **work him over?**" asked Irina Ivanovna stupidly.

В этом фрагменте слово *уработаю* имеет два значения «убить» и «я на тебя воздействую и получу результат». Даглиш переводит данное слово двумя разными фразами по его значениям *I'll fix you* и *work ... over*.

5. Редкий для Р. Даглиша случай: для объяснения агнонима перед этим агнонимом

мом употреблено **родовое наименование** (*flowers – zharki*):

(29) – *Букетик, – предложил он. И подал женщине кроваво-красный пылающий букетик жарков. ...– Жарки. – В груди у Спирьки весело зазвенело.*

"Bunch of flowers," he said, and handed her a flaming bunch of flowers. <...> "Zharki." Something was singing gaily in Spirka's chest.

В этом фрагменте – агноним *жарки* переводится на английский язык словами *flowers* и *zharki*. По контексту получается, что данное слово означает «один вид полевых цветов» и его первый перевод появляется в тексте как *flowers*, а второй вариант перевода является терминологическим названием цветка в Сибири, в этом случае известно ли слово *zharki* читателям уже не важно.

Кроме всех вышеуказанных способов, в английском тексте перевода бывают ошибки из-за неправильного понимания переводчиком смыслов некоторых агнонимов [14; 15]. Это обстоятельство отмечают ещё в работах, посвященных Е. О. Савиной и Г. М. Мандриковой [16; 17]:

(30) *Знает свое – машинничать да к одиноким бабам по ночам шастать.*

He liked doing his own thing – getting his tongue round the wildest oaths he could think of and keeping lonely women company at nights.

Слово *машинничать* может быть понято как «работать шофером, водить ма-

шину». Но оно переведено как *getting his tongue round the wildest oaths he could think of*, которые не связаны со смыслом данного слова в приведенном контексте. Здесь появилась ошибка из-за непонимания агнонима. Можно было бы перевести данное слово как *work as a driver, drive a truck*.

Заключение. В данной работе на основании различий с точки зрения лингвокультурологического аспекта между русским и английским языками мы обобщили пять способов передачи смыслов агнонимов в тексте перевода: перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически нейтральным английским литературным словом или словосочетанием; перевод стилистически окрашенного русского агнонима стилистически окрашенным английским словом или словосочетанием; семантические переводы агнонима с социально-культурной значимостью; передача одного и того же агнонима в разных местах текста при помощи разных английских слов; сопровождение агнонима его английской транслитерацией с предшествующим родовым наименованием. Кроме вышесказанных способов, в переводе появилась ошибка из-за непонимания смысла агнонима. В результате перевода русских агнонимов на английский язык во многих случаях утеряли выразительные особенности исходного текста и функции.

Список литературы

1. Морковкина А. В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1993. 19 с.
2. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Инт-т рус. яз., 1997. 414 с.
3. Норман Б. Ю. Коммуникация без понимания // Уральский филологический вестник. 2014. № 1. С. 4–14.
4. Мандрикова Г. М. Агнонимия как коммуникативная проблема // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4. С. 236–245.
5. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2. С. 295–304.
6. Кобелева А. А. Способы передачи диалектизмов и просторечия при переводе (на материале повести В. М. Шукшина «Калина красная») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2007. № 2-II. С. 165–169.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
8. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
9. Федосюк М. Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. 2021. Т. 80, № 6. С. 79–88.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993. 656 с.

12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1699 p.

13. Карцевский С. О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (дата обращения: 21.06.2023). Текст: электронный.

14. Черняк В. Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: К основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 96–100.

15. Молчанова Н. С. Агнонимичная лексика в текстах художественных произведений и проблема её восприятия // Вестник Псковского государственного университета. 2014. № 5. С. 230–236.

16. Савина Е. О. Агнонимы в языке и тексте // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 2. С. 291–295.

17. Мандрикова Г. М. Агнонимия как нарушение лексико-семантической нормы (анализ учебников «Русский язык и культура речи») // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 188–192.

Информация об авторе

Чжан Сяо, аспирант; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1; 894595981@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-9849-2001>.

Для цитирования

Чжан Сяо. Агнонимы в российской деревенской прозе и их переводы на английский язык (лингвокультурологический аспект) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 67–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-67-77.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

References

1. Morkovkina, A. V. Russian Agnonyms in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of Ph. D. Thesis in Philology. Moscow, 1993. (In Rus.)

2. Morkovkin, V. V., Morkovkina, A. V. Russian Agnonyms: (Words that We do not Know). Moscow, 1997. 414 p. (In Rus.)

3. Norman B. Ju. Communication Without Understanding. Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of Creativity, no. 1, pp. 4–14, 2014. (In Rus.)

4. Mandrikova G. M. Agnomy as a communicative problem. The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University, no. 4, pp. 236–245, 2011. (In Rus.)

5. Chernyak, V. D. Agnonyms in the Lexicon of a Linguistic Personality as a Source of Communicative Failures. Russian language today. Issue 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003: 95–304, (In Rus.)

6. Kobeleva, A. A. The ways of translation of dialectal and low-colloquial words. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, no. 2–2, pp. 165–169, 2007. (In Rus.)

7. Vereshchagin, E. M., Kostomarov V. G. Language and culture. Three linguo-cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema. M: Indrik Publ., 2005. (In Rus.)

8. Shmelev, A. D. Russian language model of the world: Materials for the dictionary. M: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. (In Rus.)

9. Fedosyuk, M. Yu., Zhang Xiao. Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text. Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, no. 6, pp. 79–88, 2021. (In Rus.)

10. Komissarov, V. N. Modern Translation Studies (Contemporary translation studies). M: ETS, 2002. (In Rus.)

11. Sepir, E. Selected works on linguistics and cultural studies: Transl. from English. Ed. by A. E. Kibrik. M: Progress, Univvers, 1993. (In Rus.)

12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Third Edition. Cambridge University Press, 2008. (In Eng.)

13. Kartsevskiy, S. O. On the asymmetric dualism of a linguistic sign. Zvegintsev B. A. The history of linguistics in the XIX–XX centuries in essays and extracts. M: Ch. 2. Pp. 85–90, 1965. (In Rus.)

14. Chernyak, V. D. "Risk Areas" in the Lexicon of a Linguistic Personality: Towards the Basis of Communication Failures. Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, issue 3, pp. 96–100, 2005. (In Rus.)

15. Molchanova, N. S. Agnomyic vocabulary in the texts of fiction and the problem of its perception. Bulletin of the Pskov State University, no. 5, pp. 230–236, 2014. (In Rus.)

16. Savina, E. O. Agnonyms in the language and in the text. Izvestiya Tula State University, no. 2, pp. 291–295, 2014. (In Rus.)

17. Mandrikova, G. M. Agnonymy as violation of lexico-semantic norm (the analysis of textbooks "The Russian language and the Standard of Speech". Proceedings of Penza State Pedagogical University, no. 23, pp. 188–192, 2011. (In Rus.)

Information about author

Zhang Xiao, Graduate Student; M. V. Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; 894595981@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-9849-2001>.

For citation

Zhang Xiao. Unknown Words (Agnonyms) in Russian Village Prose and Their Translations into English (Linguocultural Aspect) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 67–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-67-77.

**Received: October 15, 2022; approved after reviewing November 28, 2022;
accepted for publication November 30, 2022.**

Научная статья

УДК 070.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-78-89

Политический интернет-мем как коммуникативно-культурный феномен
современного медиапространства

Анна Викторовна Красавина¹,

Лидия Камилловна Лободенко², Ирина Юрьевна Матвеева³

^{1,2,3} Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

¹krasavinaav@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6237-1606>,

²lobodenkolk@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0809-1686>,

³matveevaii@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6939-8991>

Статья посвящена анализу современных политических интернет-мемов как коммуникативно-культурным феноменам, демонстрирующим растущие функциональные возможности в современном медиапространстве, проявляющиеся в способности не только выстраивать актуальные темы и нарративы новостной повестки, но также транслировать значимые для общества смыслы, как повседневные, так и сакральные. Целью данного исследования явилось рассмотрение политического интернет-мема как коммуникативно-культурного феномена, выявление его ключевых свойств, а также представление результатов типологизации интернет-мемов по коммуникативным и культурно-ценностным основаниям. В качестве метода исследования использовался контент-анализ отобранных 385 интернет-мемов, посвящённых теме политики. При этом анализ интернет-мемов осуществляется с точки зрения особенностей их коммуникативного и культурного потенциала. В исследовании авторы фокусируются на способности массмедиа воспроизводить культурно-значимые для общества смыслы, содержащие ценностные установки. Коммуникативный потенциал интернет-мемов проявляется в таких свойствах как репрезентация информационной повестки дня и использовании различных типов форматов представления сообщений. Культурный потенциал проявляется в трансляции культурно-ценностных оснований. Представлены результаты сравнительного анализа политических интернет-мемов, публикуемых в популярных российских Telegram-каналах, а также ключевых тем информационной повестки дня и транслируемых ценностей. Типологизация интернет-мемов дала представление о структуре и способах создания онлайн-мемов, были определены наиболее популярные форматы – ими являются скриншот-мем и макрокартинка, также типологизация позволила определить информационную политическую повестку, формируемую интернет-мемами (политические отношения России и Украины, Россия в мировой политике, энергетический кризис в Европе и др.) и транслируемые ими ценности (справедливость, Родина, семья, единство и пр.). Политический интернет-мем в работе рассматривается как коммуникативно-культурный феномен, который представляет особую символическую форму репрезентации информационной повестки дня и актуализации смыслов, обладающую свойствами синкретизма и обеспечивающую целостность восприятия за счёт сочетания современных форматов и технологий производства, распространения информации.

Ключевые слова: политический интернет-мем, типология, культурный, аксиология, ценностный, коммуникативный, коммуникативно-культурный феномен

Original article

Political Internet Meme as a Communicative and Cultural
Phenomenon of Modern Media Space

Anna V. Krasavina¹, Lydia K. Lobodenko², Irina Yu. Matveeva³

^{1,2,3} South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹krasavinaav@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6237-1606>,

²lobodenkolk@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0809-1686>,

³matveevaii@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6939-8991>

The article is devoted to the analysis of modern political Internet memes as communicative and cultural phenomena demonstrating the growing functionality in the modern media space, manifested in the ability not only to build relevant topics and narratives of the news agenda but also to broadcast meaningful meanings for society, both every day and sacred. The purpose of this study was to consider the political Internet meme as a communi-

© Красавина А. В., Лободенко Л. К., Матвеева И. Ю., 2023

cative and cultural phenomenon, to identify its key properties, as well as to present the results of typologization of Internet memes on communicative and cultural-value grounds. The content analysis of selected 385 Internet memes devoted to the topic of politics was used as a research method. At the same time, the analysis of Internet memes is carried out from the point of view of the peculiarities of their communicative and cultural potential. In the study, the authors focus on the ability of the mass media to reproduce culturally significant meanings for society containing value attitudes. The communicative potential of Internet memes is manifested in such properties as the representation of the information agenda and the use of various types of message presentation formats. Cultural potential is manifested in the translation of cultural and value bases. The results of a comparative analysis of political Internet memes published in popular Russian Telegram channels, as well as key topics of the information agenda and broadcast values are presented. Typologization of Internet memes gave an idea of the structure and methods of creating online memes, the most popular formats were identified – they are a screenshot meme and a macro picture, also typologization allowed us to determine the information political agenda formed by Internet memes (political relations between Russia and Ukraine, Russia in world politics, the energy crisis in Europe, etc.) and the values they broadcast (justice, Homeland, family, unity, etc.). The political Internet meme is considered in the work as a communicative and cultural phenomenon, which represents a special symbolic form of representation of the information agenda and actualization of meanings, having the properties of syncretism and ensuring the integrity of perception through a combination of modern formats and technologies of production, dissemination of information.

Keywords: political Internet meme, typology, cultural, axiology, value, communicative, communicative-cultural phenomenon

Введение. Сегодня культурное воспроизводство значимых для общества смыслов невозможно осуществить без прямого или косвенного участия массмедиа и социальных сетей как трансляторов и как субъектов их формирования [1, с. 46]. В современном интернет-пространстве политические коммуникации имеют предметный характер, направлены на формирование общественного мнения и активизацию политического участия населения [2, с. 96]. В связи с этим политические акторы стремятся интегрировать актуальную тематику в информационную повестку социальных медиа, используя наиболее эффективные формы.

Интернет-мем рассматривается в данном исследовании как коммуникативно-культурный феномен, при этом коммуникативный аспект понимается как «передача смыслов в пространстве» [3, с. 32]. Цифровая среда влияет на «форму общения» и, в зависимости от этой формы, «изменяется передаваемый при коммуникации код, который может быть по-разному понят и расшифрован» [4]. То есть, особое внимание исследователей направлено на изучение различных каналов, способов передачи информации и её содержания в интернет-мемах, при этом культурный аспект, проявляющийся в актуализации и трансляции культурных смыслов, выходящих за рамки опыта отдельных людей или групп, определяющий приоритеты значимости тех или иных фактов, событий [1, с. 47], реализующий такое свойство культурной памяти как передача ценностей, «определяющих специфику

идентификации и поведенческие нормы» [Там же, с. 48], недостаточно изучен, но становится важным с точки зрения «национальной безопасности» [5].

В исследованиях акцент делается на рассмотрении интернет-мема либо как коммуникативной единицы (Ю. Лесковец и др. [6], Д. Иенко и др. [7], К. Бакхейдж [8]), либо как культурной (К. Валенсис и другие [9], Н. Зиновьева [10], А. Олешкова [11]). Однако, к данному медиаконтенту сегодня необходимо подходить как к коммуникативно-культурному феномену, который позволяет рассматривать политический интернет-мем как особую символическую форму репрезентации информационной повестки дня и актуализации смыслов, обладающую свойствами синкретизма и обеспечивающую целостность восприятия за счёт сочетания современных форматов и технологий производства, распространения информации. Сегодня важно понимать, что «цифровые алгоритмы способны не только включить личность в глобальную виртуальную реальность, но и вытеснить из её сознания... фундаментальные основания мировоззренческой картины мира» [12, с. 159]. Это не просто замена одной реальности на другую, а ценностная перемена внутри наблюдателя, для которого уже нет верифицируемого мира, зато есть цифровая псевдосреда, которая замещает реальную действительность, беря на себя функции единственного источника знаний и представлений об окружающем» [13, с. 127]. Псевдосреда и ситуация неопределённости в вопросах идентичности выступают как

актуальные проблемные поля аксиологии массмедиа. Это требует изучения репрезентации актуальной политической тематики в интернет-мемах и того, как проявляется коммуникативно-культурная составляющая в интернет-меме, с помощью которой аудитории предлагается ориентироваться в происходящем.

Целью данного исследования является рассмотрение политического интернет-мема как коммуникативно-культурного феномена, выявление его ключевых свойств, а также представление результатов типологизации интернет-мемов по коммуникативным и культурно-ценностным основаниям.

В качестве гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что интернет-мем является феноменом, активно интегрирующим коммуникативный и культурный потенциал сообщения в социальных сетях.

Обзор литературы. Коммуникативный аспект изучения феномена интернет-мемов, анализирующий формальные признаки, а также условия, позволяющие мемам приобретать популярность у аудитории и максимально эффективно распространяться в медиасреде, является довольно значимой областью исследования у ученых [6–8].

Вирусность мемов с помощью агенто-ориентированного подхода изучали Л. Венг и др. [14], учитывая ограниченное внимание, которое каждый пользователь может уделять в онлайн-среде.

Архитектуру глубокого обучения для обработки мемов, извлечения базового шаблона и изучения его вариаций использовали А. Дюби и др. [15]. Были проведены исследования, в которых интернет-мемы анализировались через призму эмоций (С. Шарма и др.) [16], сарказма (А. Кумар и Г. Гарг) [17], разжигания вражды (З. Чжоу и др.) [18], дезинформации (С. Зидани и З. Моран) [19], неуважения (С. Сурьяванши и др.) [20], а также вирулентности (С. Праманик и др.) [21].

Также в научной литературе [22] интернет-мемы рассматривались как информационные единицы и воспринимались, во-первых, как разновидность вирусной коммуникации, выделялась их способность к репликации; во-вторых, постулировалось, что мемы чаще всего принадлежат к смеховой культуре, содержат шутку, ироническое высказывание; в-третьих, они открыты для

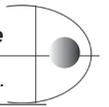
трансформации, игры (языковой, визуальной и т. д.), интерактивны и интертекстуальны, подразумевают свободу творчества. Также современные исследователи [Там же, с. 254] интерпретируют данное явление как проявление сетевого творчества, фольклор постмодерна; разновидность метафорического высказывания; артефакт цифровой культуры участия, а также как одну из практик «новой грамотности», без знакомства с которой невозможны современные социальные навыки чтения и письма, вызванные дигитализацией окружающего мира.

Необходимо отметить, что интернет-мемы выступают в роли оперативного средства репрезентации актуальной политической тематики за счёт лаконичности, доступности содержания и выразительности [2, с. 98].

Интернет-мемы не только успешно укрепляют коллективную идентичность определённой социальной группы, не только формируют радикальную дифференциацию с условным идеологическим противником, соревнуясь в уничижительных выражениях, но и успешнее многих специальных пропагандистских усилий конструируют образ врага, попутно дегуманизируя его [22, с. 258].

Таким образом, к основным характеристикам интернет-мема как коммуникативно-феномена относят «...вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическую направленность, медийность, фантазийный характер [23], к этому добавляются такие свойства как интертекстуальность, интерактивность, открытость для игры. Коммуникативный потенциал мемов проявляется через функции, реализуемые ими в обществе – они в первую очередь связаны с поддержанием коммуникации и специфическими способами трансляции информации за счёт искусного сочетания изображения и текста [24].

Исследователи отмечают не только коммуникативную составляющую мема, но и культурную, ведь интернет-мем зачастую сам по себе уже создает новость за счёт интерпретации событий оффлайн – реальности в закодированных смыслах и трактовках [2, с. 98]. Развлекательные функции мема переплетаются с коммуникативными и социальными: к ним относятся репрезентация идеи, трансляция идеологии, информирование, идентификация (декодирование социокультурного кода) [10].

Происходит расширение функционального потенциала мема, который становится инструментом «воздействия в массмедийном, а также в идеологическом (политическом) типах дискурса» [25]. Постоянно повторяющийся мем способствует конструированию образа реальности у аудитории. Сегодня мы наблюдаем, как феномен цифровой среды – интернет-мем подключается к актуализации и трансляции не только «повседневного», но и «вечного», осуществляя при этом функцию культурной памяти и реализуя культурно-ценностный потенциал мемов, который проявляется в трансляции идеологии, репрезентации идей и передаче символического смысла.

Определение культурной памяти чаще всего сводится к тому, что это «особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализированная, а также выражаемая в мемориальных знаках разного рода» [26]. Культурную память следует понимать как особую форму не только актуализации, но и трансляции различных культурных смыслов. Память, возникающая в процессе социализации личности, не только опосредуется социальной средой, в которой живет индивидуум, но и определяет приоритеты значимости тех или иных фактов, событий [1, с. 47]. Интернет-мем, выступает как единица культурной памяти, что позволяет её носителям ориентироваться в окружающей действительности на основе знания – интериоризированных механизмов жизнесуществования с учётом культурного опыта. В связи с этим возникает необходимость выработки культурно-аксиологического подхода к анализу интернет-мемов, учитывающего тот факт, что через мем происходит передача ценностей, «определяющих специфику идентификации и поведенческие нормы» [Там же, с. 48].

Методология и методы исследования. В работе использовался контент-анализ, нацеленный на обобщение и упорядочение исследуемых объектов, их сортировки по определенным признакам, а также на описание смыслового и символического содержания интернет-мемов с целью выявления их культурно-ценностного потенциала. Исследование проводилось на базе анализа социальных медиа (Вконтакте,

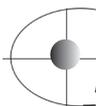
Telegram). Первоначальным этапом в подборе стимульного материала стал анализ контента по вопросам политики в таких Telegram-каналах как «Мир сегодня с Юрий Подоляка», «Орда», "Тыну40k Goblina", «По рублю», "Marina Akhmedova", «Саваничи», «Захар Прилепин», "Dambiev", «Злой Пруф» и т. п., которые являются популярными каналами, публикующими интернет-мемы по актуальным политическим темам в период с 24.02.2022–24.02.2023. Для исследования отобраны 385 мемов. Что касается тематики, то были выделены политические интернет-мемы по темам, которые получили наибольшее обсуждение в медиaprостранстве.

Результаты исследования и их обсуждение. Целью нашего исследования стал анализ выборки интернет-мемов, отражающих актуальную политическую тематику, с точки зрения коммуникативно-культурного потенциала. Что касается коммуникативного потенциала интернет-мемов, то в качестве ключевого свойства необходимо выделить их оперативную репрезентацию информационной повестки в области современных политических событий, то есть установление повестки дня и формирование представления о реальности. В целом, среди интернет-мемов были выделены следующие направления информационной повестки, получившие наибольшее распространение в цифровой среде: политические отношения России и Украины; Россия в мировой политике; энергетический кризис в Европе, взаимоотношения Украины со странами Европы, Великобританией и США, борьба с агрессией и неонацизмом, поведение звезд шоу-бизнеса.

Сравнительный анализ типологических характеристик (тематический раздел, тип формата, информационная повестка дня, культурные смыслы и ценности) представлен в табл. 1.

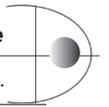
Для изучения коммуникативных свойств интернет-мема важны также формальные признаки, среди них М. Баурехт [27] выделяет вид носителя информации, использованного для создания интернет-мема, структуру, анализ которой даёт представление о создании интернет-мемов, и формат.

Исследователь [Там же] говорит о следующих форматах интернет-мемов: макрoкартинка, панельный мем, скриншот-мем, перекрёстный мем, мета-мем.

Сравнительный анализ типологических характеристик политических интернет-мемов

№	Тематический раздел	Название	Тип формата	Информационная повестка дня	Культурные смыслы / культурные ценности
1	Политические отношения России и Украины	Домой! Подстанция подстанция Генерал Электрик Родина-мать и статуя Свободы Русские не сдаются Возьмите ваши доллары за газ	Макрокартинка Скриншот-мем Скриншот-мем Перекрестный мем Скриншот-мем Панельный мем	Присоединение территорий Ответ России на подрыв Крымского моста Ответ России на подрыв Крымского моста Международные отношения России и США Международные отношения России и США Продажа российского газа за рубли	Территория и ее историческая принадлежность/ Родина, семья, единство Возмездие/ справедливость Возмездие/ справедливость Борьба добра со злом/ Родина, мать Борьба/русский воин Борьба с врагом / справедливость
2	Россия в мировой политике	Возьмите ваши доллары за газ Европейцы тепло провозжат 2022 год Больше санкций-меньше газа Газ по 5000 долларов	Макрокартинка Макрокартинка Мем-описание	Европейские санкции Европейские санкции Европейские санкции	Независимость / справедливость Независимость / справедливость Независимость / справедливость
3	Энергетический кризис в Европе	Газ по 5000 долларов Борьба с нацизмом	Мем-описание Макрокартинка	Европейские санкции Неоцинизм в Украине	Независимость / справедливость Борьба с нацизмом/ свобода, защита слабых
4	Борьба с агрессией и неоцизмом	Когда клоун переезжает во дворец... – За шо?	Скриншот-мем Макрокартинка	Оценка действий правительства Украины Ответ России на агрессию	Лидер государства / профессионализм Борьба с врагом / справедливость
5	Взаимоотношения Украины со странами Европы, Великобританией и США	Дайте денег Ты куда, Петро? В Евросоюз Король и шут	Перекрестный мем Макрокартинка Макрокартинка	Спонсирование Украины Западом Стремление Украины в Евросоюз Визит Зеленского в Великобританию	Лидер государства / независимости Следование традициям / идентичность Лидер государства/ независимость
6	Поведение звезд шоу-бизнеса	Салют, Валера! У Советского Союза было только... Колхозники слушают доклад...	Макрокартинка Макрокартинка Скриншот-мем	Высказывания звезд шоу-бизнеса Высказывания звезд шоу-бизнеса Высказывания звезд шоу-бизнеса	Верность/Родина Верность / Родина Верность / Родина

Таким образом, в подборке представлены интернет-мемы, передающие живой отклик на актуальное событие, сжатый до «молекулы», это реакция – острая, яркая, сатирическая. Также важен контекст – некоторые интернет-мемы невозможно декодировать без знания контекста («генерал Электрик» о генерале Суворовике), часто встречаются вариации мемов, обыгрывающих одно и то же событие, либо один и тот же мем с меняющимся под событие текстом – проявляются такие свойства мемов, как реплицируемость, открытость для игры, механизм культуры участия. Важным в тематике мемов становится обличение противника (интернет-мем «Король и шут»). Кроме репрезентации информационной политической повестки мемы, формируют образ реальности у аудитории (как русские относятся к санкциям, поставкам оружия на Украину, высказываниям и поступкам различных представителей шоу-бизнеса и т. д.).

Было определено, что наиболее популярным форматом является скриншот-мем и макрокартинка. В целом, создание и прочтение мемов становятся практиками «новой грамотности», то есть грамотности в цифровой среде.

Типологизация интернет-мемов даёт представление о структуре и способах создания онлайн-мемов с целью их более эффективного распространения в медиапространстве, но не о смысле с точки зрения трансляции ценностей и идей. Установление повестки дня и формирование представления о реальности является проявлением коммуникативных свойств интернет-мема, но это позволяет лишь сориентироваться в настоящем, для более глубокого понимания происходящего необходимо рассмотрение культурного-ценностного потенциала интернет-мемов. Через интернет-мем происходит репрезентация социального опыта общества, который его объединяет.

Что касается ценностных оснований, значимых для общества, то мы выделили следующие, встречающиеся в подборке: жизнь, семья, мать, независимость, неподкупность, возмездие, победа, свобода, традиционные ценности, идентичность, Родина, верность, братство, единство, защита слабых, русский воин, профессионализм, территория и её историческая

принадлежность, борьба с неонацизмом, связь героического прошлого и настоящего, образ глобального противостояния добра со злом.

При этом достаточно часто в интернет-мемах с юмором или сарказмом осуществляется характеристика несоответствия сложившейся политической ситуации установленным ценностям.

Среди интернет-мемов мы видим такие, которые обладают не только сиюминутным смыслом, но являются обосновывающими историями, которые Я. Ассман называет мифом [28, с. 81].

Одна из функций мифа – обосновывающая, она показывает явления настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, данными от Бога, необходимыми и неизменными. Другая функция – контрапрезентная. Она связана с ощущением недостатков... [Там же, с. 84]. Кроме того, эти функции связаны с формирующим представлением о себе, а также обладают ориентирующей силой, которую Я. Ассман называет мифомоторикой. Мемы, обладающие мифомоторикой представлены на рис. 1.

Интернет-мемы на рис. 1 передают в концентрированном виде смысл, рассказывают историю, которая призвана не только разъяснить и объяснить политическую ситуацию. Данные мемы транслируют «норму» русской цивилизации, неприемлющей нацизм, готовой на жертву ради мира и защиты слабых, а также раскрывающей русский характер.

Интернет-мемы, выполняющие обосновывающую функцию, достаточно ярко демонстрируют явления настоящего в свете истории (рис. 1а и б), именно обращение к прошлому проливает свет на настоящее и в какой-то степени на будущее. Также данные интернет-мемы представляют значимые для русской цивилизации смыслы, актуализированные сегодня именно потому, что они значимы. Также некоторые из интернет-мемов (рис. 1б) демонстрируют обращение к героическому прошлому, которое неразрывно слито с настоящим. Присутствуют интернет-мемы, демонстрирующие глобальные ценностные смыслы, ориентирующие аудиторию в настоящем, которые предлагают ей посмотреть на происходящее, как на борьбу в ценностных категориях добра и зла, в рамках глобального противостояния (рис. 1в).

а)

б)

Бандеровская неизбежность

в)

Рис. 1. Интернет-мемы, обладающие мифомоторикой и реализующие обосновывающую функцию

Fig. 1. Internet memes that have mythomatorics and implement a justifying function

Контрапрезентная функция, связанная с ощущением недостатков современной эпохи [28, с. 84], также реализуется в интернет-мемах (рис. 2б) – в них отражено критическое отношение к действительности и присутствует в той или иной степени об-

ращение к героическому прошлому. Мемы, критикующие поведение современных звёзд шоу-бизнеса представлены на рис. 2а и б, реалии современного медиапространства – его деструктивного воздействия на аудиторию – на рис. 2в.

а)

б)

в)

Рис. 2. Интернет-мемы, обладающие мифомоторикой и реализующие контрапрезентную функцию

Fig. 2. Internet memes that have mythomotorics and implement a contrapresent function

Закключение. Исследование репрезентации актуальных политических интернет-мемов приобретает новое видение и базируется в данной работе на научном потенциале контент-анализа именно с точки зрения интеграции коммуникативного и культурного аспектов изучения данного явления.

Установление повестки дня и формирование представления о реальности является проявлением коммуникативных свойств интернет-мема, но это позволяет лишь сориентироваться в настоящем, для более глубокого понимания происходящего необходимо выявление культурно-ценностного потенциала интернет-мемов. Культурный аспект проявляется через трансляцию с помощью интернет-мемов значимых для общества смыслов, обладающих культурной ценностью.

Интернет-мем подключается к актуализации и трансляции не только «повседневного», но и «вечного», осуществляя при этом функцию культурной памяти и реализуя культурно-ценностный потенциал интернет-мемов, который проявляется в трансляции идеологии, репрезентации идей и передаче символического смысла и ценностей, которые в свою очередь определяют поведенческие нормы и специфику идентификации. Таким образом, гипотеза о том, что интернет-мем является феноменом, активно интегрирующим коммуникативный и культурный потенциал сообщения в социальных сетях, подтверждается.

В результате анализа с точки зрения культурного потенциала, включающего ценностные основания, было выявлено, что интернет-мем подключается к актуализации и трансляции не только «повседневного», но и «вечного», осуществляя при этом функцию

культурной памяти. Распространённость интернет-мемов, транслирующих культурно-ценностную ориентацию для аудитории свидетельствует о запросе общества на «ценности» и «смыслы».

Что касается анализа тематики, то интернет-мемы являются реакцией на информационные поводы текущей повестки дня, передающие значимость той или иной темы для общества. Итогом контент-анализа стал вывод о том, что интернет-мем – это живой отклик на актуальное событие, сжатый до «молекулы», но также транслирующий «вневременные» идеи («стой на светлой стороне»), идентифицирующие культурно-ценностное отношение к настоящему через обращение к прошлому, передающий символический смысл (два богатыря противостоят злу в образе Змея Горыныча). Такие интернет-мемы являются историями, которые транслируют в концентрированном виде смысл, рассказывают историю, которая призвана не только объяснить политическую ситуацию, но также через мемы транслируется «норма» русской цивилизации: неприятие нацизма, готовность на жертву ради мира, защита слабых, сохранение традиционных ценностей. Важно отметить присутствие интернет-мемов, вписывающих национальные ценностные смыслы в общечеловеческие, предлагающие посмотреть на происходящее, как на борьбу добра и зла в рамках глобального противостояния.

Проведённое исследование является начальным этапом для дальнейшего изучения коммуникативно-культурного потенциала политических интернет-мемов, которое будет продолжено в рамках когнитивного подхода с использованием айтрекинг-технологий.

Список литературы

1. Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 204 с.
2. Лободенко Л. К., Череднякова А. Б., Шестеркина Л. П., Харитоновна О. Ю. Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинг-технологий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2023. Т. 23, № 1. С. 96–108. DOI: 10.14529/ssh230112.
3. Михайлова Т. Л. Проблематизация теоретических основ коммуникативистики // Труды НГТУ им. Е. Алексеева. 2009. № 1. С. 26–38.
4. Глушко В. В., Михайлова Т. Л. Коммуникационное vs коммуникативное. Текст: электронный // Студенческий научный форум: материалы VIII Междунар. студ. науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016025905> (дата обращения: 04.06.2023).
5. Побединская Е. А. Коммуникационно-культурная среда как фактор национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь: СГУ, 2011. 22 с.

6. Leskovec J., Backstrom L., Kleinberg J. Meme-Tracking and the Dynamics of the News Cycle // Proceedings of the 15th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining (KDD '09). 2009. P. 497–506. DOI: 10.1145/1557019.1557077.
7. Ienco D., Bonchi F., Castillo C. The Meme Ranking Problem: Maximizing Microblogging Virality. IEEE International Conference on Data Mining Workshops. 2010. DOI: 10.1109/ICDMW.2010.127.
8. Bauckhage C. Insights into Internet Memes. Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2021. No. 5. P. 42–49. DOI: 10.1609/icwsm.v5i1.14097.
9. Valensise C. M., Serra A., Galeazzi A. Entropy and complexity unveil the landscape of memes evolution. 2022. DOI: 10.1038/s41598-021-99468-6.
10. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов. Текст: электронный // ВЭПС. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-internet-memov> (дата обращения: 04.06.2023).
11. Олешкова А. М. Интернет-мем как феномен визуальной культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 2А. С. 232–240. DOI: 10.34670/AR.2022.63.27.017.
12. Перцева У. С. Деструктивный культ в современном медиапространстве // Известия Тульского государственного университета. 2019. № 4. С. 157–166.
13. Володенков С. В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология – Communicology. 2016. № 4. С. 125–136.
14. Weng L., Flammini A., Vespignani A., Menczer F. Competition among memes in a world with limited attention // Scientific reports. 2012. P. 335. DOI: 10.1038/srep00335.
15. Dubey A. Memesequencer: Sparse matching for embedding image macros // Proceedings of the 2018 world wide web conference. 2018. P. 1225–1235.
16. Sharma S., Suresh T., Kulkarni A., Himanshi M., Nakov P., Md Shad A., Chakraborty T. Findings of the constraint 2022 shared task on detecting the hero, the villain, and the victim in memes // Proceedings of the Workshop on Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situations. P. 1–11.
17. Kumar A., Garg G. Sarc-M: Sarcasm detection in typo-graphic memes // Proceedings of the International Conference on Advances in Engineering Science Management & Technology, ICAESMT '19. Dehradun, India. 2019.
18. Zhou Z., Zhao H., Jingjing D., Jun G., Liu X. DD-TIG at Con-straint@ACL2022: Multimodal understanding and reasoning for role labeling of entities in hateful memes // Proceedings of the Workshop on Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situations, CONSTRAINT '22, Dublin, Ireland. 2022.
19. Zidani S., Moran R. Memes and the spread of misinformation: Establishing the importance of media literacy in the era of information disorder. Teaching Media Quarterly 2021. No. 9. URL: <https://www.readkong.com/page/memes-and-the-spread-of-misinformation-establishing-the-9887817> (дата обращения: 04.06.2023). Текст: электронный.
20. Suryawanshi S., Chakravarthi B. R., Arcan M., Buitelaar P. Multimodal meme dataset (MultiOFF) for identifying offensive content in image and text // Proceedings of the Second Workshop on Trolling, Aggression and Cyber-bullying. 2021. P. 32–41.
21. Pramanick S., Dimitrov D., Mukherjee R., Sharma S., Md. Akhtar S., Nakov P., Chakraborty T. 2021a. Detecting harmful memes and their targets // Findings of ACL, ACL-IJCNLP '21. 2021. P. 2783–2796.
22. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния. Текст: электронный // Мониторинг. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-memov-novye-povoroty-informatsionnogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 04.06.2023).
23. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2017. № 3. С. 1–7.
24. Kulkarni A., Suresh T., Mathur H., Nakov P., Akhtar M., Chakraborty T. Characterizing the Entities in Harmful Memes: Who is the Hero, the Villain, the Victim? 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2301.11219.
25. Щурина Ю. В., Харохорина М. Б. Интернет-мем как жанр и «нюкс-мейкер» в современном медиапространстве // Медиалингвистика. 2020. № 2. С. 263–275.
26. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания: (историогр. заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 43 с.
27. Vaurecht M. The Categorisation of Internet Memes A Different Approach. Colloquium: New Philologies. 2020. No. 5. P. 135–152. DOI: 10.23963/cnp.
28. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Информация об авторах

Красавина Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; krasavinaav@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6237-1606>.

Лободенко Лидия Камилловна, доктор филологических наук, профессор; Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; lobodenkolk@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0809-1686>.

Матвеева Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; matveevaii@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6939-8991>.

Вклад авторов

Красавина А. В. – инициировала исследование, осуществляла постановку научной проблемы исследования, осуществляла структурирование и анализ данных, работала над текстом статьи, ее оформлением.

Лободенко Л. К. – корректировала направления решения проблемы исследования, структурировала и осуществляла анализ полученных результатов.

Матвеева И. Ю. – осуществляла сбор материалов, структурированием данных, занималась подготовкой начального варианта текста с последующей доработкой.

Для цитирования

Красавина А. В., Лободенко Л. К., Матвеева И. Ю. Политический интернет-мем как коммуникативно-культурный феномен современного медиапространства // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 78–89. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-78-89.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 19.07.2023.

References

1. Intergenerational transmission of communicative and cultural memory in the era of digitalization. Yekaterinburg. Ed. Ural. un-ta: 2021. (In Rus.)
2. Lobodenko, L. K., Cherednyakova, A. B., Shesterkina, L. P., Kharitonova, O. Y. Analysis of the representation of current political topics in digital posters and Internet memes: evaluation of media effects using tracking technologies. Bulletin of SUSU. The series "Social and Humanitarian Sciences", no. 1, pp. 96–108, 2023. DOI: 10.14529/ssh230112. (In Rus.)
3. Mikhailova, T. L. Problematization of the theoretical foundations of communication studies. Proceedings of the R. E. Alekseev, NSTU. The series "Management in social systems. Communication technologies". 2009: 26–38. (In Rus.)
4. Glushko, V. V., Mikhailova, T. L. Communication vs communicative. Materials of the VIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" Web. 06.04.2023. <https://scienceforum.ru/2016/article/2016025905>. (In Rus.)
5. Pobedinskaya, E. A. Communication and cultural environment as a factor of national security of modern Russia. Cand. sci. diss. abstr. Stavropol, 2011. (In Rus.)
6. Leskovec, J., Backstrom, L., Kleinberg, J. Meme-Tracking and the Dynamics of the News Cycle. In Proceedings of the 15th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining (KDD '09). 2009. Pp.497–506. DOI: 10.1145/1557019.1557077. (In Engl.)
7. Ienco D., Bonchi F., Castillo C. The Meme Ranking Problem: Maximizing Microblogging Virality. IEEE International Conference on Data Mining Workshops, 2010. DOI: 10.1109/ICDMW.2010.127. (In Engl.)
8. Bauckhage, C. Insights into Internet Memes. Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media, no. 5, pp. 42–49, 2021. DOI: 10.1609/icwsm.v5i1.14097. (In Engl.)
9. Valensise, C. M., Serra, A., Galeazzi, A. et al. Entropy and complexity unveil the landscape of memes evolution. Sci Rep 11, 2022 (2021). DOI: 10.1038/s41598-021-99468-6. (In Engl.)
10. Zinovieva N. A. The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes. VEPS, no. 1, 2015. Web. 06.04.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-internet-memov>. (In Rus.)
11. Oleshkova, A. M. Internet meme as a phenomenon of visual culture. Context and reflection: philosophy about the world and man, no. 2A, pp. 232–240, 2022. DOI: 10.34670/AR.2022.63.27.017. (In Rus.)
12. Pertseva, U. S. Destructive cult in the modern media space. Izvestiya Tula State University, no. 4, pp. 157–166, 2019. (In Rus.)
13. Volodenkov, S. V. Mediatization and virtualization of the modern space of public policy. Communicology – Communicology, no. 4, pp. 125–136, 2016. (In Rus.)
14. Weng, L., Flammini A., Vespignani, A., Menczer F. Competition among memes in a world with limited attention. Scientific reports, no. 2, pp. 335, 2012. DOI: 10.1038/srep00335. (In Engl.)

15. Dubey A. et al. Memesequencer: Sparse matching for embedding image macros. Proceedings of the 2018 world wide web conference. 2018: 1225–1235. (In Engl.)
16. Sharma, S., Suresh, T., Kulkarni A., Himanshi, M., Nakov, P., Md Shad A., Chakraborty, T. Findings of the constraint 2022 shared task on detecting the hero, the villain, and the victim in memes. Proceedings of the Workshop on Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situations: 1–11. (In Engl.)
17. Kumar, A., Garg, G. Sarc-M: Sarcasm detection in typo-graphic memes. Proceedings of the International Conference on Advances in Engineering Science Management & Technology, ICAESMT '19. Dehradun, India. 2019. (In Engl.)
18. Zhou Z., Zhao H., Jingjing D., Jun G., Liu X. DD-TIG at Constraint@ACL2022: Multimodal understanding and reasoning for role labeling of entities in hateful memes. Proceedings of the Workshop on Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situations, CONSTRAINT '22, Dublin, Ireland. 2022. (In Engl.)
19. Zidani S., Moran R. Memes and the spread of misinformation: Establishing the importance of media literacy in the era of information disorder. Teaching Media Quarterly, no. 9, 2021. Web. 04.06.2023. <https://www.readkong.com/page/memes-and-the-spread-of-misinformation-establishing-the-9887817>. (In Engl.)
20. Suryawanshi, S., Chakravarthi, B. R., Arcan, M., Buitelaar, P. Multimodal meme dataset (MultiOFF) for identifying offensive content in image and text. Proceedings of the Second Workshop on Trolling, Aggression and Cyber-bullying. 2021: 32–41.
21. Pramanick, S., Dimitrov, D., Mukherjee, R., Sharma, S., Md. Akhtar, S., Nakov, P., Chakraborty, T. 2021a. Detecting harmful memes and their targets. In Findings of ACL, ACL-IJCNLP '21. 2021: 2783–2796. (In Engl.)
22. Shomova, S. A. "War of memes": new turns of information confrontation. Monitoring, no. 5, 2019. Web. 06.04.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-memov-novye-povoroty-informatsionnogo-protivostoyaniya>. (In Rus.)
23. Kanashina, S. V. What is an Internet meme? Questions of journalism, pedagogy and Linguistics, no. 3, pp. 1–7, 2017. (In Rus.)
24. Kulkarni, A., Suresh, T., Mathur, H., Nakov, P., Akhtar, M., Chakraborty, T. Characterizing the Entities in Harmful Memes: Who is the Hero, the Villain, the Victim? 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2301.11219. (In Engl.)
25. Shchurina, Yu. V., Kharokhorina, M. B. Internet meme as a genre and "news-maker" in the modern media space. Media Linguistics, no. 2, pp. 263–275, 2020. (In Rus.)
26. Repina, L. P. Cultural memory and problems of historiography: (historical notes). M: Higher School of Economics, 2003. (In Rus.)
27. Baurecht, M. The Categorisation of Internet Memes a Different Approach. Colloquium: New Philologies, no. 5, pp. 135–152, 2020. DOI: 10.23963/cnp. (In Engl.)
28. Assman, Ya. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M: Languages of Slavic culture, 2004. (In Rus.)

Contribution of authors to the article

Krasavina A. V. – initiated the study, carried out the formulation of the scientific problem of research, carried out the structuring and analysis of data, worked on the text of the article, its design.

Lobodenko L. K. – corrected the directions of solving the problem of research, structured and analyzed the results.

Matveeva I. Yu. – collected materials, structured data, was engaged in the preparation of the initial variant of the text with subsequent revision.

Information about authors

Krasavina Anna V., Candidate of Philology, Associate Professor; South Ural State University; 76 Lenin ave., Chelyabinsk, 454080, Russia; krasavinaav@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6237-1606>.

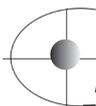
Lobodenko Lidiya K., Doctor of Philology, Professor, South Ural State University; 76 Lenin ave., Chelyabinsk, 454080, Russia; lobodenkolk@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0809-1686>.

Matveeva Irina Yu., Candidate of Pedagogy, Associate Professor; South Ural State University; 76 Lenin ave., Chelyabinsk, 454080, Russia; matveevaii@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6939-8991>.

For citation

Krasavina A. V., Lobodenko L. K., Matveeva I. Yu. Political Internet Meme as a Communicative and Cultural Phenomenon of Modern Media Space // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 78–89. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-78-89.

**Received: June 7, 2023; approved after reviewing July 17, 2023;
accepted for publication July 19, 2023.**

Научная статья

УДК 070.1; 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-90-100

Медиаобраз Забайкальского края как инструмент национальной идентификации

Наталья Викторовна Простакишина

Государственная телерадиокомпания «Калининград», г. Калининград, Россия
ProstakishinaNV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2380-7320>

Актуальность заявленной проблемы обусловлена растущей ролью медиаобраза в формировании представлений аудитории о реальной действительности и влиянии на процессы отождествления человека с российским полиэтничным сообществом. Цель исследования – выявить и дать характеристику аксиологическим компонентам медиаобраза Забайкальского края, способствующим национальной идентификации. Объект изучения – медиаобраз Забайкальского края, на территории которого проживают представители более 100 этносов. Ценности выступают доминирующими конструктами медиаобраза территории, в статье раскрывается их значение в системе формирования национальной идентификации. Характеристика основных понятий «медиаобраз» и «идентификация» даётся в рамках лингвокультурологического подхода. Взаимозависимость указанных категорий раскрыта благодаря факторному и когнитивному анализу. Показана роль региональных журналистов в достижении целей Стратегии государственной национальной безопасности России. Выводы исследования опираются на результаты социологического опроса по теме «Медиаобраз Забайкальского края», проведённого с мая 2021 по декабрь 2022 г., участие в котором приняли 1039 жителей региона в возрасте от 16 до 68 лет и старше. Проведённый дискурс-анализ более 500 журналистских материалов позволяет выявить корреляцию между моделированием медиаобраза и процессом национальной идентификации. Результаты исследования демонстрируют, что приём «персонализации» становится ведущим и наиболее востребованным в инфополе, отмечена возрастающая потребность жителей Забайкальского края в журналистских материалах, ретранслирующих самобытные ценности региона. Очевидно, что на фоне социальных и культурных тенденций в мировом сообществе необходимо более тщательно выстраивать работу журналистов. В статье представлены рекомендации по выбору конструктов моделирования образа территории с целью национальной идентификации, включающие доминирующие духовно-нравственные, культурно-исторические и материальные ценности.

Ключевые слова: медиаобраз, национальная идентификация, идентичность, Забайкальский край, ценности, историческая память

Original article

The Media Image of the Transbaikal Region as a Tool of National Identification

Natalya V. Prostakishina

State Television and Radio Broadcasting Company- Kaliningrad – a branch
of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company, Kaliningrad, Russia
ProstakishinaNV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>

The urgency of the declared research question is stipulated by the growing media image role in the audience's vision shaping about current reality and influence of the person's identifying process with the Russian multiethnic community. The purpose of the study is to identify and characterize the axiological components of the Transbaikal Territory media image contributing to the national identification. The object of the study is the media image of the Transbaikal Territory, where representatives of more than 100 ethnic groups live. Values are the dominant constructs of the territory media image; the article reveals their significance in the system of national identification formation. The characteristics of the basic concepts "media image" and "identification" are given within the framework of the linguoculturological approach. The interdependence of these categories is revealed through factorial and cognitive analysis. The role of regional journalists in achieving the goals of the State National Security Strategy of Russia is shown. The conclusions of the study are based on the results of a sociological survey on the topic "The Media Image of the Transbaikal Territory" conducted from May 2021 to December 2022, in which 1039 residents of the region aged 16 to 68 years and older took part. The conducted discourse analysis of more than 500 journalistic materials reveals the correlation between the media image modelling and

© Простакишина Н. В., 2023

the national identification process. The results of the study demonstrate that the method of "personalization" is turning to the most important and demanded method in the information field, we note the growing need of the inhabitants of the Transbaikal Territory for journalistic materials, relaying the original values of the region. Obviously, against the background of social and cultural world community trends, it is necessary to organize the work of journalists more carefully. The article presents recommendations on the choice of constructs for the modelling of the territory image aimed to national identification, including the dominant spiritual and moral cultural, historical and material values.

Keywords: media image, national identification, identity, Transbaikal Territory, values, historical memory

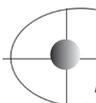
Введение. В свете последних событий, связанных со специальной военной операцией на Украине, возрастает потребность жителей Российской Федерации вне зависимости от этнической принадлежности идентифицировать себя как «русских». В социальных сетях нередко можно увидеть, как русским себя называют грузин, осетин, армянин и др. Большинство пользователей социальных сетей, не обладая филологическим образованием, называя себя русскими, не имеют в виду этническую составляющую. Речь в большинстве случаев идёт о месте жительства и гражданской позиции, поэтому более корректным в данном контексте будет употребление слова «россиянин». В современных условиях чётко прослеживается потребность жителей страны идентифицировать себя как неотъемлемую часть единой российской нации. Осознание принадлежности человека к определённому народу происходит через систему взглядов, норм и ценностей, идей и представлений об окружающем мире. Парадигму этих взглядов в информационных потоках конструируют медиаобразы. Медиадискурс при этом рассматривается как «коммуникативный ресурс взаимодействия с накопленным культурным опытом определённого социума, как инструмент формирования ценностных приоритетов жителей территории» [1, с. 119].

Под категорией «медиаобраз» мы понимаем совокупность эмоциональных и рациональных представлений аудитории о мире и происходящих событиях, конструируемых медиа. Для аудитории СМИ понятен косвенный характер образов, транслируемых медиа, но их соединение с ментальными образами аудитории формирует образы собственного опыта и собственных переживаний человека¹. Более полную трактовку медиаобразу, на наш взгляд, дал Д. О. Смирнов. С точки зрения учёного, медиаобраз – это «сложное полисистемное психологическое образование», сформиро-

вавшееся в результате взаимодействия мира автора и мира реципиента посредством медиаобъекта» [2, с. 84]. С одной стороны, это интерпретация личностных смыслов автора в мире реципиента, подпитанная культурными символами, зашифрованными в медиаобъекте. С другой – это результат актуализации личностных смыслов реципиента после взаимодействия с символами медиаобъекта. Формирование медиаобраза происходит в двух направлениях. Во-первых, журналисты поддерживают устоявшиеся мнения, сложившиеся ценности, в представлении зрителя/читателя вырабатывается общее понимание: хорошо/плохо. Во-вторых, используются технологии позиционирования территории для создания её положительной репутации, «нужных ассоциаций» при помощи связей с общественностью, применяемых в контексте глобального PR, или локальных акций маркетинга в рамках отдельного региона/города [3, с. 6]. При этом поступательная, поэтапная работа по формированию необходимого медиаобраза региона со стороны PR-служб регионального правительства и различных ведомств только выстраивается. Одновременно журналисты, как правило, хаотично и неструктурированно апеллируют штампами и психологическими стереотипами о регионе, являясь частью того сообщества, для которого готовят материалы. Авторы медиапространства, создающие контент посредством памятных дат, неординарных исторических личностей и интересных фактов, имеют влияющую силу в вопросе восстановления национальной идентичности. Поэтому акторов медиапространства правомерно считать преобладающими нациообразующими группами, иницирующими создание коллективной идентичности и сопричастность отдельного индивида с единой российской нацией.

Определение «русской нации» дается в официальных нормативных документах РФ. Так, в списке основных понятий для целей «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до

¹ Отечественная теория медиа: основные понятия: словарь / под ред. Е. Л. Вартаковой. – М.: МГУ, 2019. – 246 с.

2025 года», утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) определяется, как «сообщество свободных равноправных граждан различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»¹. Основой российской нации, согласно Стратегии, является гражданское единство и общероссийская идентичность, базирующаяся на осознании принадлежности своему государству, народу, обществу и приверженности базовым ценностям российского общества. Между тем, как утверждают некоторые исследователи, жизнедеятельность современного человека «строится на принципах индивидуализма и автономии личности» [4, с. 181] и в меньшей степени обуславливается традициями и общими ценностями.

Говоря о национальности человека, учёные имеют в виду его не этническую, а гражданскую принадлежность, саму категорию «национальность» определяют как «общность людей, для которых важно наличие конкретных предпосылок, таких как единство территории, культуры, языка, истории, экономики, мировоззрения» [5, с. 287]. Нельзя понять мотивы поступков человека и правильно оценить его действия, если не учитывать особенности территории, на которой человек родился, на каких традициях он воспитан, на каком языке разговаривает и т. д. Индивида без социальной, культурной, национальной идентификации можно сравнить с человеком, утратившим память. Он сохраняет свои внешние качества, легко ориентируется в пространстве, но не может найти себя, не понимает, к каким целям и по каким ориентирам двигаться, теряет себя как личность. Поэтому отождествление себя с определённым социумом, сопоставление личностных идеалов и ценностей с идеалами и ценностями общества, необходимы человеку для обретения своего «Я».

Процесс самоотождествления индивида с определённым сообществом и есть идентификация. В психологических науках понятие «идентификация» предполагает сравнение, сопоставление индивидуумом своих идеалов и ценностей с ценностями, которым обладает определенный социум и

которым нужно соответствовать. В. В. Козлов считает, что в психической реальности процесс идентификации выражается в трёх пересекающихся областях. В рамках первой – субъект чувствует себя неотъемлемой частью группы, принимает в свой личностный мир общие нормы и ценности как свои. Представление, видение субъектом другого человека, как продолжения себя самого – это вторая область идентификации. «И с третьей стороны, идентификация – это механизм постановки субъектом себя на место другого» [6, с. 177].

В нашем исследовании под «национальной идентификацией» будем иметь в виду отождествление человека с единой российской нацией. В поле зрения нашего исследования – медиаобраз Забайкальского края, в котором на сегодняшний момент, по данным Федеральной службы государственной статистики, проживают представители более 100 этносов и именующие себя, как «забайкальцы»². С одной стороны, регион уникален тем, что на территории гармонично сосуществуют различные этнические группы. С другой стороны, Забайкальский край является типичным российским регионом. Десятки субъектов РФ со своей географической, климатической и социально-культурной спецификой правомерно дополняют друг друга, составляя уникальное многонациональное государство. Именно в единении (соборности) различных культур и проявляется самобытный лик России.

Национальная идентификация человека основывается на исторической памяти. Согласно точке зрения В. В. Кулиша, историческая память – это «системообразующий, коллективно выраженный элемент общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры». Историческая память заставляет актуализироваться традиционные смыслы жизнеосуществления индивидуума и задает направление движения, как его, так и всего общества, в котором он живет [7]. СМИ, как материальный ресурс, обладающий свойствами сохранения, систематизации и распространения данных, являются одним из основных носителей исторической памяти. Материалы современных журналистов (по зову сердца, редакционному заданию, или

¹ Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.03.2023). – Текст: электронный.

² Росстат. – URL: <https://75.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2023). – Текст: электронный.

государственному заказу) посредством медиаобразов репрезентируют важные для страны события и вехи. Зритель/читатель, имея врожденную потребность соотношения своего «я» с определённым социумом, потребляет информацию о мире, как и все участники медиапространства, «здесь и сейчас», «виртуально включаются в «открытие» события, ощущая свою причастность к происходящему сегодня или в прошлом. Рождение причастности или сопричастности – важный момент культурной идентификации» [8, с. 41].

Стоит отметить, что не только медиаобраз может выступать как средство идентификации, но идентификация может быть одним из инструментов создания медиаобраза. Исследователь О. А. Ковач, изучая принципы конструирования медиаобраза государства, говорит о том, что готовая модель мира конструируется массмедиа посредством информационных поводов – событий, при этом зритель/читатель теряет возможность самостоятельно оценить информационную повестку и сформировать своё отношение к тому, что происходит [9, с. 60]. Новости не сообщаются, а интерпретируются, отображаются в искажённом виде, в таком, в каком это выгодно изданию [10, с. 6]. Между тем, одним из психологических механизмов формирования медиаобраза территории в числе прочих называется идентификация (соотношение личного «я» с конкретным сообществом, схожим по интересам, мировоззрению и общим проблемам). Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что корреляция между феноменами «медиаобраз» и «идентификация» существует, при этом степень корреляции между ними может быть абсолютно разной, а зависимость – обратной.

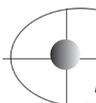
Журналисты, идентифицирующие себя с общностью, проживающей на определённой территории, могут напрямую влиять на достижение целей Стратегии национальной безопасности страны. Однако вопросам формирования единой для СМИ Забайкальского края повестки, влияющей на конструирование медиаобраза территории, не уделяется должного внимания. Цель исследования – выявить и дать характеристику аксиологическим компонентам медиаобраза Забайкальского края, способствующим национальной идентификации жителей региона.

Методология и методы исследования. Работа осуществлялась в рамках междисциплинарного подхода (журналистика, философия, политология, социология, культурология). Характеристика коммуникативных технологий формирования медиаобраза и использования его как инструмента национальной идентификации осуществлена ресурсами лингвокультурологического анализа. В рассмотрении основных категорий исследования «медиаобраз» и «национальная идентификация» использовался системный подход.

Понятие идентичность и идентичность как конечное состояние идентификации рассматривали такие учёные, как В. А. Ядов [11], Д. В. Колесов [12], Е. А. Володарская [13], Е. Ю. Мазур [14], И. С. Семененко [15] и др. Неоднозначно интерпретируется и понятие «медиаобраз». В статье мы опираемся на труды Т. Н. Галинской, которая предлагает рассматривать медиаобраз в широком смысле, как образ реальности, созданный всеми текстами, появляющимися в медиапространстве, и в более узком понятии – как совокупность фрагментов реальности, представленных аудитории профессиональными журналистами – носителями личностных ценностей, политических предпочтений, мировоззрения [16].

Ценности, ретранслирующиеся в медиапространстве региона, в рамках нашего исследования можно разделить на три категории: духовно-нравственные, культурно-исторические и материальные [17]. Первая группа определяет ценности, на которые индивид ориентируется при выборе своего стиля поведения, жизненных позиций и т. д. (патриотизм, труд, успех/слава). Культурно-исторические ценности – это известные личности, исторические события, происходившие на выбранной для изучения территории и пр. К материальным ценностям относятся артефакты, достопримечательности, природный ландшафт. Феномен «ценность» в системе медиасреды рассматривают А. А. Ивин [18], И. А. Ильин [19] и др. В работах А. А. Ивина ценность – это базовое условие приобщения человека к реальности [18, с. 32], то есть возможность владения ценностями позволяет социальному субъекту не лишиться связи с реальными процессами, сохранить свою идентичность.

Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса на тему «Ме-

диаобраз Забайкальского края», участие в котором с мая 2021 по декабрь 2022 г. приняли 1039 жителей региона в возрасте от 16 до 68 лет и старше. Интерпретация данных, полученных по результатам онлайн-анкетирования, осуществлялась с помощью факторного метода, который совместно с когнитивным методом позволил выявить корреляцию между медиаобразом и идентификацией, а также определить их влияние на формирование общих тенденций в производстве журналистских материалов.

Результаты исследования также опираются на дискурс-анализ более 500 журналистских материалов разных региональных СМИ (Чита.ру; ГТРК «Чита»; «Читинское обозрение»; «Забайкальский рабочий»; «МК» в Чите; Zabnews.ru, БайкалDaily). Структурно-функциональный подход был направлен на обозначение роли журналистов, задействованных в конструировании медиаобраза территории, были сформулированы рекомендации по выбору конструкторов моделирования образа территории в системе национальной идентификации.

Результаты исследования и их обсуждение.

Согласно результатам нашего социологического исследования, подавляющее число участников онлайн-анкетирования обращаются к СМИ с установкой «быть в курсе событий» – 84,5 %. Однако предлагаемая новостная лента – как правило, заданная информационная повестка дня и определённая журналистская интерпретация происходящего. Главный фактор при выборе источников информации – достоверность. За это высказались 79,7 % участников опроса. Очевидно, что обращаясь к материалам выбранных СМИ, зритель/читатель/слушатель заведомо доверяет выборочным фактам/событиям и журналистской трактовке происходящего.

В своих работах И. А. Суховеева делает вывод о том, что двадцатые годы XXI в. войдут в историю российской журналистики как время старта «национальной модели регулирования контента в противовес доминированию политики западных стран в глобальном информационном пространстве» [20, с. 223]. В качестве примера одной из национальных моделей регулирования контента И. А. Суховеева называет многочасовые телевизионные марафоны, когда каждый регион готовит свой уникаль-

ный контент на определённую тематику и все подготовленные передачи собираются в одну общую линию вещания. В случае с холдингом Всероссийской государственной телерадиокомпании площадкой для проведения новой для российских медиа стратегии стала мультимедийная онлайн-платформа «Смотрим». Пять различных телемарафонов, приуроченных к историческим и значимым для России датам, проведено ВГТРК за два последних года. Масштабная работа филиалов холдинга направлена на сохранение духовно-нравственных ценностей мультинационального государства, самобытности народов, исторической памяти [20, с. 223].

ГТРК «Чита» также участвует в телемарафонах. Журналисты телерадиокомпании рассказывают о природных богатствах Забайкальского края, истории освоения земель, знаковых для региона местах, династиях, традициях местных жителей. По результатам проведённого опроса, среди главных преимуществ Забайкальского края большая часть местных жителей назвала богатые природные ресурсы (71,6 %), культурно-исторические ценности (35 %), особенности менталитета местных жителей (34,6 %), самобытность (30,2 %). Природные ресурсы в этом опросе указывались респондентами случайно. В регионе развита горнодобывающая промышленность, и с этой сферой связано в первую очередь социально-экономическое развитие территории. Материалы об успешном освоении забайкальских недр стабильно выходят на ведущих информационных ресурсах. Тенденция обусловлена заинтересованностью в продвижении положительного бренда горнодобывающих предприятий и финансовым стимулированием СМИ со стороны PR-служб. Особенности менталитета местных жителей и самобытность – то, что негласно является визитной карточкой Забайкальского края и то, о чем региональные журналисты пишут достаточно часто.

Общеизвестно, что западная культура берёт свои истоки в философии индивидуализма, идеалом личностного совершенства считаются успешные, богатые люди [21]. Менталитет Забайкальского края – типичный для носителя российской культуры, на территории культивируются такие ценности, как коллективизм, общность и соборность. По мнению региональных журналистов, лучшее в менталитете местных жителей

появилось задолго до сегодняшних дней. Обобщающий образ коренного забайкальца формировался с приходом на территорию региона разных этнических групп и под воздействием постоянно меняющейся социально-политической обстановки и строя. На неосвоенные земли, в ссыльный регион люди приходили группами (казаки, старообрядцы, декабристы, кочевники) и старались держаться друг за друга [22]. Поэтому необходимость самоотжествления, принятия себя как неотъемлемой части социума определённой территории у коренного жителя Забайкальского края возникает на уровне культурно-исторического кода, а осознание принадлежности своему народу и обществу поддерживается за счёт ретрансляции общих ценностей в медиадискурсе. «Настоящий забайкалец – звучит гордо. Это даже не про место рождения, а про состояние души», – пишет корреспондент «Чита.ру» в материале «Ты – забайкалец, если...» (Чита.ру. 2022. 19 мая).

Истоки появления на территории Забайкальского края различных этнических групп и истории мирного сосуществования можно встретить в многочисленных материалах региональных журналистов. Так, корреспондент «Чита.ру» Дарья Клевенкова в материале «Хамниганы в Забайкалье. Как народ спасает свой язык от забвения» пишет про местную жительницу: «Она смеется, рассказывая о себе: «Я – татарка, муж – русский, а дочка замужем за бурятом». Её семья – пример всей культуры в селе, где языки и народы переплелись, сплотились и взяли лучшее друг у друга» (Чита.ру. 2022. 24 октября).

В процессе конструирования медиаобраза территории активно задействована технология персонализации. Положительный имидж региона ассоциируется с образами ярких личностей, которые становятся героями журналистских материалов. Данные образы аккумулируют значимые ценности Забайкалья. Так, в информационной повестке региона появляется имя Темуджина (Чингисхана), который после череды кровопролитных междоусобиц (XIII в.) объединил монгольские племена, а на забайкальской земле начали появляться первые дворцы и города. Региональный ПР часто поднимает статус мероприятия в привязке к истории великого правителя Темуджина (Чингисхана). Данное имя – популярно и в дискурсе СМИ.

Газета «Забайкальской рабочий» сообщает о том, что в регионе возрождают старинную бурят-монгольскую письменность. В подтверждение уникальности письменности автор строк приводит слова директора Центра развития бурятской культуры Сэсэг Норполовой: «Это письмо не знало границ и объединяло все наречия монгольязычных народов, проживающих в разных странах: Монголии, Китае и России. Письменность существует со времен Чингисхана» (Забайкальский рабочий. 2022. 15 января). По утверждению Сэсэг, в стране осталось мало народов, которые могут гордиться тем, что имеют национальную письменность. А на территории Сибири и Дальнего Востока буряты – единственный народ, у которых она есть. Рассказывая о традиционной бурятской борьбе, автор портала «Чита.ру» пишет: «Однажды на пиршестве Чингисхан предложил побороться Бури-Буке с Бэлгуде-ем» (Чита.ру. 2022. 9 октября).

Одна из распространённых тем в региональном медиапространстве – туризм. Описывая места, в которых рекомендуют побывать жителям и гостям территории, авторы также задействуют культовую для региона личность. «Неподалёку от пещер располагаются отголоски древней культуры в виде плиточных могил и объект нынешнего поклонения – скала Камень-Котёл, более известная как Чаша Чингисхана», – про своё путешествие на юго-запад региона описывает журналист газеты «Забайкальский рабочий» (Забайкальский рабочий. 2022. 16 июля).

В онлайн-анкетировании респондентам были заданы вопросы: что они считают визитной карточкой региона (см. рисунок) и с какой публичной личностью ассоциируется Забайкальский край. Визитной карточкой региона большая часть участников опроса назвала багульник, за него высказалось 65,1 % опрошенных. В работах журналистов родедрон даурский встречается в различных контекстах: «багульник – это по-простому, по-нашенски», «его цветение – один из признаков приходящей весны и повод для фотосессии в сиреневых тонах», «и цветовая гамма «багульник» – символ нашего края» (про новый дизайн банковских карт), «хотелось сделать что-то «забайкальское», вместо привычных цветов работы украшает багульник» и т. д. В качестве визитной карточки региона в нашем онлайн-анкетирова-

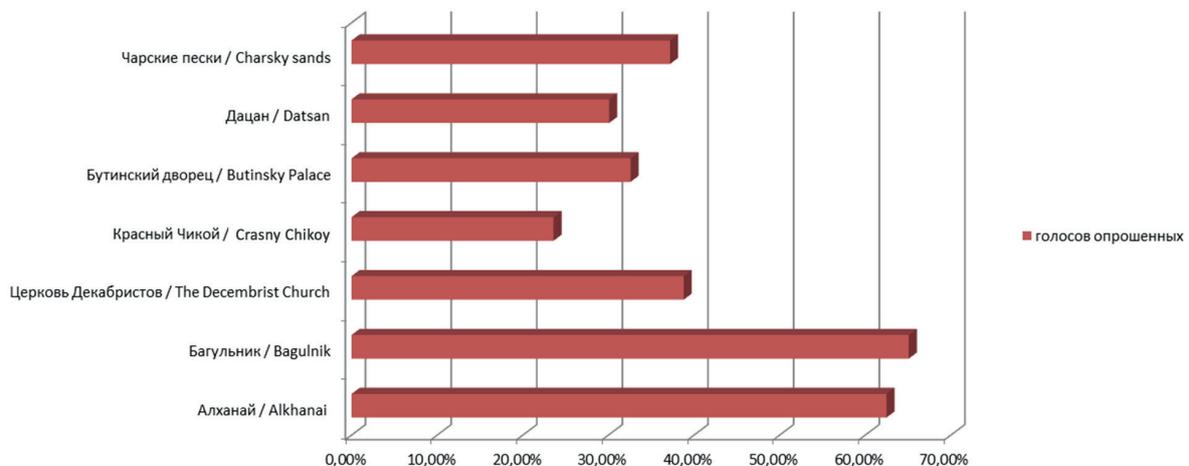

нии также были названы такие природные достопримечательности, как Чарские пески (пустыня среди болот и тайги) (37,2 %) и горы Кодара (26,5 %). Данные достопримечательности края часто становятся предметом рассмотрения в журналистских материалах: «Объехавший пол-России турист назвал Чарские пески самым небанальным местом для путешествия» (Чита.ру. 2023. 24 января); «Сама архитектура павильона по форме повторяет горный хребет Кодар» (ГТРК «Чита», 2022. 5 сентября); «Теперь же гордятся, что видели и золотые песчаные барханы, и величественные горы» (ГТРК «Чита», 2022. 11 мая). Достопримечательности, искусно упоминаемые в медиадискурсе, способствуют пробуждению любви и восхищения родной землей.

Краевую аудиторию СМИ и журналистов интересуют разные эпохи и этнические артефакты. Так, гора Алханай (62,5 %) считается культовым местом не только среди бурят, но и всего населения Забайкальского края, так как связана с пришествием буддизма на территорию. Данная тема становится предметом рассмотрения и в региональном инфополе: «Алханай остается не только памятником природы, но и местом, откуда берут начало сильные буддийские традиции» (МК в Чите. 2022. 26 октября); «Алханай – место силы, где можно подпитаться энергией» (Чита.ру. 2021. 20 сентября); «на горе Алханай находится обитель божества Демчог, что в переводе с тибетского языка означает «Вечное благо» (БайкалDaily. 2019. 27 июля). Церкви декабристов ре-

спонденты отдали 38,8 % голосов. Декабристы часто становятся и героями материалов региональных журналистов: «План застройки Читы, первые ботанические сады и оранжереи – все это детище декабристов» (ГТРК «Чита». 2022. 10 августа), «Именно декабристы и их верные жёны привезли в маленький Читинский острог просвещённый питерский дух», (Забайкальский рабочий. 2022. 27 октября).

Бутинский дворец (32,6 %) олицетворяет зарождение золотой промышленности в регионе, развитие сети образовательных учреждений, появление типографий, зарождение внешнеэкономических связей. Данный объект также часто появляется в медиадискурсе: «Это замечательная возможность изучать историю не через книжки, а через процесс, находясь в самой истории» (Чита.ру. 2021. 15 октября). 23,6 % респондентов нашего онлайн-анкетирования высказались за село Красный Чикой. Необычный объект в картине мира забайкальца – старообрядцы, угнанные в Сибирь за неприятие новой веры. «Яркие костюмы, не смолкающая гармонь, пироги по старинным рецептам, вареная картоха в чугушке, мед и медовуха» – такие ассоциации у журналистов вызывает «Красный Чикой», где проводится традиционный праздник «Семейская круговая» (ГТРК «Чита». 2022. 15 августа). Красный Чикой – сосредоточие самобытности и традиций: «Кружево и рюши – это признаки того, что девушка рукодельница и хорошая хозяйка» (ГТРК «Чита». 2022. 14 июля).

Что можно назвать «визитной карточкой» Забайкалья

What can be called the business card of Transbaikalia

В единичных ответах в онлайн-опросе звучала церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино. Результаты опроса показывают, насколько Забайкальский край – многоконфессиональный регион, а также насколько в нём переплетены не только исторические события, но и люди, живущие на одной территории. Аксиология медиаобраза региона представляет собой единение разного типа ценностей, демонстрирующих историческую память Забайкалья. Внимание журналистов к объектам, событиям и явлениям, происходившим на территории Забайкальского края в разные времена и эпохи, способствует сохранению данной памяти и пробуждает национальную идентификацию.

Среди публичных личностей, с которыми у жителей региона ассоциируется медиаобраз Забайкальского края, первую позицию занял детский писатель Георгий Граубин, за него высказались 41,4 % участников анкетирования. На втором месте – казак-первопроходец Петр Бекетов (39,4 %). Третьим по числу голосов опроса стал первый губернатор Забайкальского края Равиль Гениатулин. Также респонденты высказывались за джазмена, композитора и режиссера Олега Лундстрема, литературного критика и революционера-демократа Николая Чернышевского, Героя России Алдара Цыденжапова и др. Стоит отметить, что среди прочих в перечне предложенных вариантов ответов были известные криминальные лидеры, крупные инвесторы, участвующие в строительстве ведущих предприятий в регионе, прославленные спортсмены-современники. Выбор участников опроса выпал на исторические личности, которые становятся известными благодаря работе журналистов. СМИ не дают российской нации переживать «социальную амнезию».

О том, что без истории нет будущего, работники редакций напоминают в разных рубриках газет, интернет-порталов и ТВ: «*Цветы и слова благодарности – основателям нашей столицы*» – звучит в эфире телеканала «Россия1» (ГТРК «Чита». 2022. 29 мая). Корреспондент Сэсэг Сономова напоминает, что 30 октября 1653 года забайкальский первопроходец Пётр Бекетов велел срубить зимовье на Ингоде-реке. Строительство Ингодинского зимовья можно считать точкой отсчета Читы (столица региона), вместе с этим и на-

чалом появления на территории Забайкальского края других этнических групп – казаков, приходивших с южных широт России.

Сегодня в регионе без казаков не обходится ни одно масштабное мероприятие, в медиадискурсе региона отдельные этнические группы появляются как в структуре информационных сообщений о каких-либо больших событиях, так и в рамках уникальных материалов. При этом артикулируется общность с другими сообществами, проживающими на территории региона. Ценности единства и соборности наиболее частотны в современной социально-политической ситуации. Так, в материале о том, что казаки-добровольцы из Забайкалья убывают в зону СВО, журналист говорит: «На помощь казакам откликнулись все. Поступления шли из Красного Чикоя, Борзи, Краснокаменска...» (ГТРК «Чита». 2022. 23 декабря). Данная аксиология прослеживается и в культурно-исторических материалах: «Не искажать историю – один из принципов автора. Поэтому Варлаам Чикойский, Петр Бекетов, казаки и декабристы выполняются максимально реалистичными» – говорит корреспондент о художнике, авторе уникальных оловянных миниатюр Артеме Декове (ГТРК «Чита». 2021. 2 апреля). В журналистских расследованиях строительство храма Пресвятой богородицы в селе Калинино Средненского района связывают по временным отрезкам со строительством Санкт-Петербурга, и хотя нет тому документального подтверждения, предполагают, что построена она была по указу Петра I, как форпост на восточных границах государства: «Церковь Успения Пресвятой Богородицы два столетия была оплотом православной веры на восточных рубежах России» (ГТРК «Чита». 2022. 19 ноября).

Истории, герои и события медиадискурса являются частью регионального культурного кода, носителями которого наравне с аудиторией выступают и сами журналисты. Сотрудниками СМИ создаётся медиаобраз Забайкальского края как единого социокультурного пространства, который отражает потребности аудитории. Так, на вопрос онлайн-анкетирования о преимуществах края один из респондентов ответил: «Моему другу, живущему в другом регионе, Забайкалье представляется невероятно красивым в

плане природы, интересным в плане истории и местных религий. Очень интересны ему были буряты, соседство с Китаем, звенки ...». Во многом такое восприятие Забайкальского края зависит от культивируемого медиаобраза региона, который несёт в себе ценности – систему «знаков материального мира, ставших носителями культурных смыслов», «совокупность [...] представлений о картине мира того или иного социума». Эффективным механизмом национальной идентификации жителей Забайкальского края является продуктивный медиадискурс, как местный, так и выходящий далеко за пределы региона.

Региональные журналисты в современных условиях социальной турбулентности входят в процесс выстраивания национальной модели контента, задавая ориентиры для населения, направленные на формирование российской национальной идентичности. Необходимость такой работы, анонсируя очередной телемарафон, подчеркнул руководитель регионального департамента ВГТРК Р. А. Сабитов: «Россия – страна большая с различными пластами истории и культуры. Населяют ее представители 193 национальностей. Сегодня в условиях проходящей на Украине специальной военной операции особенно важно показать крепость духа и непобедимость нашего народа» [20].

Заключение. Национальная идентификация в нынешних реалиях – сильнейшая потребность большинства жителей России. При этом речь идёт о принадлежности человека не к какому-либо этносу, а о сопричастности его с российской гражданской нацией как полиэтнического и поликультурного сообщества. Среди социальных категорий, с которыми люди идентифицируют себя в первую очередь, оказываются люди, разделяющие взгляды респондента на жизнь. Смысл существования, необходимость/бесполезность саморазвития, отношение к семейным ценностям, родной земле, реак-

ция на социально-политические события, происходящие в стране и мире – рефлексия на выше перечисленные категории будет более схожей у людей, живущих на одной территории [1]. Поэтому одним из наиболее действенных механизмов национальной идентификации жителей субъекта РФ становится медиаобраз региона, а на первый план выходит профессиональная работа региональных журналистов с компонентами аксиологии данного медиаобраза.

Онлайн-анкетирование, проведённое среди жителей Забайкальского края, помогло нам выявить ценности, имеющие наибольшее значение для территории. Дискурс-анализ забайкальских СМИ показал, что журналисты (как носители этих ценностей) репрезентируют в медиапространстве ценности единства, соборности, патриотизма, толерантности, семьи. Данные конструкты выступают ведущими в процессе моделирования медиаобраза территории для актуализации национальной идентификации. Приём «персонализации» становится ведущим и наиболее востребованным в инфополе. Сегодня крайне важно выстраивать системный подход к использованию ресурсов СМИ для сохранения информационной безопасности региона и достижения целей Стратегии государственной национальной политики РФ.

Забайкальский край – многонациональный субъект, пример дружеского сосуществования и гражданского единства людей различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности. Предложенный инструментарий конструирования медиаобраза Забайкальского края требует дальнейшего изучения и может быть интересен как медиаобраз типичного региона РФ, имеющего свою самобытную историко-культурную специфику, но встроеного в общую систему соборной цивилизации России, существующей в течение многих веков в единой исторической, языковой и политико-экономической парадигме.

Список литературы

1. Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской Республики как инструмент национальной идентификации. Текст: электронный // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 116–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-severnogo-kavkaza-v-smi-chechenskoy-respubliki-kak-instrument-natsionalnoy-identifikatsii> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Смирнов Д. О. Человек и культура: диалог в медиапространстве: Опыт практической работы лаборатории в медиапространстве. Текст: электронный // Медиапсихология в России: проблемы и перспективы: I Всерос. науч. видеоконф. с междунар. участием. URL: <http://mediacont.sgu.ru/info/reportsphr> (дата обращения: 20.02.2023).

3. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. 296 с.
4. Лавринова Н. Н., Чеботарёв С. А., Кожевникова Т. М. Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 179–192. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192.
5. Туаева К. Г. Философские основы национальной идентичности. Текст: электронный // Вестник университета. 2014. № 8. С. 287–292. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 03.05.2023).
6. Козлов В. В. Интегративная психология: пути духовного поиска, или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. 675 с.
7. Кулиш В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России (по материалам социологических исследований в Алтайском крае): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Барнаул, 2011. 38 с.
8. Леонова Л. Л., Кукьян В. Н. Медиапространство как фактор культурной идентификации // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 2. С. 40–46.
9. Ковач О. А. Принципы конструирования медиаобраза государства. Текст: электронный // Медиасреда. 2019. № 1. С. 57–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-konstruirovaniya-mediaobraza-gosudarstva> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Челышева И. В. Медиареальность как новый тип социокультурного пространства // Инновации в образовании. 2011. № 11. С. 93–106.
11. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4, № 3–4. С. 158–181.
12. Колесов Д. В. Антиномии природы человека и психология различия: к проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности // Мир психологии. 2004. № 3. С. 9–19.
13. Володарская Е. А. Социально-психологические факторы идентификации учёного с научной школой: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 1994. 251 с.
14. Мазур Е. Ю. Проблема соотношения понятий «Идентичность», «Идентификация» и их психологическое содержание. Текст: электронный // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-ponyatiy-identichnost-identifikatsiya-i-ih-psihologicheskoe-soderzhanie> (дата обращения: 19.04.2023).
15. Семенов И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.
16. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике. Текст: электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 91–94. URL: http://vestnik.osu.ru/2013_11/16.pdf (дата обращения: 02.05.2023).
17. Ерофеева И. В., Простакишина Н. В. Аксиология медиаобраза Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 95–105. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-95-105.
18. Ивин А. А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31–43.
19. Ильин И. А. Кризис безбожия: собр. соч. М.: Изд-во Русская книга, 1996. Т. 1. 46 с.
20. Суховеева И. А. Роль региональных медиа в конструировании ценностных смыслов на пути становления национального суверенитета (на примере телемарафонов холдинга ВГТРК) // Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтничный дискурс: материалы I Всерос. конф. Таганрог: Южный фед. ун-т, 2022. С. 222–225.
21. Простакишина Н. В. Роль ценностей в конструировании медиаобраза региона (на примере Забайкальского края) // Филологическое образование и современный мир. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 58–62.
22. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. 2008. Т. 67, № 2. С. 60–65.

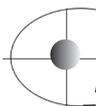
Информация об авторе

Простакишина Наталья Викторовна, корреспондент; Государственная телерадиокомпания «Калининград», 236016, Россия, г. Калининград, ул. Клиническая, 19; prostakishinanv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2380-7320>.

Для цитирования

Простакишина Н. В. Медиаобраз Забайкальского края как инструмент национальной идентификации // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 90–100. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-90-100.

Статья поступила в редакцию 10.05. 2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

1. Evseev, A. Yu, Erofeeva, I. V. Media image of the North Caucasus in the media of the Chechen Republic as a tool of national identification. Humanitarian vector, no. 5, pp. 116–125, 2020. (In Rus.)
2. Smirnov, D. O. Man and Culture: Dialogue in the Media Space: Practical Experience of the Laboratory in the Media Space. Media Psychology in Russia: Problems and Prospects: First All-Russian Scientific Video Conference. with international participation. Web. 20.02.2023. <http://mediacont.sgu.ru/info/reportsphp> (In Rus.)
3. Barabash, V. V., Bordyugov, G. A., Kotelenets, E. A. Images of Russia in the world. M.: Association of researchers of the Russian society, 2010. (In Rus.)
4. Lavrinova, N. N., Chebotarev, S. A., Kozhevnikova, T. M. Social functions of spiritual and moral traditions in culture. Neophilology, no. 1, pp. 179–192, 2022. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192 (In Rus., Abstr. in Engl.)
5. Tuueva, K. G. Philosophical Foundations of National Identity. Bulletin of the SUM, no. 8. Web. 03.05.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-natsionalnoy-identichnosti> (In Rus.)
6. Kozlov, V. V. Integrative psychology: ways of spiritual search, or consecration of everyday life. Moscow: Psychotherapy, 2007. (In Rus.)
7. Kulish, V. V. The functioning of historical memory in the life self-determination of graduates of schools in modern Russia (based on sociological research in the Altai Territory). Cand. sci. diss. abstr. Barnaul, 2011. (In Rus.)
8. Leonova, L. L., Kukyan, V. N. Media space as a factor of cultural identification. Bulletin of the Perm State University. gum.-ped. University Series no. 3, Humanities and social sciences, no. 2, pp. 40–46, 2013. (In Rus.)
9. Kovak, O. A. Principles of constructing the media image of the state. Media environment, no. 1, pp. 57–62, 2019. (In Rus.)
10. Chelysheva, I. V. Media reality as a new type of socio-cultural space. Innovations in education, no. 11, pp. 93–106, 2011. (In Rus.)
11. Yadov, V. A. Social and socio-psychological mechanisms of the formation of social identity. World of Russia. Sociology. Ethnology, no. 3–4, pp. 158–181, 1995. (In Rus.)
12. Kolesov, D. V. Antinomies of human nature and the psychology of difference: to the problem of identification and identity, identity and tolerance. World of Psychology, no. 3, pp. 9–19, 2004. (In Rus.)
13. Volodarskaya, E. A. Socio-psychological factors of identification of a scientist with a scientific school. Cand. sci. diss. M., 1994. (In Rus.)
14. Mazur, E. Yu. The problem of the correlation of the concepts "Identity", "Identification" and their psychological content. World of science, culture, education, no. 2, pp. 86–90. Web. 04.19.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-ponyatiy-identichnost-identifikatsiya-i-ih-psihologicheskoe-soderzhanie> (In Rus.)
15. Semenenko, I. S. Images in discourse of national identity. Polis. Political Studies, no. 5, pp. 7–18, 2008. (In Rus.)
16. Galinskaya, T. N. The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. Bulletin of the Orenburg State University, no. 11, pp. 91–94. (In Rus.)
17. Erofeeva I. V., Prostakishina N. V. Axiology of Transbaikal Territory Media Image. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 95–105, 2022. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-95-105 (In Rus.)
18. Ivin, A. A. Values and understanding. Questions of Philosophy, no. 8, pp. 31–43, 1987. (In Rus.)
19. Il'yin, I. A. Crisis of godlessness: coll. op. M: Publishing house Russian book, V. 1, 1996. (In Rus.)
20. Sukhoveeva, I. A. The role of regional media in the construction of value meanings on the way to the formation of national sovereignty (on the example of telethons of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company): materials of the I All-Russian Conf. "Regional Journalism: Cultural Codes, Space of Meanings, Polyethnic Discourse", Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 2022: 222–225. (In Rus.)
21. Prostakishina, N. V. The role of values in the construction of the media image of the region (on the example of the Trans-Baikal Territory): materials of the international scientific conference. "Philological Education and the Modern World", Chita, 2022: 58–62. (In Rus.)
22. Kovshova, M. L. Analysis of phraseological units and codes of culture. Izvestiya RAN, Literature and Language Series, no. 2, pp. 60–65, 2008. (In Rus.)

Information about author

Prostakishina Natalia V., Journalist; State Television and Radio Broadcasting Company "Kaliningrad" – a branch of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company; 19 Klinicheskaya st., Kaliningrad, 236016, Russia; prostakishinanv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2380-7320>.

For citation

Prostakishina N. V. The Media Image of the Transbaikal Region as a Tool of National Identification // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 90–100. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-90-100.

Received: May 10, 2023; approved after reviewing July 20, 2023;
accepted for publication July 29, 2023.

Научная статья

УДК 81`42

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111

Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста

Наталья Сергеевна Цветова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
cvetova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1091-4829>

Актуальность статьи определяется уникальной ситуацией, формирующейся в российском публичном коммуникативном пространстве с момента начала СВО (специальной военной операции). Цель исследования – выявление тенденций, имеющих аксиологический статус, в эволюции медиапространства, направляющих модернизацию современных публичных коммуникативных процессов, достаточно отчетливо проявляющихся в коммуникативной позиции автора медиатекста. Аналитический алгоритм создавался в русле коммуникативной лингвистики, лингвистики речи, т. е. «антропоцентрического речеведения», по Бахтину. Аналитическая методика включает элементы интенционально-стилистического анализа медиатекста/медиа речи, варианты лексико-семантического анализа, психолингвистический подход, сравнительно-сопоставительный анализ наблюдений и полученных результатов. Автором статьи обобщены основные характеристики российского публичного коммуникативного пространства, сложившиеся накануне СВО: очевидные признаки квази-коммуникативного взаимодействия, разрушение национальных риторических приоритетов, увлечённость коммуникативными играми и иные деструктивные последствия доминирования так называемых «инфозлит». Выделены характеристики нынешней критической коммуникативной ситуации, когда большая часть российских СМИ, преодолевая сложившиеся накануне СВО тенденции, под влиянием релевантного исторического опыта актуализируют коммуникативные техники нейтрализации агрессии, препятствующие возможностям развития диалога, призывают к активности коммуникаторов, обладающих авторитетом, высокими когнитивными возможностями и демонстрирующих ответственное отношение к слову, способных актуализировать релевантные в данной коммуникативной ситуации прецедентные феномены. Ключевой вывод: коммуникативная позиция пророссийской «медиапартии» формируется под знаком восстановления коммуникативной традиции, национального риторического идеала, предъявляющего вполне определённые требования к риторике (автору), ключевым из которых является положительная онтологичность. Сделанные наблюдения могут стать основанием для формирования научного, концептуального представления о стратегической позиции современных СМИ, нацеленной на сохранение коммуникативной перспективы.

Ключевые слова: коммуникативная позиция, военное время, деструктивные тенденции, квазикоммуникация, противостояние, лексико-семантические поля, перспектива

Original article

Wartime Journalism: the Communicative Position of the Media Text Author

Natalia S. Tsvetova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
cvetova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1091-4829>

The relevance of the article is determined by the unique situation that has formed in the Russian public communication space since the beginning of the special military operation. The aim of the article is to identify axiological trends in the evolution of the media space that guide the modernization of modern public communication processes, which are quite clearly manifested in the communicative position of the author of the media text. The analytical algorithm was formed in line with communicative linguistics, linguistics of speech, i. e. "anthropocentric speech production" (M. M. Bakhtin). The analytical methodology includes elements of intentional-stylistic analysis of the media text /media speech, variants of lexical-semantic analysis, psycholinguistic approach, comparative analysis of observations and the results obtained. The main characteristics of the Russian public communication space that developed on the eve of the SVO (special military operation) are summarized: obvious signs of quasi-communicative interaction, the destruction of national rhetorical priorities, passion for communicative games and other destructive consequences of the dominance of the so-called "info elites". The characteristics of the current critical communicative situation are highlighted, when most of the Russian media, under the influence

© Цветова Н. С., 2023

of relevant historical experience, actualize communicative techniques of neutralizing aggression that hinder the development of dialogue, high cognitive abilities and demonstrating a responsible attitude to the word, able to actualize precedent phenomena relevant in this communicative situation. The key conclusion: the communicative position of the pro-Russian "media party" is formed under the sign of the restoration of the communicative tradition, the national rhetorical ideal, which imposes quite certain requirements on the rhetorician (author), the key of which is positive ontology. The observations made can become the basis for the formation of a scientific, conceptual understanding of the strategic communicative position of the media aimed at preserving the communicative the prospects.

Keywords: communicative position, wartime, destructive tendencies, quasi-communication, confrontation, lexico-semantic fields, perspective

Введение. Актуальность исследования коммуникативной позиции автора медиатекста определяется несколькими факторами. Ключевым из них, безусловно, является уникальная ситуация, формирующаяся в российском публичном коммуникативном пространстве с момента начала СВО (специальной военной операции) при доминирующем влиянии массмедиа. В последних выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина это время обозначается как «рубежное», т. е. предельное, критическое. Такого типа эпохи неизбежно вызывают многовекторную научную рефлексию в зоне аксиологии массмедиа [1; 2]. Данное научное направление сегодня развивается в русле заложенной М. Бахтиным тенденции к взаимодействию философии и социальной психологии, лингвистики и культурологии [3]. В центре внимания его создателей (В. А. Сидорова [4], К. Р. Нигматулиной [5], Г. Р. Хайдарова [6], И. В. Ерофеевой [7], Е. С. Даниловой [8]) – сущность и типология ценностей, история их существования, обусловленность социальными и культурными факторами, способы репрезентации в СМИ. Активно используются описанные известной болгарской исследовательницей В. Аврамовой подходы к толкованию семантического и форматного потенциала ценностной сферы актуальные для медиадискурса [9]. Наше внимание сосредоточено на медиапрезентации наиболее значимых аксиоконцептов ментального пространства России, в которых аккумулируются ценностные приоритеты с положительными и отрицательными коннотациями, отражающие мировосприятие и ключевые смыслы конкретного бытия, а также конструкты национального мировидения [10; 11].

Цель данного исследования – выявление имеющих аксиологический статус тенденций в эволюции медиапространства, направляющих модернизацию современных публичных коммуникативных процессов,

фиксирующихся в коммуникативной позиции автора медиатекста.

Эмпирическая база исследования формировалась методом сплошной репрезентативной выборки. Для анализа отбирались не просто транслируемые, но ретранслируемые по разным информационным каналам медиатексты/высказывания на тему СВО, в которых с наибольшей отчётливостью представлен аксиологический статус коммуникативной позиции субъекта речи (т. е. совокупность аксиологически значимых, стабильных параметров). Формальным критерием отбора медиаматериалов для анализа стало наличие лексических маркеров, формирующих смысловую структуру публикации лексико-семантических полей.

Методология и методы исследования. Аналитическая методика включает:

– элементы интенционально-стилистического анализа медиатекста/медиаireчи, который позволяет определить аксиологически значимые компоненты речевого оформления эмоционального состояния субъекта речи как особого проявления коммуникативной позиции;

– варианты лексико-семантического анализа, направленные на выявление отношения коммуникантов к слову как к базовой коммуникативной единице – отношения, в котором фиксируются когнитивные возможности субъекта речи и его речевая компетентность;

– психолингвистический подход, предполагающий при анализе медиатекстов семантическую декодировку набора маркеров (концептов), коррелирующих с эмоциональным состоянием субъекта речи;

– сравнительно-сопоставительный анализ наблюдений и полученных результатов, предполагающий выявление сути идеологически противоположных, конфликтных авторских позиций.

Ещё раз подчёркиваем, аналитический алгоритм формировался в русле коммуни-

кативной лингвистики, лингвистики речи, т. е. «антропоцентрического речеведения» (М. М. Бахтин). Ещё в 1950-е гг. М. Бахтин (В. Н. Волошинов) призывал изучать текст (высказывание) как зафиксированное в речевой форме коммуникативное взаимодействие автора и адресата [1, с. 5]. Позже В. В. Дементьев и его последователи активно работали над теорией речевых жанров, над речевым воплощением категории персональности, что привело к актуализации вопроса о коммуникативной личности, коммуникативной позиции и коммуникативных ценностях русской культуры [12].

Терминологическое оформление соответствующей научной концепции не завершено. Для нас принципиально важным является утверждение о том, что коммуникативная позиция субъекта речи как система принципов, определяющих его коммуникативное поведение, определяется коммуникативными потребностями, установками и задачами. Эти принципы формируются, с одной стороны, под влиянием диапазона когнитивных возможностей, профессионально-речевой компетентности, личностных качеств, с другой – под давлением прагматики (коллективно-корпоративных, материальных интересов и пр.), т. е. системы ценностных приоритетов (Д. П. Гавра, М. В. Федяева, Н. И. Волчкова и многие другие).

Результаты исследования и их обсуждение. Общеизвестно, что ценностные приоритеты зависят от национальных (русские ценят открытость, которая финнов, особенно на начальной стадии организации диалога, как минимум, удивляет), территориальных (северяне при речевом взаимодействии – идеальные слушатели, которые испытывают определённые трудности при вступлении в коммуникативный процесс), социальных («люди нашего круга», например, не используют глагол «кушать» в значении «есть-потреблять пищу»), психологических характеристик субъекта речи (например, типа коммуникабельности – [13]). Кроме того, ценностные ориентиры КЛ определяются коммуникативной культурой, которая была сформирована исторически. В русском варианте эти истоки надо искать в античной (древнегреческой) риторике. Русская коммуникативная традиция складывалась под влиянием античного риторического канона, золотых правил риторики и положений эристики. Базовые для русской речевой

культуры коммуникативные модели основаны на признании доминантного положения в публичной коммуникативной среде человека думающего, талантливого. Человек, понимающий и способный интерпретировать информацию, рефлексирующий, нравственный, – основная коммуникативная ценность, которая со всей очевидностью была представлена в работах Аристотеля, закреплена в национальной риторической традиции М. В. Ломоносовым, всячески борющимся с попытками «затемнения смыслов», зафиксирована в национальном риторическом идеале, базовыми характеристиками которого являются положительная онтологичность и диалогичность.

Доминирующей характеристикой коммуникативной ситуации любого «рубежного времени» принято считать деструктивное речевое поведение, допускающее преодоление классических риторических и коммуникативных канонов. В данном случае ожидание развития, глобализации отмеченной характеристики поддерживается и анализом феноменологических особенностей российского публичного коммуникативного накануне СВО. Уже с начала второго десятилетия XXI в. феноменологической особенностью этого было признано доминирование глобальной коммуникативной среды – возможности онлайн-общения, под влиянием которой формировался не столько набор, сколько новая иерархия коммуникативных ценностей. Доказательство тому – особенности реализации вполне традиционной потребности человека в эмоциональной поддержке за счет высокой активности субъекта речи в интернет-коммуникации. Десятилетия назад О. Мандельштам отмечал: «Нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела» [14, с. 48]. Кажется, XXI в. предоставил человеку эффективные инструменты для борьбы с этим страхом. Но эмоциональная коммуникативная поддержка в интернет-общении предельно симулятивна: френды как адресаты не обременены ни нравственными, ни социальными обязательствами перед адресантом. Отличия дружеского общения от коммуникативного взаимодействия «френдов» со всей очевидностью презентованы, например, в знаменитом «Марафоне дружбы», который в конце февраля 2022 г. запустила популярный в блогосфере коуч Елена Блиновская. Организатор марафо-

на предлагала его участникам свои *сторис* за 10.000 р. В интервью на РБК (9.04.2022) она заявила, что потребительский интерес массовой аудитории вырос вместе с ростом цены. Это замечание принципиально, потому что отражает установку на прямую конвертацию коммуникативного потенциала субъекта речи – инициатора общения.

По сути, интернет способствует разрушению ценностного ядра публичной коммуникации, которое невероятными усилиями восстанавливалось в постсталинские десятилетия в соответствии с идеей, сформулированной в фильме С. Ростозкого «Доживем до понедельника» (1968) с прямой ориентацией на национальную риторическую традицию: «*Счастье – это когда тебя пони-мают...*». В соответствии с этой формулой, базовая коммуникативная установка – добиться того, чтобы тебя понимали. Но новая коммуникативная ситуация, возникшая под давлением интернета, провоцирует иные ожидания:

– ожидание лайков и опасение получить дизлайки;

– ожидание ОЦЕНОЧНЫХ комментариев (провокативный вариант – отрицательная оценка);

– ожидание внимания к собственной персоне, показателем которого признаётся количество просмотров;

– ожидание немедленных ответов, которые, как правило, представлены в форме коммуникативного клише. Если верить интернет-гуру, «счастье» – это когда тебя замечают, просто фиксируют твое присутствие в этом мире! В обновлённой, откорректированной системе ценностей адресант не должен, не может рассчитывать на интеллектуальные усилия адресата во имя диалога. Всего-навсего 15 лет назад Т. М. Дридзе этот феномен назвала квазиобщением-квазикоммуникацией, при котором не включается «механизм смыслового контакта» [15, с. 32].

В эпоху квазикоммуникации вполне логично достаточно отчётливо деградировало представление о коммуникативной компетентности, которое стало определяться степенью освоения визуальных коммуникативных стереотипов. Например, умением извлекать из Тик-Тока актуальный на сегодня контент – праздничный, событийный и т. п. Коммуникативная задача такой пере-сылки – напоминание о себе и удовлетво-

ряющая адресата информация о том, что тыходишь в определённый круг фрэндов. По сути, открывалось формирование нового коммуникативного этикета, следование которому предельно формализует речевое взаимодействие. Тут можно возразить, что этикетные формулы никогда не имели когнитивной составляющей. И 50 лет назад никому из нас в ответ на вопрос «Как дела?» не приходило в голову действительно анализировать положение дел, рассуждать о реальных проблемах, которыми мы жили. Мы знали ожидаемые варианты ответов, которые в значительной степени были продиктованы культурными табу: «спасибо, нормально», «ничего, терпимо». Обратимся к О. Мандельштаму, утверждавшему: «Глубокий смысл имеет культурное притворство, вежливость, с помощью которой мы ежеминутно подчёркиваем интерес друг к другу» [14, с. 48]. Но в данном случае не только глубина, но и позитивность транслируемых смыслов утрачивалась за счёт фантастического по масштабам тиражирования пересылок: большинство получателей видеофайлов все-таки понимают, что они включены в веерную рассылку и включены по разным причинам, например, адресанту ты настолько безразличен, что он и секунды не потратит на то, чтобы удалить твой адрес из сформированного не месяца, а годы назад списка рассылки.

Традиционные информационные ресурсы, захваченные «инфоэлитами» (С. Шнуров), предложили свой вариант квазикоммуникации, характеризующийся многочисленными проявлениями коммуникативного нигилизма. Так, К. Собчак цинично оправдывала преодоление значительных для русской культуры коммуникативных ограничений, заявляя: «Смех уместен всегда. Особенно на кладбище, в автозаке и реанимации», т. к. помогает выйти из самого драматичного положения (14 июля. 2020)¹. Многими лидерами мнений демонстрировалось абсолютное презрение к сложнейшей смысловой структуре национальных аксиоконцептов, к семантике высокочастотных слов. Практически игнорировались прорывы к содержанию понятий «патриотизм», «свобода», «права человека», зафиксированные, например, в знаменитом пушкинском «Из Пиндемонта»,

¹ Смех уместен всегда. Особенно на кладбище, в автозаке и реанимации. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/234188426> (дата обращения: 21.05.2023). – Текст: электронный.

в письме русского гения к Чаадаеву, забыто сопротивление О. Мандельштама попыткам использовать русское слово, русский язык в «назывательном, прикладном назначении», которые поэт соотносил со «спекулятивным мышлением», борясь за сохранение «словесной нюансировки» [14, с. 59]. Были преданы забвению филологические изыскания А. С. Шишкова [16], Р. Якобсона [17], В. В. Виноградова [18], их попытки формализации научных представлений о смысле слова, который не исчерпывается ни грамматическим, ни прямым лексическим, ни даже стилистическим значением, являясь выражением сущности, фиксируемой в максимально широких контекстуально-семантических связях и нюансах (Д. Н. Шмелев, Ю. Степанов, А. Д. Кошелев, Е. Курилович и др.). В начале третьего десятилетия вполне устойчивым стало ощущение, что русское слово все-таки подчинилось «духам злобы и тьмы» – «демонам глухонемым» [19, с. 98], т. е. слово превратилось в средство коммуникации «глухонемых», презирающих его предметно-понятийное содержание, с опорой на которое формируется смысловая структура текста. Проявления этой тенденции: лексико-фразеологические ошибки медиаперсон, использование специальных слов в массмедиа для манипулятивного воздействия на адресата, вполне осознанная деструкция смыслов, закрепляемых за словом в толковых словарях и/или в национальном историко-культурном пространстве.

В течение последнего десятилетия эта тенденция только усиливалась. Опасность её отмечена автором рецензии, посвящённой игре со смыслами в новелле В. Пелевина «Митина любовь» (2021), где речь идёт «о сексуальной связи заскучавшего помещика с девушкой-хелпершей (биороботом-холопкой), созданной на основе генома человека и работающей от специального «церебронипа», который помещик проапгрейдил, то есть дополнил его программой»¹. С точки зрения рецензента, дело не в деконструкции определённого (в данном случае бунинского) литературного сюжета-мифа, но в вымывании реальных смыслов из коммуникативной модели автор/читатель. Об этом же написал Р. Сенчин, обративший внимание на высказывание популярного в массмедиа литературного критика Вас. Ширяева:

¹ Бушуева М. «Выйти на бой с пошлостью мира...» // ЛГ. – 2022. – № 7. – С. 10.

«Я 90 % читаемого не понимаю и свои статьи перестаю понимать раньше, чем они появляются в печати»². Чтимого – почитаемого? или всё-таки прочитанного? Скорее всего, это уже просто неважно. Коммуникативная маска? Если да, то ключевая особенность этой *хари* (номинация протопопа Аввакума, о которой напомнил Р. Сенчин), т. е. маски, не отражающей реальных характеристик её носителя – программное, абсолютное обесценивание смыслового компонента любого публичного высказывания. Кому адресовалось более чем странное признание литератора? Кто готов вступить в игру по его правилам? Видимо, преданные потребители постмодерной текстовой продукции, которым в эпоху господства постмодернизма на ниве русской изящной словесности известный петербургский литератор А. Мелихов отказывал в связях с живой жизнью, с реальностью.

Следовательно, литературный дискурс всё-таки сопротивлялся моде на коммуникативные игры. Зато эта мода по мере деградации профессионалов речи в самых примитивных, чаще всего манипулятивных по сути вариантах удерживалась и даже актуализировалась в медиаполе, закрепляясь, например, в «сететуре», где до изнеможения, программно царят «игры и креативные среды»³.

Сегодня, оглядываясь назад, ни одну из названных тенденций нельзя оценить как позитивную, т. е. активизируемую во имя человека, в поддержку его. Хотя, как показывают наши наблюдения, успешные, популярные коммуникаторы при формировании собственной коммуникативной позиции и ранее старались, как минимум, минимизировать использование коммуникативных приемов и средств, вступающих в очевидное противоречие с русским риторическим идеалом.

После февраля 2022 г. коммуникативная ситуация предельно усложнилась. Новая реальность получила «беспрецедентное по насыщенности и разнообразию» медийное сопровождение [20, с. 91], но, против ожиданий, отнюдь не в логике предшествующих десятилетий. Стрессовая ситу-

² Сенчин Р. Январские впечатления // ЛГ. – 2022. – № 6. – С. 13.

³ Дискуссия о сететуре в Рунете. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=320> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

ация глобального конфликта поставила профессионального коммуниканта (журналиста, любого медиамэна) перед необходимостью не просто модернизации, но выбора коммуникативной позиции, прежде всего, коммуникативной установки, предполагающей направленность, ориентацию на определённую систему ценностей. Публичное коммуникативное пространство стало очевидно конфронтационным. Платформа для выбора – ценностные предпочтения: либо *жёстко антиукраинские*; либо, наоборот, спровоцированные *законами украинской политической реальности*¹. Противоборство фиксируется и в потребностях коммуникаторов, и в вопросах, которые они ставят перед своей аудиторией, и в предлагаемых решениях. И подчиняется оно и пропагандистским задачам, и логике военного материала, и напряжённым ожиданиям аудитории. Отсутствие фиксации противостояния провоцирует отрицательно-оценочные суждения медиаакритиков, как в показательном в этом отношении случае с оценкой транслируемой 5-м каналом кинокартины «Лучшие в аду», единственным российским фильмом о событиях на Донбассе: «Удивительно, что *противоборствующие стороны ничем не отличаются друг от друга. Ни внешне, ни речью <...> Мне очень не хватило чётко прочерченной разницы между «братьями» <...> Я, зритель, должен понимать, что люди из «Азова», говорящие по-русски, отличаются от ополченцев из ДНР и «музыкантов», тоже говорящих по-русски. В Сеть попадает много страшных видеодокументов военной операции. Одно дело, когда *наши* врываются в окоп противника, требуют сложить оружие, но враг что-то мямлит, а оружие из рук не выпускает, и потому получает пулю, другое – когда *бандеровцы* расстреливают безоружных, издеваются над ранеными и бахвалятся, демонстрируя эти кадры в соцсетях» (А. Иванов. Бои местного значения. Фильм неясного назначения // ЛГ. 2023. 15–21 марта. С. 23).*

И в этой ситуации возникает потребность в развитии, в переформатировании системы речевых средств, используемых для выражения противостояния. И наиболее очевидным выражением коммуникативной позиции субъекта речи становится профессиональная речевая деятельность в преде-

¹ Чадаев А. «Новую картину мира придется строить из подручных средств» // Культура. – 2022. – 27 октября. – С. 18.

лах доминантного лексико-семантического поля – в работе с «иерархической структурой множества лексических единиц, объединённых общим значением и отражающим в языке определённую понятийную сферу» [21, с. 109]. После начала СВО – в рамках полевой антитезы «жизнь» – «смерть», захватившей огромное медийное пространство.

Субъекты речи, демонстрирующие проукраинскую позицию, с первого дня СВО открыто транслируют ценностные приоритеты собственной коммуникативной позиции, не нуждающиеся в комментариях. Во-первых, нацеленность на формирование лексико-семантического поля «смерть», о чём свидетельствуют ретранслируемые российскими информационными каналами видеоматериалы – записи военных преступлений как свидетельства героических поступков, фрагменты интервью. Приведём примеры, представленные на многих информационных ресурсах:

– обращение бойца ВСУ к жителям Новой Каховки: «*Если дойду до Каховки, буду убивать всех бывших друзей... Буду вешать... Рука не дрогнет!*»²;

– высказывание бывшего польского президента Леха Валенсы о перспективах СВО – «*Население России надо сократить до 50 миллионов*»³;

– лозунг президента Украины В. Зеленского – «*Хороший русский – это мертвый русский!*»⁴;

– призыв посла Украины в Казахстане Врублевского – «*Русских надо убивать! И чем больше, тем меньше придется убивать их детей!*»⁵;

– призыв харьковского политика М. Добкина – «*Резать и рвать зубами этих тварей!*»⁶.

² 60 минут. Россия-2. 2.09.2022. – URL: <https://t.me/MedvedevVesti/11134> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

³ Интернет-ресурс. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/393589/ekspresident-polski-prizval-sokratit-naselenie-rossii-do50-millionov-celovek> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

⁴ Интернет-ресурс. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/14/zelenskiy-vynuzhdaet-rossiyu-bit-pokievu.html> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

⁵ Дзен. 22.08.2022. – URL: https://vk.com/wall-85596321_254250 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

⁶ НТВ. 01.06.2022- интернет-ресурс. – URL: <https://www.politnavigator.net/i-vot-on-priplyl-dobkin-oftsialno-poshjol-v-banderovcy.html> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

Актуализируемые украинской пропагандой инвективные номинации подчиняются коммуникативной установке, которую автор дзен-канала «Житель Алтая» определил так: «Нападки, лай, прямые оскорбления, подлость и угрозы»¹.

В качестве наиболее показательного в этом отношении примера можно принять комментарий посла Украины А. Мельника к письму немецких интеллектуалов, призывающих к прекращению военных действий на Украине: «Что за сборище псевдоинтеллектуальных неудачников. Все вы должны наконец пойти к черту со своими пораженческими "советами"!»².

Психозоциональные основания для такого рода инвектив – ненависть, злость, жестокость. В оценочных высказываниях российских либералов, занимающих проукраинскую позицию, как правило, транслируется и презрение по отношению к оппонентам. Вот известное эмоциональное высказывание А. Макаревича, которого в 1980-е гг. было принято безоговорочно причислять к интеллектуальной элите тогдашней поп-интеллигенции: «Вижу **тявканье** по поводу уехавших – Аллы, Максима, Чулпан, Земфиры. Это Россия уехала от вас, **мудачье!** Потому что Россия – они, а не вы!»³.

Сторонники пророссийской позиции нацелены на поддержание лексико-семантического поля «жизнь» (В. Путин: *Жизнь по-другому распорядилась!*), в ядерной зоне которого в полном соответствии с русским менталитетом несколько аксиоконцептов:

– *труд (танкисты работают, работают на уничтожение опорного пункта, работают слаженно, боевая работа, труднее стало работать);*

– *справедливость и правда (бойцы сражаются за правду и историческую справедливость; они знают правду).*

Например, концепт «*правда*» стал базовым в компании по продвижению в петербургском медийном пространстве гастролей

¹ Нападки, лай, прямые оскорбления, подлость и угрозы. – URL: https://dzen.ru/a/YrIEr1lwFA_jaKbK (дата обращения: 27.06.2023). – Текст: электронный.

² Что за сборище псевдоинтеллектуальных неудачников. – URL: <https://sharij.news/posol-melnik-poslal-k-chertu-vedushhih-nemeczkih-intellektualov-podpisavshih-kollektivnoe-obrashhenie-s-trebovaniem-prekrashheniya-voennoj-pomoshhi-ukraine> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

³ Интернет-ресурс. – URL: <https://vz.ru/news/2022/4/6/1152273.html> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

Донецкого государственного академического музыкально-драматического театра имени М. М. Бровуна с «показом документального спектакля «Я Знаю правду»⁴. Авторы спектакля использовали обновлённое содержание концепта – графическую отсылку к украинским событиям как транслятор аксиологической позиции.

В приядерной зоне концепта «жизнь» в полном соответствии с традицией находятся хронологические маркеры, указывающие на жизненную перспективу – маркеры будущего времени, которые просматриваются, например, в подтексте репортажей с восстанавливаемых территорий Донбасса или в републикации высказывания президента Беларуси А. Лукашенко о Форуме регионов: «Пока Запад подтягивает войска, мы занимаемся вопросами созидания»⁵, в многочисленных интервью, посвящённых годовщине воссоединения Крыма с Россией.

Ситуативным маркером будущего в российских медиа становится оппозитивный по отношению к украинской «Перемог» концепт «Победа», смысловая глубина которого использовалась при создании волонтерской интернет-платформы «Все для Победы!», формировалась с использованием многочисленных историко-культурных ассоциаций, например, с победой под Сталинградом⁶, с сюжетом И. Глазунова «Вечная Русь», со стихотворением К. Фролова-Крымского «Мы-русские...» и т. п.

Не менее значимым выражением содержания пророссийской коммуникативной позиции становится модернизация репертуара транслируемых медиа эмоций. Если доминирующими в СМИ номинациями эмоций на третьей-четвертой неделях после начала спецоперации в русскоязычном сегменте интернета были ужас, испуг, недовольство, возмущение, раздражение, тревога, то постепенно набор актуализируемых эмоций трансформируется. Через два месяца после начала СВО автор одно из комментариев в паблике, посвящённом украинским событиям, говорит о том, что многие события вы-

⁴ Бессер В. Они знают правду // Культурный Петербург. – 2023. – № 1. – С. 9.

⁵ Белоруссия нацелена на диалог с Западом, заявил Лукашенко. – Текст: электронный // РИА новости. – URL: <https://ria.ru/20220701/belorusiya-1799528433.html> (дата обращения: 01.07.2022). – Текст: электронный.

⁶ Водолагин А. Сталинградец. Восемьдесят лет назад началась легендарная битва на Волге // ЛГ. – 2022. – 20–26 июля. – С. 6.

зывают в нем *злорадство*. Но в скобках с тремя восклицательными знаками уточняет: *к сожалению!!!*. Со временем два центральных российских телеканала (СТС, Спас) начинают в прайм-тайм транслировать цикл «Украина, которую мы **любим**». Зона *любви* неуклонно расширяется и за счет жанрового диапазона медиатекстов, и за счёт усложнения речевых партий персонажей: участник СВО – герой репортажа, показанного на НТВ 21 июня 2022 г. рассматривает детский рисунок, доставленный на линию фронта, со словами: «*Смотришь и очень сильно **радуешься***». 19 августа 2022 г. Д. Апачев представил песню «*Из Донецка с любовью*». Диктор центрального телевидения А. Березовская признаётся: «*Просто их **жалко***». «*Мы не рады этим жертвам,*» – слова И. Коротченко (60 минут. Россия-2. 31.08.2022). «*Больно. Для нас это кровоточащая рана. Мы один народ,*» – Н. Стариков (60 минут. 2.09.2022). В кульминационной части репортажа с митинга-концерта в Лужниках звучит такой фрагмент из интервью журналиста с одним из зрителей: «*Мы поддерживаем наших ребят и переживаем за Украину!*»¹.

Программной публикацией на тему использования в публичном дискурсе «эмотивных слов» [22] можно считать статью М. Макаренко «Ненависть лишь разрушает. Несколько исторических параллелей». Информационный повод – сдача в плен украинских военных на «Азовстали», поставившая на повестку дня вопрос об отношении российского общества к военнопленным. Авторская идея, аргументированная исторической аналогией – денацификацией Германии: «*С помощью **ненависти**, какой бы святой она ни была, можно только разрушать, а **расчеловечивание** слишком быстро приводит в исторический тупик*»². Полная смысловая идентичность – в комментарии А. Шафран к сообщению об открытии в Северодонецке детской библиотеки: «*Наша основная цель – спасти себя, вспомнить, кто мы есть, русские православные люди*» (Прямая речь. Спас. 26.02.2023); в коммуникативной установке, сформулированной во время одной из студийных дискуссии Е. Поповым: «*Мы не должны уподоблятьсялюдоедам! Нам **нельзя** скатиться к ненависти!*» (60 минут. Россия-2. 22.08.2022). По

¹ Интернет-ресурс. – URL: https://vk.com/wall-169005748_46124 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

² ЛГ. – 2022. – 1–7 июня. – № 22. – С. 6.

сути, это публицистическое возвращение к смыслу шолоховской «Судьбы человека» (1953), т. е. к одной из констант русской национальной культуры.

Эта коммуникативная позиция находит яркое воплощение в проявлениях речевой агрессии, основным средством выражения которой становится ирония как уклонение от категорично-инвективного осуждения и оценки. В антиукраинской зоне это, как правило, *номинации-прозвища*, возникающие в результате языковой игры или метафоризации:

- бывший британский премьер-министр – *Боря-Чуприна*;
- Украина – *Укрорейх*;
- прибалтийские республики – *прибалтийские вымираты*;
- Генеральный секретарь ООН – *ооновский главнюк*;
- информационная политика Украины – *политико-информационный хохлизм*;
- о президенте Украины – *шоу-президент*;
- о президенте США – *дедушка Альцгеймер* (Дзен. Размышления Лунатика. 15.07.2022);
- ближайшие сподвижники британского премьера – *бомондята и бомондятки* (Индиана, но не Джонс. 18.09.2022);
- К. Собчак – *Ксения Катафальчук* (М. Шахназаров, 12.03.2023);
- российские либералы – *навальнятина* (депутат Государственной Думы Ю. Афонин. 17.02.2023);
- идеологические противники «Свободной прессы» – *«чухонские свинопасы, лабусы-бибисы, пшеки и прочие шарикусы»*³;
- общая игровая оценочная номинация либеральной интеллигенции – *ахеджахнутые и навальнутые* (Дзен. Чешские зарисовки. 31.05.2021).

Важны в этом отношении наблюдения Е. Додолева, который привёл в Дзен статистику, подтверждающую эффективность данной коммуникативной позиции: примерно в течение месяца его текст с номинацией такого типа просмотрели 9,5 тыс. адресантов, прокомментировали именно иронический фрагмент текст⁴. Ещё одно обстоятельство, свидетельствующее о востребованности

³ Интернет-ресурс. – URL: https://vk.com/wall-161048010_33974 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

⁴ Интернет-ресурс. – URL: <https://irinsergeev.livejournal.com/924542.html> (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

именно этой техники речепорождения: большая часть приведённых номинаций быстро утратила авторство, начала восприниматься как результат народного творчества.

Заключение. Проанализированный материал заставляет сделать вывод о кажущейся парадоксальной на первый взгляд коммуникативной позиции пророссийской «медиапартии», формирующейся под знаком восстановления национальной коммуникативной традиции, национального риторического идеала, предъявляющего вполне определённые требования к любому ритору (автору). Одно из главных требований заключается в соответствии принципу положительной онтологичности.

В критической ситуации большая часть российских медиа, прежде всего, традиционные СМИ под влиянием огромного исто-

рического опыта актуализируют коммуникативные техники нейтрализации агрессии, препятствующие возможностям развития диалога, призывают к активности коммуникаторов, обладающих высокими когнитивными возможностями и демонстрирующих ответственное отношение к слову, способных актуализировать релевантные в данной ситуации прецедентные феномены.

Выявленные нами особенности современной коммуникативной ситуации, по сути, являются стратегическими, т. к. позволяют открывать, удерживать коммуникативную перспективу. Изучение современной коммуникативной ситуации, с нашей точки зрения, служит созданию оснований для формирования научного, концептуального представления о стратегической коммуникативной позиции СМИ.

Список литературы

1. Цветова Н. С. Ценности журналистики «рубежного времени»: лингвокогнитивная презентация // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. науч. форума / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2023. С. 55–56.
2. Вербицкая Г. Я. Проблема самоидентификации героев рубежных времен // Музыкально-театральное искусство провинциального города на рубеже XIX–XX вв.: материалы Шаляпинских чтений с междунар. уч., состоявшихся в Уфимском гос. ун-те искусств им. З. Исмаилова. Уфа: Уфимский гос. ин-т искусств, 2020. С. 81–85.
3. Седов К. Ф. М. М. Бахтин – знамя отечественной антропологической лингвистики. Антропологическая лингвистика: избр. тр. М.: Лабиринт, 2010. С. 3–6.
4. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–125.
5. Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетей, 2021. 286 с.
6. Хайдарова Г. Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 45–51.
7. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 297 с.
8. Danilova E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 4–12.
9. Аврамова В. Концептосфера оценочности в национальной языковой картине мира // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен: Изд-во ун-та «Еп. К. Преславски», 2003. Вып. 2. С. 109–118.
10. Цветова Н. С. Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 107–116.
11. Цветова Н. С. Ментальное пространство России в медийном измерении // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 3–11.
12. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и грамматике. М.: ЯСК, 2013. 335 с.
13. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2008. 272 с.
14. Мандельштам О. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
15. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.
16. Шишков А. С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. 436 с.
17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.
18. Виноградов В. В. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
19. Струве Н. Православие и культура. М.: Христианское изд-во, 1992. 338 с.

20. Тимошук А. С. Дискурсивно-коммуникативные вызовы СВО // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. тр. Белгород: Космос, 2022. С. 87–94.

21. Зиновьева Е. Л. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях. URL: https://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/zinovyeva_e_i._ponatie_pola_v_lingvometodiceskih_issledovaniyah.pdf (дата обращения: 21.06.2023). Текст: электронный.

22. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Информация об авторе

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, профессор; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия ВО, 26; cvetova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>.

Для цитирования

Цветова Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.

Статья поступила в редакцию 07.06. 2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 06.08.2023.

References

1. Tsvetova, N. S. The values of journalism of the "frontier time": linguocognitive presentation. Media in the modern world. 62nd St. Petersburg Readings. Collection of materials of the annual 62nd International Scientific Forum. Editor A. A. Malyshev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2020: 55–56. (In Rus.)

2. Verbitskaya, G.Ya. The problem of self-identification of heroes of the turn of the century. Musical and theatrical art of a provincial city at the turn of the XIX–XX centuries. Materials of the Chaliapin readings with international participation held at the Ufa State University of Arts named after Z. Ismagilov, 2020. Ufa: UGII, 2020: 81–85. (In Rus.)

3. Sedov, K. F. M. M. Bakhtin – the banner of domestic anthropolinguistics. Bakhtin M. M. / Voloshinov V. N. Anthropolinguistics. Selected works. M: Labyrinth, 2010. 3–6. (In Rus.)

4. Sidorov, V. A. Axiology of mass media: problem fields and strategies of study. Humanitarian vector, no. 4, pp. 117–125, 2021. (In Rus.)

5. Nigmatullina, K. R. Professional culture of journalists in Russia. St. Petersburg: Aleteya, 2021. (In Rus.)

6. Haidarova, G. R. The media environment as a space of cultural practice: the struggle for the imaginary. Society. Wednesday. Development, no. 45–51, pp. 45–51, 2018. (In Rus.)

7. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism of the beginning of the XXI century). Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2009. (In Rus.)

8. Danilova, E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, no. 2, pp. 4–12, 2021. (In Rus.)

9. Avramova, V. Conceptosphere of evaluativeness in the national linguistic picture of the world. Problems of cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages. Shumen: publishing house of the University "Ep. K. Preslavsky", issue 2, pp. 109–118, 2003. (In Engl.)

10. Tsvetova, N. S. Actual media concepts: dynamics of value meanings. Humanitarian Vector, no. 4, pp. 107–116, 2021. (In Rus.)

11. Tsvetova, N. S. The mental space of Russia in the media dimension. Philological sciences. Scientific reports of the higher school, no. 5, pp. 3–11, 2021. (In Rus.)

12. Dementiev, V. V. Communicative values of Russian culture. The category of personality in vocabulary and grammar. Moscow: YASK, 2013. (In Rus.)

13. Goikhman, O.Ya., Nadeina, T. M. Speech communication. M: INFRA-M, 2008. (In Rus.)

14. Mandelstam, O. Word and culture. Mandelstam O. M: Soviet writer, 1987. (In Rus.)

15. Dridze, T. M. Language and social psychology. M: LIBROCOM, 2009. (In Rus.)

16. Shishkov, A. S. Reasoning about the old and new syllables of the Russian language. St. Petersburg: V. Plavilshchikova Type, 1818. (In Rus.)

17. Jakobson, R. Linguistics and poetics. Structuralism: "for" and "against". Moscow: Progress, 1975: 193–231. (In Rus.)

18. Vinogradov, V. V. Grammatical teaching about the word. 3rd ed. M: Higher School, 1986. (In Rus.)

19. Struve, N. Orthodoxy and culture. Moscow: Christian Publishing House, 1992. (In Rus.)

20. Tymoshchuk, A. S. Discursive and communicative challenges of SVO. Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. Collection of works. Belgorod: Cosmos LLC, 2022: 87–94. (In Rus.)

21. Zinovieva, E. L. The concept of "fields" in linguomethodic research. 32 International Philological Conference. Issue 15. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2003: 108–112. (In Rus.)

22. Shakhovsky, V. I. Linguistic theory of emotions. M: Gnosis, 2008. (In Rus.)

Information about author

Tsvetova Natalia S., Doctor of Philology, Professor; Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University; 26 VO 1st line, Saint Petersburg, 199053, Russia; cvetova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>.

For citation

Tsvetova N. S. Wartime Journalism: The Communicative Position of of the Media Text Author // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.

**Received: June 7, 2023; approved after reviewing August 3, 2023;
accepted for publication August 6, 2023.**

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Научная статья

УДК 070.15

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-112-120

Семейные ценности в современном медиаобразовании

Наталья Олеговна Автаева¹, Ольга Николаевна Савинова²

^{1,2}Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

¹zhurnalistnngu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>,
²508@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-2602>

Актуальность темы статьи определяется тем, что гуманистическая направленность становится важным вектором современного медиаобразования. Студенты, специализирующиеся в области журналистики и массовых коммуникаций, должны быть профессионально ориентированы и подготовлены к осознанию социальных проблем общества, духовного мира человека, а также современных социокультурных практик. Они должны понимать и воспроизводить традиционные ценности, к которым относится семья как значимый социальный институт, имеющий значительный исторический и культурный потенциал. Авторами анализируются теоретические и практические подходы к образовательной программе будущих журналистов, которые раскрывают специфику функционирования института семьи и способствуют развитию технологий продвижения семейных ценностей в современном медиaprостранстве. Целью работы является рецепция и осмысление образовательных программ и курсов кафедры журналистики Университета Лобачевского, в рамках которых происходит обучение студентов формировать медиаповестку, включающую социальные вопросы, а также тиражировать традиционные ценности, например, ценности семьи, материнства и детства, что способствует гуманизации современного университетского журналистского образования, подчёркивает важность социальных парадигм. Исследование базируется на общенаучных методах: анализе, синтезе, индукции, дедукции, классификации, обобщении, включённом наблюдении. В качестве эмпирических методов выступает раздаточное анкетирование. Авторы опираются на принципы системности и комплексности. В статье рассмотрены авторский курс профессорско-преподавательского коллектива кафедры журналистики Университета Лобачевского «Семейная тематика в СМИ», выпускные квалификационные работы журналистов-бакалавров и магистров по гуманитарной повестке в СМИ, ежегодный медиамониторинг по освещению темы семьи в федеральной и региональной прессе. Авторы делают вывод о том, что процесс подготовки журналистов – это синтез теории и практики, студенты должны не только познать комплекс социальных проблем, сформировать представление о ценностях и традициях, но и преуспеть в решении гуманитарных задач, участвуя в социальных и благотворительных проектах.

Ключевые слова: семейные ценности, медиаобразование, гуманистический вектор медиаконтента, мониторинг СМИ, семья как социальный институт

Original article

Family Values in Modern Media Education

Natalia O. Avtaeva¹, Olga N. Savinova²^{1,2}Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia¹zhurnalistnngu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>,²508@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-2602>

The relevance of the topic of the article is determined by the fact that the humanistic orientation is becoming an important vector of modern media education. Students who specialize in the field of Journalism and Mass Communications should be professionally oriented and prepared to understand the social problems of society, the spiritual world of man as well as modern socio-cultural practices. They should understand and replicate traditional values. Such values include the family as a significant social institution. The scientific novelty of the study is that the authors analyze the theoretical and practical approaches to the educational program of future journalists, which reveal the specifics of the functioning of the family institution and contribute to the development of technologies for promoting family values in the modern media space. The purpose of the work is to receive and comprehend the educational programs and courses of the Department of Journalism of Lobachevsky University, within the framework of which students are taught to form a media agenda that includes social issues, as well as to replicate traditional values, for example, the values of family, motherhood and childhood, which contributes to the humanization of modern university journalism education, emphasizes the importance of social paradigms. The study is based on general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, classification, generalization, participant observation. Distribution questioning serves as an empirical method. The authors rely on the principles of consistency and complexity. The article considers the author's course of the faculty of the Department of Journalism of the Lobachevsky University "Family Issues in the Media", graduation papers of bachelor and master journalists on the humanitarian agenda in the media, annual media monitoring on the coverage of the family theme in the federal and regional press. The authors conclude that the process of training journalists is a synthesis of theory and practice, students must not only learn a complex of social problems, form an idea of values and traditions but also succeed in solving humanitarian problems by participating in social and charitable projects.

Keywords: family values, media education, humanistic vector of media content, media monitoring, family as a social institution

Введение. Исторически семья является одним из первых социальных институтов, где человек получает информацию об основных ценностях и моделях поведения, помогающих социализироваться. Именно поэтому этот институт можно считать одним из самых консервативных с неизменяющимися ценностями и установками на протяжении десятков, а иногда и сотен лет. Обозначенный социальный институт способствует нравственному воспитанию личности, тиражированию этических устоев. Его можно считать основой духовного здоровья нации.

Что касается умения будущих журналистов грамотно рассказывать об этом социальном институте своей аудитории, то важно, чтобы в образовательную программу специалистов в области массовых коммуникаций были включены дисциплины, связанные с семейной тематикой.

Современные средства массовой информации способны фиксировать нарушения иерархии ценностных семейных приоритетов и в то же время могут быть эффективным каналом семейно-ролевой соци-

лизации, тиражируя образцы поведения и модели позитивного семейного устройства. Информационная политика СМИ, например, акцент на демографически положительной, общественно значимой или, наоборот, стереотипной, рекламной, деструктивной информации, влияет на поведение аудитории. Образы, распространяемые СМИ, основанные на стереотипах, могут серьезно повлиять на демографическую ситуацию в отдельно взятой стране.

Профессор МГУ Т. И. Фролова в своих публикациях последовательно доказывает, что медиатранзит семейных ценностей – это значимый атрибут гуманитарной повестки СМИ, поскольку «качество гуманитарной медиаповестки зависит от уровня гуманистического содержания и эффективности его воздействия на позитивные преобразования в социальной сфере, создания благоприятных условий для повседневной жизни людей, для прогрессивного развития человека и общества» [1, с. 227–228].

Методология и методы исследования. В данном исследовании используются

методы формальной логики: анализ, синтез, дедукция, обобщение. Наряду с этим основным эмпирическим методом является раздаточное анкетирование. Исследование основано на системном и структурно-функциональном подходах.

Вопросы, связанные с функционированием института семьи, распространением семейных и гуманистических ценностей в современном медиапространстве, привлекают внимание многих российских и зарубежных исследователей. Так, в публикациях Е. В. Столяровой [2, с. 228] и М. Ю. Гришаниной [3] рассматривается тот образ семьи и родительства, который конструируют современные отечественные СМИ. Обращение к онлайн-медиа, являющимся каналом тиражирования информации об альтернативных формах брачно-семейных отношений и о многодетном родительстве, содержится в трудах представителей уральской школы медиаисследований – С. Н. Костиной, Е. В. Зайцевой, А. Г. Банных [4, с. 69] и московской – Т. И. Фроловой, Н. Н. Замотиной, Т. О. Ивановой [5].

Представители зарубежных школ акцентируют внимание на проблемах влияния социальных сетей на функционирование института семьи, данная тема находит отражение в трудах Z. Basaslan [6], J. A. Bryant и J. Bryant [7], E. Desyanty [6; 8]. Репрезентация современной семьи в СМИ отражена в исследованиях G. Pa'a [9], E. E. Rasmussen [10], P. Papp [11].

В ряде научных работ можно встретить активные дискуссии о сущности преобразований института семьи в контексте изменений, происходящих в российском обществе и мировой цивилизации, например, в публикациях Н. М. Цаплевой [12] и М. Garrison [13]. Популярны также вопросы трансформации семейных функций, внутрисемейных отношений, что представлено в работах L. Lucassen, C. Laarman [14] и Н. А. Бутенко [15]; структуры и сущности обозначенного социального института – публикации Д. Ю. Вагина, Н. Л. Синевой, Г. И. Исламовой, М. И. Глуховой [16], Л. Г. Свитич, Н. Н. Замотиной [17].

Некоторые авторы делают акцент на таких явлениях, как упадок и распад семьи, утверждая, что данный социальный институт переживает регресс и разрушение, например, подобная точка зрения отражена в работе Т. М. Резер, Я. А. Григоренко [18].

Однако существует и противоположная точка зрения: в условиях трансформации современной социально-экономической системы происходят изменения в семье как социальном институте, то есть осуществляется переход от старых форм к новому типу семьи, который можно охарактеризовать как партнёрская семья, где отношения не носят патриархального характера и строятся с позиции равноправия её членов; её придерживаются исследователи D. Рорепое [19] и З. Х. Коблева, Н. К. Губжокова [20, с. 127].

Важной проблемой, поднимаемой исследователями, является усиление гуманистического вектора современного медиаобразования, чтобы будущие журналисты осознавали необходимость включения в повестку дня социальной и семейной тематики, этому посвящены труды Т. И. Фроловой, В. И. Фроловой, П. В. Нуриловой [21]; Н. О. Автаевой и О. Н. Савиновой [22]; Э. Ф. Шамугия [23]. Игнорирование данных тем, вне всякого сомнения, приведет к кризису духовности и гуманистичности в современном медиапространстве, усилит процесс аберрации важных социальных функций медиа, прежде всего, культурно-просветительской и воспитательной.

Важность данного вопроса отражена в нормативных документах, актуализирующих вопросы, освещённые в исследовании. Например, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, предусматривает, в том числе задачи укрепления института семьи, возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений, пропаганды семейных ценностей. Согласно доктрине, демографически позитивная семейная политика, направленная на укрепление брака, поддержку материнства и детства, налаживание диалога поколений, выступает действенным механизмом, нейтрализующим негативные последствия процесса трансформации семьи как социального института.

Мониторинг интереса современных СМИ к институту семьи представляется весьма актуальной исследовательской задачей для студентов-журналистов [22, с. 8]. Семья в современных условиях испытывает массу трудностей, обусловленных, как социально-экономическими, так и демографическими факторами.

Сегодня становятся актуальными вопросы подготовки будущих журналистов, готовых к популяризации традиционных семейных ценностей, эта тема присутствует, как в работах отечественных медиаисследователей, например, И. В. Ерофеевой, О. В. Сафроновой [24], так и зарубежных – А. Milojevic, A. Krstic, A. Ugrinic [25]. В профессиональном педагогическом сообществе актуализируются новые дискуссии, связанные с тем, как гармонизировать в медиаобразовании современные процессы в сфере медиа: эволюцию медиасистемы, глобализацию медиапоток, и традиционную гуманитарную составляющую. Но главная проблема заключается в том, как не допустить разрыва между ментальной и технологической составляющими в журналистском образовании. В данной статье систематизируется опыт Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, показывающий, что основной задачей медиаобразования является не только формирование профессиональных компетенций, но и обращение к морально-нравственным качествам будущих журналистов через включение в образовательную программу дисциплин, предметом которых является культура, традиционные духовно-нравственные постулаты, ценности [26, с. 82].

Результаты исследования и их обсуждение. В современных условиях, когда чуждые российской ментальности ценности наносят ущерб духовному здоровью и ломают культурный код подрастающих поколений, сохранение нравственных ориентиров выступает в качестве стратегической задачи в системе образования. На кафедре журналистики ННГУ в рамках образовательных программ и курсов серьезное внимание уделяется воспитанию уважения к национальной культуре и традициям. Например, будущие журналисты слушают спецкурс «Семейная тематика в СМИ», который базируется, с одной стороны, на общественно-гуманитарных дисциплинах, прежде всего, это касается методологии и теоретического обоснования: так, важными блоками данного курса являются темы, коррелирующие с «Социологией» (разделом – «Социология семьи»), с другой – важна его связь и с прикладными профессиональными дисциплинами: «Основами творческой деятельности

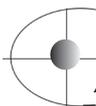
журналиста», «Социальной журналистикой» и т. п. Основная задача данного курса заключается в формировании у будущих журналистов представлений о представленности темы семьи и семейных ценностей в отечественном медиадискурсе, как в историческом аспекте, так и на современном этапе. Отдельно анализируются каналы тиражирования просемейной информации, их специфика и коммуникативные стратегии. Важной целью является закрепление практических навыков создания текстов социальной проблематики, прежде всего, семейной, для того, чтобы данная тема была представлена в информационном пространстве полифонией жанровых форм и творческих приёмов.

Наряду с этим, студенты Института филологии и журналистики, обучающиеся и в бакалавриате, и в магистратуре, в рамках разных прикладных дисциплин регулярно проводят мониторинг СМИ для выявления специфики гуманитарной повестки. Также принимают участие в социально ориентированных мероприятиях: фестивалях, выставках, акциях, связанных с тиражированием и сохранением культуры и духовно-нравственных ценностей.

Вопросам сохранения семейных ценностей посвящены курсовые и выпускные квалификационные работы, например, «Роль социальной рекламы в сохранении института семьи», «Образ матери в современных медиа», «Информационные технологии как фактор сохранения репродуктивного здоровья семьи», «Роль СМИ в популяризации традиционных семейных ценностей» и др.

Как правило, перед спецкурсом по семейным вопросам мы проводим анкетирование студентов. В 2019–2021 гг. было опрошено 72 чел., в том числе 64 девушки и 8 юношей.

На вопрос, что для них идеальная семья, студенты-журналисты ответили, что семья – это место, где царят взаимопонимание и любовь (31 %). Важно, что на втором месте стоит полноценная семья, а это значит, что студенты отмечают необходимость всех социальных ролей – матери, папы и детей – в институте семьи (26 %). На третьем месте – фактор благополучия и материального достатка семьи (17 %). Под семейными традициями студенты понимают духовную близость, общность интересов.

**Признаки идеальной семьи
Результаты опроса студентов**

Признаки идеальной семьи	Все	Женщины	Мужчины
Взаимопонимание, любовь	22	20	2
Полная семья	19	17	2
Благополучие и материальный достаток	12	11	1
Супружеская верность	8	7	1
Много детей	8	8	-
Здоровье	2	1	1
Я затрудняюсь ответить	1	-	1

Представляют интерес и результаты проводимого студентами Института филологии и журналистики регулярного мониторинга федеральной и региональной периодики по специфике освещения темы семьи в отечественном медиа. Обозначим некоторые тенденции последнего мониторинга (сентябрь – январь 2022 г.).

По количественным показателям семейная тематика в региональной периодике занимает 7–9 % от общего количества публикаций; подобные материалы появляются здесь на регулярной основе, систематически. Например, в газете «Земля Нижегородская» среди основных тем – воспитание детей, семейные традиции, счастливые семьи, юридические консультации, многодетные семьи, дети-сироты и усыновители. В федеральных СМИ, семейная тематика не так распространена, для её появления необходим значимый информационный повод. А в отдельных изданиях, как, например, в «Литературная газета», тема семьи является лишь фрагментом общего разговора о культуре.

Коммерциализация медиа часто отодвигает на задний план гуманитарные вопросы, поэтому даже в специализированной периодике, например, в журнале «Работница», который позиционирует себя в последние годы как издание для семейного чтения, преобладают проблемные материалы, показывающие опыт деструктивных семейных отношений и родительства, издание практически не предлагает аудитории позитивные модели семейного поведения и коммуникации.

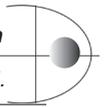
Схожая картина наблюдается сегодня и в телеэфире. Тематика и содержание теле-

передач, например, «ДНК» на НТВ, сосредоточены на деструктивных процессах. Счастливые семьи редко привлекают внимание современного телевидения. Повышенное внимание к звездам шоу-бизнеса, выступающим и в роли актеров, и в качестве экспертов, вызывает сомнения: реальны ли все эти истории.

Заключение. Вопросы медиаобразования, в том числе организации переподготовки и повышения квалификации журналистов, сегодня крайне важно обсуждать профессиональным сообществом. Кафедра журналистики ННГУ внесла предложения в итоговый отчет II Форума общероссийской программы «Святость материнства», который проходил в Нижнем Новгороде осенью 2012 г. Впоследствии для журналистов Нижнего Новгорода были организованы курсы повышения квалификации по формированию традиционных семейных ценностей в СМИ, которые рекомендовано проводить на регулярной основе. Данный образовательный проект был презентован на итоговом круглом столе Форума, в нём приняли участие член Попечительского совета программы «Святость материнства» С. И. Маркелова, начальник отдела по связям с общественностью А. С. Гатилин, представители территориального управления Роскомнадзора по ПФО, студенты кафедры журналистики.

С самого начала аудитория проявила интерес к заявленной теме и активно участвовала в обсуждении актуального для общества и СМИ вопроса. В дискуссиях, прошедших в ходе обучающих курсов и итогового круглого стола, выявлены некоторые «болевы точки» семейного дискурса в современных СМИ:

- государственное регулирование и саморегулирование СМИ: теоретические предпосылки и практические препятствия;
- сохранение традиционных нравственных ценностей как общественная повестка СМИ;
- федеральная и региональная правовая практика по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию;
- расширение позитивного контента для пропаганды традиционных семейных ценностей в СМИ. Государственная грантовая поддержка программ социальных сетей, направленных на поддержку материнства и детства;

– диалог СМИ и общества. Усиление влияния экспертного сообщества, самой аудитории на формирование медиаконтента.

Организация курсов показала актуальность данной темы для журналистского сообщества, востребованность просветительской работы в СМИ, необходимость обмена опытом в данной сфере, как для отечественных, так и для зарубежных журналистов и экспертов. Опыт был внедрён и другими российскими регионами.

Институт филологии и журналистики ННГУ уже несколько лет активно сотрудничает с организаторами Всероссийской программы «Святость материнства». Ежегодно 15 мая – в День семьи мы подводим итоги медиамониторинга по освещению темы семьи в федеральной и региональной прессе. Студенты обычно делают интересные презентации. Среди гостей мероприятия были Артем Кавинов, депутат Государственной Думы РФ; Ольга Носкова, председатель Союза журналистов Нижегородской области, представители женских общественных объединений, ведущие журналисты телерадиокомпаний, периодических изданий.

Программа «Святость материнства» активно взаимодействует со средствами массовой информации, включая расширение социальной рекламы, выпуск тематических программ, специализированных газет и журналов, увеличение количества материалов на семейную тематику в

СМИ. Наши студенты проходят практику на региональных телерадиокомпаниях, в периодических изданиях, продвигают семейную тематику в авторских материалах и передачах.

На протяжении нескольких лет кафедра принимает активное участие во Всероссийском конкурсе студенческих работ на семейную тематику, объявленном Фондом Андрея Первозванного и Оргкомитетом программы «Святость материнства». Кафедра уделяет серьёзное внимание исследованиям в области информационной пропаганды традиционных семейных ценностей. Опыт кафедры отражён в научных публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Процесс подготовки социальных журналов включает в себя не только лекции и семинары, но и практику наших студентов, а также участие в социальных и благотворительных проектах, таких как «Нижегородская семья» на Нижегородской ярмарке, «День пожилых людей». Студенты представляют собственные творческие программы и мероприятия с общественно значимой направленностью. Семья – социальный институт, знакомый учащимся. Через проведение мониторинга семейной темы в СМИ будущие журналисты познают комплекс социальных проблем, осознают суть гуманистического содержания СМИ, задумываются о ценностях и нравственных установках.

Список литературы

1. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: тенденции развития // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 226–230.
2. Столярова Е. В. Образ российской семьи в современных СМИ // XVII Масловские чтения: сб. науч. ст. по итогам межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Пожидаевой, В. Б. Бакулы, Н. А. Шевченко. Мурманск: МАГУ, 2019. С. 225–229.
3. Гришанина М. Ю. Образы родителей и семьи в СМИ: психологические особенности восприятия // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. № 1. С. 167–178. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.016.
4. Костина С. Н., Зайцева Е. В., Банных Г. А. Особенности формирования электронными СМИ образа многодетности // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 53-1. С. 67–71. DOI: 10.18411/lj-08-2019-19.
5. Фролова Т. И., Замотина Н. Н., Иванова Т. О. Медиарепрезентация альтернативных форм брачно-семейных отношений в онлайн-СМИ // Гендер и СМИ. Ежегодный научный журнал. 2018. № 9. С. 75–97.
6. Basaslan Z. The Place of social media in Family Communication // European Journal of Social Sciences Studies. 2022. Vol. 7, iss. 5. P. 21–28. DOI: 10.46827/ejsss.v7i5.1278.
7. Bryant J. A., Bryant J. Implications of Living in a Wired Family: New Directions in Family and Media Research // The Family Communication Sourcebook. California: SAGE Publications, 2006. P. 297–314. DOI: 10.4135/9781452233024.n16.
8. Desyanty E. Utilization of Social Media in Young Families as Media Parenting in the Millennial Era // Digital Press Social Sciences and Humanities. Proceeding of The Non-Formal Education International Conference. Malang: State University of Malang, 2020. P. 1–8. DOI: 10.29037/digitalpress.46368.

9. Pa'a G. The family in media ciphers // *European Journal of Science and Theology*. 2015. Vol. 11, no. 6. P. 45–56.
10. Rasmussen E. E. Effects of Media Use on Family Bonding // *The International Encyclopedia of Media Psychology*. Wiley, 2020. DOI: 10.1002/9781119011071.iemp0209.
11. Papp P. Family Themes: Transmission and Transformation // *Family Process*. 1996. No. 35. P. 5–20. DOI: 10.1111/j.1545-5300.1996.00005.x.
12. Цаплева Н. М. Проблема самосохранения семейных ценностей в информационном обществе // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: материалы междунар. науч.-практ. конф. Армавир: АГПУ, 2018. С. 16–19.
13. Garrison M. Family Values Today // *Family Life, Family Law, and Family Justice*. Routledge: Glasshouse, 2022. P. 63–78. DOI: 10.4324/9781003305606-4.
14. Lucassen L., Laarman C. Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period // *The History of the Family*. 2009. No. 14. P. 52–68. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001.
15. Бутенко Н. А. Трансформация семьи как социального института // *Социосфера*. 2017. № 2. С. 16–19.
16. Вагин Д. Ю. Российская семья в процессе трансформации: проблемы и варианты развития // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2–2. С. 30–34.
17. Свитич Л. Г., Замотина Н. Н. Семья в объективе прессы (Контент-аналитическое исследование конкурсных публикаций) // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2018. № 1. С. 103–126.
18. Резер Т. М., Григоренко Я. А. Институт семьи как социальная ценность государства в условиях демографического кризиса // *Вопросы управления*. 2020. № 5. С. 121–131. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-5-121-131.
19. Popenoe D. *War over the family*. New Brunswick: Routledge, 2008. 284 p.
20. Коблева З. Х., Губжокова Н. К. Ценности современной семьи как объект социокультурного анализа // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021. № 1. С. 121–130. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-1-121-130.
21. Фролова Т. И., Фролова В. И., Нурилова П. В. Репрезентация актуальных статусов родительства в российских СМИ: обзор практик в аспекте медиатранзита // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11, № 4. С. 710–729. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4).
22. Автаева Н. О., Савинова О. Н. Семейные ценности в отечественном медиадискурсе. Н. Новгород: Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2022. 170 с.
23. Шамугия Э. Ф. Семья, брак и семейные ценности в современных российских СМИ // *Школа университетской науки: парадигма развития*. 2020. № 3. С. 103–109.
24. Ерофеева И. В., Сафронова О. В. Аксиологическая культура журналиста информационной эпохи // *Гуманитарный вектор*. 2022. № 4. С. 128–137. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-128-137.
25. Milojevic A., Krstic A., Ugrinic A. The Future of Journalism as a System, Profession and Culture: The Perception of Journalism Students // *Izvorni Znanstveni Rad*. 2016. No. 2. P. 83–105. DOI: 10.22572 / mi.22.2.5.
26. Автаева Н. О. Популяризация ценностей семьи и родительства в блогосфере // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021. № 3. С. 77–85. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10309.

Сведения об авторах

Автаева Наталия Олеговна, кандидат политических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37; zhurnalistnngu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>.

Савинова Ольга Николаевна, доктор политических наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37; 508@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1733-2602>.

Вклад авторов

Автаева Н. О. – осуществляла обзор научной литературы, оформляла статью.

Савинова О. Н. – систематизировала информацию, прописывала теоретико-методологический блок и выводы исследования.

Для цитирования

Автаева Н. О., Савинова О. Н. Семейные ценности в современном медиаобразовании // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 3. С. 112–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-112-120.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

References

1. Frolova, T. I. Humanitarian agenda of the Russian media: development trends. *Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, no. 6, pp. 226–230, 2017. (In Rus.)
2. Stolyarova, E. V. The image of the Russian family in modern media. XVII Maslovskiy readings. Collection of scientific articles based on the results of the Interregional Scientific and Practical Conference. Murmansk: 2019: 225–229. (In Rus.)
3. Grishanina, M. Yu. Images of parents and families in the media: psychological characteristics of perception. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature*, no. 1, pp. 167–178, 2021. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.016. (In Rus.)
4. Kostina, S. N., Zaitseva, E. V., Bannykh, G. A. Features of the formation of the image of large families by electronic media. *Trends in the development of science and education*, no. 53–1, pp. 67–71, 2019. DOI: 10.18411/ij-08-2019-19. (In Rus.)
5. Frolova, T. I., Zamotina, N. N., Ivanova, T. O. Media representation of alternative forms of marriage and family relations in online media. *Gender and Media. Annual scientific journal*, no. 9, pp. 75–97, 2018. (In Rus.)
6. Basaslan, Z. The Place of social media in Family Communication. *European Journal of Social Sciences Studies*, no. 5, vol. 7, pp. 21–28, 2022. DOI: 10.46827/ejsss.v7i5.1278. (In Eng.)
7. Bryant, J. A., Bryant, J. Implications of Living in a Wired Family: New Directions in Family and Media Research. *The Family Communication Sourcebook*. California: SAGE Publications, 2006: 297–314. DOI: 10.4135/9781452233024.n16. (In Eng.)
8. Desyanty, E. Utilization of Social Media in Young Families as Media Parenting in the Millennial Era. *Digital Press Social Sciences and Humanities. Proceeding of The Non-Formal Education International Conference*. Malang: State University of Malang, 2020: 1–8. DOI:10.29037/digitalpress.46368. (In Eng.)
9. Pafa, G. The family in media ciphers. *European Journal of Science and Theology*, no. 6, vol. 11, pp. 45–56, 2015. (In Eng.)
10. Rasmussen, E. E. Effects of Media Use on Family Bonding. *The International Encyclopedia of Media Psychology*. Wiley, 2020. DOI: 10.1002/9781119011071.iemp0209. (In Eng.)
11. Papp, P. Family Themes: Transmission and Transformation. *Family Process*, no. 35, pp. 5–20, 1996. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00005.x. (In Eng.)
12. Tsapleva, N. M. The problem of self-preservation of family values in the information society. *Actual problems of modern socio-cultural space. Materials of the International scientific-practical conference*. Armavir: 2018: 16–19. (In Rus.)
13. Garrison, M. Family Values Today. *Family Life, Family Law, and Family Justice*. Routledge: Glasshouse, 2022: 63–78. DOI: 10.4324/9781003305606-4. (In Eng.)
14. Lucassen, L., Laarman, C. Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period. *The History of the Family*, no. 14, pp. 52–68, 2009. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001. (In Eng.)
15. Butenko, N. A. Transformation of the family as a social institution. *Sociosphere*, no. 2, pp. 16–19, 2017. (In Rus.)
16. The Russian family in the process of transformation: problems and options for development. D. Yu. Vagin [et al]. *Modern studies of social problems*, no. 2–2, pp. 30–34, 2020. (In Rus.)
17. Svitich, L. G., Zamotina, N. N. Family in the lens of the press (content-analytical study of competitive publications). *Journalist. Social communications*, no. 1, pp. 103–126, 2018. (In Rus.)
18. Rezer, T. M., Grigorenko, Ya. A. The Institute of the Family as a Social Value of the State in the Conditions of the Demographic Crisis. *Management Issues*, no. 5, pp. 121–131, 2020. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-5-121-131. (In Rus.)
19. Popenoe, D. *War over the family*. New Brunswick: Routledge, 2008. (In Eng.)
20. Kobleva, Z. Kh., Gubzhokova, N. K. Values of a modern family as an object of sociocultural analysis. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, no. 1, pp. 121–130, 2021. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-1-121-130. (In Rus.)
21. Frolova, T. I., Frolova, V. I., Nurilova, P. V. Representation of actual statuses of parenthood in the Russian media: a review of practices in the aspect of media transit. *Questions of theory and practice of journalism*, no. 4, pp. 710–729, 2022. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4). (In Rus.)
22. Avtaeva, N. O., Savinova, O. N. Family values in the domestic media discourse. *Nizhny Novgorod: UNN*, 2022. (In Rus.)
23. Shamugiya, E. F. Family, marriage and family values in modern Russian media. *School of University Science: Development Paradigm*, no. 3 (37), pp. 103–109, 2020. (In Rus.)
24. Erofeeva, I. V., Safronova, O. V. Axiological culture of the journalist of the information age. *Humanitarian vector*, no. 4, pp. 128–137, 2022. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-128-137. (In Rus.)
25. Milojevic, A., Krstic, A., Ugrinic, A. The Future of Journalism as a System, Profession and Culture: The Perception of Journalism Students. *Izvorni Znanstveni Rad*, no. 2, pp. 83–105, 2016. DOI: 10.22572/mi.22.2.5. (In Eng.)

26. Avtaeva, N. O. Popularization of the values of family and parenthood in the blogosphere. *Znak: problematic field of media education*, no. 3, pp. 77–85, 2021. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10309. (In Rus.)

Information about the authors

Avtaeva Natalia O., Candidate of Political Science, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University; 37 Bolshaya Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, 60300, Russia; zhurnalistnngu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>.

Savinova Olga N., Doctor of Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University; 37 Bolshaya Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, 60300, Russia; 508@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1733-2602>.

Contribution of authors to the article

Avtaeva N. O. – review of scientific literature, documentation.

Savinova O. N. – systematization of information, theoretical and methodological block and conclusions of the study.

For citation

Avtaeva N. O., Savinova O. N. Family Values in Modern Media Education // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 112–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-120.

**Received: May 12, 2023; approved after reviewing June 26, 2023;
accepted for publication June 28, 2023.**

Научная статья

УДК: 070:004.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-121-130

Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы

Ксения Евгеньевна Виноградова

*Санкт-Петербургский экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
vinogradovamail@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9517-6767>*

В статье проводится критический анализ исследований, фиксирующих влияние искусственного интеллекта не только на развитие современной науки, но и образ мышления, и духовную жизнь. Исследование основывается на синтезе философских концепций. Рассмотрены факторы, способствующие возникновению философии искусственного интеллекта, обозначены сферы его применения, ключевые направления его развития. Уточняется понятийный аппарат феномена искусственного интеллекта. В качестве методов исследования используется метод компаративистики и дискурс-анализ, выявляющий связи между смыслами и концептами. Посредством ресурса Google News отобраны и проанализированы 250 публикаций, в которых присутствовали упоминания о связи журналистики и искусственного интеллекта. В статье даётся сравнительная характеристика положительного и отрицательного влияния новых технологий, связанных с ИИ на информационно-коммуникационные процессы в обществе, рассмотренные в контексте поиска, обработки и передачи информации массовой аудитории. На основе анализа российской и зарубежной медийной практики показана реализация творческих информационных продуктов, созданных с помощью искусственного интеллекта; обобщён опыт использования искусственного интеллекта в медиаиндустрии, медиапроизводстве и медиаобразовании. ИИ рассматривается в ракурсе новаторских и перспективных идей, развивающих науку и производство. Вывод – обращение к нейросетям, используемым в данных технологиях, – это не мода и не дань времени, а единственный способ выживания для редакций. Вместе с тем делается вывод о необходимости оценки рисков от стремительного внедрения высоких технологий в сферу коммуникации. Обозначены конкретные подходы к решению задач по внедрению искусственного интеллекта в сферу журналистики и подготовке кадров, способных к эффективному применению программ искусственного интеллекта в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, будущее журналистики, трансформация журналистики, новые технологии, перспективы журналистики, автоматизация журналистики

Original article

The Development of Artificial Intelligence and the Transformation of Journalism: New Opportunities and Challenges

Ksenia E. Vinogradova

*Saint-Petersburg University of Economics, Saint-Petersburg, Russia
vinogradovamail@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9517-6767>*

The article provides a critical analysis of studies that record the impact of artificial intelligence not only on the development of modern science but also on the way of thinking and spiritual life. The study is based on the synthesis of philosophical concepts. The factors contributing to the emergence of the philosophy of artificial intelligence are considered, the areas of its application, the key directions of its development are indicated. The conceptual apparatus of the phenomenon of artificial intelligence is clarified. As research methods, the methods of comparative studies and discourse analysis are used, which reveal the links between meanings and concepts. Using the Google News resource, 250 publications were selected and analyzed, in which there were mentions of the connection between journalism and artificial intelligence. The article contains a comparative description of positive and negative impact of new technologies on information and communication processes in society, in the context of search, processing and transmission of information to a mass audience. Based on the analysis of Russian and foreign media practice, the implementation of creative information products created with the help of artificial intelligence is shown; the experience of using artificial intelligence in the media industry, media production and media education is summarized. AI is considered from the perspective of innovative and promising ideas that develop science and production. Conclusion: turning to neural networks used in these technologies is

© Виноградова К. Е., 2023

not a fashion and not a tribute to the times, but the only way for editors to survive. At the same time, we conclude that it is necessary to assess the risks from the rapid introduction of high technologies in the field of communication. Specific approaches to solving the problems of introducing artificial intelligence into the field of journalism and training personnel capable of effectively using artificial intelligence programs in professional activities are outlined.

Keywords: artificial intelligence, the future of journalism, transformation of journalism, new technologies, journalism prospects, automation of journalism

Введение. Актуальность темы обусловлена ростом внимания гуманитарных наук к проблеме применения искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах жизни. Сегодня ведутся глобальные исследования влияния искусственного интеллекта на развитие различных дисциплин в современной науке. В философском измерении вопросы развития и внедрения в различные области жизни искусственного интеллекта связаны с эпистемологией, онтологией, гносеологией, аксиологией, философией сознания и т. д. Некоторые из главных вопросов, которые обсуждаются в контексте искусственного интеллекта, различия между искусственным интеллектом и человеческим интеллектом, этические вопросы, связанные с созданием и использованием искусственного интеллекта, возможность существования сознания у машин и др. В средствах массовой информации обсуждаются плюсы и минусы влияния новых технологий на информационные и коммуникационные процессы и, в целом, на существующий общественный уклад. Специалисты различных отраслей знаний изучают такие программы искусственного интеллекта как ChatGPT, GPT-3 или DALL-E. Перспективы развития и конкретные решения по внедрению подобных технологий рассматриваются государственными и коммерческими организациями: «Сбербанк России» и Правительство России подписали соглашение о развитии технологий искусственного интеллекта, Банк России создаёт центр компетенций по искусственному интеллекту. В научном дискурсе нередко звучат предостережения и пугающие прогнозы о вредоносности искусственного интеллекта для общества и призывы не допустить ситуацию масштабного распространения ИИ: например, случаев судебных разбирательств, в котором судьями будут выступать роботы, или когда, обладатель искусственного интеллекта спроектирует варианты химического оружия. Рассматриваются возможности создания сверхинтеллекта и его потенциального воздействия на человечество, в том числе неспособность человечества контролировать его действия.

Каузальность медиакommunikаций с искусственным интеллектом представляет собой связь между взаимодействующими сторонами: технологии влияют на создание контента, работу профессиональных коммуникаторов, и при этом, запускается следующий этап изменений. Реакции со стороны искусственного интеллекта не всегда предсказуемы и понятны.

Как настоящим, так и будущим сотрудникам СМИ, необходимо получить представление об ответственном и эффективном использовании искусственного интеллекта; корректности применения полученных результатов с точки зрения авторских прав и этических норм, распространения диффамационных сведений, репутационных издержек. В целом, необходимо философское осмысление происходящих процессов, которые меняют не только медиаланшафт, но и понимание роли коммуникатора-человека-профессионала.

Обзор литературы. Феномен искусственного интеллекта анализируется в ракурсе философских проблем трансформации современной техногенной цивилизации и новой социальной реальности. В исследованиях называются кризисные характеристики цифрогенной цивилизации, и недостаточность внимания социальным последствиям использования новых технологий в этот период [1]. Учёные убеждены в необходимости понимания социального контекста знаний и человеческого поведения наравне с пониманием динамики индивидуального разума [2]. На основе эволюционного подхода изучаются принципы синтезирования искусственного интеллекта: описывается исчисление предикатов, система поиска, алгоритмы и структуры данных для реализации поиска, эвристика и стохастическая методология [3]. Существующие теории рассматриваются с двух основных позиций: слабого искусственного интеллекта (способного действовать интеллектуально) и сильного искусственного интеллекта (способного действовать разумно) [4]. При этом доказывается, что чтобы компьютерная модель могла описывать и объяс-

нять ментальные процессы и свойства: она должна быть изоморфной (сходной) с соответствующими ментальными процессами и свойствами человеческого разума [5]. Некоторые видят угрозу в ИИ «экзистенциальную угрозу для человечества, сопоставимую по масштабам с полным вымиранием Homo Sapiens как вида» [6], то есть считают, что замена человека искусственным интеллектом может привести к уничтожению цивилизации [7].

В подобном ключе развивают свои теории искусственного интеллекта специалисты в области управленческих теорий [8] и теории коммуникации и журналистики [9]. Не обошли вниманием актуальную проблему искусственного интеллекта представители политических наук [10; 11]. Большой сегмент научной литературы, намечающей концептуальные подходы к проблемам применения ИИ в коммуникационной деятельности, медиаиндустрии и медиаобразования представлен, как зарубежными, так и отечественными учёными. Подчёркиваются потенциальные преимущества использования технологий, автоматизации сбора и обработки данных, генерации контента, налаживания коммуникаций [12; 13]. Одновременно выявляются проблемы и этические последствия использования технологий и необходимость выработки принципов «надёжного искусственного интеллекта». Профессор М. Г. Шилина акцентирует внимание на том, что коммуникационная модель СМИ и эффекты медиатизации кардинально меняются благодаря цифровым платформам, полагая, что это естественный процесс, формирующий «новую нормальность» [14]. Выводы исследователей из Aristotle University of Thessaloniki подтверждают, что журналистика чат-ботов может быть социально контекстуализированной практикой, которая определяется входными данными и поведением пользователя, является естественным отражением современных культурных ценностей и практик [15], а D. Shin говорит о том, что пользователи при общении с чат-ботами склонны воспринимать и оценивать как общение с людьми [16].

Искусственный интеллект – это зонтичный термин, под которым понимают различные программные решения, работающие в режиме реального времени. К ключевым направлениям развития искусственного интеллекта относят: глубокое машинное обучение с помощью искусственных нейронных сетей,

воссоздание мыслительного процесса человека в компьютерной модели (когнитивные вычисления), обработку естественного языка (GPT), компьютерное зрение для интерпретации содержимого, роботизированную автоматизацию процессов [17]. Под искусственным интеллектом О. О. Чертовских понимает возможности системы компьютера копировать когнитивную систему человека, например, эффективное и быстрое обучение решения логических и познавательных задач [18, с. 558].

Некоторые исследователи считают, что в связи с широким применением разнообразных технологий искусственного интеллекта журналистика со временем придёт в упадок [19; 20]. Другая группа специалистов и учёных утверждают, что искусственный интеллект – полезное изобретение и может облегчить редакционную работу. Так, М. М. Лукина приходит к выводу, что технологии искусственного интеллекта позволят ускорить технические процессы медиапроизводства [21, с. 684].

Философ, медиаэксперт В. Ф. Олешко выражает схожее мнение с генеральным директором немецкой медиагруппы «Аксель Шпрингер» (Axel Springer), который уверен в том, что «выживут только те, кто создаст лучший оригинальный контент» [22, с. 8].

Очевидно, что единого представления о том, как искусственный интеллект повлияет на журналистику, в перспективе у учёных нет.

Методология и методы исследования. Журналистская деятельность состоит из поиска, обработки и передачи информации массовой аудитории. Журналист преобразует информацию в тексты, аудио- и видеоматериалы, и делает это так, чтобы читатель-слушатель-зритель получил полноценную картину об окружающем мире. Уникальность журналистской деятельности заключается в том, что она многокомпонентная: как и в любой другой деятельности, в ней важны профессиональные знания, умения и навыки. Однако не меньшее значение имеют творческие способности, психосоциальные качества личности самого журналиста. Журналист выполняет редакторскую работу, выступает в качестве публициста, а также является менеджером СМИ. Вопрос «На каких этапах, и в какой форме могут быть использованы программы искусственного интеллекта, какие функции они могут выполнять?», – пока остаётся открытым.

Нами предпринята попытка анализа мнений экспертов относительно перспектив влияния дальнейшего внедрения программ искусственного интеллекта на журналистику. В качестве основного метода исследования был выбран дискурс-анализ, объектом исследования явились публикации в электронных средствах массовой информации, вышедшие в свет с января по апрель 2023 г.

В исследовании упор ставится на методику, предложенную Т. Ван Дейком [23, с. 19]. В качестве единицы дискурс-анализа были выбраны такие высказывания, которые Ван Дейк называл «микроструктурами», то есть такие, которые обладают интенцией, взаимосвязаны с контекстом, позволяют выявить связи между смыслами и концептами.

Подобные суждения мы объединили в вышеназванные темы, которые можно назвать «семантическими макроутверждениями». Макроутверждения формируются с учётом особых «макроправил (селекция, абстракция и операционализация), концептуально суммируют текст, формируют его структуру и упрощают восприятие заключенной в нем информации» [24, с. 20].

Изначально посредством ресурса Google News было отобрано 250 публикаций, в которых присутствовали упоминания о связи журналистики и искусственного интеллекта. Был проведён качественный анализ этих публикаций, отобрано 30 матери-

алов которые обладают объёмом не менее 5000 знаков и содержат комментарии по выбранной теме. Предметом исследования стали высказывания экспертов и суждения авторов публикаций. Суждения обобщены в категории:

1. Характер отношений профессионального сообщества к внедрению программ искусственного интеллекта (позитивный, негативный, нейтральный).

2. Возможности программ на данный момент для их применения в редакционной деятельности, ограничения данных программ, перспективы их использования (существующие и потенциальные технические возможности и ограничения).

3. Воздействие программ на изменение статуса журналиста и его функциональных задач, в том числе, вытеснение профессии с рынка труда (влияние на редакционную, редакторскую и творческую деятельность).

Всего было выявлено 280 суждений, в которых обобщались тенденции, выражались представления об изменении какой-либо деятельности журналиста или трансформации его роли под влиянием программ искусственного интеллекта.

Результаты исследования. Рассмотрим характер отношения профессионального сообщества к внедрению искусственного интеллекта. Данные исследования обобщены в рисунке.

Тональность суждений о влиянии искусственного интеллекта на журналистику
Sentiment analysis of opinions on the impact of artificial intelligence on journalism

В целом, попытки включения искусственного интеллекта в процесс создания медиа рассматриваются как новаторские и перспективные. Однако при этом авторы осторожны в выводах. Значительная часть публикаций (72 %) содержит две или более точек зрения, их с уверенностью можно отнести к нейтральным. В них приводятся примеры применения нейросетей в современной практике медиа, описываются возможности и ограничения программ. Отмечается, что человеческий и искусственный интеллект работают по-разному. Человек может быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации и принимать решения на основе контекста, опыта и интуиции. Нейросеть решает задачи, следуя заданным алгоритмам и правилам программирования, но не способна настраиваться и адаптироваться к непредвиденным событиям без перепрограммирования [25].

Пессимистичные публикации (8 %) содержат опасения о будущем профессии, размывании её рамок, сокращении числа рабочих мест, постепенном замещении журналистских специальностей. Стали распространёнными подобные заявления: «Искусственный интеллект отправляет на свалку все больше профессий», «Машины справляются куда лучше людей». Предрекается исчезновение профессий: копирайтер, переводчик, корректор, технический писатель. В некоторых публикациях ставится под вопрос сохранение профессий: репортера, ведущего, аналитика. Прогнозируется, что на их место придут новые специальности: «промт-оператора» ("prompt-skills" – умение формулировать правильные запросы), «нейрожурналиста», администратора по нейросети. Звучат предостережения о том, что чрезмерное увлечение программами может привести к катастрофическим последствиям, особенно настораживают возможности имитации голоса и внешности человека, передачи дезинформации.

Сотрудники СМИ считают, что уже сейчас происходит обесценивание журналистского труда: «это заставляет автора чувствовать себя недооценённым», ведёт к принижению статуса журналиста. Отмечается, что увеличение объёма текста не является самоцелью. Более того, читатель, который видит одну и ту же новость в разных вариациях в десятках СМИ, теряет интерес к журналистским текстам, что ведёт к потере приверженной аудитории.

Оптимистичный характер отношения журналистов к последствиям внедрения ИИ прослеживается в 20 % процентах публикаций. Это заметно в лозунгах подобного рода: «журналистика не умрет», «будущие журналисты будут рассказывать о том, что происходит в мире, волновать читателей, и нейросети им не помешают», «живых журналистов нейросети не заменят, но они могут стать отличным помощником для СМИ и их работников», «никаких «угроз журналистике» в нейросетях не вижу». В позитивном восприятии нейросеть и журналист могут составить эффективный тандем.

Коллаборация с искусственным интеллектом позволит не только экономить ресурсы, но и освободиться от рутинных процессов. Редакционные работники смогут посвящать время по-настоящему творческой работе. Оптимистично настроенные эксперты полагают, что в перспективе работа живых репортеров будет считаться «элитным продуктом». Они полагают, что происходящий процесс передачи части журналистских функций нейросетям можно сравнить с периодом отказа от печатных машинок, который принёс только пользу.

Ряд экспертов полагают, что обращение к нейросетям данных технологий – это не мода и не дань времени, а единственный способ выживания для редакций. Одновременно с этим звучат и предостережения: не торопиться с внедрением высоких технологий до тех пор, пока не будут оценены все риски.

Обсуждение результатов исследования. Как мы видим, в публикациях описан разный опыт применения программ искусственного интеллекта. Качественный анализ эмпирических источников позволил выявить журналистские задачи, которые уже автоматизируются редакциями:

- поиск и подбор инфоповодов, классификации их по тематикам и анализ их значимости, обнаружение источников;
- генерация предварительного текста под инфоповод;
- описание фотографий;
- подготовка вопросов для интервью на основании ранее опубликованных материалов;
- создание вариантов заголовков публикаций;
- генерация персонализированного текста под разные целевые аудитории;

– прогноз восприятия публикации и A/B тестирование разных способов её донесения;

– улучшение персонализации контента для читателей;

– автоматизация работы с комментариями, отслеживание высказываний по теме, прогноз «токсичности» фразы и её влияние на текущий диалог.

Специфика дискурса цифровизации массмедиа приводит к необходимости изучения авторской журналистики. Программа не способна сделать расследование, интервью, найти такой поворот в тексте, который вызовет эмпатию у аудитории¹. Эксперты склоняются к мнению, что программам нельзя доверять конечный продукт², хотя бы потому, что они допускают ошибки.

Компиляции уже созданного действительно могут быть гениальными, но, по сути, для того чтобы искусственный интеллект сравнялся с журналистом-творцом, программа должна научиться мыслить, думать и чувствовать, как человек, научиться получать удовольствие. Многие склоняются к тому, что будущее за авторской журналистикой, поскольку «слово "автор" снова начнёт звучать громко на контрасте», «крутое расследование нейросеть точно не сделает, и интервью не возьмёт, и колонку не напишет, и не раскопает человеческую историю, которая прямиком в человеческое сердце попадёт». Предполагается, что в перспективе усилия разработчиков будут обращены к воссозданию высокоуровневых психических процессов человека – мышления, рассуждения, выражения эмоций. Однако собственный опыт человека, на который журналист опирается в своих материалах, воссоздать невозможно, а именно он формирует тот уникальный взгляд, который привлекает читателя-зрителя-слушателя. Когда мы делимся своим опытом, приглашаем наших читателей в наш мир и даём им представление о том, кто мы такие, как люди.

Искусственный интеллект уже используется при сборе данных, создании контента,

¹ Miroschnichko A. Robo-journalism: the third threat. – Текст: электронный // Blog Human as Media. Sept., 2016. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Andrey-Miroschnichko/publication/313696831_Robojournalism_the_third_threat/links/58a3242192851ce3473ae928/Robo-journalism-the-third-threat.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

² O'Connor S. My battle to prove I write better than an AI robot called 'Emma' // Financial Times. – 2016. – 4 May.

распространении и продвижении информации. Однако эксперты указывают на то, что в практической деятельности журналист исполняет несколько ролей – редакторскую, организаторскую и публицистическую роли, и справиться с этими ролями искусственный интеллект в обозримом будущем не способен. Ни в одной из изученных публикаций не упоминалось о каком-либо влиянии программ искусственного интеллекта на менеджмент СМИ, организаторскую работу, способности становиться лидером мнений. Можем предположить, что задачи, естественные для главного редактора – вести редакционную линию, мыслить стратегически, создавать волнующий аудиторию медиaproduct – в обозримой перспективе искусственному интеллекту неподвластны. Таким образом:

1. Внедрение искусственного интеллекта будет только расширяться, при этом нейросети и журналистика будут существовать вместе, дополняя друг друга. Очевидно, что инвестиции в данную сферу будут только увеличиваться, в том числе и для экономии ресурсов. Неизбежна трансформация моделей медиабизнеса. Журналистам предстоит участвовать в разработке новых инструментов, учитывая принципы качественной журналистики.

2. Активному развитию собственных редакционных нейросетей мешают высокая стоимость разработок, недостаток знаний и умений для работы с технологиями, опасения о негативном воздействии.

3. Очевидно, что наилучшие результаты применения ИИ сегодня достигаются в сфере анализа больших и хорошо структурированных данных для выявления тенденций и количественных результатов. Часть редакционных процессов будет автоматизирована, в основном те, которые можно перевести в чётко сформулированные задачи.

4. Интенсификация труда, с одной стороны, является преимуществом, позволяет сосредоточиться на выполнении сложных творческих решений, например, на журналистских расследованиях, с другой – требуется определение границ того, что можно доверять искусственному интеллекту, а что необходимо оставить в руках человека.

5. Со временем будет возрастать ценность творческого продукта и экспертной оценки. Искусственный интеллект может помочь облегчить процесс подготовки матери-

алов, но важен именно человеческий опыт и интуиция в оценке социальных, политических или экономических событий, которые вместе с информацией, получаемой с помощью ИИ, могут создать наиболее полную картину происходящего.

6. Генеративная и автоматизированная журналистика, которая на данный момент находится в стадии экспериментирования, станет перспективным направлением при подготовке медиапродукта.

Заключение. Внедрение искусственного интеллекта ставит вопрос об аутентичности журналистского труда, сохранении ценностей и ориентиров, профессиональных стандартов и идеалов.

Если ещё недавно основой успеха в журналистике были: качественная подготовка, понимание технологических процессов, принадлежность к профессиональному сообществу, регулярная публикация материалов, признание коллег, то сегодня этого недостаточно. В век глобальной информатизации всё больше вопросов возникает о том, как пользоваться инновационными техническими решениями, поддерживая высокие профессиональные стандарты, отвечая потребностям аудитории. В контексте коммуникации с искусственным интеллектом, можно отметить, что каузальность становится основой для новых видов взаимодействия, сложных информационных продуктов, но также ведет к проблемам этического и правового характера. Например, если система искусственного интеллекта совершает ошибки в принятии решений, это может иметь серьезные последствия для людей. Поэтому важно разрабатывать методы об-

наружения и исправления ошибок, а также устанавливать соответствующие этические и правовые рамки для использования технологий искусственного интеллекта.

В перспективе нам видится целесообразным исследовать влияние искусственного интеллекта на медиасферу, с точки зрения деонтологии. Степень того, как технологии могут быть включены в процесс сбора, обработки и передачи должна регулироваться в соответствии с нравственными нормами. Именно эти нормы могли бы послужить основой формирования этических принципов в отношении применения искусственного интеллекта.

Преподавателям университетов предстоит решить комплексную и трудную задачу: научить будущих журналистов умелому применению программ искусственного интеллекта и при этом помочь им обрести свой особый стиль и голос. Профессиональному сообществу – определить этические и деловые границы применения программ искусственного интеллекта, удостовериться в том, что алгоритмы прозрачны, понятны и подотчётны.

Следует отметить, что, в целом, несмотря на опасения, потенциал искусственного интеллекта велик, и способен в ближайшем будущем позитивно повлиять на карьерный и творческий рост журналистов. Он способен облегчить и ускорить саму работу специалистов, сэкономить их время, повысить скорость выполняемой работы. Большинство журналистов считают этот факт весомым аргументом в пользу активного внедрения программ искусственного интеллекта в работу специалистов.

Список литературы

1. Лепский В. Е. Философско-методологические основания совершенствования цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. № 65. С. 91–108. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-91-108.
2. Luger G., Stubblefield W. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. Boston: The Benjamin, 2004. 5th ed. 868 p.
3. Nilsson N. Artificial Intelligence: A New Synthesis. San Francisco, CA.: Morgan Kaufmann, 1998. 513 p. URL: <https://archive.org/details/artificialintell0000nils> (дата обращения: 21.06.2023). Текст: электронный.
4. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. М.: Вильямс, 2006. 2-е изд. 1408 с. URL: djvu.online/file/yYvRRPzYzppds (дата обращения: 25.05.2023). Текст: электронный.
5. Смирнов Е. В. Проблема искусственного интеллекта (онтологические и гносеологические аспекты): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2012. 167 с.
6. Иселиани А. Д., Цхададзе Н. В. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 196–201.
7. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

8. Korzynski P., Mazurek G., Altmann A., Ejdys J., Kazlauskaitė R., Paliszkievicz J., Wach K., Ziemia E. Generative artificial intelligence as a new context for management theories: analysis of ChatGPT // *Central European Management Journal*. 2023. Vol. 31, no. 1. P. 3–13. DOI: 10.1108/CEMJ-02-2023-0091.
9. Астахова Т. Ю. Искусственный интеллект: будущее или смерть журналистики? // *Инновации в науке и практике*. 2018. № 2. С. 24–30.
10. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.
11. Crawford K. *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. New Haven: Yale University Press, 2021. DOI: 10.56315/PSCF3-22Crawford.
12. Pavlik J. V. Collaborating With ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education // *Journalism & Mass Communication Educator*. 2023. No. 78. P. 84–93. DOI: 10.1177/10776958221149577.
13. Pierson J., Kerr A., Robinson S. C., Fanni R., Steinkogler V. E., Milan S., Zampedri G. Governing artificial intelligence in the media and communications sector // *Internet Policy Review*. 2023. No. 12. DOI: 10.14763/2023.1.1683.
14. Шилина М. Г. Медиатизация в «новой нормальности»: Реверсы парадигмы и провокации трансгрессии? // *Вестник РУДН*. 2021. № 4. С. 597–622. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-597-622.
15. Shin D., Al-Imamy S., Hwang Y. Cross-cultural differences in information processing of chatbot journalism: chatbot news service as a cultural artifact // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2022. Vol. 29, no. 3. P. 618–638, 2022. DOI: 10.1108/CCSM-06-2020-0125.
16. Shin D. The perception of humanness in conversational journalism: An algorithmic information-processing perspective // *New media & society*. 2022. No. 24. P. 1–25. DOI: 10.1177/1461444821993801.
17. Barron L. *The Development of Artificial Intelligence and AI Debates // AI and Popular Culture (Society Now)* // Emerald Publishing Limited. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2023. P. 11–45. DOI: 10.1108/978-1-80382-327-020231002.
18. Чертовских О. О. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. Т. 8, № 3. С. 555–568. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).555-568.
19. Залова С. М. Журналистика, основанная на технологиях искусственного интеллекта // *Известия Южного федерального университета*. 2022. Т. 26, № 3. С. 184–195. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-3-184-195.
20. Sun X., Zhang X., Xia Z., Bertino E. *Artificial Intelligence and Security*, Proceedings of the 8th International Conference ICAIS. Qinghai, China: 15–20 July 2022. DOI: 10.1007/978-3-031-06788-4.
21. Лукина М. М., Замков А. В., Крашенникова М. А., Кульчицкая Д. Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11, № 4. С. 680–69. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694.
22. Олешко В. Ф., Гаврилов В. В. Формирование цельной медиальности будущего журналиста в региональном вузе в условиях цифровизации СМИ // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2022. № 4. С. 6–12. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10401.
23. Тен А. ван Дейк. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Либроком, 2013. 344 с.
24. Shevchenko A.Yu. *Discourse-Analysis of Political Media-Texts*. Polis. Political Studies. 2002. No. 6. P. 18–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.03>.
25. Kotenidis E., Veglis A. Algorithmic journalism – Current applications and future perspectives. *Journalism and Media*. 2021. Vol. 2, no. 2. P. 244–257, 2021. DOI: 10.3390/journalmedia2020014.

Информация об авторе

Виноградова Ксения Евгеньевна, кандидат политических наук; Санкт-Петербургский экономический университет; 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 30-32, литер А; vinogradovamail@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9517-6767>.

Для цитирования

Виноградова К. Е. Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 3. С. 121–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-121-130.

Статья поступила в редакцию 28.05.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

References

1. Lepskiy, V. E. Philosophical and methodological foundations for improving digital transformation and implementing artificial intelligence. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 65, pp. 91–108, 2022. (In Rus.)
2. Luger, G., Stubblefield, W. *Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving* (5th ed.). Boston: The Benjamin, 2004. (In Engl.)
3. Nilsson, N. *Artificial Intelligence: A New Synthesis*. San Francisco, CA.: Morgan Kaufmann, 1998. Web. 25.04.2023. <https://archive.org/details/artificialintell0000nils> (In Engl.)
4. Russell, S. J., Norvig, P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. M: Williams, 2006. Web. 25.04.2023. djuv.onlne/file/yYvRRPzYzppds (In Engl.)
5. Smirnov, E. V. The problem of artificial intelligence (ontological and epistemological aspects). *Cand. sci. diss. Magnitogorsk*, 2012. (In Rus.)
6. Ioseliani, A. D., Tskhadadze, N. V. Artificial intelligence: socio-philosophical comprehension. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, no. 2, pp. 196–201, 2019. (In Rus.)
7. Bostrom, N. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies*. M: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. (In Rus.)
8. Korzynski, P., Mazurek, G., Altmann, A., Ejdays, J., Kazlauskaite, R., Paliszkiwicz, J., Wach, K. and Ziemba, E., Generative artificial intelligence as a new context for management theories: analysis of ChatGPT, *Central European Management Journal*, no. 1, pp. 3–13, 2023. DOI: 10.1108/CEMJ-02-2023-0091. (In Engl.)
9. Astakhova, T. Yu. Artificial intelligence: future or death of journalism? *Innovations in science and practice*, no. 2, pp. 24–30, 2018. (In Rus.)
10. Lee, K. F. *Ai Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. M: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. (In Rus.)
11. Crawford, K. *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. Yale University Press, 2021. (In Engl.)
12. Pavlik, J. V. Collaborating With ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education. *Journalism & Mass Communication Educator*, no. 78, pp. 84–93, 2023. DOI: 10.1177/10776958221149577. (In Engl.)
13. Pierson, J., Kerr, A., Robinson, S. C., Fanni, R., Steinkogler, V. E., Milan, S., Zampedri, G. Governing artificial intelligence in the media and communications sector. *Internet Policy Review*, no. 12, 2023. DOI: 10.14763/2023.1.1683. (In Engl.)
14. Shilina, M. G., Wirth J. Mediatization in New Normal: Reversive Paradigms and Provoking Transgression? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 4, pp. 597–622, 2021. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-597-622. (In Rus.)
15. Shin, D., Al-Imamy, S., and Hwang, Y., Cross-cultural differences in information processing of chatbot journalism: chatbot news service as a cultural artifact, *Cross Cultural & Strategic Management*, no. 3, pp. 618–638, 2022. DOI: 10.1108/CCSM-06-2020-0125. (In Engl.)
16. Shin, D. The perception of humanness in conversational journalism: An algorithmic information-processing perspective. *New media & society*, no. 24, pp. 1–25, 2021. DOI: 10.1177/1461444821993801. (In Engl.)
17. Barron, L. *The Development of Artificial Intelligence and AI Debates. AI and Popular Culture* (Society Now), Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 11–45, 2023. DOI: 10.1108/978-1-80382-327-020231002. (In Engl.)
18. Chertovskikh, O. O. Artificial intelligence in the service of modern journalism: history, facts and development prospects. *Issues of theory and practice of journalism*, no. 3, pp. 555–568, 2019. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).555-568. (In Rus.)
19. Zalova, S. M. Journalism based on artificial intelligence technologies. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*, no. 3, pp. 184–195, 2022. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-3-184-195. (In Rus.)
20. Sun, X., Zhang, X., Xia, Z., Bertino E. Artificial Intelligence and Security, *Proceedings of the 8th International Conference ICAIS. Qinghai, China: 15–20 July 2022*. DOI: 10.1007/978-3-031-06788-4. (In Engl.)
21. Lukina, M. M., Zamkov, M. A. Krashennnikova, D., Kulchitskaya, Yu. Artificial Intelligence in the Russian Media and Journalism: The Issue of Ethics. *Questions of theory and practice of journalism*, no. 4, pp. 680–69, 2022. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694. (In Rus.)
22. Oleshko, V. F., Gavrilov, V. V. Formation of an integral media personality of a future journalist in a regional university in the context of digitalization of the media. *Sign: problematic field of media education*, no. 4, pp. 6–12, 2022. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10401. (In Rus.)
23. Ten A. van Dyck. *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. M: LIBROKOM, 2013. (In Rus.)
24. Shevchenko A. Yu. Discourse-Analysis of Political Media-texts. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 18–23, 2002. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.03>. (In Rus.)

25. Kotenidis, E., Veglis, A. Algorithmic journalism – Current applications and future perspectives. *Journalism and Media*, no. 2, pp. 244–257, 2021. DOI: 10.3390/journalmedia2020014. (In Engl.)

Information about author

Vinogradova K. E., Candidate of Political Sciences; St. Petersburg University of Economics; A letter, 30-32 Griboyedov Canal emb., St. Petersburg, 191023, Russia; vinogradovamail@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9517-6767>.

For citation

Vinogradova K. E. The Development of Artificial Intelligence and the Transformation of Journalism: New Opportunities and Challenges // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 121–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-121-130.

***Received: May 28, 2023; approved after reviewing June 29, 2023;
accepted for publication June 30, 2023.***

Научная статья

УДК 070:17.022.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-131-141

Медиаимидж региона и особенности его формирования (на примере Республики Мордовия)

**Ксения Владимировна Дементьева¹,
Диана Анваровна Бакеева², Наталья Михайловна Фролова³**

^{1,2,3}Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

¹dementievakv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>,

²bakeeva.di@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2759-334X>,

³nmfrol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5541-7159>

Авторами рассматривается медиаимидж региона на примере Республики Мордовия. В статье проведён контент-анализ положительных и отрицательных маркеров повседневного бытия, которые влияют на формирование имиджа региона. Маркетинговые инструменты применяются для определения фреймов имиджмейкинга территории: например, тезисы «Саранск – культурный, национальный и спортивный центр», «Саранск – комфортный город для проживания» и др. Систематизировались связи между различными технологиями и аспектами имиджа, в частности, данные, полученные при выявлении негативных явлений, описанных в средствах массовой информации, помогут в дальнейшем проработать имидж столицы Республики Мордовия. Предметом исследования является семантико-символическая характеристика категории «медиаимидж региона» в контексте комплекса факторов медиаприсутствия субъекта в системе современных социокультурных отношений. Исследование направлено на то, чтобы: 1) исследовать существующий имидж Республики Мордовия и специфические черты его функционирования через PR-технологии; 2) выявить роль базовых имиджевых фреймов в соотношении текущего имиджа с проективным; 3) определить семантический код «медиаимиджа региона» в печатных и сетевых региональных СМИ с точки зрения маркетингового эффекта. В ходе исследования применялись системный и структурно-функциональный методы, а также компонентный и функционально-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный и типологический методы. Для качественного анализа были отобраны наиболее характерные материалы в федеральных и региональных СМИ, социальных сетях, видеохостинге YouTube, мессенджере Telegram (случайная выборка составила n=500 публикаций за период с 2016 по 2020 г.). Итоги проведённого исследования подтвердили, что СМИ демонстрируют различные подходы к формированию имиджа Мордовии. Региональные издания показывают осведомлённость о событиях местного уровня, в то время как федеральные издания больше интересуются только яркими негативными событиями. Необходима популяризация положительных характеристик города: культурных ценностей, социально-значимых мероприятий. Улучшение медиаобраза города влияет на его инфраструктуру: создание положительного имиджа помогает привлечь новых жителей, туристов. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности PR-служб, рекламных агентств, СМИ и журналистики.

Ключевые слова: медиаимидж, СМИ, фрейм, территория, Республика Мордовия, Саранск

Original article

Media Image of the Region and Features of its Formation (The Case of the Republic of Mordovia)

Ksenia V. Dementieva¹, Diana A. Bakeeva², Natalya M. Frolova³

^{1,2,3}Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹dementievakv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>,

²bakeeva.di@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2759-334X>,

³nmfrol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5541-7159>

The authors consider the media image of the region on the example of the Republic of Mordovia. The article contains a content analysis of positive and negative markers of everyday life that influence the formation of the image of the region. Marketing tools are used to determine the image-making frames of the territory: for example, the theses "Saransk is a cultural, national and sports center", "Saransk is a comfortable city to live

© Дементьева К. В., Бакеева Д. А., Фролова Н. М., 2023

in", etc. The links between various technologies and aspects of the image were systematized, in particular, data obtained during identifying negative phenomena described in the media will help to further develop the image of the capital of the Republic of Mordovia. The subject of the study is the semantic and symbolic characteristics of the category "media image of the region" in the context of a complex of factors of the subject's media presence in the system of modern sociocultural relations. The study aims to (1) explore the existing image of the Republic of Mordovia and the specific features of its functioning through PR technologies; (2) to identify the role of basic image frames in correlating the current image with the projective one; (3) to determine the semantic code of the "media image of the region" in print and online regional media in terms of marketing effect. In the course of the study, systemic and structural-functional methods were used, as well as component and functional-semantic analysis, comparative and typological methods. For qualitative analysis, the most characteristic materials were selected in federal and regional media, social networks, YouTube video hosting, Telegram messenger (a random sample was $n=500$ publications for the period from 2016 to 2020). The results of the study confirmed that the media demonstrate different approaches to the formation of the image of Mordovia. Regional publications show awareness of local level events, while federal publications are more interested only in bright negative events. In our opinion, it is necessary to popularize the positive characteristics of the city: cultural values, socially significant events. Improving the media image of the city affects its infrastructure: creating a positive image helps to attract new residents and tourists. The results of the study can be used in the practical activities of PR services, advertising agencies, media and journalism.

Keywords: media image, mass media, frame, territory, the Republic of Mordovia, Saransk

Введение. Имиджевый бэкграунд Республики Мордовия даёт представление об истории, культуре и природе региона. Однако развитие новых видов медиа расширяет возможности для формирования имиджа территории.

В современном информационном пространстве медиаимидж региона демонстрирует открытость, объективность, достоверность, согласованность информационных потоков. Медиаимидж региона носит интегративный характер. Новые технологии бренд-журналистики позволяют формировать единый месседж региона (или городской среды, территории) у аудитории. Важно отметить, что на медиаимидж региона оказывают влияние не только формализованные внешние коммуникации, но и отдельные лидеры сообществ социальных медиа (например, инфлюенсеры, ЛОМы). Происходит персонификация СМИ, в том числе через использование личных аккаунтов в социальных медиа и личных медиаресурсов. В связи с этим возрастает значение медийно-информационной грамотности при исследовании темы имиджмейкинга региона через традиционные и новые медиа.

Проблема формирования имиджа территории решается в рамках многих социальных наук [1–3]. Даются определения понятия, детально прорабатываются механизмы функционирования и формирования имиджа. В последние годы территориальный медиаимидж исследовали В. М. Мальцева [4], Г. Н. Немец [5], О. С. Коновалова [6], Н. П. Кравченко [7], Н. Н. Кошкарлова [8], А. А. Хажгериева [9], Т. С. Глушкова,

О. А. Зайцева [10] и др. Имидж Республики Мордовия изучался в работах И. Г. Напалковой, А. Н. Арлашкиной [11], Н. С. Козлова [12], Е. Н. Гусевой [13] и т. д. Н. С. Козлов в статье «Политический имидж региона в федеральных средствах массовой информации» [14] рассматривает необходимость создания федерального информационного ресурса на территории Мордовии. В зарубежных исследованиях рассматриваются имидж России [15; 16; 17], вопросы имидж-коммуникации [18], имидж политиков [19], имидж журналиста [20], имидж разных возрастных и социальных групп [21; 22]. Также в последние годы появилось множество работ по имиджу вируса Covid-19 в СМИ [23; 24]. Есть несколько отдельных исследований, посвящённых имиджу Республики Мордовия с точки зрения факторов региональной идентичности – образов, символов, стереотипов, в том числе формируемых СМИ [25].

Целью исследования является рассмотрение медиаимиджа региона, выявление положительных и отрицательных фреймов имиджмейкинга территории для определения путей и механизмов его совершенствования. Задачи исследования: 1) исследовать существующий имидж Республики Мордовия и специфические черты его функционирования через PR-технологии; 2) выявить роль базовых имиджевых фреймов в соотношении текущего имиджа с проективным; 3) определить семантический код «медиаимиджа региона» в печатных и сетевых региональных СМИ в аспекте маркетинговых исследований.

Методология и методы исследования.

При рассмотрении публикаций в региональных СМИ о территориальном имидже и аудиторных откликах на сформированные ими фреймы (положительные и отрицательные), а также при изучении специфики модальных характеристик новостных событий этнокультурной направленности применялись следующие методы: системный и структурно-функциональный методы, а также компонентный и функционально-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный и типологический методы. Для количественного и качественного анализа с помощью случайной выборки были отобраны 500 материалов в федеральных и региональных СМИ, социальных сетях, видеохостинге YouTube, мессенджере Telegram за период с 2016 по 2020 г.

Данная выборка материалов из разных видов медиа позволила охватить всю картину и проанализировать медиасистему как совокупность элементов, формирующих имидж региона. Для анализа медиатекстов использовался контент-анализ, а также качественный анализ тематики и стилистики с целью выявления окраски описываемого явления – положительной или отрицательной. На основе этого с помощью метода классификации были систематизированы положительные и отрицательные фреймы, формирующие внутренний и внешний имидж Республики Мордовия.

Составление основы статьи предполагало широкое использование описательного метода, интеграцию методов анализа и

синтеза, в целом. Интерпретация и анализ позволили обобщить полученные данные и сделать выводы, наметить перспективы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. На территории Республики Мордовия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций официально зарегистрированы 146 СМИ (данные на октябрь 2019 г.). Среди информационных лидеров региона – газеты «Столица С», «Известия Мордовии», ИА «Инфо-РМ», телеканал «ТелеСеть Мордовии», ГТРК «Мордовия», сетевое издание «ПроГород» и другие. Ещё больше новостей и актуальной информации появляется на сайтах СМИ, имеющих практически у каждого традиционного медиа, в сообществах в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», Live Journal, Twitter, Facebook, Instagram¹, на видеохостинге YouTube, мобильном мессенджере Telegram). Здесь можно отметить группу «ВКонтакте» «Саранск. Доска позора», Telegram-канал Mordor Offshore.

Проанализировав тексты медиа за последние несколько лет, мы выделили ряд направлений, дающих представление об имидже Мордовии. Отметим актуальные фреймы, на которых сосредоточено внимание медиа, формирующих внутренний и внешний имидж республики.

Положительные фреймы (на рис. 1 в % от общего количества проанализированных материалов):

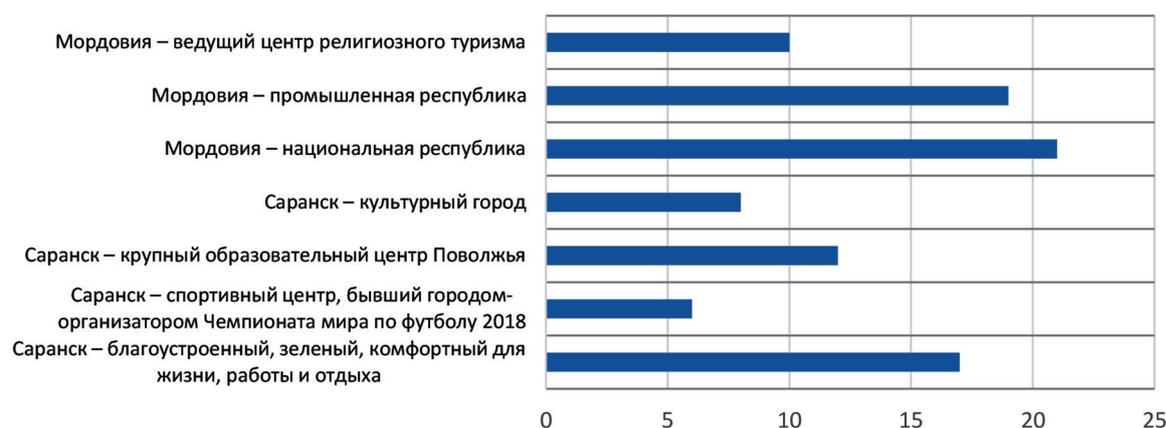

Рис. 1. Положительные фреймы формирования имиджа Саранска и Мордовии

Fig. 1. Positive frames of forming the image of Saransk and Mordovia

¹ Twitter, Facebook, Instagram – проекты Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена, а компания внесена в реестр экстремистских организаций.

1. «Саранск – благоустроенный, зелёный, комфортный для жизни, работы и отдыха». Город шесть раз занимал призовые места во всероссийском конкурсе «Самый благоустроенный город России». Интерфакс, цитируя первого вице-преьера России Игоря Шувалова, пишет: «Пример Саранска: небольшой город, но не выглядит провинциальным... Озеленён и благоустроен в европейских традициях» (Интерфакс, 03.02.17). Такой же информационной политики придерживаются в основном официальные региональные СМИ – газеты «Известия Мордовии», «Мокшень правда», ГТРК «Мордовия» и т. д. Появляется информация о строительстве нового комфортного жилья, рабочих местах в городе и районах республики, открытии школ и детских садов, торговых центрах и зон отдыха. Звучат такие характеристики как «уникальный город» (28.12.2017), «Саранск – в числе городов с благоприятной городской средой» (07.11.2019), «Саранск – город с самой низкой стоимостью фиксированного набора товаров и услуг» («Известия Мордовии», 07.10.2019), «Саранск – город наших достижений и перспектив» («Вечерний Саранск», 16.09.2016), «И. о. министра транспорта РФ назвал дороги Мордовии одними из лучших в стране» («Столица С», 12.05.2018).

Кроме того, за последние годы создан внешний имидж города, привлекательного для туристов. Большая часть материалов выходила в 2018 г., однако тексты продолжают появляться и сейчас (например, «Саранск: у нас играл Роналду и был прописан Депардьё», журнал «Нож», 20.10.2019).

2. «Саранск – спортивный центр, бывший городом-организатором Чемпионата мира по футболу 2018». Фрейм «спорт» и его освещение в СМИ Республики Мордовия по сравнению с другими «нестолличными» регионами России находится в более выигрышном положении, однако существенного скачка в совершенствовании и резком развитии спортивного информирования населения не отмечается. Это выражается, в отсутствии, во-первых, достаточного числа специализированных средств массовой информации, в том числе спортивного телевидения, во-вторых, грамотных информационных кампаний в период проведения крупных спортивных мероприятий. Своеобразной декомпенсацией становится популяризация

темы спорта в политематичных информационных изданиях общей направленности, выделение специальных рубрик и телепередач, регулярных блоков спортивных новостей, а также высокопрофессиональная деятельность ряда журналистов, хорошо себя зарекомендовавших в этой области.

Отметим богатый и разнообразный спортивный контент еженедельников «Вечерний Саранск» и «Столица С»; именно последний, в период проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г., практиковал разнообразные способы подачи новостной спортивной информации, включая текстовые трансляции с матчей, так редко встречающиеся в местной прессе.

В меньшей степени активность в освещении темы спорта проявляют другие издания, имеющие постоянно обновляющиеся интернет-версии: «Известия Мордовии», «ПроГород. Саранск», «ТВ-неделя», «Телесемь»; их особенностями в подаче спортивной информации становятся краткость, фрагментарность, непоследовательность и т. д.

Отметим также блоки спортивной информации на новостных интернет-порталах – специализированных («Министерство спорта и физической культуры Республики Мордовия» («Мордовия Спорт»), публичная страница «ВКонтакте» «Минспорт Республики Мордовия», интернет-страница ГТРК «Мордовия» «Спорт») и неспециализированных («MordovMedia», «Инфо-PM» и др.).

Таким образом, онлайн-версии еженедельников «Вечерний Саранск» и «Столица С» считаем основными изданиями, разноаспектно репрезентирующими крупные актуальные спортивные события в информационном пространстве региона.

3. «Саранск – крупный образовательный центр Поволжья». Данный тезис подкрепляется тем, что в Республике Мордовия создан уникальный образовательный кластер «Школа – вуз – Технопарк». В Саранске функционируют семь высших учебных заведений, в том числе МГУ им. Н. П. Огарёва. Включенные в «повестку дня» вопросы образования в региональных СМИ создают позитивный фон информационного пространства в области образования. Например, на сайте газеты «Известия Мордовии» если ввести в поисковик слово «образование», то найдутся 62 публикации с искомой информацией. Имеется и отдельная под рубрика «Наука и образование». При тематическом

анализе выявляются в основном материалы в благоприятном ключе: выигрыши обучающихся в различных конкурсах («Ученики молодого педагога Натальи Солдатовой из Саранска завоевали 115 наград на конкурсах и олимпиадах» (05.10.2019), «Школьники Мордовии соревнуются за звание самых эрудированных в Приволжье» (05.03.2019), «Саранские лицеисты одержали историческую победу на Международной астрономической олимпиаде» (27.10.2019) и др.); решение проблем в области образовательных практик («В Мордовии создана стажировочная площадка, занимающаяся проблемами русского языка» (10.11.2019), «В Мордовии появится современный «Библиогород» (04.11.2019)); участие школьников в олимпиадных движениях («В Саранске юные физики дали старт муниципальной олимпиаде школьников» (07.11.2019); научные изыскания в высшем образовании («Учёные Мордовского университета работают над созданием новых катализаторов для получения водорода» (06.11.2019) и др.

Одним из пишущих журналистов на образовательную тематику в «Известиях Мордовии» является Татьяна Никитина. Практически 89 % материалов о школьных или студенческих новостях принадлежат её перу. Сайты газет «Столица С» и «Вечерний Саранск» специальную рубрику с новостями по теме образования не имеют. Однако тексты написаны в более остром, проблемном срезе.

Таким образом, можно заключить, что транслируемый региональными медиа положительный и успешный образ в сфере образования благоприятно сказывается на массовой аудитории.

4. «Саранск – культурный город».

В городской инфраструктуре Саранска достойное место занимают учреждения культуры и искусства. Организацией досуга горожан занимаются республиканские музеи, библиотеки, парки, кинотеатры, дворцы и центры культуры.

Часто анонсы и афиши мероприятий театров и музеев помещаются в раздел объявлений печатных и сетевых СМИ. Тщательное освещение новостей культуры представлено во всех журналистских изданиях. Активно эти вопросы обсуждаются и в социальном пространстве. Многие учреждения культуры имеют свои аккаунты в «ВКонтакте», Instagram. Например, 14 ноября 2019 г. в

Санкт-Петербурге в рамках работы VIII Международного культурного форума были объявлены победители ежегодных рейтингов Министерства культуры России. В топ-10 регионов-лидеров по темпам развития культуры вошла и Республика Мордовия. Об этом пишет газета «Известия Мордовии».

Фрейм «молодёжь и культура» проявляется в освоении digital-технологий. Атрибутом современного информационного общества является развитая система медиакоммуникаций, включающая процессы создания, вещания, обмена информацией по различным каналам с помощью различных средств коммуникации. Студенческие молодёжные мультимедийные проекты способны конкурировать с государственными и коммерческими СМИ, создавая при этом позитивный имидж своего вуза. В 2016 г. стартовал молодёжный медиапроект "Whoorgroup". Проект продвигает молодёжную культуру посредством неординарной презентации новостного блока, выбора креативных аудио- и видеоматериалов, различных способов и форм интервьюирования реципиентов с учётом индивидуальных и личных особенностей. "Whoorgroup" имеет страницу «ВКонтакте» (более 850 подписчиков), канал на YouTube (более 250 подписчиков). Таким образом, с помощью новых медиа расширяется доступ аудитории к информации.

5. «Мордовия – национальная республика». Данный фрейм реализован в таких кодах, как язык, национальности, национальные блюда праздники и т. д. Укреплению имиджа республики служат телевизионные передачи на «Народном телевидении Мордовии» (это «Волшебный мир мордовской сказки», «Эрзянь вал», «Мокшень вал», «Уроки эрзянского», «Уроки мокшанского»), в эфире филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Мордовия» зрители могут увидеть передачи национального вещания «Мордовия Кулят», программа «Туган Як» (на татарском языке автор и ведущий программы рассказывает о родной культуре, обычаях, национальном образовании, известных людях, о том, чем живёт наша многонациональная республика) и «Сия-жар». Внимания заслуживает и официальная группа редакции национального вещания ТК «ТелеСеть Мордовии» (10 канал «ВКонтакте»). Журналисты национального вещания рассказывают о людях разных

национальностей, которые живут и работают в Мордовии, о мастерах и музыкальных коллективах, возрождающих народные традиции, и о культурной жизни современной Мордовии, в целом. Результаты можно увидеть в медиапродуктах телеканала – «Од пинге», «Велесь течи», «Предания старины». Печатные СМИ тоже не отстают от коллег. Более 68 % материалов посвящены так или иначе продвижению национальных брендов Мордовии в газете «Известия Мордовии». Например, в медиатексте «Кто создаёт в Мордовии уникальные сувениры» (05.11.2019) автор знакомит читателей с мордовскими умельцами, которые завоевали семь призовых мест в окружном этапе всероссийского конкурса «Туристический сувенир-2019». Отмечается особый почерк народных умельцев из региона, что только подтверждает тезис о важности сохранения народных традиций. А материал «В Саранске впервые откроется резиденция мордовского Деда Мороза» («Российская газета», 07.12.2020) выносит национальную специфику на общероссийский уровень.

6. «Мордовия – промышленная республика». СМИ сообщают о развитии различных предприятий и заводов: технопарк «Мордовия», АО «Биохимик», ОАО «Ламзурь», ООО «Лисма», ООО «УК РМ Рейл», АО «Рузхиммаш», ГК «Талина», Мордовское агропромышленное объединение, ГК «Оптикэнерго» и т. д. В республике развивается промышленный туризм: гостям Мордовии предлагаются экскурсии на Саранский пивоваренный завод, ОАО «Мордовспирт», ООО «Ликероводочный завод "Саранский"», на ООО «Сыроваренный завод "Сармич"», ООО «Сыродельный комбинат "Ичалковский"», «Мясоперерабатывающий комплекс "Атяшевский"», «Оптиковолоконные Системы», АО «Мир цветов» и др. СМИ регулярно сообщают новую информацию: «Владимир Волков презентовал в Думе выставку "Республика Мордовия – территория инноваций"» (07.11.2018), «Мордовия заняла третье место в группе регионов с максимальной социально-политической устойчивостью» (04.07.2019), «Мордовия – территория высоких медицинских технологий» («Известия Мордовии», 05.09.2018), «Владимир Путин вновь поставил Мордовию в пример» (16.05.2019), «Луч "Лисмы" на африканском континенте» («Вечерний Саранск», 09.06.2017), «Мордовия произве-

ла кабельной продукции на 25 млрд рублей» («Столица С», 26.02.2019) и др.

Всё вышеперечисленное позволяет формировать и поддерживать устойчивый внешний имидж Мордовии как региона имеющего развитую промышленность, которая импортируется в регионы России и за рубеж.

7. «Мордовия – ведущий центр религиозного туризма». В последние годы к национально-культурным направлениям развития туристического бизнеса в Мордовии прибавилось религиозное (путешествия по святым местам города и республики, паломнические поездки, миссионерская деятельность).

Православные поездки организованы, как в конкретные монастыри, храмы, обители, святые места, к православным памятникам, так и в конкретный район (город) Мордовии. СМИ, как региональные, так и федеральные, традиционные и «новые», участвуют в формировании данного фрейма: «Мордовия вышла в лидеры по числу православных храмов» («Российская газета», 10.05.2017), «Дом из детства Святейшего Патриарха» («Фома», 12.08.2019), «Новый глава района в Мордовии собирается развивать религиозный туризм» (ИА «Мангазея», 15.11.2016).

В целом, у данного туристического ресурса положительная динамика, что позволяет рекреационной инфраструктуре стабильно развиваться и формировать устойчивый положительный медиаимидж.

Отрицательные фреймы (на рис. 2 в % от общего количества проанализированных материалов):

1. «Саранск – город, из которого все уезжают». Эта тема регулярно затрагивается в региональных СМИ и подтверждается статистикой. Так, «Городские рейтинги» выпустили 11 ноября 2019 г. материал: «Я хочу уехать из Саранска: почему молодежь бежит из города: Поговорили со школьником, студентом и работающим о том, почему Саранск стал местом, откуда все хотят уехать». По официальным данным миграционная убыль населения за семь месяцев 2019 г. составила 682 человека, сколько же выехало неофициально – неизвестно.

О том, что тема актуальна, говорит упоминание в проправительственном издании «Известия Мордовии»: «Он [Владимир Волков] уверен, что молодые уезжают, не потому что им не нравится Саранск» (27.08.2019).

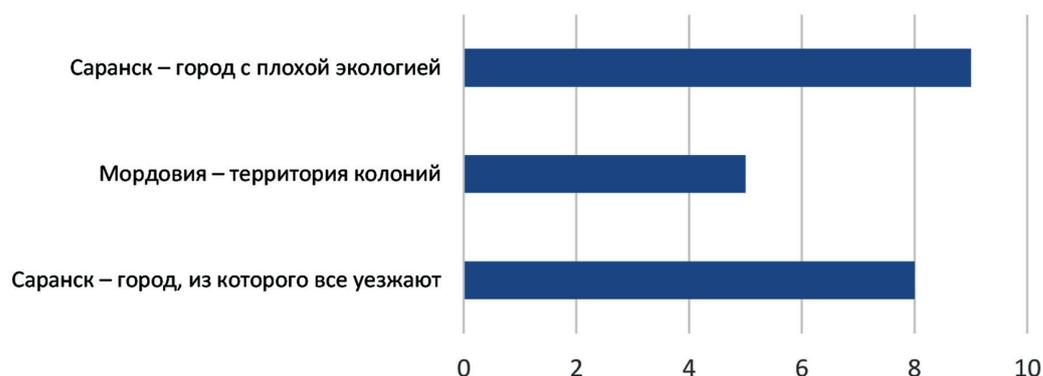

Рис. 2. Отрицательные фреймы формирования имиджа Саранска и Мордовии

Fig. 2. Negative frames of forming the image of Saransk and Mordovia

Высказываются также другие СМИ: «Почему из Мордовии «утекают» золотые руки и светлые головы» (05.06.2019), «Население Мордовии растёт за счёт индийцев, иорданцев и сирийцев» ("Mordovmedia.ru", 07.10.2019), «Мордовия вошла в топ регионов по числу уехавшего населения» («Столица С», 23.01.2019), «Из Мордовии уезжают люди» («10 канал», 09.10.2019).

Telegram-канал "Mordor Offshore" вкладывает статистические данные: в рейтинге регионов по количеству людей, которых можно отнести к среднему классу – 75 место (17.08.2019); в рейтинге регионов с самыми низкими зарплатами в образовании – 8 место (03.09.2019); рост зарплаты за октябрь 2019 года – 0,24 % или 86 рублей (29.10.2019); спрос на новостройки во втором квартале – падение превысило 60 % (19.08.2019), в рейтинге самых пьющих городов России – 4 место (19.08.2019). Журналист и видеоблогер И. Варламов на своей странице в Twitter сравнивает Саранск со старым свитером, который уже никогда не наденешь, а пропажу не заметишь (06.10.2016).

Таким образом, отрицательный медиа-имидж дополняется такими характеристиками как провинциальность и бедность.

2. «Мордовия – территория колоний». Еще один из негативных социокультурных стереотипов о Мордовии – Дубравлаг – комплекс исправительных учреждений практически всех установленных законом режимов содержания, включая две колонии для больных туберкулезом и наркоманов, участок для осужденных к пожизненному заключению, ВИЧ-инфицированных и иностранцев.

СМИ республики часто поднимают тему истории этого места, содержания заключен-

ных в разные периоды, известных людях, отбывающих наказание, содержании женщин и иностранцев. Используются следующие метафоры: «чёрное пятно на карте Мордовии», «Мордовская зона» и пр.

Поскольку система исправительных учреждений Мордовии действующая, и в ней мало что изменилось со времен содержания в местных лагерях «антисоветчиков» и «политических», то негативный ореол стойко закрепился в массовом медиавосприятии имиджа республики «благодаря», как местным, так и федеральным СМИ: «В каком веке живет Мордовия»? Тюремный интернационал в посёлке Леплей («Медиа-зона», 15.06.2017), «Это было очень похоже на концлагерь» (Медуза», 02.09.2019), «"Голодомор" в Дубравлаге» («Столица С», 16.11.2019).

3. «Саранск – город с плохой экологией». Неблагоприятная окружающая среда – актуальная тема для Саранска. Паблик «Саранск. Доска Позора» посвятил серию постов с иллюстрациями на злободневную тему. В Саранске летом 2019 г. случилась «экологическая катастрофа». К уже ставшему привычным для большей части города запаху фекалий с очистных сооружений, который успели вкусить болельщики ещё во время ЧМ-2018, добавилась гибель рыбы в реке Саранке, из-за аварии на канализационном коллекторе, и постоянно увеличивающаяся свалка с местной птицефабрики и выбросы молокозавода, отравляющие воздух в городе и пригородах. В посте от 11.06.2019. Доска Позора. Как думаете, почему так «много» детей на площадке? Возможно, потому что уже поздно. Но на улице опять стоит чертовски невыносимая вонь, которая загонит домой кого угодно! <...>

Это прям беда какая-то.... Комментарии от Юрия Катяева: «<...> Воняет, воняет и ещё раз воняет во всем городе и далеко не первый год! Людям это надоело и люди от этого устали и не нужно своими обещаниями общими тянуть время до зимы в надежде что общественность успокоится!». Хотя есть и позитивные. «Саранск – в пятерке самых экологически чистых городов России («Столица С», 29.07.2019).

Можно выделить основные **способы формирования медиаимиджа региона:**

1. Освещение мероприятий, повышающих имидж региона (организация форумов, конференций, выставок, круглых столов).
2. Формирование узнаваемого на российском и международном уровне бренда города Саранска.
3. Привлечение медийных лиц к продвижению города Саранска.
4. Взаимодействие с зарубежными, федеральными, региональными СМИ (текущие запросы, интервью, пресс-туры, пресс-конференции, пресс-завтраки и т. п.).
5. Расширение коммуникативных практик через Интернет, социальные сети, мобильные приложения.
6. Организация и проведение рекламных и PR-кампаний по продвижению города и региона.

Заключение. Республика Мордовия, приобретая мировую известность, в том числе в результате проведения крупных массовых мероприятий (ЧМ-2018), получила некоторые преимущества для формирования дальнейшего привлекательного имиджа в массовом сознании. Делая акцент на таких устойчивых, легко внедряемых в образный ряд фреймах как «спортивная республика»,

«центр религиозного туризма», «образовательный центр», «благоустроенный город для жизни» и прочее, можно сформировать концепцию целевых установок на однозначно положительное восприятие имиджа не только у самих жителей, приезжающих гостей, но и у аудитории за пределами региона.

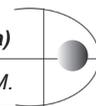
При этом негативные элементы, оформившиеся с течением времени в стереотипы (например, «средоточие колоний», «маленькая провинция», «республика с семейно-клановым управлением» и пр.), на наш взгляд, отходят в прошлое и уже не являются препятствием для формирования нового позитивного взгляда на перемены, происходящие в регионе.

Серьезная работа проводится, в том числе с помощью СМИ по закреплению имиджа города и республики по следующим направлениям: благоустройство; туристические направления (этнотуризм); доступное образование и жилье; молодежные организации и инициативы; уникальность региона; развитые отрасли промышленности и др. Это способствует социокультурному единению граждан, ощущению себя частичкой целого, повышению личной ответственности, устойчивому психологическому климату, консолидации, как на медийном, так и на личностном уровне.

Поскольку имидж территории постоянно меняется под воздействием внешних факторов и медийного поля, то данная тема имеет большие перспективы для дальнейшего изучения. В дальнейшем возможно изучение общественного мнения по вопросу формирования «культурного кода» Саранска и республики, в целом.

Список литературы

1. Исаева В. Н., Схиладзе Е. В. Имидж территории: историко-культурный аспект // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 1. С. 283–290.
2. Лиханова В. В. Формирование имиджа туристской территории как инструмент развития сферы услуг // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17, № 1. С. 5–12.
3. Шевченко А. В., Рубан И. В. Маркетинг территорий – инструмент формирования имиджа региона // Формирование рыночных отношений в Украине. 2017. № 10. С. 107–111.
4. Мальцева В. М. Медиаимидж города Абакана по данным анализа публикаций газеты «Абакан» // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 5. С. 76–79.
5. Немец Г. Н. Роль принципов социальной этики в формировании медиаимиджа региона // Научный вестник Южного института менеджмента. 2016. № 3. С. 80–84.
6. Коновалова О. С. Формирование медиаимиджа КНР в период проведения года России в Китае и года Китая в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 4. С. 109–116.
7. Кравченко Н. П. Специфика использования маркетинговых технологий в конструировании медиаимиджа территорий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 1. С. 73–76.

8. Koshkarova N. N. Chinese mass media in Russian as a tool to make media image of the country and the world // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 85–88.
9. Хажгериева А. А. Формирование медиаимиджа Республики Адыгея на основе этнокультурных и историко-географических факторов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. № 4. С. 194–199.
10. Глушкова Т. С., Зайцева О. А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3. С. 50–57.
11. Напалкова И. Г., Арлашкина А. А. Формирование имиджа регионов России: опыт, проблемы, перспективы (на примере Республики Мордовия) // Экономическая история. 2014. № 3. С. 53–61.
12. Козлов Н. С. Имиджевая политика региона (на примере Республики Мордовия) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 1. С. 34–38.
13. Гусева Е. Н. Конструирование привлекательного социокультурного имиджа города Саранска как фактор формирования позитивной территориальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 1. С. 71–83.
14. Козлов Н. С. Политический имидж региона в федеральных средствах массовой информации // Регионоведение. 2016. № 4. С. 18–25.
15. Posternyak K. P., Boeva-Omelechko N. B. The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse // Acta Scientiarum Language and Culture. 2018. Vol. 40, no. 2. DOI: 41086.
16. Zheltukhina M. R., Krasavsky N. A., Pavlov P. V., Ponomarenko E. B., Aleshchanova I. V. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11, no. 18. P. 12005–12013.
17. Kopylova T., Kilina L. The media image of the country in political discourse: speech methods of creation // Mundo Slavico: Journal of culture and slavico studies. 2020. No. 19. P. 77–88.
18. Volkova E. V. Analysis of professional image communication in media discourse // Journal of Economics and Social Sciences. 2018. No. 13. P. 85–89.
19. Shalin V. V., Skifskaya A. L., Korshunov M. N. Features of image formation of political figures in the media space // Asia Life Sciences. 2020. Vol. 2, no. 2. P. 99–112.
20. Antonova N., Khafizova V. R., Gurary A. D. Media globalisation and desacralisation of a journalist's image // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation / Ural Federal University. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. P. 588–598.
21. Sofya E. N. The image of youth in the print media // Sciff. Questions of Students Science. 2022. No. 3. P. 198–202.
22. Komarova E. V. Effects of social media on the migrant image formation // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 184. P. 384–390.
23. Bogdan I., Chistyakova D., Pravednikov A. Image of psychiatry and psychic illness during the Covid-19 pandemic: social media monitoring // European Journal of Public Health. 2021. Vol. 31, no. S3. DOI: cka164.393.
24. Maklakova T. B., Nepomnyashchikh E. A., Chupanovskaya M. N., Krainova E. V., Nikitina A. Kh. Emotive-evaluation vocabulary as a means of creating emotional media image of Covid-19 // European proceedings of social and behavioural sciences epsbs: II International Scientific and Practical Conference. 2020. P. 615–621.
25. Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Имидж Республики Мордовия: образы, символы, стереотипы // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 4. С. 866–887.

Информация об авторах

Дементьева Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1; dementievakv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>.

Бакеева Диана Анваровна, кандидат культурологии, доцент; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1; bakeeva.di@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2759-334X>.

Фролова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1; nmfrol@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5541-7159>.

Вклад авторов

Дементьева К. В. – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Бакеева Д. А. – систематизация и анализ материала исследования.

Фролова Н. М. – работа со статистическими данными, анализ материала исследования.

Для цитирования

Дементьева К. В., Бакеева Д. А., Фролова Н. М. Медиаимидж региона и особенности его формирования (на примере Республики Мордовия) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 131–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-131-141.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

References

1. Isaeva, V. N., Skhiladze, E. V. Territory image: historical and cultural aspect. Integrated communications in sports and tourism: education, trends, international experience, vol. 1, pp. 283–290, 2018. (In Rus.)
2. Likhonova, V. V. Formation of the image of the tourist area as a tool for the development of the service sector. Social policy and sociology, no. 1, pp. 5–12, 2018. (In Rus.)
3. Shevchenko, A. V., Ruban, I. V. Territory marketing as a tool for forming the region's image. Formation of market relations in Ukraine, no. 10, pp. 107–111, 2017. (In Rus.)
4. Mal'tseva, V. M. Media image of the city of Abakan according to the analysis of the publications of the newspaper Abakan. Bulletin of the Khakass State University. N. F. Katanov, no. 5, pp. 76–79, 2013. (In Rus.)
5. German, G. N. The role of the principles of social ethics in the formation of the media image of the region. Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management, no. 3, pp. 80–84, 2016. (In Rus.)
6. Konovalova, O. S. Formation of the PRC media image during the Year of Russia in China and the Year of China in Russia. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism, no. 4, pp. 109–116, 2009. (In Rus.)
7. Kravchenko, N. P. The specificity of the use of marketing technologies in the construction of media image of territories. Bulletin of the Maikop State Technological University, no. 1, pp. 73–76, 2012. (In Rus.)
8. Koshkarova, N. N. Chinese mass media in Russian as a tool to make media image of the country and the world. Political Linguistics, no. 5, pp. 85–88, 2017. (In Rus.)
9. Khazhgerieva, A. A. Formation of the media image of the Republic of Adygea on the basis of ethno-cultural and historical-geographical factors. Bulletin of the Adygei State University. Series 2: Philology and art criticism, no. 4, pp. 194–199, 2017. (In Rus.)
10. Glushkova, T. S., Zaitseva, O. A. Media Image as a Tool for Creating a Territorial Image: Cognitive Aspect. Human Science: Humanitarian Studies, no. 3, pp. 50–57, 2017. (In Rus.)
11. Napalkova, I. G., Arlashkina, A. N. Formation of the image of Russian regions: experience, problems, prospects (on the example of the Republic of Mordovia). Economic history, no. 3, pp. 53–61, 2014. (In Rus.)
12. Kozlov, N. S. Image policy of the region (on the example of the Republic of Mordovia). Economics and business: theory and practice, no. 1, pp. 34–38, 2015. (In Rus.)
13. Guseva, E. N. Construction of an attractive socio-cultural image of the city of Saransk as a factor in the formation of a positive territorial identity. Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships, no. 1, pp. 71–83, 2017. (In Rus.)
14. Kozlov, N. S. Political image of the region in the federal media. Regionology, no. 4, pp. 18–25, 2016. (In Rus.)
15. Posternyak, K. P., Boeva-Omelechko, N. B. The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse. Acta Scientiarum Language and Culture, no. 2, 2018. С. e41086. (In Engl.)
16. Zheltukhina, M. R., Krasavsky, N. A., Pavlov, P. V., Ponomarenko, E. B., Aleshchanova, I. V. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy. International Journal of Environmental and Science Education, no. 18, pp. 12005–12013, 2016. (In Engl.)
17. Kopylova, T., Kilina, L. The media image of the country in political discourse: speech methods of creation. Mundo Slavico: Journal of culture and Slavic studies, no. 19, pp. 77–88, 2020. (In Engl.)
18. Volkova, E. V. Analysis of professional image communication in media discourse. Journal of Economics and Social Sciences, no. 13, pp. 85–89, 2018. (In Engl.)
19. Shalin, V. V., Skifskaya, A. L., Korshunov, M. N. Features of image formation of political figures in the media space. Asia Life Sciences, v. Supp. 2, no. 2, pp. 99–112, 2020. (In Engl.)
20. Antonova, N., Khafizova, V. R., Gurary, A. D. Media globalization and desacralization of a journalist's image. Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University, Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2020: 588–598. (In Engl.)
21. Sofya, E. N. The image of youth in the print media. Sciff. Questions of Students Science, no. 3, pp. 198–202, 2022. (In Engl.)
22. Komarova, E. V. Effects of social media on the migrant image formation. Lecture Notes in Networks and Systems, v. 184, pp. 384–390, 2021. (In Engl.)

23. Bogdan, I., Chistyakova, D., Pravednikov, A. Image of psychiatry and psychic illness during the Covid-19 pandemic: social media monitoring. *European Journal of Public Health*, no. S3, C. ckab164.393, 2021. (In Engl.)

24. Maklakova, T. B., Nepomnyashchikh, E. A., Chupanovskaya, M. N., Krainova, E. V., Nikitina, A. Kh. Emotive-evaluation vocabulary as a means of creating emotional media image of Covid-19. *European proceedings of social and behavioural sciences epsbs. II International Scientific and Practical Conference*. 2020: 615–621. (In Engl.)

25. Napalkova, I. G., Kurochkina, K. V. Image of the Republic of Mordovia: images, symbols, stereotypes. *Regionology*, no. 4, pp. 866–887, 2020. (In Rus.)

Information about authors

Dementieva Ksenia V., Candidate of Philology, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University; 68/1 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia; dementievakv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>.

Bakeeva Diana A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor; Ogarev Mordovia State University; 68/1 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia; bakeeva.di@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2759-334X>.

Frolova Natalya M., Candidate of Sociology, Associate Professor; Ogarev Mordovia State University; 68/1 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia; nmfrol@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5541-7159>.

Contribution of authors to the article

Dementieva K. V. – the main author, the organizer of the study, formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

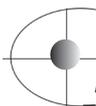
Bakeeva D. A. – systematized and analyzed the research material.

Frolova N. M. – worked with statistical data, analyzed the research material.

For citation

Dementieva K. V., Bakeeva D. A., Frolova N. M. Media Image of the Region and Features of its Formation (The Case of the Republic of Mordovia) // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 131–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-131-141.

**Received: March 20, 2023; approved after reviewing April 26, 2023;
accepted for publication April 27, 2023.**

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-142-152

Гражданские ценности студентов – будущих журналистов

Рузанна Гургеновна Иванян

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия
rouzanna@youthcentre.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8210-360>

Цель исследования – изучение гражданских ценностных ориентаций будущих журналистов. Традиционное понимание гражданственности журналистики в настоящее время переосмысливается, именно этим обусловлена актуальность статьи. Новизна работы просматривается в обращении к гражданским ценностям через вовлечение студентов-будущих журналистов в волонтерство, онлайн активизм, практики солидарности, а также через представления о будущей профессии. Методология исследования включает общелогические и общенаучные подходы, эмпирическая часть осуществлялась в 2021–2022 гг. с применением наблюдения, сравнения, бесед, анонимного полужакрытого анкетного опроса. Результаты исследования ($N=90$, студентов 2 и 4 курсов ВШПИМ СПбГУПТИД) могут быть интересны медиаспециалистам, социологам, преподавателям, государственным служащим. Автор приходит к выводу, что выражение обеспокоенности общественными проблемами, личная активность, присутствие в инфополе не являются автоматическими предпосылками для гражданственности. На уровне декларативности и нормативности студенты не подвергают сомнению важность активной гражданской позиции для журналиста. Но они испытывают серьезные сложности в практическом соотношении гражданственности и журналистики. Информанты занимаются волонтерством, вовлекаются в низовые уровни цифрового активизма, но не ощущают свою субъектность и не воспринимают свои действия как часть гражданственности. Будущие журналисты отстраняются от активизма или прибегают к его нейтральным, однозначно социально одобряемым и удобным формам, не вызывающим ни внутреннего, ни внешнего конфликта. Автор статьи обращает особое внимание на ценность солидарности и возникающие на её базе практики. Студенты воспринимают её как коллегиальную поддержку единомышленников, однако редко иницируют подобные действия даже на микроуровне в сетевом пространстве. Недостаточное внимание образовательной системы к ценностям основам журналистики в их реальном, а не нормативном преломлении оставляет студентов один на один с неопределенностью и противоречиями, что в итоге приводит к дезориентации и низкому уровню гражданского участия.

Ключевые слова: профессиональные ценности, гражданские ценности, журналистика, студенты-будущие журналисты, солидарность, активизм

Original article

Civic Values of Students – Future Journalists

Ruzanna G. Ivanian

High School of Press and Media Technologies
St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia
rouzanna@youthcentre.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8210-360>

The aim of the research was to obtain information on the civic values of future journalists through the involvement in volunteering, online activism, solidarity practices, as well as through perceptions of the future profession. The methodology of the study was based on general logical and scientific approaches, the empirical data was collected in 2021–2022, through observation, comparison, conversations, and an anonymous semi-closed questionnaire survey. The findings of the study ($N=90$) of 2nd and 4th grade students may be beneficial for media experts, sociologists, teachers, and civil servants. The author concludes that expression of concern about social problems, personal activism, and active presence online are not automatic prerequisites for citizenship. At the declarative and normative level, the students do not question the importance of active citizenship for journalists. But they have serious difficulties in the linking practically citizenship and journalism. Informants do volunteering, get involved in grassroots levels of digital activism, but do not feel own subjectivity and do not perceive their actions as part of activism. Future journalists even dismiss themselves from activism or resort to

© Иванян Р. Г., 2023

its neutral, unambiguous socially approved and comfortable forms, which cause neither internal nor external conflict. The author draws particular attention to the value of solidarity and the practices that arise from it. Students perceive it as collegial support of like-minded people, but they rarely initiate such actions. Lack of focus on the value bases of journalism in educational system in its real rather than normative application leaves students alone with uncertainty and contradictions, resulting in disorientation and a low level of civic engagement.

Keywords: professional values, civic values, journalism, media, students-future journalists, solidarity, activism

Введение. Профессиональные и личные ориентации студентов, получающих образование в области журналистики, традиционно привлекают внимание педагогов, социологов, государственных служащих и медиаисследователей. Последние видят в будущих журналистах носителей ценностей, установок, важных для последующего влияния на медиасферу. Данные используются для коррекции образовательных стратегий будущих медиапрофессионалов.

Усваивание профессиональных ценностей происходит в ходе изучения различных предметов, общения с диаметрально противоположными в своих оценках педагогами и однокурсниками. Рефлексии о профессиональных ценностях и их соотносённости с личными часто фокусируются на нормативных, идеальных, но малореалистичных моделях.

В то же время очевидно, что профессиональные и личные ценности могут не только противопоставляться или вступать в конфликт, но и переплетаться. Это ярко видно на примере гражданских ценностей в двух сходящихся плоскостях: гражданственности отдельной личности и гражданственности журналиста. Разделение ценностей свободы, равенства, справедливости, солидарности, а также субъектность индивида, участие в процессах принятия решений, очерчивают пространство гражданских ценностей и являются основой для гражданских действий.

Актуальность нашего исследования определяется нечёткостью картины, отражающей гражданские ценности студента-будущего журналиста. Выбранный нами фокус малоизучен не только применительно к студентам, но и, в целом, к журналистике. Целью исследования является понимание ценностных ориентаций гражданского характера у студентов, получающих образование по специальности «Журналистика».

Предварительная гипотеза исследования строилась на тезисе, что профессия журналиста подразумевает заинтересованность в жизни общества, что позволяет предположить высокий уровень гражданственности

студентов, получающих образование в этой сфере. Будущие журналисты относительно свободно ориентируются в цифровом мире, активно используют его возможности, предположительно, в том числе и для выражения и продвижения своей гражданской позиции.

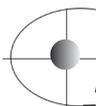
Новизна исследования прослеживается в попытке описать особенности понимания и практической реализации будущими журналистами ценностей гражданского характера через представление о своей специальности и несколько форм (волонтерство, онлайн-активизм, выражение солидарности).

Практическая применимость видится в контексте разработки новых и коррекции уже существующих образовательных программ для студентов. Работа также вносит свой вклад в копилку методологии медиааксиологии. Изучение гражданских ориентаций будущих журналистов необходимо для понимания общей картины журналистики и прогнозирования её будущего. Ценности молодёжи приобретают политическую значимость ещё и в связи с изменением социально политического контекста с началом СВО в 2022 г.

Обзор литературы. Гражданские ценности журналистов изучаются не первое десятилетие, поскольку органично ложатся как в западный контекст «сторожевой функции массмедиа», так и в контекст отечественных нормативных теорий. Л. Г. Свитич подчеркивает, что журналисты региональных газет проявляют зрелую общественную позицию [1, с. 204]. К. Р. Нигматуллина пишет, что противопоставление гражданской позиции и человеческой является важным элементом профессионального дискурса [2]. Глубинные интервью с представителями массмедиа демонстрируют установку социально активной журналистики, связывая с ней высокую степень ответственности перед обществом [3].

Своё внимание на установках студентов – будущих журналистов фокусируют Н. Л. Антонова, В. В. Гаврилов, Е. А. Петренко [4–6].

Относительно новой исследовательской темой можно назвать цифровой гражд-

данский молодёжный активизм. Среда, в которой пользователи могут почти одновременно собирать новости и делиться ими, обсуждать общественно-политические события и любили зазывать других людей, подтолкнула развитие медиаактивизма и придала новую форму традиционному участию граждан [7]. Некоторые авторы определяют базовые типы гражданского активизма российской молодёжи офлайн и онлайн («акторы», «вовлечённые», «кликтивисты», «выключенные»), а также строят математическую модель, учитывающую соотношение между ними, их ценностные портреты и доминирующие интернет-стратегии [8].

Теоретические основы онлайн активизма были заложены М. Кастельсом [9]. О. А. Башева изучает это явление в качестве метода гражданской мобилизации [10]. А. Н. Гуреева воспринимает цифровой активизм как часть медийного поведения молодёжи [11]. Интерес представляют как периодические «срезы» состояния гражданственности [12], так и узкие темы, например, экологический активизм [13]. Авторы пишут о нивелировании географических факторов в цифровой гражданственности [14], снятии барьеров и выстраивании новой иерархии политического участия [15], которая лишь фрагментарно отзеркаливает свои оффлайн формы [16]. Одновременное присутствие онлайн и оффлайн активизма, их взаимодополнение в конечном итоге могут усилить давление на систему. Этот механизм описывается исследователями на разных кейсах, например, протестах в Польше [17].

И цифровой активизм, и гражданственность журналистики требуют постоянного мониторинга, особенно на фоне роста искусственно создаваемой псевдогражданственности [18] и проявлений спорных факторов онлайн активизма. Например, посты иногда размещаются пользователями не столько для выражения своей гражданской позиции, сколько из-за подражания, что связано с формированием «Я-идентичности».

Особым предметом нашего изучения является солидарность. Работы, рассматривающие её в качестве ценности, социальной идеи и практики, составляют важный компонент теоретической платформы [19]. Теория солидарности осмысливается в статье Ни Вайян [20]. Е. А. Попов изучает солидарность как явление современной

культуры [21]. А. Е. Коньков анализирует солидарность в контексте государственного управления [22].

Всплеск интереса к концепту солидарности произошёл в 2020–2022 гг. в связи с появлением многочисленных низовых горизонтальных инициатив в период пандемии. О солидарности как базе для консолидации пишут многочисленные авторы [23]. Мобилизационный потенциал также рассматривается как важный аспект солидарности [24]. Западные исследователи ещё сильнее сужают фокус, и, например, изучают политический ракурс такой солидарности [25].

Данная статья продолжает изучение автором вопросов медиа солидарности [26; 27]. Мы считаем солидарность и личной, и гражданской ценностью журналиста. Она позволяет приблизиться к более справедливому обществу, но при этом не является абстрактным понятием, а воплощается в конкретных действиях [28]. Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская называют такую солидарность «транзитной» [29]. Идеологические основания солидарности уступают место цифровым способам объединения больших масс людей [30], при этом список практик солидарности постоянно обновляется [31], и они активно пересекаются с оффлайном [32].

Методология и методы исследования. Исследование опирается на принципы аксиологии журналистики [33]. Его методология строится на общелогических и общенаучных подходах, эмпирическая часть осуществлялась в 2021–2022 гг. с применением наблюдения, сравнения, анонимного полужакрытого анкетного опроса на платформе Google ($N=90$) студентов второго (41 чел. в 2020 г., 22 чел. в 2021 г.) и четвёртого курсов (27 чел.), обучающихся по специальности «Журналистика» в Высшей школе печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. В 2020 г. были опрошены студенты 2 и 4 курсов, в 2021 г. – 2 курса. Полученные данные можно структурировать согласно временной шкале: до поступления в вуз, на втором курсе, на четвёртом курсе. Их также можно рассматривать в контексте периода, когда проводились опросы: осенний семестр 2020 г. (2 курс), весенний семестр 2020 г. (4 курс), осенний семестр 2021 г. (2 курс).

Результаты исследования. *Гражданственность на этапе выбора профессии.*

Лидирующим мотивом поступления на факультет журналистики выступает возможность реализации своих творческих способностей («мне всегда хотелось иметь род деятельности, который будет включать в себя творческий процесс»). Будущим журналистам присуща идеализация и романтизация профессии, которая по мере обучения постепенно уходит.

Будучи абитуриентами, молодые люди проявляли интерес к чтению, литературе, написанию текстов («изначально выбрала потому, что люблю писать», «хотела стать писателем»). Заманчивыми чертами профессии студенты называют её коммуникационный потенциал, публичный характер, перспективы постоянного роста и развития.

При выборе профессии студенты ориентировались на нерутинность работы журналиста, широкую применимость журналистского образования. Одновременно с патетическими, романтическими и эмоциональными мотивами выбора профессии звучали и вполне утилитарные («хотелось на другую специальность, но не получилось», «никуда больше не поступила»).

Гражданская составляющая в этот период прослеживается в декларировании интереса к жизни общества и желании влиять на него, прежде всего, за счёт обучения и развития («интересно мнение общества и все его внутренние процессы», «нравится анализировать различные аспекты жизни, искать истину и транслировать её», «с помощью профессии я смогу изменить мир», «хотелось быть услышанной и полезной» и др.).

Уже на этапе выбора места обучения некоторые абитуриенты видят в журналистике возможность улучшать жизнь общества. Реализация своих потребностей в их представлениях может осуществляться одновременно с улучшением жизни общества, а журналистика предоставляет для этого массу возможностей. Этот тезис притягивает определённое количество молодёжи, чьи ценности личного благополучия активизированы одновременно с ценностями общественного блага.

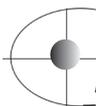
Гражданственность как ценность личного характера. Студенты выражают обеспокоенность по широкому кругу вопросов: неравенство, несправедливость, расизм, сексизм, экономическая нестабильность, бедность, жестокое обращение с животными, гомофобия, экология, коррупция, миграция в города, насилие, травля, буллинг и т. д.

На старшем курсе больше интересуются фальсификациями на выборах, проблемами политзаключённых и незаконно-осуждённых, нарушением прав человека, несправедливостью и дискриминацией. Доминирование женской аудитории проявляется в заинтересованности в теме домашнего насилия. Но если эта тема частично продиктована общественно-политической повесткой, то интерес к жестокому обращению с животными мало с ней связан, хотя также широко представлен в ответах. В списке тем отсутствуют проблемы стигматизированных групп и уязвимых сообществ (например, мигрантов, людей с инвалидностью, живущих с ВИЧ, заключённых) и спорные темы (гендер, феминистская повестка т. д.) (табл. 1).

Таблица 1

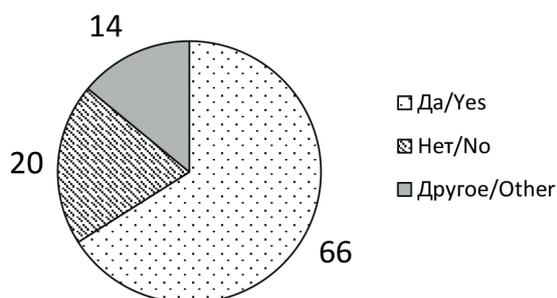
Ответы на вопрос: «Какие общественные проблемы беспокоят Вас больше всего?» (в чел.)

Темы	2 курс 2020	2 курс 2021	4 курс 2020
Ковид	2	1	0
Экология (отношение к животным, зоопарки, мусорная реформа)	12	6	7
Социальные (в т. ч. неравенство, бедность, нарушение прав человека, несправедливость и др.)	6	5	3
Домашнее насилие	3	2	3
Экономические (рост цен, нестабильность, безработица)	5	5	5
Внутриполитические (выборы, политзаключённые, ограничение свобод, митинги, нарушение прав человека)	2	4	10
Коррупция	3	0	7
Образование	2	0	3
Свобода слова	0	2	2
Качественная и доступная медицина	0	1	4
Другое (безразличие, гомофобия, недопонимание поколений, алкоголизм, ДТП и др.)	3	3	5

Обеспокоенность социальными проблемами не свидетельствует об автоматической действенной эмпатии. Это и закладывает противоречие: большая часть информантов считают себя активными, но при этом в деятельности структур, которые работают над решением проблем общества, участвуют немногие (см. рисунок). Эта цифра резко возрастает к 4 курсу (с 13 и 9 до 67 %), что даёт основания для осторожного предположения о том, что получение образования сопровождается усилением участия в жизни общества.

В стране сформировано многотысячное волонтерское сообщество, – пишет Н. И. Горлова [34]. Действительно, ответы информантов продемонстрировали вовлечённость в разные виды волонтерства: событийное, социальное, экологическое, культурно-историческое и др. Как правило, речь идёт о локальном и ситуативном опыте. Хотя он широкий и многопрофильный, требуется его критическое осмысление. Так, например, респонденты могут проходить обучение, сертификацию, но при этом выполнять разовые необязывающие поручения (например, распространить билеты в кино), не рассматривать свою деятельность в качестве гражданской, не ощущать свою субъектность. Бывают ситуации, когда респонденты выполняют работы без материального вознаграждения и автоматически считают свою деятельность волонтерством.

Ответы на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением: "Я считаю себя активным человеком"»? (в %, в среднем)

Responses to the question: "Do you agree with the statement: I consider myself an active person"? (% , average)

Ставить знак равенства между волонтерством и проявлением гражданских ценностей было бы неверным. Мотивацией участия в волонтерстве, как правило, явля-

ются ценности личного характера, например, приобрести друзей, провести досуг, поднять самооценку, получить бонусы для поступления в вуз и т. д. Часто волонтерство даёт дополнительные преференции, становится социальным лифтом, и именно прагматические мотивы могут доминировать над альтруистическими идеями помощи ближнему. Но даже краткосрочное волонтерство помогает ощутить свою субъектность и формирует первичные компетенции гражданской активности, которые могут в дальнейшем стать частью личного социального и гражданского капитала.

Оказавшись в Санкт-Петербурге, иногородние студенты с опытом волонтерства ставят общественную деятельность на «паузу», особенно если в вузе слабая молодёжная политика или волонтерство не даёт никаких преференций, и «ожидают предложения». Это ещё раз подтверждает наш тезис, что в понимании большинства респондентов, волонтерство является, скорее, формой интересного и полезного досуга или неоплачиваемой работой. Гражданская активность повышается при благоприятном климате в вузе [35].

В большей степени мы можем говорить о реализации гражданских ценностей, когда студенты подписывают онлайн петиции или распространяют информацию о них в социальных сетях. Как правило, призывы связаны с защитой животных, окружающей среды в родном регионе или домашним насилием. Если речь идёт о политических вопросах, информанты реагируют в первую очередь на темы родного региона.

В ответах респондентов фигурирует скепсис и неверие в эффективность петиций, этим объясняется нежелание подписывать подобные документы, особенно по неоднозначным темам. Здесь наши результаты совпадают с данными коллег¹. Отсутствие интереса к градозащите продемонстрировало слабую связь с городом, где проходит обучение. Политические и журналистские темы в качестве петиций также не упоминаются. По нашей оценке это обусловлено тем, что респонденты не имеют устойчивых связей с редакциями СМИ, а вуз не инициирует подобной активности.

¹ См., например: исслед. Центра молодёжных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. – URL: https://spb.hse.ru/soc/youth/news/536488641.html?__t=6694449&_r=20630081638532122.13013&__r=OK/ (дата обращения: 11.05.2023). – Текст: электронный.

Активизм как форма выражения гражданских ценностей. Информанты не считают себя активистами, ассоциируя это слово с регулярностью политического участия и профессионализмом, и даже максимально дистанцируются от него («активист» предполагает регулярную и направленную работу, изредка я могу что-нибудь перепостить, но это несистемно», «я просто не настолько активна, чтобы носить звание «интернет-активиста», «я никогда никого не призываю ни к чему, могу только иногда оповестить со своей страницы, что нужна помощь»). В 2021 г. аргументов против пикетов и митингов намного больше, чем в 2020 г., они связаны с личной безопасностью.

Рассуждая о цифровой гражданственности, респонденты выделили два полюса. Под интернет-активизмом многие понимают любую деятельную активность в интернете, в том числе выкладывание постов, комментирование, распространение сообщений, высказывание мнения и т. д. При этом тема и целевая установка не играют никакой роли, важно активное присутствие в сети. Второй ракурс в большей степени определён проблематикой: интернет-активизм подразумевает наличие проблемы, противоречия, несправедливости, нарушения. В таком случае появляются оценки, связанные с целевой установкой (продвижение, придание проблеме огласки, онлайн-борьба за позитивные изменения, элемент тактики по устранению общественных проблем, призыв к действиям, просвещение и т. д.)

С возрастом понимание цифрового активизма расширяется, и студенты переосмысливают своё присутствие в сетевой среде, так четверокурсники критичнее к себе. В 2020 г. намного больше второкурсников считали себя активистами по сравнению с 2021 г., что говорит об общем снижении уровня активизма (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Относите ли Вы себя к интернет-активистам?» (в %)

	2 курс 2020	2 курс 2021	4 курс 2020
Да	39	14	19
Нет	44	77	70
Другое	17	9	11

Студенты описывают формальные, внешние характеристики онлайн активизма (присутствие на возможных интернет-площадках и др.), и инструментальные («в ин-

тернете не ходят с плакатами, а собирают петиции, сборы, создают форумы и т. д.»). Они относят к интернет-активизму подписание петиций, выступления за поддержку нуждающихся, привлечение внимания к проблемам и попытку их решения, придание огласке, призывы к действиям, продвижение важных тем с помощью репостов, поддержку пабликов, агитацию и др.)

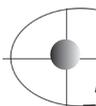
Размышляя о ценностях, смысловых и контентных векторах активизма, студенты обращаются к абстрактным категориям «за всё хорошее против всего плохого» или выражению недовольства. Это говорит об отсутствии устойчивого понимания ценностной базы активизма и сложности в соотношении с собственными установками.

Гражданственность в профессии журналиста. Рефлексии о профессиональных ценностях раскрывают нормативные представления студентов о взаимосвязях журналистики и активизма, а также о гражданственности самой журналистике. К её миссии студенты относят достоверное, объективное и своевременное информирование, просвещение и влияние на общество, формирование общественного мнения.

При этом сильны два дискурса: помощи и правды. Студенты считают, что миссия журналистики «помочь людям», «предостеречь от ошибок», «делать жизнь проще, легче». Заметно и активное оперирование понятиями «правды» и «истины», которую журналистика должна распространять в противовес другим субъектам медиaproстранства. Сравнивая ответы 2 и 4 курса, можно обратить внимание на снижение градуса патетичности, эмоциональности, что может быть объяснено более глубоким пониманием профессии, в том числе и присущих ей ограничений.

Солидарность. На младшем курсе доминирует позиция, связанная с единомыслием, единством, схожестью, общностью. Этот подход напоминает нам традиционное разделение солидарности на два вида, предложенный Э. Дюркгеймом: механическую и органическую [36], на основе которой современные исследователи выстраивают новые типологии [37–38].

Позиция сохраняется и на 4 курсе, но параллельно начинают проявлять себя идеи о поддержке и сочувствии, даже при отсутствии единой общности и одинакового мышления (табл. 3).

Солидарность в журналистике воспринимается как этическая норма коллегиального взаимодействия (табл. 4). Однако и здесь доминируют идеи, связанные с единоклассием, единством мыслей, согласием. Отдельные высказывания о том, что солидарность может существовать при различиях во мнении, также присутствуют, но их

высказали всего 2 чел. из 90 опрошенных («не всегда солидарность в журналистике означает, что журналист во всём согласен и полностью поддерживает другого человека. Однако он призывает к уважению и толерантному отношению», «способность на взаимную поддержку, независимо от политических взглядов»).

Таблица 3

Продолжите предложение: «Солидарность – это...»

	2 курс 2020	2 курс 2021	4 курс 2021
Наиболее частые ассоциации	Единство Согласие Уважение Принятие	Поддержка Согласие Единодушие Единство Общность	Поддержка Согласие Сочувствие

Таблица 4

Продолжите предложение: «Солидарность в журналистике – это...»

	2 курс 2020	2 курс 2021	4 курс 2020
Наиболее часто употребляемые слова	Согласие Поддержка	Единодушие Поддержка Объединение Взаимопомощь	Поддержка Единство Уважение
Примеры	Активное распространение журналистских материалов, с которыми ты согласен Публичные заявления/высказывания о поддержке мнения/ поступка/деятельности другого человека	Поддержание начинаний журналиста продвинутыми специалистами Не оставлять коллегу в беде	Выступление в поддержку чьих-то взглядов, даже если это может навредить мне Когда мнение редактора совпадает с мнением журналистского коллектива Прислушивание к мнениям других людей

Некоторые студенты обладают небольшим опытом выражения профессиональной солидарности, причём даже инициированной самостоятельно. Выражение солидарности в адрес журналистов или СМИ может стать одной из важных «точек входа» в профессиональное сообщество и ощущения своей идентичности. Результативность реализованных практик солидарности оценивается положительно, но в основном с позиции публичности и информирования («статья была замечена», «люди откликнулись на мою запись»).

Некоторые респонденты откладывают практики солидарности («как только обзаведусь широкой аудиторией, точно начну выражать журналистскую солидарность»).

Приводя примеры, информанты писали о том, что они рассылали своим знакомым, размещали у себя на странице в социальных сетях материалы журналистов, писали комментарии к статьям, чтобы они поднимались в рейтинге.

Обсуждение результатов исследования. В большинстве случаев студенты –

будущие журналисты – склонны опираться на ограниченные общежитейские представления о гражданственности, и, несмотря на имеющийся у кого-то опыт волонтерства, воспринимают гражданственность как внешнюю, дополнительную к учёбе или профессии деятельность. Предположения, что коммуникативный потенциал, личная активность, интерес к жизни общества автоматически становятся предпосылками активной гражданской позиции, скорее, неверны.

В понимании студентов гражданственность сопряжена с регулярным активным политическим участием и рисками наказания, остракизма. Считая себя активными людьми, которым безразличны проблемы общества, будущие журналисты не воспринимают себя в контексте гражданственности. Они избегают активных форм участия, предпочитая поддерживаемое государством или однозначное позитивное волонтерство, выбирают нейтральные и общеприемлемые темы (зоозащита, экология, пожилые и т. д.). Примеры активизма,

когда студенты всё же обращаются к более острым вопросам, чаще всего относятся к категориям слактивизма, кликтивизма, т. е. нижним уровням в иерархии цифрового участия.

Выводы из проведённого исследования могут быть репрезентативны по отношению к двум социальным группам: будущим журналистам и студенческой молодёжи. Профессиональная и возрастная специфика проявляются в двух аспектах: во-первых, респонденты воспринимают цифровую гражданственность как первичную, основную и зачастую принимают медийное отражение гражданственности за неё саму; во-вторых, респонденты не подвергают сомнению тот факт, что журналистика обязана быть гражданской и защищать интересы людей. Таким образом, нормативные представления студентов о гражданственности журналистики несколько расходятся с их реальным поведением, что сами респонденты оправдывают высоким риском подобных действий, неверием в их эффективность или «откладыванием». Однако, на наш взгляд, речь идёт об отсутствии гражданских компетенций и системы, позволяющей их развивать и применять безопасно. Если развитие компетенций происходит, то, как правило, вне вузовского образования, хаотично, неровно, выборочно и недостаточно сопрягается с будущей специальностью.

Солидарность как личная и профессиональная ценность опирается на идеи информантов о единомыслии и согласии, это создает неустойчивую почву для её кристаллизации, поскольку это невозможно ни в современной дискретной журналистике, ни в обществе, в целом. Более того, солидарность воспринимается как часть конфликта, поддержка какой-либо стороны, что плохо сопрягается с нормативными идеями неангажированной журналистики. Ключевой идеей является концепт «поддержки», который предполагает неравные субъект-объектные отношения, и также не-

адекватно раскрывает сущность солидарности.

Заключение. Студентам – будущим журналистам не хватает осознания ценностных основ солидарности и гражданственности, а также возможностей для глубокой рефлексивной оценки того, насколько эти ценности соотносятся с личными внутренними установками, профессиональными требованиями журналистики и реальностью. Дезориентация приводит к социальной пассивности или ситуативному выбору нейтральных или социально-одобряемых форм гражданской активности (волонтерства в оффлайн формате и низкоучастных форм в онлайн формате).

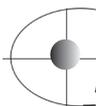
Образовательные стандарты по специальности «Журналистика» уделяют недостаточно внимания гражданскому воспитанию, что оставляет студентов «один на один» со всеми дилеммами и противоречиями. В связи с этим требуется пересмотр образовательных программ, сопровождаемый обучением педагогов тому, как грамотно встраивать ценностно-ориентированное образование в контекст медиаобразования. Необходимо определение стандартов качества и их индикаторов, внедрение различных форм поддержки интегрирования ценностно-ориентированного образования в процесс подготовки журналистов (например, менторство педагогов, разработку методологических материалов и др.)

Гражданские ориентации будущих журналистов приобретают дополнительную значимость в контексте современной молодёжной политики. Фокусная молодёжная работа может прибегать к методологии неформального образования, что усилит эффект гражданского образования.

Но в то же время система образования находится не в вакууме. Политические и идеологические ориентиры других институтов существенно влияют на векторы гражданского образования. Какими они будут в ближайшие годы, предсказать сложно.

Список литературы

1. Свитич Л. Г. Авторская деятельность журналистов в контексте реализации миссии журналистики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 2. С. 198–207.
2. Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетейя, 2021. 280 с.
3. Каманина В. Е. Социально-профессиональная роль журналистов в гражданском обществе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2021. № 4. С. 180–193.
4. Антонова Н. Л. Студенты-журналисты: профессиональные намерения и ценностные ориентации в условиях медиатизации общества // Известия Уральского фед. ун-та. 2019. Т. 14, № 2. С. 39–46.

5. Гаврилов В. В. К вопросу изучения профессиональной самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 89–98. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.006.
6. Петренко Е. А. Профессия журналиста в XXI веке в восприятии студентов-журналистов: материалы IV Междунар. студ. науч.-практ. конф. Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2022. С. 356–362.
7. Пырма Р. В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 46–54. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7711.
8. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Шатилов А. Б. Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 296–318. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2041.
9. Castells M. Networks of outrage and hope – social movements in the Internet age // International Journal of Public Opinion Research. 2012. No. 25. P. 398–402. DOI: 10.1093/ijpor/edt020.
10. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4.
11. Гуреева А. Н. Социальный и медийный портрет российской молодежи в начале XXI в.: анализ экспертных мнений // Меди@льманах. 2022. № 1. С. 53–60. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.5360.
12. Гражданский активизм российской молодежи. Исследование АНО «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi> (дата обращения: 22.04.2023). Текст: электронный.
13. Ушанова И. А. Цифровой экологический активизм учащейся молодежи (на материале студенческих сообществ ВКонтакте): материалы междунар. науч.-практ. конф. Витебск: ВГУ, 2022. С. 128–134.
14. Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В., Башева О. А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–401.
15. Campos R., da Silva D. Visibility, solidarity, and empowerment via the internet: A case study of young Portuguese activists. Communications, 2023. DOI: 10.1515/commun-2022-0019.
16. Гуреева А. Н. Феномен хештег-активизма современной молодежи (на примере общественно-политических событий 2019–2020 гг.) // Меди@льманах. 2021. № 1. С. 26–34. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2021.2634.
17. Новяк В., Моленда К. Медиадискурс «Восстания женщин»: спор о ценностях // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 145–157. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-145-157.
18. Голубева М. А. Астротурфинг как способ манипуляции общественным мнением в Интернете // Журналистика и общество. М.: РУДН, 2019. Т. 21. С. 22–26.
19. Fleischmann A., Holck L., Liu, H., Muhr S. L., Murgia A. Organizing solidarity in difference: Challenges, achievements, and emerging imaginaries // Organization. 2022. No. 29. P. 233–246. DOI: 10.1177/13505084221083907.
20. Ni Wayan R. N. P. Solidarity as a theory: development of concept // Социология. 2020. № 2. С. 367–375.
21. Попов Е. А. Солидарность как явление современной культуры // Философия и культура. 2021. № 11. С. 26–32. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.11.37047.
22. Коньков А. Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. 2020. № 81. С. 182–195.
23. Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IX Межд. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2023. 307 с.
24. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
25. Margit F., Eszter N. The political aspects of solidarity mobilizations in the context of shrinking civil society during the first wave of COVID-19. European Societies. 2022. No. 1. P. 132–153. DOI: 10.1080/14616696.2022.2100443.
26. Иванян Р. Г. Ценность солидарности в современной журналистике // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 126–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135.
27. Иванян Р. Г. Флешмоб как формат журналистской солидарности // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 116–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-116-125.
28. Юдина Е. Н., Алексеенко И. В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 1. С. 114–127.
29. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–128.
30. Артамонов Д. С. Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 19, № 2. С. 124–129. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129.
31. Рафикова С. А. Практики солидарности в цифровую эпоху // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 34. С. 1–7.
32. Ruiu M. L., Ragnedda M. Between online and offline solidarity: lessons learned from the coronavirus outbreak in Italy // American Behavioral Scientist. DOI: 10.1177/00027642221132177.

33. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.
34. Горлова Н. И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019. 290 с.
35. Bobkowski P. S., Rosenthal H. M. Journalism civic self-efficacy: predicting political participation among secondary-school journalism students // Journalism Practice. 2021. Vol. 16, no. 10. P. 2166–2184. DOI: 10.1080/17512786.2021.1897475.
36. Durkheim E. The division of labor in society. New York: Simon and Schuster, 2014. 353 p.
37. Thijssen P. From mechanical to organic solidarity, and back: with Honneth beyond Durkheim // European Journal of Social Theory. 2012. Vol. 15, no. 4. P. 454–470. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431011423589>.
38. Zheng R. Reconceptualizing solidarity as power from below // Philos Study. 2023. No. 180. P. 893–917. <https://doi.org/10.1007/s11098-022-01845-y>.

Информация об авторе

Иванян Рузанна Гургеновна, кандидат политических наук, доцент; Высшая школа печати и медиа-технологий Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна; 190068, Россия, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр. 44; ipjourn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>.

Для цитирования

Иванян Р. Г. Гражданские ценности студентов – будущих журналистов // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 142–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-142-152.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

References

1. Svitich, L. G. The actions of journalists within the context of the implementation of the mission of journalism. Vestnik of Volga University named after V. N. Tatishchev, no. 3, pp. 198–207, 2019. (In Rus.)
2. Nigmatullina, K. R. Professional culture of journalists in Russia. SPb: Aletheia, 2021. (In Rus.)
3. Kamanina, V. E. Socio-professional role of journalists in civil society. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University, no. 4, pp. 180–193, 2021. (In Rus.)
4. Antonova, N. L. Journalism students: professional intentions and value orientations in circumstances of society mediatization. Proceedings of the Ural Federal University, no. 2, pp. 39–46, 2019. (In Rus.)
5. Gavrilov, V. V. On the issue of professional self-identification of students-journalists of digital era. Surgut State Pedagogical University Bulletin, no. 2, pp. 89–98, 2022. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.006. (In Rus.)
6. Petrenko, E. A. Profession of a journalist in the XXI century in perception of students-journalists, Proceedings of IV International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: 2022: 356–362. (In Rus.)
7. Pyrna, R. V. Factors of formation of attitudes and strategies of civil activism of Russian youth. Power, no. 6, pp. 46–54, 2020. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7711. (In Rus.)
8. Azarov, A. A., Brodovskaya, E. V., Shatilov, A. B. Civic activism of Russian youth in digital environment as a predictor of offline activity: results of population survey and multi-agent modeling. Public Opinion Monitoring: economic and social change, no. 6, pp. 296–318, 2021. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2041. (In Rus.)
9. Castells, M. Networks of outrage and hope – social movements in the Internet age. International Journal of Public Opinion Research, no. 25, pp. 398–402, 2012. DOI: 10.1093/ijpor/edt020. (In Eng.)
10. Basheva, O. A. Digital activism as new method of civic mobilization. Scientific Result. Sociology and management, no. 1, pp. 41–57, 2020. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4. (In Rus.)
11. Gureeva, A. N. Social and media portrait of Russian youth in the beginning of XXI century: analysis of expert opinions. Medi@lmanah, no. 1, pp. 53–60, 2022. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.5360. (In Rus.)
12. Civic activism of Russian youth. Web. 22.04.2023. <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi>. (In Rus.)
13. Ushanova, I. A. Digital environmental activism of students (on the material of student communities VKontakte), Proceedings of the International scientific and practical conference. Vitebsk: 2022: 128–134. (In Rus.)
14. Ermolaeva, P. O., Ermolaeva, Y. V., Basheva, O. A. Digital environmental activism as a new form of environmental participation of the population. Sociological Review, no. 3, pp. 376–401, 2020. (In Rus.)
15. Campos, R. and da Silva, D. Visibility, solidarity, and empowerment via the internet: A case study of young Portuguese activists. Communications, 2023. DOI: 10.1515/commun-2022-0019. (In Eng.)
16. Gureeva, A. N. The phenomenon of hashtag activism of modern youth (on the case of socio-political events in 2019–2020). Medi@lmanah, no. 1, pp. 26–34, 2021. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2021.2634. (In Rus.)

17. Nowiak, W., Molenda, K. Media Discourse "Rebellions of Women": Dispute about Values. *Humanitarian Vector*, vol.16, no. 4. pp. 145–157, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-145-157. (In Rus.)
18. Golubeva, M. A. Astroturfing as a way to manipulate public opinion in the Internet. In *Journalism and Society*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), vol. 21, pp. 22–26, 2019. (In Rus.)
19. Fleischmann, A., Holck, L., Liu, H., Muhr, S. L., Murgia, A. Organizing solidarity in difference: Challenges, achievements, and emerging imaginaries. *Organization*, no. 29, pp. 233–246, 2022. DOI: 10.1177/13505084221083907. (In Eng.)
20. Ni Wayan R. N. P. Solidarity as a theory: development of concept. *Sociology*, no. 2, pp. 367–375, 2020. (In Eng.)
21. Popov, E. A. Solidarity as a phenomenon of modern culture. *Philosophy and Culture*, no. 11, pp. 26–32, 2021. DOI: 10.7256/2454-757.2021.11.37047. (In Rus.)
22. Kon'kov, A. E. Solidarity in the policy of the modern state. *Public administration*, no. 81, pp. 182–195, 2020. (In Rus.)
23. Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects, Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. (In Rus.)
24. Ivanov, R. V. Mobilization solidarity during the pandemic. *Sociology*, no. 4, pp. 92–105, 2021. (In Rus.)
25. Margit, F., Eszter, N. The political aspects of solidarity mobilizations in the context of shrinking civil society during the first wave of COVID-19. *European Societies*, no. 1, pp. 132–153. DOI: 10.1080/14616696.2022.2100443. (In Engl.)
26. Ivanian, R. G. The value of solidarity in modern journalism. *Humanitarian Vector*, no. 4, pp. 126–135, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135. (In Rus.)
27. Ivanian, R. G. Flashmob as a format of journalistic solidarity. *Humanitarian Vector*, no. 1, pp. 116–125, 2022. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-116-125. (In Rus.)
28. Yudina, E. N., Alexeenko, I. V. Solidarity in social networks. *Communicology*, no. 1, pp. 114–127, 2020. (In Rus.)
29. Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L. Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma. *Sociological Studies*, no. 5, pp. 119–128, 2019. (In Rus.)
30. Artamonov, D. S. The new digital solidarity and the "rehabilitation" of the crowd. *Izvestia of Saratov University, Philosophy*, no. 2, pp. 124–129, 2019. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129. (In Rus.)
31. Rafikova, S. A. Practices of solidarity in the digital age. *Vestnik of East Siberian Open Acad*, no. 34, pp. 1–7, 2019. (In Rus.)
32. Ruiu, M. L., Ragnedda, M. Between online and offline solidarity: lessons learned from the coronavirus outbreak in Italy. *American Behavioral Scientist*, 0(0). DOI: 10.1177/00027642221132177. (In Eng.)
33. Sidorov, V. A. Axiology of mass media: problem fields and study strategies. *Humanitarian vector*, no. 4, pp. 117–125, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125. (In Rus.)
34. Gorlova, N. I. Formation and development of institute of volunteering in Russia: history and modernity. *M: Heritage Institute*, 2019. (In Rus.)
35. Bobkowski, P. S., Rosenthal, H. M. Journalism civic self-efficacy: predicting political participation among secondary-school journalism students. *Journalism Practice*, no. 10, pp. 2166–2184. DOI: 10.1080/17512786.2021.1897475. (In Eng.)
36. Durkheim, E. *The division of labor in society*. Simon and Schuster, 2014. (In Eng.)
37. Thijssen, P. From mechanical to organic solidarity, and back: with Honneth beyond Durkheim. *European Journal of Social Theory*, no. 4, pp. 454–470, 2012. DOI: 10.1177/1368431011423589. (In Eng.)
38. Zheng, R. Reconceptualizing solidarity as power from below. *Philos Stud*, no. 180, pp. 893–917, 2023. DOI: 10.1007/s11098-022-01845-y. (In Eng.)

Information about author

Ivanian Ruzanna G., Candidate of Political Science, Associate Professor; Graduate School of Press and Media Technology, St. Petersburg State University of Technology and Design; 44 Voznesensky ave., Saint. Petersburg, 190068, Russia; ipjourn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>.

For citation

Ivanian R. G. Civic Values of Students – Future Journalists // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 142–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-142-152.

**Received: March 22, 2023; approved after reviewing April 28, 2023;
accepted for publication April 29, 2023.**

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163

**Газлайтинг: трансформация манипуляции от частному
к общему в практике современных медиа**

Сергей Николаевич Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>

Проблема манипуляции сознанием аудитории СМИ сегодня является ключевой при анализе адекватности отражения реальности в медийной практике, что и обуславливает актуальность теоретического осмысления феномена газлайтинга. В статье рассматривается практика современных СМИ как сфера внедрения формата газлайтинга в качестве многофункционального метода воздействия на коллективное сознание воспринимающей медийной аудитории. Автор рассматривает данное явление в перспективе истории его возникновения и внедрения посредством искусства в сферу практической психологии, интерпретирующей бытовое поведение в социуме исключительно отдельных персон. Автор предлагает интерпретировать данный термин не только как способ влияния на отдельного индивидуума, но и как понятие, являющееся составной частью информационной войны. В статье также исследуется эволюция таких понятий, как фейк и постправда, которые в своей совокупности predetermined реинкарнацию газлайтинга в деятельности отдельных представителей СМИ и медиаструктур, в целом. Кроме того, в статье раскрывается амбивалентность данного термина, определяющего субъектов процесса газлайтинга как равноправных участников манипуляции. Что порождает двойные стандарты в интерпретации информации, особенно в условиях психологического противостояния в контексте двустороннего конфликта. Сложность исследования заявленной в статье проблематики заключается в оригинальной идее анализа явления газлайтинга как феномен, характерного для массового сознания в первую очередь с учётом проведения подобной манипуляции с активным участием СМИ всех видов и статусов. При этом теоретические разработки, касающиеся данной проблемы, связаны главным образом с персональной психологией. Однако ситуация требует более активного исследования складывающейся медийной ситуации.

Ключевые слова: газлайтинг, медиа, аудитория, манипуляция, психология масс, фейки, постправда

Original article

**Gaslighting: Transformation of Manipulation from the Particular
to the General in the Practice of Modern Media**

Sergey N. Il'chenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>

The problem of manipulating the consciousness of the media audience today is a key one in analyzing the adequacy of the reflection of reality in media practice. Which determines the relevance of the theoretical understanding of the phenomenon of gaslighting. The article examines the practice of modern media as a sphere of introducing the gaslighting format as a multifunctional method of influencing the collective consciousness of the perceiving media audience. The author considers this phenomenon in the perspective of the history of its origin and the introduction of art into the field of practical psychology, interpreting everyday behavior in society exclusively of individuals. The author suggests interpreting this term not only as a way of influencing an individual but also as a concept that is an integral part of information warfare. The article also examines the evolution of such concepts as fake and post-truth, which together predetermined the reincarnation of gaslighting in the activities of individual media representatives and media structures as a whole. In addition, the article examines the ambivalence of this term, which defines the subjects of the gaslighting process as equal participants in manipulation. This creates double standards in the interpretation of information, especially in the context of psychological confrontation in the context of a bilateral conflict. The complexity of the study of the problems stated in the article lies in the original idea of analyzing the phenomenon of gaslighting as a phenomenon characteristic of mass consciousness, primarily taking into account such manipulation with the active participation of the media of all types

© Ильченко С. Н., 2023

and statuses. At the same time, theoretical developments concerning this problem are mainly related to personal psychology. However, the situation requires a more active study of the current media situation.

Keywords: gaslighting, media, audience, manipulation, psychology of the masses, fakes, post-truth

Введение. Термин «газлайтинг» как понятие, связанное с медиадетельностью, возник в теоретическом дискурсе исключительно недавно. По научным меркам его можно определить как абсолютно новый и оригинальный. Если же соблюдать объективность и последовательность в изучении семантического значения изучаемой номинации, то следует признать его исторический и ретроспективный смысл, восходящий к искусству и психологии середины XX в.

На наш взгляд, появление подобного, дезавуирующего деятельность средств массовой коммуникации практико-ориентированного термина не является чем-то внезапным и неадекватным общим трендам в деятельности медиа. Наоборот, по нашему мнению, оно является закономерным развитием тех направлений в их повседневной практики, которое мы определяем как «фейковая журналистика»¹.

Дегуманизация деятельности СМИ получила филологическое оформление в 2022 г., когда очередным «словом года» был признан термин «газлайтинг». Именно так определил важнейший термин американский словарь Merriam-Webster. Этим термином называют психологические манипуляции, в результате которых человек сомневается в своей адекватности восприятия реальности. Таким приёмом некоторые пользуются для собственной выгоды. Любопытно, что тот же Оксфордский словарь номинировал в разделе «слово года» термин «режим гоблина», которым обозначают ленивое поведение человека, потерявшего мотивацию к активной жизни.

Что же касается термина «газлайтинг», то его происхождение связано с пьесой британца Патрика Гамильтона «Газовый свет» (1938)², экранизированной в 1944 г. американским режиссёром Джорджем Кьюкором. Фильм вызвал фурор и в прессе, и у зрителей. Картина номинирована на семь премий Американской киноакадемии «Оскар». В

¹ Ильченко С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учебник. – М.: КНОРУС, 2020. – 266 с.

² Эта пьеса под названием «Улица Ангела» была поставлена в том же году в США. А в 1940 г. её перенёс на экран британский режиссер Торолд Дикинсон. Для съёмки версии 1944 г. руководство голливудской компании «Метро-Голдвин-Майер» выкупила права у британской компании, выпустившей картину.

итоге её создатели получили две награды: за лучшие декорации, а исполнительница главной роли Ингрид Бергман была удостоена премии «Оскар» в номинации «лучшая женская роль». Именно она сыграла жену, которую циничный муж намеренно сводит с ума при помощи манипуляций с газовым освещением их дома. Термин «газлайтинг» именно после премьеры ленты Кьюкора и шумной рекламной кампании вошёл в обиход англоговорящей публики не только в США, но и в Великобритании и странах британского Содружества. Об этом есть достаточное количество свидетельств, как в мемуарах самой Ингрид Бергман³, так и в киноведческих трудах [1]. В 1984 г. на сцене Ленинградского театра имени Ленсовета эту пьесу поставил Игорь Владимиров, сыграв в спектакле роль полицейского детектива⁴.

Именно благодаря этим обстоятельствам термин «газлайтинг» утвердился в общественной практике. Однако, если ранее он относился по преимуществу к сфере индивидуальной психики, то в реалиях современного информационного глобального противостояния газлайтинг имеет непосредственное отношение к воздействию на массовое сознание. Что, очевидно, требует научного осмысления и выработки методов и принципов анализа данного негативного антигуманного формата в практике современных медиа независимо от их видовой и статусной принадлежности. Этому посвящена данная статья.

Исходя из этого, мы определяем газлайтинг как формат вербального или акционального насилия, выражаемого в виде психологических манипуляций, совершаемых с целью заставить реципиента почувствовать себя ненормальным, пробудить в нём определённые эмоциональные и мыслительные мучения и принудить к сомнению в адекватности своего восприятия окружающей действительности. Строго говоря, термин «газлайтинг» является производным от названия уже упоминавшейся нами выше пьесы «Га-

³ Бергман Ингрид. Моя жизнь. – М.: Радуга, 1988. – 493 с.; Лурселль Жак. Газовый свет = Gaslight // Авторская энциклопедия фильмов: в 2 т. – СПб.: Rosebud Publishing, 2009. – Т. 1. – 1008 с.

⁴ Роль Поли исполнила Елена Соловей, роль Грегори – Владимир Матвеев.

зовый свет» (англ. "Gas Light"). Сама же ситуация порождает бинарную межличностную коммуникацию: преследователь – жертва.

Мы принципиально намерены придерживаться подобного определения и понимания сущности применения данного формата, но в то же время полагаем возможным экстраполировать его на массовую аудиторию. Так как её составляют именно отдельные индивидуумы, чьё сознание как раз подвержено манипулятивному воздействию всех возможных каналов распространения информации, включая традиционные и новые медиа.

Обзор литературы. Возникновение обозначенной нами проблемы, связанной с общей дегуманизацией профессии журналиста и журналистики как антропоморфной социально-культурной активности, не имеет точной даты. Однако, с точки зрения близкой к медийной сфере такой области как психология, термин «газлайтинг» в зарубежном её ответвлении вошёл в теоретико-практический оборот в 1960-х гг. Именно к этому периоду относится упоминание в Оксфордском словаре о газлайтинге¹. Ключевым моментом введения интересующего нас термина в дискурс психологического насилия принято считать книгу американки Флоренс Раш «Строжайшая тайна: сексуальное насилие над детьми» [2], в которой обращалось внимание на использование слова «газлайтинг» как номинации попытки психологического преследователя разрушить у жертвы своих манипуляций представления о существующей вокруг реальности. Впоследствии эта тема неоднократно возникла в разные периоды развития зарубежной клинической психологии, чему мы можем найти немало опубликованных свидетельств в виде монографий и статей. Среди исследователей данной проблематики стоит выделить Теодора Дорпата [3–5], Марту Стаут [6], Джорджа О'Брайана [7] и ряд других учёных и практиков.

Показательно также, что явление газлайтинга в межличностных коммуникациях относится некоторыми зарубежными исследователями исключительно к сфере психиатрии. В этом ряду – тот же Д. О'Брайан и другие учёные [8]. С течением времени от теории изучения и анализа данного явления в психологии перешли к его прагматическому

аспекту, когда в массовой научно-популярной литературе возник издательский тренд на расширение массового представления о газлайтинге и внедрение в сознание, как широких читательских масс, так и отдельных индивидуумов системы рекомендаций по противодействию данному формату коммуникативной манипуляции. Характерна в этом контексте популярность дважды изданной (2008, 2017) книги американского врача-психотерапевта Робин Стерн «Stop газлайтинг. Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью» [9]. Выход из печати её русского перевода в 2022 г., на наш взгляд, является неким символическим актом, обозначающим «приход» анализируемого нами формата психологического давления на личность, как в повседневную житейскую практику, так и «заявку» на разработку теории газлайтинга. Особенно применительно к медийной его составляющей. Нельзя утверждать, что на книжном рынке у нас отсутствовали издания подобного типа. Достаточно упомянуть книгу Н. Н. Халиковой «Что делать, когда не знаешь, что делать» [10]. Мы можем обнаружить и весьма популярный формат издания, который мы условно определяем как «книги советов», предлагающих модели психологического поведения человека в конфликтных ситуациях. В этом сегменте доминирует зарубежная переводная литература, большинство из книг которой являются бестселлерами в различных странах. Например, книга Джона Ронсона «Итак, вас публично опозорили: как незнакомцы из социальных сетей превращаются в палачей» [11].

Если ретроспективно проанализировать развитие этого книжного формата популярных психологических советов, то мы, естественно, должны признать факт популярности двух имён подобных мастеров житейских рекомендаций – советского психолога Владимира Леви и американского педагога Дейла Карнеги. В первом случае, начиная с книги «Погоня за мыслью» (1967), последовала целая серия тех изданий, которую чуть позже отнесут к разряду «конкретная психология» [12]. В случае с Карнеги популярность русского перевода его классической «книги советов» в «Как перестать беспокоиться и начать жить» (1948) [13] начала складываться на рубеже 1970–1980-х гг. Этот текст остаётся по-прежнему востребованным массовой аудиторией в начале XXI в. ввиду непростого макропсихологического контекста

¹ Oxford English Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 344 p.

ста существования российского общества и российских граждан. Анализу влияния на массовые движения определённых идеологем с помощью механизма психологических манипуляций посвящён и классический труд Эрика Хоффера «Человек убежденный» [14]. Оригинальный взгляд на персонифицированную природу психологической манипуляции в массовом варианте предлагает польский журналист и педагог Александр Вожный в своей работе «Проводники, мистификаторы и еретики. Антропология медиакоммуникации» [15].

Если перенести рассмотрение проблематики, связанной с психологией газлайтинга на теоретический уровень, то стоит отметить параллельность развития научного тренда по проблеме межличностных коммуникаций в отечественной психологии в связи с трудами А. А. Ухтомского [16]. Строго говоря, универсальность его теории доминанты касалась, прежде всего, природных общебиологических закономерностей. Однако понимая комплексный характер собственной теоретической идеи А. А. Ухтомский справедливо полагал возможным использовать тот же подход к анализу психологии человека и социальных процессов, в целом.

Среди иных научных трудов, в которых затрагивается проблема манипулирования не только индивидуальным сознанием и подсознанием отдельного человека посредством художественной коммуникации, то обратим внимание на исследование петербургского киноведа Дмитрия Комма «Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов» [17].

Среди иных изданий, которые могут дополнить некоторые аспекты интересующего нас медийного явления, мы назовем, прежде всего, книгу Т. В. Поплавской и Т. А. Сысоевой «Пойми меня правильно. Интерпретации коммуникативного поведения»¹. В этом же ряду – монография С. С. Коняшина «Стереотипы в информационно-новостном управлении общественным мнением (на примере телевизионных СМИ)» [18]. Политическую составляющую доминирующих манипуляций проанализировал Д. Алексеев в труде «Политические медиавлияния: опыт изучения» [19].

За последний период, связанный с двумя такими факторами как пандемия и СВО,

¹ Поплавская Т. В., Сысоева Т. А. Пойми меня правильно. Интерпретации коммуникативного поведения: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 272 с.

в научной литературе проявился тренд попыток анализа формата газлайтинга как существенного элемента функционирующего медиaprостранства. Здесь мы можем отметить работы А. В. Данчевской [20], Е. В. Пастуховой [21], Т. В. Сурковой [22]. Первую попытку подхода к исследованию проблемы совсем недавно предпринял и автор данной статьи [23].

Таким образом, целью нашего исследования является выявление степени внедрённости формата газлайтинга в практику современных медиа и анализ причин подобной его экстраполяции из сферы индивидуальной в сферу массовой аудиторной психологии посредством деятельности СМИ.

Методология и методы исследования. Процесс деструкции эмпирической реальности в медийном пространстве, которым отмечена деятельность мировых СМИ, начиная с 2000-х гг., далее обрёл черты и признаки той самой шоу-цивилизации, в условиях которой технические и техногенные факторы функционирования всех медиа без исключения начали оказывать существенное давление не только на работу с информацией, а, самое главное, на мышление, креативные решения и компетенции каждого журналиста в отдельности и редакционных коллективов, в целом.

В подобном контексте сформировались объективные и субъективные предпосылки для внедрения в медийную практику всех без исключения СМИ формата газлайтинга. Складывающаяся макроинформационная повестка дня только способствовала тому, что каналы массовых коммуникаций, по сути дела, превратились в пути доставки до потребителя фейковых новостей. Последние стали питательной средой и фундаментом для возникновения явления «постправды». Что в свою очередь обеспечило успешную реализацию намерений тех инфлюенсеров, которые настраивали собственную и целевую, и нецелевую аудитории на восприятие картины реальности, пропущенной через механизмы её преобразований из эмпирической в виртуальную.

Поэтому мы в анализе тенденций современного медийного контента (по преимуществу, в аудиовизуальных СМИ) будем исходить из разработанной и внедрённой нами на теоретическом уровне теории шоу-цивилизации [24; 25]. Мы не можем не отметить здесь тесную взаимосвязь распро-

странения феномена фейков в практике СМИ как одного из фундаментальных обстоятельств формирования шоу-цивилизации с явлением газлайтинга.

Подобное явление – характерная черта мировой журналистики, которая возникла в медиасфере исключительно тогда, когда вся система функционирования информации подверглась серьезнейшей технологической деформации, которая привела к серьезным социально-психологическим последствиям для аудитории. Заключаются они в том, что скорость и визуальная наглядность «картинки» становится более важным источником новостных впечатлений нежели простое вербальное или текстовое сообщение. Более того, в комбинациях «звук+картинка», «текст+картинка», именно визуальная составляющая является доминантной. Для нас подобная ситуация является следствием воцарения в мировом информационном пространстве такого явления как шоу-цивилизация.

Под **шоу-цивилизацией** мы понимаем современную систему информационных связей в социуме, которые характеризуются противоречивыми отношениями между экранной реальностью и эмпирической действительностью вследствие того, что в электронных СМИ происходит однонаправленное формирование виртуальной реальности в масштабах общей человеческой цивилизации, независимо от географического или иного фактора.

Яркий пример таких противоречий – события 11 сентября 2001 г. и их последующая интерпретация в медийном сообществе. Весь мир «видел» террористический акт и крушение двух башен Всемирного торгового центра в прямом эфире в режиме online. Эти кадры стали визуальным символом мирового Зла под названием «терроризм». А также – неким эмоциональным оправданием для последующих решительных действий США и их союзников в Афганистане. И какие бы логические построения и доказательства не проводились впоследствии теми, кто сомневается в общепринятой версии тех трагических событий, главным возражением и контраргументом являются те самые кадры прямого эфира с горящими и рушащимися башнями ВТЦ. В сущности, именно этот эпизод, массово растиражированный по всем возможным аудиовизуальным каналам коммуникаций, и стал одним

из первых символов проявления газлайтинга в широких цивилизационных масштабах. Его эмоциональное воздействие на мировую общественность носило абсолютно манипулятивный характер. Об этом автору этих строк уже приходилось рассказывать в одной из своих монографий [24, с. 47–61].

Для выявления сути применения газлайтинга в практике современных медиа необходим жанрово-тематический анализ содержания того экранного контента, с которым имела дело отечественная зрительская аудитория за последнее время, а более конкретно – в период СВО. Именно такой подход позволяет сформировать критическое отношение к практике СМИ с учётом вышеприведённых теоретических предпосылок.

Для возможности демонстрации трансформации газлайтинга из операционного понятия в клинической психологии, ориентированной преимущественно на отдельную человеческую личность в её коммуникационном взаимодействии с окружающей реальностью, в формат воздействия медиа на массовую аудиторию необходимо определиться с сутью газлайтинга в его традиционном виде. Таким, каким он был осмыслен в зарубежной психологической науке и таким, каким он стал операционным понятием в популярной, прагматически-ориентированной психологии. Для этого обратимся к уже упоминавшейся книге Робин Стерн «STOP Газлайтинг. Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью». Вот как оценивал автор первоначальное определение интересующего нас явления: «В первой книге я писала: эффект газлайтинга возникает в отношениях между двумя людьми: газлайтером, который хочет доказать свою правоту, чтобы самоутвердиться в мире, и жертвой, которая позволяет газлайтеру формировать её восприятие реальности, потому что идеализирует его и ищет одобрения...» [9, с. 15–16]. Обратим внимание, что в данной характеристике речь идёт о газлайтинге как о двустороннем процессе с участием инициатора манипуляции и её адресата. Газлайтинг – формат индивидуального общения. Тогда как применение его в практике средств МАССОВОЙ информации самым кардинальным образом меняет картину воздействия икратно усиливает манипулятивное воздействие, в целом, на общество как совокупность разных его граждан.

Результаты исследования. Изначально мы определили доминирующий тематический тренд в СМИ, который становится главным структурным элементом наличествующего в контенте медиа России, Украины и Запада. Он, естественно, связан с конфликтом на Украине, как на протяжении 2014–2022 гг., так и после начала СВО, инициированной руководством Российской Федерации.

Мы намеренно не обсуждаем здесь проблему фейков и достоверности, которой характеризуется проведение так называемой «гибридной войны». По сути, данная номинация стала смысловым синонимом более привычного для обывденного массового сознания понятия «информационная война». Мы обратимся к той диспропорции «ударных волн» агитации и пропаганды, которые были очевидны в начальный период СВО, когда привычная и накатанная система воздействия на массовую аудиторию со стороны российских медиа, ориентированных на провластную парадигму, достаточно медленно и неизобретательно меняла вещательные тематические тренды, проигрывая информационным противникам. Последние в буквальном смысле «бросили в бой» заранее подготовленную и настроенную на различные слои российского общества систему манипулятивного и перманентного влияния в выгодном для себя дискурсе. Здесь, конечно, сказалась технологическая и информационная составляющая информационного противостояния, когда панические настроения, собственно, являлись выражением формата газлайтинга. «Жертвой» в такой ситуации оказалась та часть российского общества, которая, во-первых, совершенно чётко обладала конкретным возрастным и социальным статусом. А, во-вторых, привыкла выстраивать свои отношения с эмпирической действительностью исключительно через сетевые каналы коммуникации.

То, что в классической ситуации психологического газлайтинга ранее происходило между двумя субъектами коммуникационного процесса, в определённый момент распространилось в российском обществе горизонтально. Можно даже сформулировать уравнение газлайтинга в психологии в сравнении с тем, как он реализуется совершенно в иной медийной реальности.

Здесь мы вспоминаем пентаду Г. Ласуэлла и преобразуем её следующим образом

Газлайтинг = (инициатор манипуляции: ~ ch -> объект воздействия) x N,

где N – число объектов воздействия, ch – канал массовой коммуникации.

Тогда как в психологической практике формула газлайтинга имеет более упрощённый вид

Газлайтинг = инициатор манипуляции <-> объект воздействия.

Обратимость коммуникации в виде обратной связи в «психологическом» варианте связана, прежде всего, с тем, что воздействие происходит в большинстве случаев персонафицированно: от индивидуума к индивидууму.

Именно персонафикация манипуляции по различным социальным группам и целевым аудиториям приносит, как мы убедились, определённый требуемый результат. Если проецировать формат газлайтинга на внутрисоветскую ситуацию после 24.02.2022 г., то станет очевидно, что некоторая часть молодой и восприимчивой аудитории, получив определённую психологическую инъекцию страха, устремилась за пределы Российской Федерации. Однако в данном случае речь идёт не только о пересечении в юридическом смысле границ государства. Мы можем констатировать: газлайтинг, инспирированный определёнными западными и украинскими военно-политическими организациями и структурами и направленный на манипуляцию массовым сознанием, стал классической схемой экстраполяции методов данного формата через каналы массовой коммуникации на требуемую аудиторию.

Теоретики и практики психологии достаточно точно и понятно формулируют смысл методов газлайтинга. К таковым относятся:

- принуждение «жертвы» к сомнениям относительно собственной памяти;
- побуждение провокационных состояний, связанных с оценкой эмоциональной стабильности и адекватности оценки окружающей действительности;
- формирование в сознании «жертвы» автообраза глупого и умственно ограниченного человека;
- постоянный акцент на псевдовозрастной, псевдогендерной и физиологической некомпетентности;

– отказ от признания фактов и сведений, играющих большое значение для «жертвы»;

– провоцирование эмоции страха и неуверенности не только в будущем, но и в сиюминутном пространственно-временном контексте.

Таким образом, то, что в психологии носит исключительно межличностный, практически индивидуальный характер, в ситуации с газлайтерской атакой в феврале-марте 2022 г. на сознание части российского общества обрело, очевидно, массовый характер.

Попытки создания системы «информационной обороны» в эфире основных российских телеканалов создали весьма парадоксальную ситуацию – «газлайтинг наоборот». Суть её заключается в том, что манипулирующее воздействие на массовую аудиторию посредством информационных и аналитических программ (чаще всего, в формате ток-шоу) амортизирует важность затронутых тем и проблем, связанных исключительно с военно-политическим аспектом. Соответствующие программы в эфире Первого канала, «России-1», НТВ, «Звезды», «Матч-ТВ» несут в себе мощный пропагандистский заряд. Однако повторяемость обсуждаемых тем, перманентное присутствие в разных программах разных вещателей одних и тех же спикеров с явно ангажированной и прогнозируемой позицией, постоянное текстовое цитирование западных и украинских военных и политических деятелей, не говоря о ретранслируемых видеоматериалах, – всё это в своей совокупности лишь уменьшает воздействующий эффект, когда до «той», другой аудитории подобные волны агитации не доходят (во всяком случае, мы не имеем достоверных сведений по поводу «доставки» российского телеконтента на Украину и в западные, нелояльные России страны). А для внутренней аудитории подобный газлайтинг теряет всякий смысл. В лучшем случае он воспринимается как источник различия мнений и суждений, присутствующих на экране экспертов.

В этом смысле показателен проект «Куклы наследника Тутти», выходящий в вечернем поясе вещания Первого канала с понедельника по четверг. Смысл проекта, на наш взгляд, дискредитация правящей западной военной и политической элиты. Для этого была приглашена в качестве ведущей депутат Государственной Думы РФ

Мария Бутина, подвергаясь в своё время юридическим преследованиям в США. Желая избежать уже совершенных ошибок в части постоянной эксплуатации одних и тех же экспертов, авторы проекта проводят ротацию приглашенных перед каждым новым выпуском программы. Что есть обратная сторона отказа от постоянных персон, и что приводит к потере константы ролевого присутствия «говорящих голов».

И вновь мы вынуждены фиксировать размытость целеполагания данного проекта с точки зрения газлайтинга. Если его авторы намеревались посеять сомнения и раздор в западной массовой аудитории, то их намерения не были осуществлены ввиду технических и организационных медийных препятствий, с которыми сталкивается любой субъект электронного вещания, стремящийся к «доставке» собственной эфирной продукции до конкретной аудитории в конкретном регионе или стране за пределами России. Если же рассматривать проект «Куклы наследника Тутти» как вариант воздействия на отечественную аудиторию, то первоначальный эффект новизны ввиду нового формата политического ток-шоу с новым лицом в качестве ведущей достаточно скоро был дезавуирован. Причина тому заключена в бесхитростной прямолинейности организации нарратива о биографии того или иного западного военного или политического деятеля. Если вспоминать приёмы газлайтинга, то, очевидно, что объект воздействия не должен догадываться об истинных (скрытых) намерениях инициатора манипуляции. Следовательно, воспринимать всё увиденное и услышанное «взаправду». Но структура проекта такова, что ни комментарии экспертов, ни публицистичность стиля ведения программы, ни привлечённые визуальные материалы не производят в своей совокупности впечатления единого целого. Это, с одной стороны. А, с другой – напротив все приёмы выглядят повторяющимися и надоевшими. Не имеет значения, кто становится объектом дистанционного (для Запада) газлайтинга. Важно, что аудитория способна легко спрогнозировать жанровые приёмы сатирической презентации важных персон (с точки зрения их официального и неофициального статуса).

Это приводит нас к скептическому выводу относительно присутствия гуманистического содержания в том эфирном и сетевом

контенте, который в нынешней ситуации доминирует в современном медийном пространстве.

Методы «Окон Овертона» реализуются со всей наглядностью и частотностью. И проникновение формата газлайтинга в практику СМИ независимо от их национальной принадлежности, формы собственности, статуса и информационной политики владельцев (учредителей) становится всё более частым явлением.

Обсуждение результатов исследования. То, что газлайтинг стал реальностью нашей жизни в том числе, в информационной сфере, для нас является аксиомой. По данным того же американского словаря Merriam-Webster, только в 2022 г. количество запросов со словом «газлайтинг» увеличилось на 1740 %. И тому есть несколько причин.

Мы публично отмечали, что процесс ускоренной и навязываемой цифровизации медийной сферы формирует предпосылки для искажения гуманитарной сущности журналистики, создаёт в массовом сознании деформированную картину мира и продуцирует такое уродливое явление как фейки. Именно эти поначалу дискретные случаи дезинформации в начале 2010-х гг. позже сформировались в целую систему навязывания массовой аудитории лживой информации, что стало уже очевидной тенденцией в мировой медийной практике.

Попытки на теоретическом уровне проанализировать подобное явление были предприняты научным сообществом и вызвали серьёзное беспокойство в среде медийных профессионалов. И только в последнее время в пределах Российской Федерации возникли субъективные и объективные предпосылки для борьбы с фейками. Что и вылилось в ряд принятых законодательных инициатив. Параллельно в сфере журналистской практики всё чаще возникают материалы, разоблачающие те или иные факты фейковизации информации.

Однако обострение общемировой информационной ситуации в связи с соответствующими внешнеполитическими событиями, начиная с 2014 г., привело к усилению негативных тенденций в медийной практике. Что лишь подтвердило наше теоретическое положение о наличии элементов шоу-цивилизации не только в практике такого медиа как телевидение, но также в системе доставки информации (или лжеинформа-

ции) по иным каналам массовой коммуникации.

Показательными здесь является ещё один филологический факт. В 2016 г. «словом года» составители Оксфордского словаря объявили прилагательное "post-truth". Сам словарь определяет его как «относящееся к таким обстоятельствам или обозначающее такие обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем апелляции к эмоциям и личным мнениям». На русском языке его номинировали гораздо более определённо – «пост-правда». Проще говоря, доминантой воздействия в условиях шоу-цивилизации становится информационный «удар», в том числе и прежде всего, визуальный, – по чувствам. Без достаточной фактической аргументации.

Таким образом, явление газлайтинга в сфере медиа и закрепление его присутствия в теории и практике СМИ стало научным фактом, который мы попытались проанализировать в данной статье.

Военно-политическая нестабильность в конкретном регионе и, в целом, в глобальном масштабе формирует информационный контекст, который эффективно и плодотворно влияет на развитие, как фейковой журналистики, так и феномена «постправды». Опасность формата газлайтинга заключается в том, что имплицитно он является негативным явлением, как с точки зрения воздействия на конкретного индивидуума (ов), так и с точки зрения умножающего массового эффекта на значительные группы и слои населения. И что более тревожно: на всё общество, в целом. Газлайтинг не возникает сам по себе в коммуникационной практике. Он не самозарождающееся явление индивидуальной или массовой психологии. Хотя параллели со знаменитым термином Карла-Густава Юнга «коллективное бессознательное» невольно напрашиваются. Но это требует отдельного исследования.

Отметим, что наличие целеполагания, имеющего антропоморфную природу, есть один из признаков наличия газлайтинга в коммуникационной схеме. Повторимся: независимо от количественной характеристики определяемых в этом процессе участников. В этом и заключается один из рисков применения газлайтинга в журналистской практике, когда мы можем предполагать количество реципиентов, подверженных

манипулятивному воздействию со стороны какого-либо СМИ или журналиста, но не можем точно зафиксировать данный численный показатель.

Заключение. Нынешняя статья – одна из первых попыток на теоретическом уровне «расшифровать», как причины проникновения газлайтинга в практику СМИ, так и те риски, которые несёт с собою и для медийного сообщества, и для его аудитории складывающаяся ситуация. Мы стремились выявить психологические основы существования газлайтинга, чтобы в первом приближении осознать возможные «опасные повороты» на пути развития журналистики. И для нас очевидно, что этот формат в прагматическом аспекте несёт для всех медиа гораздо больше опасностей и негативных последствий, чем та же «пост-правда», так как газлайтинг – это путь не только к обману чувств человека с точки зрения принципа персуазивности, но и метод введения в заблуждение сознания, разума. Скрытый приём абберации мысли, подавление когнитивных способностей индивидуума.

Эта проблема возникла не вчера, и даже не в начале нынешнего столетия.

Стоит в этой связи вспомнить документально-экспериментальный фильм советского режиссера Феликса Соболева «Я и другие» (1971). В нём мы увидели не только способности человека чувствовать и мыслить, но и его склонность к тому, чтобы быть подверженным манипулятивному воздействию окружающих. В этой картине зафиксированные кинокамерой экспериментальные ситуации носили в общем-то доброжелательный характер. Но даже в ретроспекции они выглядят оригинально и прогностически отрезвляюще для тех, кто ратовал тогда за единство взглядов в рамках определённой идеологемы.

Сегодня макропсихологическая ситуация не только в пределах России, но и во всём мире, выглядит более тревожной и неопределённой, что и формирует предпосылки для укоренения таких форматов в медийной сфере как газлайтинг. Вывод из сказанного очевиден: это явление требует наращивания усилий по его изучению, типологизации форм и методов, а также выработке теоретически обоснованных и практически подтвержденных рекомендаций по снижению возможных рисков, как для СМИ, так и для потенциальной аудитории.

Список литературы

1. Hollywood H. *Heroines: Women in Film Noir and the Female Gothic Film*. New York: I. B. Tauris, 2007. 251 p.
2. Rush Florence. *The Best-kept Secret: Sexual Abuse of Children*. New York: Human Services Institute, 1992. 226 p.
3. Dorpat Theodore L. *Gaslighting, the Double Whammy, Interrogation, and Other Methods of Covert Control in Psychotherapy and Psychoanalysis*. New York: Jason Aronson, 1996. 278 p.
4. Dorpat T. L. On the double whammy and gaslighting // *Psychoanalysis & Psychotherapy*. 1994. Vol. 11, no. 1. P. 91–96.
5. Dorpat T. L. *Crimes of punishment America's culture of violence*. New York: Algora Pub, 2007. P. 118–130.
6. Стаут Марта. Социопат по соседству. Люди без совести против нас. Как распознать и противостоять. М.: Эксмо, 2017. 221 с.
7. O'Brien G., Hassanyeh F., Cawthra R. "Imposed Psychosis": A Case Variant of the Gaslight Phenomenon // *British Journal of Psychiatry: Journal. Royal College of Psychiatrists*. 1987. Vol. 150, no. 4. P. 553–556. DOI: 10.1192/bjp.150.4.553.
8. Lund C. A., Gardiner A. Q. The Gaslight Phenomenon: An Institutional Variant // *British Journal of Psychiatry: journal. – Royal College of Psychiatrists*. 1977. Vol. 131, no. 5. P. 533–534. DOI: 10.1192/bjp.131.5.533.
9. Стерн Р. *СТОП Газлайтинг. Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью*. СПб.: Питер, 2022. 352 с.
10. Халикова Н. Н. *Что делать, когда не знаешь, что делать. Пособие для самой широкой читательской аудитории*. СПб.: Институт Мира и исследования конфликтов, 2022. 388 с.
11. Ронсон Джон. *Итак, вас публично опозорили: как незанкомцы из социальных сетей превращаются в палачей / пер. с англ. Н. Ивкиной*. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
12. Леви В. *Искусство быть собой. Конкретная психология*. М.: Знание, 1977. 208 с.
13. Carnegie D. *How to Stop Worrying and Start Living*. London: The Chaucer Press, 1948. 306 p.
14. Хоффер Э. *Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения*. М.: Альпина Паблшер, 2017. 200 с.
15. Александр Вожный. *Проводники, мистификаторы и еретики Антропология медиакоммуникации / пер. с польск. С. С. Золочевская*. М.: Гуманитарный центр, 2020. 268 с.

16. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2022. 512 с.
17. Комм Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 224 с.
18. Коняшин С. С. Стереотипы в информационно-новостном управлении общественным мнением (на примере телевизионных СМИ) / предисл. В. Л. Артемова. М.: ЛЕНАНД, 2018. 200 с.
19. Алексеев Д. В. Политические медиавлияния: опыт изучения. М.: Культурная революция, 2014. 252 с.
20. Данчевская А. В. Газлайтинг в международных масштабах: публичная риторика западных стран и Украины в отношении России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8–2. С. 6–11.
21. Пастухова Е. В. Термины психопарадигмы в эпоху цифровизации // Информация-Коммуникация-Общество. 2023. Т. 1. С. 268–272.
22. Суркова Т. В. Газлайтинг как средство манипуляции в современной политике // Актуальные исследования в сфере гуманитарного знания: сб. науч. тр. Пятой студенческой науч.-практ. конф. по гуманитарным дисциплинам. Самара: Кинель, 2019. С. 106–109.
23. Ильченко С. Н. Вектор дегуманизации: от фейков до газлайтинга. Текст: электронный // Медиа в современном мире: 62-е Петербургские чтения: сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. науч. форума / отв. ред. А. А. Малышев: в 2 т. 2023. Т. 2. С. 37–38. URL: https://smif.spbu.ru/images/2023-thesis/Ильченко_Ильченко_AAM.docx (дата обращения: 21.06.2023).
24. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 198 с.
25. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов н/Д.: Феникс, 2021. 188 с.

Информация об авторе

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения; Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26; tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Для цитирования

Ильченко С. Н. Газлайтинг: трансформация манипуляции от частному к общему в практике современных медиа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 153–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

1. Helen. Hollywood Heroines: Women in Film Noir and the Female Gothic Film. New York: I. B. Tauris, 2007. (In Engl.)
2. Rush, Florence. The Best-kept Secret: Sexual Abuse of Children. Human Services Institute, 1992. (In Engl.)
3. Dorpat, Theodore L. Gaslighting, the Double Whammy, Interrogation, and Other Methods of Covert Control in Psychotherapy and Psychoanalysis. Jason Aronson, 1996. (In Engl.)
4. Dorpat, T. L. On the double whammy and gaslighting. *Psychoanalysis & Psychotherapy*, no. 1, pp. 91–96, 1994. (In Engl.)
5. Dorpat, Theodore L. Crimes of punishment America's culture of violence. Algora Pub, 2007: 118–130. (In Engl.)
6. March Stout. The sociopath next door. People without conscience are against us. How to recognize and resist. M: Eksmo, 2017. (In Rus.)
7. O'Brian G., Hassanyeh F.; Cawthra, R. 'Imposed Psychosis': A Case Variant of the Gaslight Phenomenon. *British Journal of Psychiatry: journal. Royal College of Psychiatrists*, April (vol. 150, no. 4), pp. 553–56, 1987. DOI:10.1192/bjp.150.4.553. (In Engl.)
8. Lund C. A., Gardiner A. Q. The Gaslight Phenomenon: An Institutional Variant. *British Journal of Psychiatry: journal. Royal College of Psychiatrists*, no. 5, pp. 533–534, 1977. DOI: 10.1192/bjp.131.5.533. (In Engl.)
9. Stern, Robin. STOP Gaslighting. Hidden manipulations to control your life. St. Petersburg: St. Petersburg, 2022. (In Rus.)
10. Khalikova, N. N. What to do when you don't know what to do. A manual for the widest readership. St. Petersburg: Institute of Peace and Conflict Research, 2022. (In Rus.)

11. Ronson, John. So, you have been publicly shamed: how non-bankers from social networks turn into executioners. [Translated from English by N. Ivkina]. Moscow: Eksmo, 2021. (In Rus.)
12. Levi Vladimir. The art of being yourself. Concrete psychology. Moscow: Znanie, 1977. (In Rus.)
13. Dale Carnegie. How to Stop Worrying and Start Living. London: The Chaucer Press, 1948. (In Engl.)
14. Hoffer E. A convinced man: Personality, power and mass movements. Translated from English. M: Alpina Publisher, 2017. (In Rus.)
15. Alexander Vozhny. Guides, Mystifiers and heretics Anthropology of media communication. Translated from Polish. Zolochevskaya S. S. H: Humanitarian Center, 2020. (In Rus.)
16. Ukhtomsky, A. A. Dominanta. SPb: Peter, 2022. (In Rus.)
17. Komm, D. E. Formulas of fear. Introduction to the history and theory of the horror film. St. Petersburg: BHV–Petersburg, 2012. (In Rus.)
18. Konyashin, S. S. Stereotypes in information and news management of public opinion (on the example of television media). M: LENAND, 2018. (In Rus.)
19. Alekseev, D. V. Political media influences: the experience of studying. M: Cultural Revolution, 2014. (In Rus.)
20. Danchevskaya, A. V. Gaslighting on an international scale: public rhetoric of Western countries and Ukraine in relation to Russia. Public security, legality and law and order in the III millennium, no. 8–2, pp. 6–11, 2022. (In Rus.)
21. Pastukhova, E. V. Terms of the psychoparadigma in the era of digitalization. Information-Communication-Society, vol. 1, pp. 268–272, 2023. (In Rus.)
22. Surkova, T. V. Gaslighting as a means of manipulation in modern politics. Current research in the field of humanistic knowledge. Collection of scientific papers of the Fifth Student Scientific and Practical Conference on Humanities. Kinel, 2019: 106–109. (In Rus.)
23. Il'chenko, S. N. Vector of dehumanization: from fakes to gaslighting. In the collection: Media in the modern world. 62nd St. Petersburg Readings. Collection of materials of the annual 62nd International Scientific Forum. In 2 volumes. Editor A. A. Malyshev, 2023: 37–38. (In Rus.)
24. Il'chenko, S. N. Show-civilization: the end of reality? St. Petersburg: IVESEP. 2014. (In Rus.)
25. Il'chenko, S. N. Fake control, or news that should not be believed: how the media fool us. Rostov n/A: Phoenix, 2021. (In Rus.)

Information about author

Il'chenko Sergey N., Doctor of Philology, Candidate of Art History; St. Petersburg State University; 26 1st line V. O., St. Petersburg, Russia, 199004; tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

For citation

Il'chenko S. N. Gaslighting: Transformation of Manipulation from the Particular to the General in the Practice of Modern Media // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 153–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163.

**Received: June 15, 2023; approved after reviewing July 28, 2023;
accepted for publication July 29, 2023.**

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174

Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума

Цыригма Цыбенжабовна Мясникова¹,

Ольга Викторовна Сафронова², Юлия Валерьевна Толстоулакова³

^{1,2,3}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹e-palam@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3008-262X>,

²olga2127@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1046-3204>,

³u-gazinskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>

Актуальность темы исследования вызвана необходимостью изучить явление фейковизации, ставшее главной проблемой в развернутой против нашей страны информационно-психологической войне. В результате массового распространения заведомо ложных сведений происходит неизбежная трансформация духовно-нравственных ценностей социума. Цель исследования – на основе проведенного контент-анализа специализированных интернет-ресурсов, посвященных разоблачению фейков, распространяемых в Забайкальском крае, изучить данное явление в социальных медиа в контексте влияния на основополагающие ценности социума. Авторы исследования рассматривают явление фейков в практике современных социальных медиа. С использованием контент-анализа телеграмм-канала «Война с фейками. Забайкалье», сообществ «Лапша медиа», «ЧБК Чита», «Забайкалье. Ох и Новости», «Политджойстик», «Записки с Востока», «Ночной К», «CHITAGRAM Чита / Новости / ДТП» определена специфика фейковой информации в Забайкальском крае с ориентацией на тематику недостоверных сведений, распространяемых на федеральном уровне. Всего рассмотрено 1980 постов, опубликованных данными медиаресурсами в период с 27 февраля 2022 по 3 мая 2023 г. Авторы статьи опирались на дискурсивный анализ, который позволил интерпретировать своеобразие материалов недостоверного содержания и соотнести их с повесткой дня; а также на социокультурный подход, внимание которого обращено к ценностям, способствующим национальной идентификации, и позволяющим выявить степень воздействия фейковых новостей на традиционные ценности современного российского общества. Описательно-аналитический метод способствовал теоретическому осмыслению и систематизации сведений о контенте недостоверного характера. На основании проведенного исследования авторы пришли к выводу, что распространение недостоверной информации имеет цель дискредитировать основные институты государственности – власть, армию, а также основы общественного устройства – единство, соборность, духовность. Под воздействием фейков происходит нивелирование традиционных ценностей российского общества, таких как патриотизм, соборность, духовность, любовь, нестяжательство.

Ключевые слова: фейк, информационно-психологическая война, социальные медиа, манипулирование сознанием, информационное воздействие, ценности социума, Забайкальский край

Original article

Fake News in the Social Media of the Trans-Baikal Territory:
The War Against the Axiology of Society

Tsyrygma Ts. Myasnikova¹, Olga V. Safronova², Yulia V. Tolstokulakova³

^{1,2,3}Transbaikal State University, Chita, Russia

¹e-palam@mail.ru <https://orcid.org/0009-0005-3008-262X>,

²olga2127@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1046-3204>,

³u-gazinskaya@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>

The relevance of the research is caused by the necessity of studying the phenomenon of fakeness, which has become the main problem in the information-psychological warfare against our country. Mass distribution of deliberately false information inevitably transforms the spiritual and moral values of society. Thus, the purpose of the research is to study this phenomenon in social media in the context of the influence on the fundamental values of society based on the content analysis of specialized Internet resources that are dedicated to reveal fakes and distributed in the Transbaikal Territory. The authors of the research have studied the phenomenon of

fakes in the practice of modern social media. Based on the content analysis of the telegram channel "War against fakes. Zabaikalye", communities "Lapsha media", "Chita", "Zabaikalye. Oh i Novosti", "Politjoystick", "Notes from the East", "Nochnoi K", "CHITAGRAM Chita / News / Road Accident", the specificity of fake information in the Trans-Baikal Territory is determined with a focus on the subject of false information disseminated at the federal level. In total, 1980 posting contents published by these media resources were studied for the period from February 27, 2022 to May 3, 2023. The authors of the article relied on a discursive analysis, which helped to reveal specific unreliable content of materials and relate them with the agenda. The authors also used the sociocultural approach which was focused on the values that contribute to national identity values and make it possible to reveal the degree of influence of fake news on the traditional values of modern Russian society. The descriptive-analytical method helped with the theoretical understanding and systematization of the information about unreliable content. Based on the research, the authors came to the conclusion that the dissemination of false information is aimed at discrediting the main institutions of statehood – state authority, the army, as well as the foundations of the social structure – unity, catholicity, spirituality. Under influence of fake cases, Russian society is going through depreciation of traditional values such as patriotism, catholicity, spirituality, love, non-covetousness.

Keywords: fake, information-psychological warfare, social media, manipulation of consciousness, information impact, social values, Transbaikal Territory

Введение. Для современного глобального информационно-коммуникативного пространства характерно размывание границ профессиональной журналистики и кризис информационной объективности, которому способствует стремительное развитие интернета и социальных медиа. Как справедливо подчёркивают исследователи, «соцсети сегодня дают возможность почти идеально маскировать проведение операций психологического воздействия, становясь чрезвычайно эффективным инструментом ведения информационной войны» [1, с. 57].

Возрастание интенсивности потоков информации в медиaprостранстве создаёт благоприятные условия для манипуляции общественным сознанием и моментального распространения ложных, недостоверных сведений, получивших название «фейки» (от англ. "fake" – обман, ложь, подделка). Массовое распространение фейков в медиасреде сегодня затрагивает социальную, экономическую, политическую, культурную и другие сферы, носит деструктивный характер и способствует дестабилизации общества, формируя у аудитории, зачастую неспособной отличить ложь от объективных фактов, ощущение паники, тревоги, неопределённости, недоверия, нестабильности, подталкивая её к протестам и беспорядкам. Как справедливо замечает Ф. Г. Фаткуллина, в современном обществе происходит языковое манипулирование базовыми ценностями, поскольку главная функция фейков – воздействие на массовое сознание [2, с. 388].

Сложившаяся ситуация – это глобальная и реальная угроза для всего мирового сообщества, поэтому, безусловно, феномен

фейковых новостей требует более глубокого теоретического осмысления, а также разработки комплекса эффективных мер по борьбе с их распространением, в том числе и на законодательном уровне. «Фейки формируются сознательно и злонамеренно, – отмечает С. А. Буткевич, – их используют для отщепенения или подрыва доверия к власти и персоналиям, инициативам, организациям, странам и их союзам (альянсам, блокам), а также увеличения интереса к социальным медиа, на которых эта «сенсационная», «инсайдерская» информация размещается с последующей монетизацией такой заинтересованности» [3, с. 75].

Обращение к фейку в массмедиа как заведомо недостоверному содержанию в условиях информационно-психологической войны обосновано рядом причин. Во-первых, данное явление актуализировано в связи с проведением специальной военной операции и сопряжено с дезинформационными кампаниями против РФ на мировом, российском и региональном уровнях. Во-вторых, способы представления такой «действительности» обусловлены факторами интереса аудитории и общественно-политической ситуацией, поскольку эффективность применяемых технологий воздействия определяется ориентацией на эти доминанты. В-третьих, спектр действия инфовойны определяется её широкой направленностью – информационно-психологической и информационно-технологической. Информационно-психологическая война включает в себя все способы воздействия посредством заведомо ложных сведений, пропагандистских приёмов, манипуляций с помощью особо чувствительных для обще-

ства тем с целью разрушения основ государственности и общественных устоев.

Исследуя примеры фейковой информации в региональных сообществах социальных медиа, важным видится её осмысление с точки зрения специфики содержания и целей медиавлияния на аудиторию, что и составляет стержневую интенцию данной работы.

Учитывая географическое расположение Забайкальского края (граничит с двумя крупными государствами Китаем и Монголией), а также его структуру, в которую входит административная единица, образованная по национальному составу – Агинский Бурятский округ, данный регион становится одним из возможных объектов в целях провокации внутреннего конфликта.

Опираясь на выше обозначенную характеристику региона с его этническим составом населения, авторами исследования была также поставлена задача: выявить риски разжигания межнациональной розни. Следует отметить, что единичные попытки разжигания национальной вражды, акцентуации на ущербном положении бурят имелись, но, в целом, в фейковизации информационного пространства не играли ведущей роли.

Обзор литературы. Методология исследования понятия «фейк» опирается на научные труды в области медиакоммуникаций, социальной философии, лингвистики, в том числе юридической, социологии, социальной психологии, политологии, права. В последние годы фейки – предмет научного интереса большого числа, как зарубежных, так и российских учёных.

Несмотря на достаточное количество предложенных дефиниций фейка и фейковых новостей, единого определения в научной среде так и не принято. Чаще всего фейк содержит негативную коннотацию. Так, С. Н. Ильченко трактует фейк как «журналистское сообщение, опубликованное в СМИ, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности» [4, с. 75]. Фейковые новости, по определению С. С. Распоповой и Е. Н. Богдана, – это «сфабрикованный новостные материалы, ложь в которых можно распознать и разоблачить, хотя она и способна ввести аудиторию в заблуждение» [5, с. 5]. Ю. М. Ершов пишет, что фейк – это

«целенаправленное использование вымышленных и специально сфабрикованных новостей, главной целью которых является подрыв репутации какого-либо института, организации или персоны» [6, с. 246]. Исследователи Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев, Г. Н. Юлина подчёркивают сенсационный характер фейковых новостей, которые воздействуют на инстинкты аудитории и сферу бессознательного: «Фейковые новости привлекательны для людей своим зачастую пикантным характером и, следовательно, более интересны ей, чем тривиальные новости и факты» [7, с. 80].

Американские учёные Э. Тандок-младший, Ц. Лим, Р. Линг под фейками понимают вирусные сообщения, основанные на недостоверных сведениях и имеющих две мотивационных установки – идеологическую и финансовую [8]. Ряд американских исследователей, в частности, Б. Крич, А. Росснер подчёркивают, что на протяжении всей истории массовых коммуникаций ещё задолго до появления теоретического осмысления самого термина «фейк», ложная информация транслировалась аудитории в виде политической клеветы, сенсационных разоблачений или журналистских мистификаций [9]. Канадский учёный А. Амарасингам в своих исследованиях отмечает, что истоки фейков просматриваются в пародии и сатире. Он сравнивает фейки с насмешками, а медиа, распространяющие недостоверную информацию, называет «передразнивающей журналистикой» [10]. По мнению С. Барона и Р. Крутофа, «фейковые новости подрывают доверие к авторитетным и компетентным институтам, а ложь дискредитирует достоверные источники информации» [11, с. 19].

«Техники информационного манипулирования сознанием действуют подспудно, скрытно влияя на психику человека, его менталитет, мировоззрение, жизненные ценности, разрушая целостность личности и национальную идентичность» пишет Н. Р. Красовская [12, с. 205]. Исследователь в своей работе представляет обширный психотехнический инструментарий, среди которого обозначены следующие элементы: упрощение посылки, информация как утверждение, повторение месседжа, дробление информации, стереотипизация сознания [Там же, с. 206]. В работе представлены различные технологии и приёмы их реализации.

Техники встроены в контент, который воспроизводит повестку дня. Таким образом, цель всегда распространяется на объёмный пласт актуального содержания. Значимым видится обращение к видам фейков с точки зрения их вредоносности, поскольку это позволяет структурировать исследуемый нами материал. И. А. Стернин и А. М. Шестернина в работе «Маркёры фейка в медиатекстах» называют следующие виды фейков: фейк и оценочное суждение; фейки по степени искажения информации; по степени достоверности пространственно-временных характеристик; по степени достоверности и надёжности источника информации; по типу репрезентации [13, с. 4–5]. Особый интерес представляет типология по цели создания: привлечение внимания к автору или платформе; привлечение внимания к проблеме; дискредитация человека или организации; дискриминация; манипуляция аудиторией с целью получения преимуществ; мошенничество; развлечение [Там же, с. 5].

Директивы недостоверного содержания обоснованы целями информационно-психологической войны, именно поэтому обратимся к трактовке данных понятий. Ссылаясь на работы В. Г. Крысько и Д. А. Волкогонова, Н. Р. Красовская заключает, что «специалисты характеризуют информационно-психологическую войну как психологическое воздействие на противоположную сторону посредством слухов и фейков, угроз и демонстрация военного потенциала. Цель такого воздействия – всестороннее ослабление «стратегического противника» – политическое, правовое, культурное, разрушение его «самости», нравственности и эстетических форм сознания» [12, с. 205].

Изменение социально-политических реалий, прежде всего, на международной арене, вызвало трансформацию и информационных войн. Меняются стратегии, подходы к её ведению, тактики, а также способы воздействия на массы. Особый интерес вызывают работы, посвящённые информационной войне Запада против России, связанной в связи с проведением военной спецоперации. Авторы последовательно рассматривают понятие и сущность информационной войны [14], её основные цели, объекты и субъекты, методы ведения [15], формы и методы информационной борьбы [16], влияние на историческую и национальную идентичность [17].

Ряд современных исследователей уделяют внимание особенностям воздействия фейков на традиционные ценности и нравственные установки российского общества. Так, Р. В. Титов отмечает, что главная цель фейковых новостей – не столько изменение знания у аудитории, сколько изменение отношения (часто – моральных установок, ориентиров и ценностей) [18]. Исследователи М. А. Поливина, О. И. Шкуропий, В. В. Майба обращают внимание на то, что «общество, насытившись фейками, утрачивает иммунитет к ложной информации и становится нечувствительным к размежеванию правды и лжи, подлинности и эрзаца, добра и зла» [19, с. 73]. Медиаисследователь И. В. Ерофеева рассматривает в своих работах основные национальные ценности, представленные в медиатекстах (духовность, соборность, патриотизм, нестяжательство, любовь и др.) [20], подчёркивая, что «разрушение ценностей в массмедийных потоках – проблема информационной безопасности государства, глубинная угроза его существования» [21, с. 129].

Отсутствие иммунитета к ложной информации, массово распространяемой в период инфовойны, представляет реальную угрозу для традиционных ценностей, являющихся базовыми и основой сохранения идентичности и государственности. Безусловно, в данной статье видится значимым определение соотношения целей информационно-психологической войны при помощи фейков с основополагающими социокультурными ценностями нашего государства.

Следует отметить, что правовая дефиниция фейка определяется однозначно – это заведомо недостоверная общественно значимая информация, распространяемая в СМИ, а также в информационно-коммуникационных сетях под видом достоверных сообщений и создавшая определённую угрозу жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционирования или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Впервые нормативно-правовое определение фейка в российское законодательство ввели в марте 2019 г., когда соответствующие изменения

были внесены в ст. 13.15 КоАП РФ и ст. 15.3 ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее ФЗ «Об информации...»).

Методология и методы исследования. Эмпирическую базу исследования, ставшей основой для данной работы, составили сведения, опубликованные медиаресурсами, специализирующимся на противодействии распространению недостоверной информации: телеграмм-канал «Война с фейками. Забайкалье» (https://t.me/fake_war_zab), сайт «Лапша медиа» (<https://lapsha.media/>). Кроме того, были изучены региональные телеграмм-каналы, такие как: «ЧВК Чита», «Забайкалье. Ох и Новости», «Политджойстик», «Записки с Востока», «Ночной К», «СНІТАГРАМ Чита / Новости / ДТП», некоторые закрытые ТГ-каналы. Всего рассмотрено 1980 постов, опубликованных с 27 февраля 2022 по 3 мая 2023 г. В качестве единиц анализа выбраны материалы с заведомо ложным содержанием с целью дезинформации аудитории в мессенджерах и социальных сетях. Целевая аудитория – жители Забайкальского края, люди, интересующиеся новостями этого региона, пользователи социальных сетей и мессенджеров, имеющих региональную принадлежность.

Так, на первом этапе анализа идентифицированы фейки. На втором этапе осуществлён контент-анализ фейков по следующим критериям: 1) тематика; 2) цели медиавоздействия; 3) соотношение целей и ценностей. На третьем этапе предпринята попытка типологизации фейков в региональном инфополе в соответствии с содержательными характеристиками исследуемого контента. В работе был использован описательно-аналитический метод, который позволил истолковать основные категории исследования и получить целостное представление о них: фейк, информационно-психологическая война, цели медиавоздействия. Анализ репрезентативного материала осуществлялся через выявление тех смыслов, которые имеют общественную значимость по причине тематической общности заведомо ложной информации. Они коррелируются с актуальной повесткой дня, что обосновывает применение метода дискурсивного анализа. Авторы работы также опирались на социокультурный подход, позволяющий посредством «социального» измерить «культурное», а

также выявить степень воздействия фейков на традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Результаты исследования и их обсуждение. В объёмном пласте исследуемых медиаматериалов выявлено 96 фейков, распространённых в региональных сообществах, мессенджерах, СМИ а также на федеральных медиаресурсах, имеющих отношение к событиям, происходящим в Забайкальском крае, народам, проживающим на данной территории (национальный аспект).

По результатам анализа авторами определены четыре основные тематические группы фейков:

1) военная – информация, связанная с действиями российской армии, руководством ВС РФ;

2) экономическая – сведения, направленные на дискредитацию того или иного бренда, подрыв доверия к отечественной финансовой/банковской системе;

3) социальная – сведения, направленные на нагнетание напряжённости в обществе;

4) политическая – информация, провоцирующая акции протеста против проведения СВО и создание политической нестабильности в обществе.

Основными целями распространения ложной информации являются:

– *дискредитация российской армии, руководства ВС РФ* («В Киеве российская ракета попала в жилой дом» («Забайкалье. Ох и Новости», «ЧВК Чита», «Ночной К». Telegram. 2022. 27 февраля), «CNN опубликовало кадры убийства 19.03.2022 рашистами двух украинцев – владельцев автосалона и охранника» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 15 сентября);

– *конкурентная борьба* («У кого айфоны Apple срочно зайдите в настройки» («Политджойстик». Telegram. 2022. 26 февраля), «Владельцы айфонов массово делятся инструкцией по защите инстаграма от обновлений и санкций со стороны "Facebook" («ЧП Чита», Telegram. 2023. 27 февраля);

– *нагнетание социальной напряжённости* – «Россияне больше не смогут снять деньги с банковских карточек, особенно это касается пенсионеров» ("Instagram" (платформа компании Meta, запрещена в РФ) 2022. 27 февраля), «Россиянка предложила отправлять на Украину «бурятов, башкиров,

тувинцев», потому что «их не жалко» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 10 июня);

– *провоцирование массовых акций протеста против СВО, создание политической нестабильности* («Важно! Пришло время действовать». ("Depositphotos". Telegram. 2022. 03 марта), «Срочно выходим прямо сейчас остановим фашистский режим Путина вместе» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 28 февраля);

– *дискредитация банковской системы* («Сбербанк запрещает снимать деньги с инвестиционных счётов на ближайшие 10 дней» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 01 марта);

– *дискредитация органов власти* («Отмена субсидируемых авиарейсов компанией «Аэрофлот» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 01 марта);

– *саботаж или отказ военнослужащих выполнять приказы* («В Белгороде 5 тыс. контрактников устроили бунт и отказались ехать воевать с Украиной» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 14 марта);

– *срыв мобилизационных мероприятий* («Фейк об Указе МВД России согласно которому полицейские должны останавливать машины с мужчинами за рулем и направлять их к «представителям военных комиссариатов» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 22 сентября);

– *дискредитация РПЦ, политической партии, ведущих отечественных СМИ*

(«Фейк о проведении РПЦ панихиды по погибшим на Украине солдатам» («Записки с Востока». Telegram. 2022. 9 апреля), «ВС РФ оставляют Волчанск. Об этом сообщил депутат «Единой России» Евгений Евнушенко» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 11 сентября), «Фейк о том, что РИА «Новости» распространила фотографию, сделанной якобы в Чите, на которой девушка с серьгой в виде украинского трезубца целуется с парнем» («Война с фейками. Забайкалье». Telegram. 2022. 27 сентября).

Все эти цели тесно сопряжены с базовыми мотивами распространения фейков – отказ от поддержки проведения СВО и её критика через дискредитацию армии, руководства ВС РФ, органов власти, банковской системы, а также нагнетание социальной напряжённости.

Основную долю (40,32 %) составляет группа фейков (группа 1), цель которых направлена на нагнетание социальной напряжённости в среде россиян и дискредитацию органов власти различного уровня – федерального, регионального.

Следующая группа (группа 2) (21,12 %) – фейки, целью которых являлась дискредитация российской армии и руководства ВС РФ. И третья (группа 3) (11 %) – срыв мобилизационных мероприятий наряду с нагнетанием социальной напряжённости, саботажем или отказом военнослужащих выполнять приказы (рис. 1).

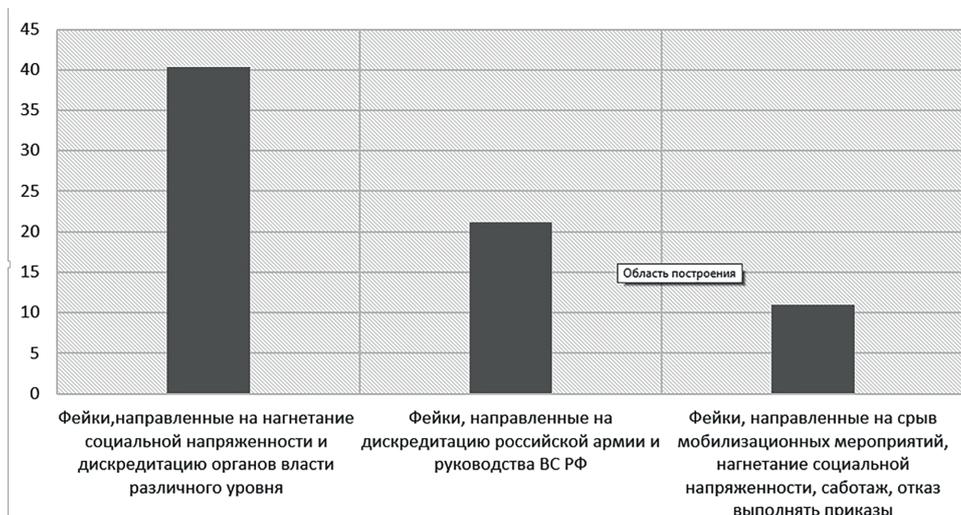

Рис. 1. Базовые мотивы распространения фейков

Fig. 1. Basic motives for the spread of fakes

Зафиксированы единичные случаи попытки подрыва доверия к РПЦ и ведущей политической партии страны – «Единой России». Совершались вбросы с целью дискредитировать авторитетные издания такие как «РИА Новости» и «Интерфакс».

Распространение фейков имеет и свою тематическую периодизацию. Так, в первой половине 2022 г. недостоверные сведения, прежде всего, были направлены против финансовой системы – дискредитация банковской системы, а также имела место конкурентная борьба. Во второй половине в приоритете были сведения, касающиеся частичной мобилизации. Спорадически всплывали темы межнациональных отношений, попытки спровоцировать массовые акции протеста против СВО и создать политическую нестабильность. Стабильно на протяжении всего рассматриваемого периода доминировали военная и социальная тематика.

Имелись случаи, когда СМИ распространяли сведения, оказавшиеся в последующем недостоверными («АЭС в Забайкалье останутся без топлива из-за экспорта в страны Азии» ("Zab.ru". 2022. 24 ноября), «В Чите расформируют гимназию-интернат» («МКРУ.Чита». 2023. 20 марта), «Буряты протестуют против спецоперации на Украине» ("La Stampa". 2022. 29 июля). В первых двух случаях имела недостаточная профессиональная работа сотрудников СМИ, постаравшихся побыстрее выдать информацию без тщательной проверки, в последнем – намеренная дезинформация, выданная итальянским изданием. Для подтверждения своего

материала журналисты "La Stampa" проиллюстрировали статью фотографией, на которой видна большая группа бурят. Простая верификация снимка показывает, что он был сделан во время шествия акции «Бессмертного полка» в Улан-Удэ (рис. 2).

Соотнесение целей с основополагающими социокультурными и духовно-нравственными ценностями нашей страны позволило установить, что под воздействием фейков они трансформируются. Нивелируются и моральные и нравственные установки современного российского общества. В частности, цели «дискредитация российской армии, руководства ВС РФ», «дискредитация банковской системы», «дискредитация органов власти» направлены на разрушение такого концепта как «патриотизм», поскольку вызывают недоверие к руководству страны, ВС РФ и банковской системы. Отсутствие доверия и, как следствие, принятие мер данными субъектами, вызывают критику их действий со стороны населения, саботаж и как итог – нежелание отстаивать и защищать свою страну.

В своём исследовании И. В. Ерофеева подчёркивает: «Патриотизм как явление и процесс включает дихотомичные компоненты: любовь к Отечеству и ненависть к его врагам, преданность интересам Родины и непримиримость ко всему, что мешает жить достойно» [20, с. 235]. Цель «дискредитация Русской православной церкви» способствует разрушению концепта «духовность» – основополагающей ценности Российского государства, имеющей ключевое

Рис. 2. Россия, восстание меньшинств против царских мечтаний Путина

Fig. 2. Russia, the uprising of minorities against Putin's tsarist dreams

значение в духовно-нравственном развитии всего общества. Такие цели распространения фейков, как «*нагнетание социальной напряженности*», «*срыв мобилизационных мероприятий*», «*провоцирование массовых акций протеста против СВО, создание политической нестабильности*» оказывают разрушающее воздействие на «*соборность*» и «*единство*». Именно эти ценности в сознании русского человека способствуют духовной общности людей: «*Долгое время соборность считалась одним из главных духовных условий национального единства и создания мощной Российской державы*», – отмечает И. В. Ерофеева [20, с. 215].

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить основные приоритеты фейковизации информационного пространства. Они нацелены на основополагающие аспекты, гарантирующие стабильность общества в эпоху кризисных ситуаций – социальное равновесие, доверие к власти, к собственной армии, отношение к важным общественно-политическим решениям в виде проведения частичной мобилизации и общественное единство в оценке необходимости проведения СВО.

Заключение. В условиях информационно-психологической войны наблюдается постоянное развитие инструментария её ведения, как на федеральном, так и региональном уровне, модифицируются манипулятивные цели отправителя сообщений для влияния на духовно-нравственные и ценностные ориентиры современного российского общества.

В результате проведённого исследования на базе актуального эмпирического материала была выявлена специфика фейковой информации в Забайкальском крае. Её сущность раскрывается в стержневых тематических группах фейков и целях распространения недостоверного контента. Так, определены основные тематические группы фейков – военная, экономическая, социальная, политическая. Содержательные блоки исследуемого контента транслируют региональную типологию фейков по цели создания. Фейки направлены на дискредитацию российской армии, руководства Вооружённых сил РФ и орган государственной власти для того, чтобы спровоцировать и стимулировать отказ населения поддерживать проведение СВО, вызывать недовольство принимаемыми руководством страны решениями.

Кроме того, цели фейков сосредоточены на дискредитации банковской системы, конкуренции, нагнетании социальной напряжённости и политической нестабильности как непродуктивной характеристике современной общественной системы.

На основании исследования установлено, цель дискредитации противоположной стороны ориентирована на мишени – базовые ценности российского общества и их постепенное «размывание / уничтожение» с помощью заведомо ложного контента. Этими мишенями становятся соборность, духовность, патриотизм, любовь, нестяжательство, а также моральные и нравственные установки российского общества. По нашему мнению, исследование таких связей «цель дискредитации – ценность» в более глубокой степени характеризует содержание информационно-психологической войны во время проведения СВО. Ценностно-смысловой анализ приоритетов культуры и ориентация на ключевые её доминанты позволит противостоять недобросовестному влиянию.

Разрушение/нивелирование ценностных установок в последующем неизбежно сказывается на базовых принципах сохранения общественного и государственного устройства. Таким образом, можно утверждать, что проведение информационно-психологической войны в перспективе направлено на разрушение этих принципов.

Блокировка и запрет враждебных ресурсов, как показало время, являются эффективными мерами по противодействию фейкам, однако, на наш взгляд, недостаточными. Контрмеры со стороны российских властей, СМИ, а также энтузиастов в виде создания ресурсов, разоблачающих фейки и подробно рассматривающих природу их появления, безусловно, сыграли роль в том, что общество стало сдержано реагировать на дезинформацию. В связи с чем выявляются новые методы ведения инфовойны, в том числе с вовлечением детской, подростковой и молодёжной аудитории. Разработанные в последние годы правовые регуляторы, в том числе введение внесудебных блокировок и повышение ответственности владельцев социальных сетей, показали свою результативность, однако, требуют модернизации в условиях меняющихся тактик ведения инфовойны.

Таким образом, представляется, что повышение медиаграмотности населения, про-

тиводействие с помощью обращений в надзорные органы, маркировка источников недостоверной информации, введение приоритета российских образовательных платформ в поисковой сети Яндекс в противовес Википедии, которая транслирует недостоверную информацию в том числе об истории России, создание собственных коммуникационных онлайн-платформ позволит сформировать эффективную систему противодействия в эпоху глобальных инфовойн.

Проведённое исследование – первый шаг комплексного анализа информационно-

психологической войны, осуществляемой посредством распространения фейков в социальных медиа. Авторы считают важным продолжить работу в данном направлении. Перспектива дальнейшего исследования проблемы видится в разработке антифейковых мероприятий на региональном уровне. В частности, в изучении алгоритма психологического противостояния влиянию с помощью фейков. Зная конкретные цели недостоверного содержания, можно применить эффективные способы сопротивления.

Список литературы

1. Максименков М. М. Фейковые новости: актуализация проблемы в России // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020. Т. 5, № 3. С. 55–66.
2. Фаткуллина Ф. Г. Языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества в цифровой медиасреде // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3. С. 387–388.
3. Буткевич С. А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации // Юристъ-Правоведь. 2021. № 2. С. 74–79.
4. Ильченко С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности. Текст: электронный // Медиаскоп. 2016. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2237> (дата обращения: 15.03.2023).
5. Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: Информационная мистификация. М.: Аспект Пресс, 2018. 112 с.
6. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 52. С. 245–256.
7. Красовская Н. Р., Гуляев А. А., Юлина Г. Н. Фейковые новости как феномен современности // Власть. 2019. № 4. С. 79–82.
8. Tandoc Edson C. Jr., Lim Zheng Wei, Ling Richard. Defining "fake news". Текст: электронный // a typology of scholarly definitions. 2017. Vol. 6. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4948550/mod_resource/content/1/Fake%20News%20Digital%20Journalism%20-%20Tandoc.pdf (дата обращения: 25.03.2023).
9. Creech B., Roessner A. Declaring the Value of Truth: Progressive-Era Lessons for Combatting Fake News // Journalism Practice. 2019. Vol. 13, no. 3. P. 263–279. DOI: 10.1080/17512786.2018.1472526.
10. Amarasingam A. The Stewart. Текст: электронный // Colbert effect: Essays of the real impact of Fake News. McFarland. 2014. P. 208. URL: colbertnewshub.com (дата обращения: 12.03.2023).
11. Baron S., Crotoof R. Fighting fake news. Workshop report. The information society project. Yale Law School and the Floyd Abrams. March 7, 2017. URL: <https://law.yale.edu/isp/initiatives/floyd-abrams-institute-freedom-expression/practitioner-scholar-conferences-first-amendment-topics/fighting-fake-news-workshop>. (дата обращения: 07.03.2023). Текст: электронный.
12. Красовская Н. Р. Современные техники информационного манипулирования сознанием (на примере анализа украинской прессы). Текст: электронный // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. С. 205–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehniki-informatsionnogo-manipulirovaniya-soznaniem-na-primere-analiza-ukrainskoj-pressy> (дата обращения: 05.03.2023).
13. Стернин И. А., Шестернина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: РИТМ, 2020. 34 с.
14. Дамёткина Е. Д. Фейковые новости как манипулятивный инструмент внешнеполитической борьбы на примере Украины. Текст: электронный // Постсоветские исследования. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fejkovyje-novosti-kak-manipulyativnyj-instrument-vneshnepoliticheskoj-borby-na-primere-ukrainy> (дата обращения: 20.03.2023).
15. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В. Современная информационная война // Образование и право. 2022. № 9. С. 18–26.
16. Манойло А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине. Текст: электронный // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. С. 107–116. URL: www.vestnik-mgoi.ru (дата обращения: 10.03.2023).
17. Морозов А. В. Информационно-психологическая война и её влияние на историческую память и национальную идентичность // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник: материалы

XIII Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 3–4 июня 2022 г. / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН, 2022. С. 627–629.

18. Титов Р. В. Влияние фейка и хакмора на моральную структуру общества. Текст: электронный // Homo Cyberus. 2022. № 1. URL: http://journal.homocyberus.ru/Titov_RV_1_2022 (дата обращения: 08.03.2023).

19. Поливина М. А., Шкуропий О. И., Майба В. В. Социально-психологические последствия фейковых новостей на общественное сознание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 71–74.

20. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.

21. Ерофеева И. В., Сафронова О. В. Аксиологическая культура журналиста информационной эпохи // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 128–138.

Информация об авторах

Мясникова Цыригма Цыбенжабовна, старший преподаватель; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-palam@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-3008-262X>.

Сафронова Ольга Викторовна, кандидат философских наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; olga2127@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1046-3204>.

Толстокулакова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; u-gazinskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>.

Вклад авторов

Мясникова Ц. Ц. – сбор материалов, контент-анализ, структурирование и осуществление анализа полученных результатов (занималась подготовкой начального варианта результатов с дальнейшей доработкой), написание и корректировка текста статьи, рассмотрела правовые дефиниции фейков.

Сафронова О. В. – инициировала исследование, осуществляла постановку научной проблемы исследования, проводила контент-анализ, структурировала и осуществляла анализ полученных результатов, написание и корректировку текста статьи.

Толстокулакова Ю. В. – определяла методологию исследования, проводила контент-анализ, структурировала и осуществляла анализ полученных результатов, написание и корректировку текста статьи.

Для цитирования

Мясникова Ц. Ц., Сафронова О. В., Толстокулакова Ю. В. Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 164–174. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

References

1. Maksimenkov, M. M. Fake news: the actualization of the problem in Russia. *Communicology*, no. 3, pp. 55–66, 2020. (In Rus.)
2. Fatkullina, F. G. Language manipulation of the basic values of a modern society in a digital media. *The world of science, culture and education*, no. 3, pp. 387–388, 2020. (In Rus.)
3. Butkevich, S. A. Fake news and media: problems of differentiation and penalization. *Yurist-Pravoved*, no. 2, pp. 74–79, 2021. (In Rus.)
4. 2016 Il'chenko, S. N. Fake in the practice of electronic media: validation criteria. *Mediascope*, no. 4. Web. 15.03.2023. <http://www.mediascope.ru/2237> (In Rus.)
5. Raspopova, S. S., Bogdan, E. N. *Fake News: Information Mystification*. M: Aspect Press, 2018. (In Rus.)
6. Yershov, Yu. M. Phenomenon of fake in the context of communication practices. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 52, pp. 245–256, 2018. (In Rus.)
7. Krasovskaya, N. R., Gulyaev, A. A., Yulina, G. N. Fake news as a phenomenon of modernity. *Vlast'*, no. 4, pp. 79–82, 2019. (In Rus.)
8. Tandoc, Edson. C. Jr., Lim, Zheng Wei, Ling, Richard. Defining "fake news". *Digital Journalism*, vol. 6, 2017. Web. 25.03.2023. https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4948550/mod_resource/content/1/Fake%20News%20Digital%20Journalism%20-%20Tandoc.pdf. (In Engl.)

9. Creech, B., Roessner A. Declaring the Value of Truth: Progressive-Era Lessons for Combatting Fake News. *Journalism Practice*, no. 3, pp. 263–279. DOI: 10.1080/17512786.2018.1472526. (In Engl.)
10. Amarasingam, A. The Stewart / Colbert effect: Essays of the real impact of Fake News. McFarland, 2014. Web. 12.03.2023. The Stewart / Colbert Effect: Essays on the Real Impacts of Fake News. (colbertnewshub.com). (In Engl.)
11. Baron, S., Crootof, R. Fighting fake news. Workshop report. The information society project. Yale Law School and the Floyd Abrams. Web. 07.03.2023. <https://law.yale.edu/isp/initiatives/floyd-abrams-institute-freedom-expression/practitioner-scholar-conferences-first-amendment-topics/fighting-fake-news-workshop> (In Engl.)
12. Krasovskaya, N. R. Modern techniques of information manipulation of consciousness (analysis of the Ukrainian press). *Greater Eurasia: development, security, cooperation*, 2023. Web. 05.03.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehniki-informatsionnogo-manipulirovaniya-soznaniem-na-primere-analiza-ukrainskoy-pressy>. (In Rus.)
13. Sternin, I. A., Shesternina, A. M. Fake markers in media texts. Voronezh: Ritm, 2020. (In Rus.)
14. Dametkina, E. D. Fake news as a manipulative tool of foreign policy struggle on the example of Ukraine. *Post-Soviet studies*, 2019. Web. 20.03.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/feykovye-novosti-kak-manipulyativnyy-instrument-vneshnepoliticheskoy-borby-na-primere-ukrainy>. (In Rus.)
15. Modern Information warfare. *Education and law*, 2022. (In Rus.)
16. Manoilo, A. V. Informational diversions in the conflict in Ukraine. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2022. Web. 01.04.2023. www.evestnik-mgou.ru (In Rus.)
17. Morozov, A. V. Information and psychological warfare and its impact on historical memory and national identity. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. M: 2022: 627–629. (In Rus.)
18. Titov, R. V. The influence of fake and hackmor on the moral structure of society. *Homo Cyberus*, no. 1, 2022. Web. 08.03.2023. http://journal.homocyberus.ru/Titov_RV_1_2022. (In Rus.)
19. Polivina, M. A., Shkuropiy, O. I., Maiba, V. V. Social and psychological consequences of the influence of fake news on public consciousness. *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 12, pp. 71–74, 2020. (In Rus.)
20. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism of the beginning of the XXI century). Novosibirsk: SO RAN, 2009. (In Rus.)
21. Erofeeva, I. V., Safronova, O. V. Axiological Culture of a Journalist in the Digital Era. *Humanitarian Vector*, no. 3, pp. 128–137, 2022. (In Rus.)

Information about authors

Myasnikova Tsyrgma Ts., Senior Lecturer; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-palam@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-3008-262X>.

Safronova Olga V., Candidate of Philosophy, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; olga2127@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1046-3204>.

Tolstokulakova Yulia V., Candidate of Philology, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; u-gazinskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>.

Contribution of the authors to the article

Myasnikova Ts. Ts. – collected materials, conducted content analysis, structured and analyzed the results obtained (prepared the initial version of the results, made follow-up revision), wrote and edited the text of the article, examined the legal definitions of fakes.

Safronova O. V. – initiated the study, stated the research problem, conducted content analysis, structured and analyzed the results obtained, wrote and edited the text of the article.

Tolstokulakova Yu. V. – determined the methodology of the study, conducted content analysis, structured and analyzed the results obtained, wrote and edited the text of the article.

For citation

Myasnikova Ts. Ts., Safronova O. V., Tolstokulakova Yu. V. Fake News in the Social Media of the Transbaikal Territory: The War Against the Axiology of Society // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 164–174. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-164-174.

**Received: April 10, 2023; approved after reviewing May 28, 2023;
accepted for publication May 29, 2023.**

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. EVENTS. TIME

Научный очерк

УДК: 910.4; 394; 339.9

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-175-184

Первое русское кругосветное путешествие и колонизация Русской Америки (1803–1806)

Ли Сюань

*Институт Истории Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия, Нанькайский университет, г. Тяньцзинь, Китай
xuanli123@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9523-2308>*

Представлен анализ организации, реализации и влияния первого русского кругосветного путешествия с 1803 по 1806 г., с точки зрения Русской Америки. Великая Северная экспедиция открыла остров Беринга, Алеутские острова и Аляску, заложив основу для русской колонизации северной части Тихого океана. Впоследствии охотники и торговцы мехом пошли на восток через Сибирь в северную часть Тихого океана для охоты на пушного зверя, они развивали торговлю мехом и основывали колониальные поселения. В 1803 г. российское правительство и Российско-американская компания совместно спланировали и предприняли первое в России кругосветное путешествие. Единственная заморская колония России, Русская Америка, была одним из главных пунктов назначения путешествия. «Нева» во главе с Ю. Ф. Лисянским пробыла в колониях с июля 1804 по сентябрь 1805 г. Н. П. Резанов, управляющий Российско-американской компанией и обер-секретарь Правительствующего сената, посетивший Японию на «Надежде», также пробыл в Русской Америке с мая 1805 по июль 1806 г. Участники плавания прекратили войну, инициированную тлинкитами в Русской Америке, устраняли недостатки политики Российско-американской компании в отношении аборигенов, развивали образование в колониях и налаживали торговлю из Русской Америки в Калифорнию. Эта деятельность не только упрочила колониальное правление, укрепила военную мощь России в северной части Тихого океана и способствовала развитию торговли Российско-американской компании, но и стала предвестником постепенного усиления государственного контроля над заморскими колониями и оказала длительное и глубокое влияние на колонизацию Русской Америки.

Ключевые слова: Первое русское кругосветное путешествие, Русская Америка, «Нева», Н. П. Резанов, колонизация

Scientific essay

First Russian Circumnavigation and Colonization of Russian America (1803–1806)

Li Xuan

*Institute of History of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Nankai University, Tianjin, China
xuanli123@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0002-9523-2308>*

The article analyzes the organization, implementation and impact of the first Russian circumnavigation from 1803 to 1806 from the point of view of Russian America. The Great Northern Expedition discovered Bering Island, the Aleutian Islands and Alaska, laying the foundation for the Russian colonization of the North Pacific Ocean. Subsequently, hunters and fur traders went east through Siberia to the northern Pacific Ocean to hunt

© Ли Сюань, 2023

for fur animals, they developed the fur trade and founded colonial settlements. In 1803, the Russian government and the Russian-American Company jointly planned and undertook Russia's first circumnavigation. Russia's only overseas colony, Russian America, was one of the main travel destinations. Neva, headed by Yu. F. Lysianskyi, stayed in the colonies from July 1804 to September 1805. N. P. Rezanov, manager of the Russian-American Company and chief secretary of the Governing Senate, who visited Japan on *Nadezhda*, also visited Russian America from May 1805 to July 1806. The sailors stopped the war initiated by the Tlingits in Russian America, eliminated the shortcomings of the policy of the Russian-American Company regarding the natives, developed education in the colonies and established trade from Russian America to California. These activities not only consolidated colonial rule, strengthened Russia's military power in the North Pacific, and promoted the trade of the Russian-American Company but also heralded the gradual strengthening of government control over the overseas colonies and had a lasting and profound effect on the colonization of Russian America.

Keywords: first Russian circumnavigation, Russian America, Neva, N. P. Rezanov, colonization

Введение. В эпоху развития капитализма и глобализации Россия стремилась поддерживать синхронизацию с крупнейшими морскими державами, такими как Великобритания, Испания и Франция, посредством морской навигации, географических открытий и научных исследований. Петр I основал Российский Военно-морской флот и заложил основы океанского судоходства и морского могущества России [1, с. 9]. К концу XVIII в. в целях расширения геополитического пространства, реализации экономических интересов и закрепления результатов российских открытий в северной части Тихого океана русское правительство неоднократно организовывало судоходство в северной части Тихого океана [2, с. 88–89]. Маршруты проходили по суше до Охотска, а затем исследовали северную часть Тихого океана под парусами. Хотя проект организации плавания из Кронштадта к северо-западному побережью северной и южной Америки неоднократно предлагался в XVIII в., он так и не был реализован. Первое русское кругосветное путешествие имеет не только огромное значение в истории военно-морского, морского судоходства и географических открытий, но и его важную роль в истории Русской Америки нельзя игнорировать. Изучение путешествия в контексте колонизации Русской Америки помогает нам лучше понять политическую и экономическую стратегию правительства по освоению северной части Тихого океана в начале XIX в. и последующее развитие Русской Америки.

Отечественные и зарубежные историки подробно изучили первое кругосветное путешествие России в контексте военно-морской истории, истории морского судоходства и истории экономики [3–9]. В контексте Русской Америки в данной статье будут исследованы причины кругосветного путешествия, деятельность кругосветного путешествия в

колониях, а также будет проанализировано влияние судоходства на развитие колоний.

Материалы и методы исследования.

Написание статьи основано на принципах научности, историчности и объективности. Источниками по истории первого кругосветного путешествия являются делопроизводственные документы Военно-морского флота, дневники участников путешествия, которые хотя были частично опубликованы [10–14], но большая их часть хранится в различных архивах. На основе использования архивных материалов при написании данной статьи читалась, анализировалась и цитировала русская, английская и китайская литература. Кроме того, поскольку содержание данной статьи охватывает широкий спектр, при структурировании материала использованы междисциплинарный метод, сравнительный метод исследования и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение. 1. Потребности Русской Америки в кругосветных путешествиях. В начале XIX в. относительно мирные европейские международные отношения создавали условия для развития отечественной экономики и проведения политических реформ, а также давали правительству время для заботы о колониях в отдалённом Северо-Тихоокеанском регионе. В то время созрели внешние условия для начала кругосветного путешествия, но основной причиной плавания были дефицит припасов и слабое управление в колониях.

Русская Америка находилась далеко от центров российского господства, и с момента основания колонии существовала серьёзная проблема со снабжением. Для решения этой проблемы русские пытались развивать в колониях сельское хозяйство, животноводство и садоводство, но эти попытки не увенчались успехом из-за климата. Во второй половине XVIII в. припасы, необходимые для содержания колоний, доставлялись су-

хопутным и речным путём через Сибирь в Охотск, а затем морем в Павловский порт на острове Кадьяк. Этот процесс занимает много времени, транспортные расходы высоки, и это крайне неудобно¹. Поэтому поиск наиболее удобного и быстрого маршрута транспортировки грузов в Русскую Америку стал важной задачей для российского правительства по консолидации вновь оккупированных территорий и дальнейшей экспансии [15].

В то же время экономической деятельности и колониальной экспансии русских колонистов в северной части Тихого океана противостояли такие страны, как Великобритания и США. В 1778 г. британская экспедиция под руководством Джеймса Кука посетила регион северной части Тихого океана, добывала мех на месте и осуществляла торговую деятельность на обратный путь. Как только стали известны результаты экспедиции Джеймса Кука, караваны и экспедиции из разных стран устремились к северо-западному побережью Америки, пытаясь наладить меховой бизнес в северной части Тихого океана. По мере того как западные страны начали развивать торговлю в Гуанчжоу и Шанхае, а русско-китайская торговля через Кяхту трижды закрывалась во второй половине XVIII в., объём торговли РАК на основном рынке торговли мехом – Китае резко сократился, и их торговая конкурентоспособность стала слабее. Кроме того, британские и американские торговцы также продавали оружие тлинкитам [16, с. 113], одному из аборигенов Русской Америки, что, несомненно, повысило боевую мощь тлинкитов и бросило серьёзный вызов Русской Америке.

Ранняя колонизация Русской Америки была осуществлена российскими коммерческими компаниями с молчаливого согласия правительства в ходе развития торговли пушниной. В 1799 г., правительство учредило должность «агента» РАК для наблюдения «о действительном исполнении компаниею предначертанных ей от правительства правил» [17, с. 45]. Чтобы усилить контроль правительства над заморскими колониями, необходимо было направить в колонии правительственный персонал и военно-морской флот для наблюдения и инспекции колоний в то время.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 45–51.

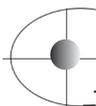
Первое кругосветное путешествие от инициативы до реализации было организовано многими сторонами, включая военно-морских офицеров, РАК, российское правительство и Российскую академию наук и т. д. Морской офицер И. Ф. Крузенштерн прошёл повышение квалификации в Англии и путешествовал с британским капитаном по побережью Северной Америки, после возвращения в Россию он представил доклад Павлу I, в котором предлагал преимущества организации кругосветного плавания, такие как снижение стоимости перевозки товаров в восточную Россию и Русскую Америку, повышение качества и эффективности перевозки товаров и мехов, выгодное положение в торговле с Китаем и Японией, преимущества развития торговли на Дальнем Востоке и в Восточной Индии, подготовка военно-морского флота для российской армии и т. д. [18, с. 19–26]. Но эти предложения не были восприняты всерьёз Павлом I в то время.

При поддержке министра коммерции графа Н. П. Румянцева и адмирала Н. С. Мордвинова 29 июля 1802 г. Главное управление РАК представило Александру I доклад о предложении отправить кругосветное путешествие в Америку. Доклад начинался с трудностей снабжения колоний и препятствий для торговли компании, а затем указывал на преимущества кругосветного плавания. Помимо упомянутых И. Ф. Крузенштерном преимуществ, компания подчёркивала важность улучшения поселения на Курильском острове Александре, после этого торговля и обмен предметами с Японией могут осуществляться через поселение².

Правительство также заинтересовано в развитии торговли с Китаем, Японией и другими азиатскими странами. 2 февраля 1803 г. Александр I утвердил представленные Н. П. Румянцевым доклады. В докладе подчёркивалась важность установления торговых отношений между Гуанчжоу, Китаем, и Японией, и предлагалось направлять послов в Японию во время кругосветного путешествия³. Александр I поручил управляющему РАК и обер-секретарю Правительствующего сената Н. П. Резанову важные задачи: Во-первых, добиться разрешения

² Там же. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 45–51.

³ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 49–51.

японского императора на то, чтобы российские корабли организовывали торговые операции в японских портах; во-вторых, надзирать управление Русской Америкой.

Правительство назначило И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского командирами на два шлюпа. В сентябре 1802 г. Ю. Ф. Лисянский приобрёл в Лондоне два шлюпа – «Надежда» за счёт правительства, «Нева» и оборудование для кругосветного путешествия за счёт РАК. Два шлюпа шли под коммерческим и военными флагами. С одной стороны, во время планирования кругосветного путешествия Европа находилась в относительно мирном состоянии, и перевозка артиллерийских припасов в экспедиционном путешествии была деликатной. Чтобы беспрепятственно плавать и осуществлять торговую деятельность в порту, шлюпы ходили под коммерческим флагом¹. С другой стороны, поскольку внешний вид шлюпов носил военный характер, чтобы защитить их от посягательств по дороге, Адмиралтейство решило предоставить двум кораблям военный флаг, который им было приказано использовать в случае необходимости².

Маршруты плавания запланированы таким образом, чтобы начаться из Кронштадта, пересечь Балтийское море, Северное море, Атлантический океан и достичь Гавайских островов, минуя Южную Америку. Два шлюпа идут отдельно от Гавайских островов. «Нева» отправилась на остров Кодьяк, который является центром Русской Америки, чтобы разобраться с делами и затем погрузить оттуда меха для продажи в Кантоне. «Надежда» отвечала за доставку посла Н. П. Резанова в Японию, а затем везла груз мехов через Камчатку в Гуанчжоу, чтобы там присоединиться к «Неве». Наконец, два шлюпа должны были вернуться в Россию через Южно-Китайское море, Японское море, Индийский и Атлантический океаны, Северное море и Балтийское море³. 7 августа 1803 г. шлюпы «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта. К августу 1806 г. они завершили своё историческое трёхлетнее плавание.

¹ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 81.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 1.

³ Там же. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 273. – Л. 1–14.

2. Деятельность первого кругосветного путешествия в Русской Америке.

Во время первого кругосветного путешествия России «Нева» во главе с Ю. Ф. Лисянским находилась в Русской Америке с 13 июля 1804 по 2 сентября 1805 г. Тем временем Н. П. Резанов, не добившийся никаких ощутимых результатов в Японии, прибыл в колонию в июне 1805 г. и пробыл там до июля 1806 г. Во время пребывания в Русской Америке они наблюдали за развитием колоний и принимали меры по решению некоторых проблем.

Прекращение войны между тлинкитами и русскими. Тлинкиты – аборигены острова Ситка к юго-востоку от колониального поселения поддерживали независимую торговую деятельность с Великобританией и Соединёнными Штатами. Русские промышленники и торговцы чрезмерно ловили выдр, что мешало экономической деятельности тлинкитов. Кроме того, британские и американские бизнесмены поощряли тлинкитов и снабжали их передовым огнестрельным оружием, что повышало боеспособность тлинкитов и обостряло их конфликты с русскими [19, с. 155–165]. Начиная с мая 1802 г., тлинкиты совместно с другими индейскими племенами осуществили широкомасштабные, спланированные и быстрые нападения на поселения РАК. К середине августа 200 русских и аборигенов (в основном алеутов) были убиты [20, с. 72].

13 июля 1804 г. «Нева» вошла в Гавань Св. Павла в Кодьяке. На следующий день Ю. Ф. Лисянский получил письмо от губернатора Русской Америки А. А. Баранова, управляющего РАК. В письме говорилось о битве на Ситке, и содержалась просьба о помощи от военно-морского флота. 20 сентября готовая к бою «Нева» встретилась с «Ермаком» во главе с А. А. Барановым на острове Ситка. «Нева» оснащена 14 пушками, на борту которых находится 46 чел., в том числе 39 матросов и унтер-офицеров [11, с. 7–9]. А. А. Баранов возглавлял отряд численностью около 800 чел. (русские промышленники, аборигены) и 350 байдарок⁴. 29-го числа, А. А. Баранов водрузил на холме в заброшенном селении знамя, поставил шесть пушек, назвав его Новоархангель-

⁴ Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805. и 1806 гг., по повелению его императорского величества Александра I, на корабле Нева, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского: в 2 ч. – СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1812. – Ч. 2. – С. 15.

ском, который вскоре стал центром Русской Америки. 1 октября и в последующие дни по указанию Ю. Ф. Лисянского лейтенант П. П. Арбузов предпринял мощную атаку на неприятельскую крепость. Из-за нехватки пороха и пуль тлинкиты бежали через лес.

После подавления восстания тлинкитов и постройки нового поселения Новоархангельск, РАК начали здесь пушной промысел и торговлю пушниной, а также строительство и ремонт поселения. В августе следующего года сюда снова приплыл Ю. Ф. Лисянский, полностью подтвердивший стратегическое значение Новоархангельска и указавший, что Новоархангельск имеет приятный климат, богатые водные продукты, густые леса и оборонительное географическое положение. Это центр важной рыболовной деятельности, и его следует развивать как главный порт для РАК¹.

Исследование положения аборигенов и колониальной деятельности. С момента создания РАК, правительство приказало компании относиться к аборигенам дружелюбно². Но в начале XIX в. правительство слабо контролировало колонии и мало что знало о деятельности российских и американских компаний.

В Кадьяке Ю. Ф. Лисянский прожил около года, что дало ему достаточно времени, чтобы лично понаблюдать за аборигенами. Как ранние жители колониального центра Русской Америки, аборигены Кадьяка находились под юрисдикцией РАК, были вынуждены подчиняться её приказам и выполнять трудовые обязанности для компании. Молодых мужчин отправляли на промысел меха, женщин – шить шубы, а стариков – ловить морских птиц. Их работа часто сопровождалась риском, однако доходы были мизерными³. Такая эксплуатация была очень выгодна для компании, но не способствовала закреплению колониального правления. Ю. Ф. Лисянский понимал, что именно

¹ Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805. и 1806 гг., по повелению его императорского величества Александра I, на корабле Нева, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского: в 2 ч. – СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1812. – Ч. 2. – С. 140–141.

² Полное собрание законов Российской империи. – Т. 25. – С. 705. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.03.2023). – Текст: электронный.

³ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 164.

эти аборигены являются основой существования компании. Они не только заполняют рабочие вакансии компании, но и обладают превосходными методами охоты, знанием окружающей среды и способностью прогнозировать погодные условия. Это именно то, что нужно компании. Он рекомендовал губернатору колонии А. А. Баранову принять меры по улучшению условий труда на Кадьяке, в том числе: предоставление аборигенам одежды и предметов домашнего обихода по максимально низкой цене; организацию охоты аборигенов на пушнину на расстоянии, отмену опасного путешествия на байдарках и вместо этого использование парусных судов; разделение аборигенов, находящихся под юрисдикцией компании, на три части, некоторые по очереди охотятся в отдалении, некоторые охотятся поблизости, а некоторые занимаются своей домашней экономией⁴.

В качестве верховного главнокомандующего и руководителя путешествия Н. П. Резанов принял инструкции Н. П. Румянцева⁵, с 1805 по 1806 г. он совершил экспедиции в Уналашку, Кадьяк, Новоархангельск и Калифорнию и предложил множество мер, полезных для развития Русской Америки.

В августе 1805 г. Н. П. Резанов поручил Иеромонаху Гедеону (Гавриил Федотов) и Кодьякскому отделению РАК провести перепись «дружественных» аборигенов колонии и поручил выяснить, сколько человек в каждом доме, их возраст, физическое состояние и т. д.⁶, чтобы они могли «взять на себя ответственность» за деятельность компании. Согласно статистике, на острове Кадьяк проживают 1652 мужчины и 1566 женщин; на острове Уналашка – 997 мужчин и 1019 женщин. Из 5234 аборигенов насчитывается 1509 малолетних [21, с. 139].

Учитывая большое количество несовершеннолетних, Н. П. Резанов предложил обратить внимание на проблему образования в колонии. В 1805 г. Н. П. Резанов преобразовал школу в училище, Иеромонаху Гедеону поручил быть ответственным за образование в колонии. В марте 1805 г. Иеромонах Гедеон вновь открыл училище на острове Кадьяк и изменил училище на два класса: в первом классе было 30 учеников, обучавшихся чтению и письму, а в другом – 20 уче-

⁴ Там же. – С. 164–165.

⁵ Там же. – С. 76.

⁶ Там же. – С. 134.

ников, изучавших доктрину и грамматику¹. В училище при приёме не учитывалось происхождение, социальное положение или национальность учеников, а подготовленные выпускники будут служить колониальному строительству, они в основном работают в РАК в качестве матросов, ремесленников и клерков. В 1806 г. число учащихся в училище достигло 100, включая даже тлинкитов, принявших православие².

Говоря о несовершеннолетних и сиротах, Н. П. Резанов отметил, что бедняков следует отправлять в школу в Павловском порту для обучения грамоте, и если директор школы докажет, что у них есть талант к обучению, их продолжают обучать ремеслам и промыслам с учётом их специфики, а те, кто не подходит для работы, будут работать в качестве каюры в РАК³. Для некоторых прилежных креолов Иеромонах Гедеон организовал отправку в Москву или Санкт-Петербург для изучения науки, искусства и ремёсел [21, с. 139]. Кроме того, осенью 1805 г. в Русской Америке открылась первая школа для девушек под названием «Дом благотворения Марии». Школой руководила жена И. И. Баннера, правителя Кадьякской конторы РАК. В начале основания школы учились в общей сложности 16 девушек-креолок. Затем четыре человека были отправлены в Охотск и поплыли на судне «Мария» в Санкт-Петербург для изучения хозяйства и рукоделия [Там же, с. 140].

Что касается управления колониальным населением, Н. П. Резанов отмечал, что все русские остаются в колониях лишь временно, и что подвижность населения не способствует укреплению колониального правления. Поэтому в письме к А. А. Баранову Н. П. Резанов предлагал поощрять русских жить здесь постоянно. Помимо поощрения русских к строительству домов, выращиванию сельскохозяйственных культур в колониях и т. д., также должен «...вводя их в штатное положение и оставя в свободном отправлении веры их, стараться обсемьянить их, дать землю в собственность

и обласкать так, чтоб, почувствовав свои выгоды, были они на предбудущее время к подгов[ору] соотчичей своих лутчими орудиями»⁴. Эта инициатива также способствовала смягчению отношений между русскими и аборигенами, которые обострились в условиях корпоративного угнетения.

Помимо поддержания внутренней стабильности в колониях, безопасности колоний угрожали частые действия Великобритании и Америки в северной части Тихого океана. Н. П. Резанов считал, что военно-морские силы в колониях слишком слабы, и следует усилить гарнизон и построить корабли. Конкретные задачи заключались в строительстве двух военных кораблей «Первое судно, полагаю я, военной брик длиною от 80 до 90 футов о 16 пушках, чтоб и грузу носило до 200 тонов; второе для удобного приближения к берегам – тендор от 50 до 55 футов о 6 или 8 пушках»⁵. Два судна используются лейтенантом Н. А. Хвостовым и мичманом Г. И. Давыдовым в их плаваниях в водах Русской Америки. Кроме того, Н. П. Резанов приказал Попову и Корякину построить верфь в Новоархангельске и им поручал судостроительные работы⁶.

Снабжение припасами и расширение торговли. Хотя кругосветное путешествие доставило в Русскую Америку большое количество припасов, единовременная поставка не смогла решить долгосрочные проблемы колоний с обеспечением продовольствием. Н. П. Резанов считал, что самым быстрым способом решения этой проблемы является развитие колониальной торговли. В то же время, для поддержания запланированного развития и расширения колонии необходимо было создать продовольственную базу, а Калифорния была наиболее подходящим местом для земледелия на западном побережье Северной Америки, недалеко от Русской Америки.

Чтобы расследовать ситуацию в испанской Калифорнии и попросить испанское правительство помочь в решении проблемы снабжения продовольствием, Н. П. Резанов

¹ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 90. – Д. 273. – Л. 157 об.

² Валаамские миссионеры в Америке: С прил. ... рукописи иеромонаха Гедеона и переписки, – материалов для истории Кадьякской миссии, ранее не бывших в печати. – СПб.: Валаамский монастырь, 1900. – С. 279.

³ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 134.

⁴ Россия и США: становление отношений 1765–1815: сб. док. – М.: Наука, 1980. – С. 293–294.

⁵ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 135.

⁶ Там же. – С. 138.

купил корабль и отправился в Калифорнию¹. Н. П. Резанов общался тесно с высшими политическими и религиозными деятелями Калифорнии, обменивался мнениями по таким вопросам, как теория российской угрозы, открытие двусторонней торговли и наказание американских бизнесменов за контрабанду. В апреле состоялись переговоры между Н. П. Резановым и губернатором Калифорнии Хосе Аргуэльо о развитии торговли между двумя территориями [22, с. 32–44]. Н. П. Резанов обменял товары, перевозимые «Юноной», не более чем на 4600 пудов товаров, включая пшеницу, муку, горох, соль, вяленое мясо и 470 пудов свиного сала [21, с. 150; 23, с. 265], достигнув основной цели поездки в Калифорнию.

Благодаря Н. П. Резанову торговля между Россией и Калифорнией развивалась. Н. П. Резанов прокомментировал значение этой операции: «Успехи ее оживотворяют Америку, Сибирь и Камчатку, ободрят внутреннюю в России промышленность, откроют новые к славе империи виды и повсеместно разольют изобилие»². Помимо осуществления торговой деятельности, Н. П. Резанов также осознал, что колонизация Калифорнии Испанией была короткой по времени, невеликой по масштабам и слабой по силе. В дополнение к установлению торговых отношений с испанской Калифорнией, русские поселения также должны быть созданы в Калифорнии в благоприятный период. Хотя ему не удалось реализовать все задуманное, он оказал глубокое влияние на последующую деятельность РАК в регионе.

3. Влияние первого кругосветного путешествия России на Русскую Америку. Об условиях жизни аборигенов. Во-первых, Ю. Ф. Лисянский и Н. П. Резанов осуществляли всесторонний контроль за деятельностью РАК в колониях, и их предложения, такие как рациональное распределение рабочей силы, снижение трудовых рисков и повышение оплаты труда, сыграли непосредственную роль в улучшении условий труда аборигенов, что имело важное значение для смягчения отношений между колонистами и аборигенами и для содействия экономическому развитию колоний.

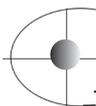
¹ Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в. (ИРТО) // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: сб. док. / отв. ред. Н. Н. Болховитнов: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 137.

² Там же. – С. 209.

Во-вторых, в качестве неотъемлемой части культурного завоевания колониализма, русские привезли в колонии русские книги, иконописи и произведения искусства, создали библиотеки и внедрили русскую культуру в жизнь аборигенов посредством создания школ и преподавания ремесла и общих знаний, а также готовили сотрудников-аборигенов для РАК, потенциально повышали экономическую эффективность компании и делали аборигенов более зависимыми и лояльными по отношению к русским.

О стабильности развития Русской Америки. В начале XIX в. война с тлинкитами задержала дальнейшую российскую экспансию на северо-западном побережье Америки. Прибытие «Невы» положило конец самой масштабной и продолжительной войне в истории Русской Америки. После победы над тлинкитами русские основали новое поселение, Новоархангельск, на острове Ситка, и расширили его южную границу, районы добычи меха и рынки сбыта. Кроме того, вмешательство и победа русского флота в войне объявили власть британским и американским купцам. После первого кругосветного путешествия Россия начала регулярно отправлять флот из Санкт-Петербурга в колонии для инспекций и размещать в этом районе регулярные морские патрули, укрепляя морскую мощь колоний и военную оборону.

В плане развития торговли, хотя Н. П. Резанов не добился успеха в Японии, он установил торговые отношения между Русской Америкой и испанской Калифорнией. С одной стороны, финансовое положение компании улучшилось благодаря тому, что ей больше не приходилось нести большие расходы по доставке товаров в колонии. С другой стороны, РАК стал более известен маршрут из Аляски в Калифорнию, что давало возможность для дальнейшей российской колониальной экспансии в Калифорнию. Этот процесс отразил тесную связь между погоней за прибылью и территориальной экспансией в деятельности РАК. Кроме того, кругосветное путешествие пыталось осуществлять торговую деятельность в Гуанчжоу, что, хотя и сдерживалось жёсткой позицией Цинского правительства, вынудило РАК изменить способ ведения торговой деятельности в Гуанчжоу. С тех пор торговые отношения между Россией и портом Гуанчжоу вступили в деликатный период «явного запрета, но тайного взаимобмена» [24, с. 139].

С точки зрения колониальной администрации и тенденций их развития, отправка путешествия показывает, какое значение правительство придаёт колониям и его желание постепенно всё больше вмешиваться в их деятельность. Во время кругосветного путешествия военно-морской флот и чиновники, назначенные российским правительством, непосредственно рассматривали дела Русской Америки и управляли ими, что положило начало постепенному овладению правительством инициативой колонизации Русской Америки. По мере того, как правительство стало активнее вмешиваться в дела Русской Америки, Российский Военно-морской флот как представитель правительственных учреждений начал посещать колонии с фиксированной частотой для расследования и контроля за деятельностью. С 1818 г. губернатору Русской Америки служили морские офицеры. В то же время места директоров РАК постепенно заполнялись государственными служащими и морскими офицерами. Эти изменения привели к уменьшению власти и независимости деятельности РАК в Русской Америке.

Заключение. Осуществление первого русского кругосветного путешествия отра-

жало не только стремление российского правительства развивать морскую торговлю в начале XIX в., но и настоятельную необходимость консолидации колоний в северной части Тихого океана. Завершение первого кругосветного путешествия России стало важным шагом в углублении колонизации Русской Америки. Высокообразованные морские офицеры, чиновники и учёные улучшили условия жизни и труда аборигенов, смягчили конфликты между аборигенами и колонистами, расширили добычу меха и рынки сбыта Российско-американской компании и улучшили её финансовое положение. В то же время прибытие военно-морского флота расширило южную границу колонии, усилило военную оборону России в северной части Тихого океана и контроль российского правительства над колониальной деятельностью, что продолжало влиять на колонизацию Русской Америки. Кроме того, первое кругосветное путешествие России открыло эпоху русских океанских путешествий, достигло выдающихся научных достижений и внесло значительный вклад в изучение многих отраслей Мирового океана, естественных и гуманитарных наук.

Список литературы

1. Петров А. Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана: монография. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2022. 279 с.
2. Петров А. Ю., Савельев И. В. Особенности правового взаимодействия участников экспедиций по изучению Тихоокеанского региона (конец XVII – первая половина XVIII вв.) // Вопросы истории. 2021. № 9-1. С. 88–98. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi28.
3. Берг Л. С. История русских географических открытий. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 296 с.
4. Галутва И. Г. Он взял с собою паруса... // Военно-Исторический Журнал. 2019. № 2. С. 80–86.
5. Лавров А. Б. Педагогическое наследие Первого Русского Кругосветного плавания 1803–1806 г. // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. №. 35. С. 174–190.
6. Невский В. В. Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Географгиз, 1951. 272 с.
7. Фёдорова И. К. Океанийские заметки И. К. Горнера во время первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806) и проблемы идентификации предметов с Маркизских островов из ранних поступлений МАЭ // Культура и быт австронезийских народов / отв. ред. П. Л. Белков, Е. В. Ревуненкова. СПб.: Наука, 2007. С. 33–40.
8. Alexey V. Postnikov. The First Russian Voyage Around the World and It's Influence on the Exploration and Development of Russian America // *Terrae Incognitae*. 2005. No. 37. P. 53–62. DOI: 10.1179/tin.2005.37.1.53.
9. История Русской Америки (1732–1867): в 2 т. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / под общ. ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Междунар. отн., 1999. 469 с.
10. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М.: Просвещение/Дрофа, 2007. 592 с.
11. Крузенштерн И. Ф. Первое российское плавание вокруг света. М.: Эксмо, 2009. 479 с.
12. Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Крузенштерном / сост. А. В. Крузенштерн, О. М. Фёдорова, Т. К. Шафрановская. СПб.: Книга, 2003, 288 с.
13. Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, по повелению его Императорского Величества Александра Первого, на корабле Нева, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. СПб.: В тип. Ф. Дрехслера, 1812. 246 с.

14. Ратманов М. И. Первая русская кругосветная экспедиция (1803–1806) в дневниках Макара Ратманова / отв. ред. М. Н. Луньковский. СПб.: Book present, 2015. 568 с.
15. 阎国栋: 《俄国首次环球航行登陆澳门始末》, 《"16–18世纪中西关系与澳门"国际学术研讨会论文集》, 2005年, 第70–91页。@@ Янь Годун. История первого русского кругосветного путешествия в Макао // Китайско-западные отношения и Макао в XVI–XVIII вв. Пекин, 2005. С. 70–91.
16. Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 317 с.
17. Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939. 260 с.
18. Пасецкий В. М. Иван Федорович Крузенштерн. М.: Наука, 1974. 176 с.
19. Истомин А. А. Русско-тлинкитские контакты (XVIII–XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев. М.: Наука, 1985. С. 155–165.
20. Зорин А. В. Битва за Ситку. 1802–1804: эпизод из истории Русской Америки. М.: Русские витязи, 2016. 112 с.
21. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени / сост. П. А. Тихменев: в 2 ч. СПб.: Питер, 1861. Ч. 1. 452 с.
22. Ogden A. The California Sea Otter Trade, 1784–1848. Berkeley and Los Angeles, 1941. 251 p.
23. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени / сост. П. А. Тихменев: в 2 ч. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1863. Ч. 2. 780 с.
24. 蔡鸿生: 《俄美公司与广州口岸 "俄罗斯夷船来广贸易"考略》, 《中外关系史论丛》第二辑, 1987年, 第139页。@@ Цай Хуншэн. Российско-американская компания и порт Гуанчжоу – исследование "Российские корабли приходят в Гуанчжоу для торговли" // Серия по истории китайско-иностранных отношений. Пекин, 1987. С. 139.
25. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 265–280. DOI: 10.15826/qr.2021.1.578.
26. Christensen C. The search for the Northeast Passage: the first and the second Kamchatka expeditions in the years 1725–1743 // Studia Humanitatis. 2019. No. 3. P. 1–19.
27. Andrei V. Grinëv. The Russian Navy and the Development of Alaska: The Military Dimension // The Journal of Slavic Military Studies. 2018. No. 31. P. 272–301. DOI: 10.1080/13518046.2018.1451072.

Сведения об авторе

Ли Сюань, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; Нанкайского университета; 300350, Китай, г. Тяньцзинь, район Цзинань, ул. Тонг Янь, 38; xuanli123@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0002-9523-2308>.

Для цитирования

Ли Сюань. Первое русское кругосветное путешествие и колонизация Русской Америки (1803–1806) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 175–184. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-175-184.

Статья поступила в редакцию 07.04. 2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.

References

1. Petrov, A. Yu. Petrovskaya epoch and development of the northern part of the Pacific Ocean: monograph. Ryazan: RGU, 2022. (In Rus.)
2. Petrov, A. Yu., Savel'ev I. V. Peculiarities of legal interaction of participants in expeditions to study the Pacific region (end of the 17th – first half of the 18th centuries). Questions of history, no. 9–1, pp. 88–98, 2021. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi28. (In Rus.)
3. Berg, L. S. History of Russian geographical discoveries. M: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. (In Rus.)
4. Galutva, I. G. He took sails with him ... Military History Journal, no. 2, pp. 80–86, 2019. (In Rus.)
5. Lavrov, A. B. Pedagogical heritage of the First Russian circumnavigation of the world 1803–1806. Vestnik VGAVT, vol. 35, pp. 174–190, 2013. (In Rus.)
6. Nevskii, V. V. The first journey of Russians around the world. M: Geografiz, 1951. (In Rus.)
7. Fedorova, I. K. Oceanian notes of I. K. Horner during the first Russian round-the-world expedition (1803–1806) and the problems of identifying objects from the Marquesas Islands from the early receipts of the MAE. Culture and life of the Austronesian peoples. Ed. by P. L. Belkov, E. V. Revunenkov. SPb.: Nauka, 2007: 33–40. (In Rus.)
8. Postnikov A. V. The First Russian Voyage Around the World and its Influence on the Exploration and Development of Russian America. Terrae Incognitae, no. 37, pp. 53–62, 2005. DOI: 10.1179/tin.2005.37.1.53. (In Rus.)

9. History of Russian America (1732–1867). V. 2. Activities of the Russian-American Company, 1799–1825. Ed. by N. N. Bolkhovitinova. M: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. (In Rus.)
10. Kruzenshtern, I. F. Travel around the world in 1803, 1804, 1805 and 1806 on the ships Nadezhda and Neva. M: Prosveshchenie/Drofa, 2007. (In Rus.)
11. Kruzenshtern, I. F. The first Russian voyage around the world. M: Ehksmo, 2009. (In Rus.)
12. Levenshtern, E. E. Around the world with Kruzenshtern. Comp.by Kruzenshtern, A. V., Fedorova, O. M., Shafranovskaya, T. K. SPb: Kniga, 2003. (In Rus.)
13. Lisyanskiy, Yu. F. Traveling around the world in 1803, 1804, 1805 and 1806, by order of His Imperial Majesty Alexander the First, on the ship Neva, under the command of the fleet lieutenant commander, now captain of the 1st rank and cavalier Yuri Lisyansky. SPb: V tipografii F. Drekhslera, 1812. (In Rus.)
14. Ratmanov, M. I. The first Russian round-the-world expedition (1803–1806) in the diaries of Makar Ratmanov. Editor-in-chief M. N. Lun'kovskii. SPb: Book present, 2015. (In Rus.)
15. 阎国栋: 《俄国首次环球航行登陆澳门始末》, 《"16–18世纪中西关系与澳门"国际学术研讨会论文集》, 2005年, 第70–91页。(Yan' Godun. The history of the first Russian round-the-world trip to Macau. Sino-Western Relations and Macau in the 16th-18th centuries. Pekin, 2005: 70–91.) (In Chinese)
16. Grinev, A. V. Tlingit Indians in the period of Russian America (1741–1867). Novosibirsk: Nauka, 1991. (In Rus.)
17. Okun', S. B. Russian-American company. M: L.: Sotsehgiz, 1939. (In Rus.)
18. Pasetskii, V. M. Ivan Fedorovich Kruzenshtern. M: Nauka, 1974. (In Rus.)
19. Istomin, A. A. Russian-Tlingit contacts (XVIII–XIX centuries). Historical fate of the American Indians. M: 1985: 155–165. (In Rus.)
20. Zorin, A. V. Battle for Sitka. 1802–1804: an episode from the history of Russian America. M: Russkie vityazi, 2016. (In Rus.)
21. Tikhmenev, P. A. Historical review of the formation of the Russian-American company and its actions to date. Ch. 1. SPb: 1861. (In Rus.)
22. Ogden, A. The California Sea Otter Trade, 1784–1848. Berkeley and Los Angeles, 1941. (In Engl.)
23. Tikhmenev, P. A. Historical review of the formation of the Russian-American company and its actions to date. Ch. 2. SPb: tip. EH. Veimara, 1863. (In Rus.)
24. 蔡鸿生: 《俄美公司与广州口岸 "俄罗斯夷船来广贸易"考略》, 《中外关系史论丛》第二辑, 1987年, 第139页。(Tsai Khunshahn. Russian-American Company and Guangzhou Port – Study "Russian Ships Come to Guangzhou for Trade". Sino-Foreign Relations History Series. Pekin, 1987. (In Chinese)
25. Petrov, A. Yu., Ermolaev, A. N., Koskina, M. M. Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722. Quaestio Rossica, no. 1, pp. 265–280, 2021. DOI: 10.15826/qr.2021.1.578 (In Rus.)
26. Christensen, C. The search for the Northeast Passage: the first and the second Kamchatka expeditions in the years 1725–1743. Studia Humanitatis, no. 3, pp. 1–19, 2019. (In Rus.)
27. Grinev, A. V. The Russian Navy and the Development of Alaska: The Military Dimension. The Journal of Slavic Military Studies, no. 31, pp. 272–301, 2018. DOI: 10.1080/13518046.2018.1451072. (In Rus.)

About the author

Li Xuan, Postgraduate Student, St. Petersburg State University; 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia; Nankai University; 38 Tong Yan st., Jinan District, Tianjin, 300350, China; xuanli123@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0002-9523-2308>.

For citation

Li Xuan. First Russian Circumnavigation and Colonization of Russian America (1803–1806) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 175–184. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-175-184.

**Received: April 7, 2023; approved after reviewing May 28, 2023;
accepted for publication May 29, 2023.**

Очерк

УДК 94 (092)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-185-195

Человек науки верен своей главной теме: памяти Екатерины Константиновны Ревы

**Татьяна Владимировна Стрыгина¹, Галина Сергеевна Зуева²,
Елена Николаевна Сердобинцева³,
Наталья Александровна Шibleва⁴, Дарья Владимировна Симчук⁵**

^{1,2,3,4} Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

⁵ Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, Россия

¹ s_t_v@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5886-1132>,

² gz90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6388-5078>,

³ elena_serd@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7526-5639>,

⁴ n.shibleva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3371-9145>,

⁵ darya.simchuk@yandex.r, <https://orcid.org/0009-0000-7681-9125>

Очерк посвящён учёному, безвременно ушедшему в 2023 г., Екатерине Константиновне Ревы, доктору филологических наук, заведующему кафедрой журналистики Пензенского государственного университета, автору более 100 статей, 2 монографий, 9 учебных пособий. Коллеги и ученики прослеживают профессиональный путь исследователя, вспоминают этапы жизни, наполненной идеями, планами, их последовательной реализацией, доведением до логического завершения. Ключевыми в научной деятельности Е. К. Ревы стали вопросы этножурналистики – направления, активно развивающегося в настоящее время. В поле зрения учёного были чеченский журнал «Нана», журналы «Дагестан» и «Народы Дагестана», «Дош», «Дружба народов» и другие издания. В её диссертационном исследовании были рассмотрены особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати (в межнациональном аспекте). Вопросы этнической тематики на телевидении, этнополитики нашли отражение в учебных курсах, разработанных Е. К. Ревой; внедрён онлайн-курс «Этножурналистика». Выбранная тематика освещалась в рамках научных конференций, в том числе инициированных кафедрой журналистики. В изучение аспектов этножурналистики были вовлечены студенты, аспиранты. Е. К. Рева активно поддерживала связи с академическим сообществом медиаисследователей из России, Казахстана, Беларуси и Армении. Целеустремлённость, точное осознание результата, который необходимо достичь, всегда отличали Екатерину Константиновну. С такой же энергией вела за собой, став руководителем кафедры, снискав уважение студентов и коллег. Память о Е. К. Реве живёт в сердцах коллег и учеников, продолжающих развитие идей учёного.

Ключевые слова: этножурналистика, межэтническая журналистика, этнокультура, научная деятельность, Е. К. Рева

Essay

The Scientist is Always True to Her Topic: For the Memory of Ekaterina K. Reva

**Tatyana V. Strygina¹, Galina S. Zueva², Elena N. Serdobintseva³,
Natalya A. Shibleva⁴, Darya V. Simchuk⁵**

^{1,2,3,4} Penza State University, Penza, Russia

⁵ Moscow State Humanitarian and Economic University, Moscow, Russia

¹ s_t_v@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5886-1132>,

² gz90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6388-5078>,

³ elena_serd@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7526-5639>,

⁴ n.shibleva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3371-9145>,

⁵ darya.simchuk@yandex.r, <https://orcid.org/0009-0000-7681-9125>

The article is written in memory of Ekaterina Konstantinovna Reva, a Russian media researcher, Doctor of Philological Sciences, recently deceased in March, 2023. She was the head of the Journalism Department at Penza State University (2014–2023), the author of more than 100 articles, 2 monographs, 9 books for students. Her colleagues and students remember her professional biography. The key areas of her works concerned ethnojournalism in Russian magazines *Nana*, *Dagestan*, *Narody Dagestana*, *Dosh*, *Druzhba Narodov*. The doctoral

© Стрыгина Т. В., Зуева Г. С., Сердобинцева Е. Н., Шibleва Н. А., Симчук Д. В., 2023

thesis by E. K. Reva is a systematical research of the national printed media at the turn of the XIX century studying the forms and methods of reflecting the national culture of the peoples of North Caucasus. These research interests have become the basis for attracting a number of students and post-graduate students to scientific activity by E. K. Reva. She also constantly kept the contact to the community of media researchers from Russia, Kazakhstan, Belarus and Armenia. The authors of this article came to the conclusion about multifaceted and profound E. K. Reva's contribution to the Russian science.

Keywords: ethnojournalism, interethnic journalism, ethnoculture, scientific activity, E. K. Reva

Рис. 1. Екатерина Константиновна Рева

Fig. 1. Ekaterina Konstantinovna Reva

5 марта 2023 г. скорпостижно скончалась Екатерина Константиновна Рева – доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Журналистика» Пензенского государственного университета. Это было неожиданным и тяжёлым ударом не только для кафедры и родного вуза, но и для всего сообщества медиаисследователей России. Е. К. Рева была постоянным участником научных конференций по журналистике, членом НАММИ. На её счету более 100 статей, 2 монографии, 9 учебных пособий [1].

Солнечная улыбка. Рассказ о ней мы начнём со студенческих лет, поскольку именно тогда состоялось знакомство Екатерины Константиновны с миром науки. Она поступила в Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Беллинского (в 2012 г. он был объединён с Пензенским государственным университетом) в 2001 г. на специальность «Журналистика». По её словам, была мысль поступить на эко-

номическое направление, но всё-таки поняла, что душа больше лежит к слову.

Все годы учёбы Екатерина Рева была старостой группы, участвовала в мероприятиях и организовывала их. У неё были друзья, с которыми общалась и после выпуска. Её любили преподаватели. Так, вспоминает о Екатерине Константиновне в пору студенчества профессор кафедры журналистики ПГУ Е. Н. Сердобинцева: «Четвертый курс, лекция по стилистике. Две большие группы в аудитории амфитеатром. Переключка – знакомство. Рева Екатерина. Ищу глазами. Первый ряд, левая сторона. Встаёт невысокая хрупкая девушка, которую выделяют открытая широкая улыбка и большие сияющие глаза. Невольно приостанавливаешься на ней взглядом. Она улыбается так, будто счастлива видеть тебя, будто этой встречи ждала всю жизнь. Не ответить улыбкой невозможно».

Ещё тогда, будучи студенткой, Екатерина Константиновна решила стать преподавателем, поэтому отдавала учёбе все силы, старалась разобраться во всём досконально. В 2004–2005 гг. она работала одной из ведущих молодёжной программы «Твоя волна» на ГТРК «Пенза». Этот личный опыт потом лёг в основу её курсов по тележурналистике, способствовал организации студенческого телевидения на кафедре.

Позже она устроилась работать лаборантом на кафедру русской и зарубежной литературы к своему будущему научному руководителю, доктору филологических наук Ивану Павловичу Щеблыкину. Окончив университет в 2006 г., поступила в аспирантуру и начала писать диссертацию на тему «Жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского (поэтика внутрижанровых связей)» [2].

24 декабря 2009 г. в Саранске состоялась защита диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. О той защите у Екатерины Константиновны были очень приятные воспоминания: и своим аспирантам, и младшим коллегам она рассказывала, что её вдохновлял этот научный путь – сам его процесс, даже не смотря на разные формальности. День за-

щиты кандидатской стал для неё тогда новым подарком и личным праздником.

Любимые горы и горцы. Так как Екатерина Константиновна начала научную работу как литературовед, её первые занятия со студентами тоже были по филологии. Она вела семинары по истории зарубежной литературы и устному народному творчеству. Позже говорила, что именно фольклор помог понять, что тема этнокультуры ей очень близка. Особенно был интересен Кавказ. Она много раз, но с неизменным воодушевлением рассказывала, как впервые побывала там, увидела послевоенную Чечню тайком от мамы, чтобы та не волновалась, и как местные жители подарили ей Коран.

В 2011 г. в Пятигорске на Международной научно-практической конференции «Инновации в межкультурном взаимодействии через языки, сервис и туризм» Е. К. Рева представила свой первый доклад по этножурналистике – «Роль средств массовой информации в межкультурном диалоге» [3]. В дальнейшем вся её научная работа была посвящена отражению этнокультуры народов Северного Кавказа в публикациях СМИ.

Екатерина Константиновна анализировала чеченский журнал «Нана», журналы

«Дагестан» и «Народы Дагестана», «Дош», «Дружба народов», очерки Э. Горюхиной «Думающие горцы». Всё это приобрело форму материалов для научных статей и докладов на конференциях [4–8], а позже – учебных пособий [9–11], монографий [12–13] и докторской диссертации. Работу над ней Е. К. Рева начала в 2012 г.

Она приехала в РУДН к доктору исторических наук, профессору Александру Анатольевичу Грабельникову с планом будущей работы и спросила, есть ли возможность поступить в докторантуру. Она поступила. О своём научном консультанте и о диссертации, в целом, Екатерина Константиновна всегда говорила с огромной благодарностью за профессиональные советы и моральную поддержку. Профессор Виктор Владимирович Барабаш, доктор филологических наук, декан филологического факультета РУДН, Наталья Сергеевна Гегелова, доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций РУДН, Александр Анатольевич Грабельников, как другие московские коллеги, с которыми Екатерину Константиновну связали тёплые профессиональные отношения, впоследствии приезжали по её приглашению в Пензу на научные мероприятия.

Рис. 2. После защиты докторской диссертации с оппонентами П. Ф. Потоповым, А. П. Короченским, научным консультантом А. А. Грабельниковым и деканом филологического факультета РУДН В. В. Барабашом, 2015 г.

Fig. 2. After the doctoral thesis presentation with opponents P. F. Potapov, A. P. Korochenskiy, academic advisor A. A. Grabelnikov and dean of the Philological Faculty of RUDN V. V. Barabash, 2015

Когда работа над диссертацией уже велась, Екатерина Константиновна активно преподавала журналистские дисциплины – тележурналистику, современные зарубежные СМИ и инфографику, что было её визионерским решением – сейчас это один из самых востребованных медиаформатов. Проводила научную работу со студентами, которые под её руководством готовили доклады на конференции, организовала первую международную научно-практическую конференцию «Ценностные ориентиры современной журналистики» в 2013 г. В ней приняли участие исследователи из Пензы, Тамбова, Саранска, Саратова, Москвы, а также зарубежные ученые из Японии и Казахстана [14]. Конференция стала ежегодной, проводилась в сентябре до 2020 г. включительно. Многие медиаисследователи вносили это научное событие в свой календарь, «Ценностные ориентиры...» стали брендом кафедры и вуза.

Однако главной целью на тот момент у Екатерины Константиновны была докторская диссертация. Своим молодым коллегам говорила, что работает над ней до поздней ночи, а они поражались, как она всё успевает и как любит свою тему. А в этом, по её мнению, и был весь секрет – нужно всем сердцем полюбить то, о чём пишешь, и верить в то, что делаешь.

Доцент кафедры журналистики ПГУ Г. С. Зуева вспоминает: «Я в 2013 г. окончила университет, а в 2014 г. пришла работать на кафедру. Екатерина Константиновна никогда не производила впечатление "выгоревшего" человека. Никогда не жаловалась, наоборот мотивировала меня: "Надо верить, тогда всё получится". Это касалось всего – и работы, и жизни».

24 апреля 2015 г. (опять число 24, её забавляла эта магия цифр) на заседании диссертационного совета РУДН Екатерине Константиновне Рева была присуждена учёная степень доктора филологических наук – она защитила диссертацию на тему «Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект» [15].

К тому моменту она уже почти год исполняла обязанности заведующего кафедрой. Защита докторской диссертации не только закрепила её имя в научном сообществе, но и стала документальным подтверждением того, что Екатерина Константиновна, даже несмотря на молодой возраст (ей был на тот

момент 31 год), имеет полное право стоять во главе кафедры.

Пример для коллег. После решения профессора И. П. Щеблыкина летом 2014 г. оставить работу в университете руководство факультета и вуза приняло решение назначить исполняющей обязанности заведующего кафедрой журналистики ПГУ Екатерину Константиновну Реву – перспективного молодого учёного, без пяти минут доктора наук.

На тот момент прошло всего два года после объединения двух крупных вузов региона. Несмотря на то, что перемены уже были осмыслены, перед кафедрой стояла задача не только сохранить свою идентичность как структурного подразделения, но и стать настоящим медиацентром, готовящим журналистов общего профиля. Нужно было развивать сотрудничество с редакциями, создавать свои студенческие СМИ, вести аккаунты в социальных сетях – делать всё для того, чтобы осуществлять качественную подготовку студентов и обеспечить их работой. При этом, конечно, вести научную деятельность и поддерживать связи с академическим сообществом медиаисследователей. Не потому, что этого требует руководство вуза, а потому что кафедра должна быть в курсе всех трендов современной журналистики и обучения журналистике.

В первые годы работы заведующим кафедрой (2014–2016) Екатерина Константиновна активно развивала внутренние и внешние, международные связи. Пензенский государственный университет заключил договор о сотрудничестве с ГТРК «Пенза», появилась студенческая телестудия и программа «Вестник студента»; это позволяет ежегодно организовывать стажировку студентов. Также в тот период партнёрами кафедры стали зарубежные вузы – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Ереванский государственный университет, Белорусский государственный университет. Коллеги выступали с докладами на конференции «Ценностные ориентиры современной журналистики», проводили мастер-классы для студентов. Екатерина Константиновна участвовала в конференциях вузов-партнёров, в ежегодной февральской конференции факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, научно-практических конференциях Казанского (Приволжского) федерального университета и других вузов России.

На протяжении всех лет заведования кафедрой Екатерина Константиновна одинаково грамотно, качественно и с неизменным вниманием руководила параллельными направлениями работы. Для неё было важно, чтобы имя кафедры и университета звучало на разных уровнях. Под руководством Екатерины Константиновны студенты участвовали и побеждали в крупных всероссийских конкурсах, ездили на фестивали, конгрессы и международные стажировки, она участвовала в организации масштабных медийных событий в Пензе (I Всероссийский молодёжный медиафорум «mediaАКЦЕНТ», 2019 г.; Школа универсального журналиста, 2019 г.; Международная научно-образовательная онлайн-школа «Журналистика и медиакоммуникации: теория и практика», 2021 г.). Екатерина Константиновна с 2018 г. возглавляла Общественный совет при Департаменте информационной политики и СМИ Пензенской области (с 2022 г. – была заместителем председателя Общественного совета при Министерстве внутренней и информационной политики Пензенской области).

Заботилась Екатерина Константиновна и о кадровом составе кафедры, руководила подготовкой аспирантов по направлению «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело». В апреле 2019 г. в диссертационном совете РУДН состоялась защита кандидатской диссертации аспиранта Дарьи Владимировны Арехиной «Особенности репрезентации этнокультуры коренных малочисленных народов России в современной журналистике» [16].

Екатерина Константиновна публиковала научные статьи в журналах ВАК, WoS и Scopus, мотивировала коллег делать то же самое, но её работ в годовом отчёте всё равно было больше, чем у других. В 2015–2017 гг. работала в составе научного коллектива по реализации проекта «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации», поддержанного грантом РФФИ (руководитель – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык» ПГУ Т. В. Дубровская) [17].

Екатерина Константиновна продолжала заниматься именно этножурналистикой и медийными репрезентациями этнокультуры, всегда подчёркивая, что истинный человек науки должен оставаться верным своей

главной теме. Параллельно она публиковалась в соавторстве с другими учёными ПГУ – лингвистами и даже медицинскими кибернетиками, которые исследовали влияние стрессовых ситуаций на здоровье человека [18]. Однако в фокусе её внимания оставалась главным образом этническая тематика на телевидении и этнополитика, что отражено в последних работах 2022 г. [19–20]. В 2021 г. Е. К. Рева разработала, записала и внедрила онлайн-курс «Этножурналистика» в учебный план кафедры [21].

Помимо административной и научной работы Екатерина Константиновна любила общаться с ребятами, которые наиболее активно проявляли себя как авторы сюжетов студенческого телеканала кафедры. После занятий они часто приходили к ней, чтобы обсудить выпуски, доклады на конференции, ближайшие инфоповоды и мероприятия. Студенты её обожали за радушие и заботу о людях.

Наставник. «Наши дети» – именно так называла Екатерина Константиновна студентов кафедры и относилась к ним с максимальным уважением и заботой.

С первых дней работы Екатерина Константиновна была в гуще студенческой творческой жизни. Ей, недавней выпускнице, окончившей университет с отличием, были поручены организация научной студенческой деятельности на факультете и преподавание дисциплины «Выпуск телепередач». Студенты старших курсов, её вчерашние однокашники, на переменах обращались к ней в ту пору просто по имени, без отчества. Изменение статуса не повлияло на отношения: как и в студенческие годы, ребята относились к ней с уважением, сохранилась и дружба, и атмосфера сотрудничества, результатом которого были интересные журналистские материалы для университетского телевидения.

Стиль дружеского делового общения между преподавателями и студентами кафедры сложился ещё в бытность нашего первого заведующего – Ивана Фёдоровича Шувалова.

«Екатерина Константиновна умела объединять людей вокруг себя, к ней приходили за советом, она всегда была готова по-человечески выслушать, понять, помочь. В беседах с ней всегда сохранялись чёткие рамки «преподаватель – студент», но при этом она неизменно оставалась для нас

Рис. 4. В окружении любимых студентов, корреспондентов студенческого телевидения, 2017 г.

Fig. 4. Surrounded by her favorite students, journalists of students' television, 2017

настоящим другом, с которым можно было говорить честно, открыто, не боясь осуждения, спорить на профессиональные темы, отстаивать собственную точку зрения или о чём-то немного пошутить. Нельзя было не замечать её неподдельную радость, когда студенты приходили на кафедру со своими идеями, предложениями по будущим проектам. Казалось, под руководством Екатерины Константиновны можно смело реализовать любую задумку», – вспоминает Ирина Крупкина, специалист по работе с молодёжью ГАУ ПО «Многофункциональный молодёжный центр Пензенской области».

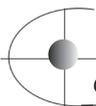
На кафедре были созданы все возможности для профессионального становления и роста, реализации творческого потенциала студентов и аспирантов.

В 2016 г. при кафедре на базе ГТРК «Пенза» начала работу студенческая телевизионная студия, в распоряжение которой было передано специально оборудованное помещение. Как следствие, совершенствование журналистской и операторской работы команды студенческого телевидения «Все свои», освещающего новости ПГУ и города. Учебная газета кафедры «Студен-

ческий взгляд» неоднократно отмечалась в номинациях конкурсов как лучшее студенческое СМИ.

Под руководством Екатерины Константиновны на кафедре проводились научно-методические семинары, объединявшие преподавателей и обучающихся, функционировал научный кружок «Современная журналистика и проблемы этнокультуры», членами которого были студенты и аспиранты. Их исследовательская и просветительская деятельность отмечена грамотами и дипломами.

Оставаясь верной своим научным интересам в теме этнокультуры, Екатерина Константиновна всегда учитывала интересы студентов, а руководство их работами осуществляла ненавязчиво. Вспоминает Ксения Чекушина, студент 4 курса: «Два года назад Екатерина Константиновна мне сказала: «Давай ты придумаешь тему, которая тебе интересна и мы подготовим доклад на конференцию». Я люблю рисовать и поэтому решила, что арт-журналистика – это то, что нужно. Екатерина Константиновна поддержала идею. Мы подготовили два доклада на конференции, статью, две курсовые работы,

начали ВКР. Я как видела, так и писала. Конечно, у меня возникали вопросы. Она всегда помогала, направляла, но никогда не навязывала своё мнение. Если корректировала, то форму, а содержание от меня зависело. Работать было интересно и легко».

Отмечают студенты и выпускники педагогическое мастерство своего наставника, нестандартные формы обучения, готовность импровизировать. Так, Ирина Косова, ассистент кафедры «Журналистика», запомнила, как проходили занятия по дисциплинам «Система СМИ» и «Социальная журналистика»: «Екатерина Константиновна старалась, чтобы всё, что мы делаем, было ориентировано на практику. Была работа над проектами по созданию печатного издания, круглые столы, ток-шоу, встречи с журналистами. По «Социальной журналистике» кто-то создавал страничку в социальной сети для помощи брошенным животным. Группа, где я была, делала страничку проекта "Мусора.net". Наше интервью с экспертом потом даже было опубликовано в «Комсомольской правде». Екатерине Константиновне было интересно, как идёт у нас работа, что в итоге получится. Удивительно, но она о каждом из нас помнила. Могла сама подойти в коридоре и поинтересоваться, как дела. Ей действительно хотелось, чтобы проекты работали, идеи воплощались и приносили пользу».

Екатерина Константиновна систематически организовывала встречи в рамках изучения дисциплин, проектов «Творческие мастерские», «Ты – журналист» с журналистами региональных, федеральных и зарубежных СМИ, с государственными и общественными деятелями.

Вот что говорит Роман Галеев, редактор сайта Cyber.sports.ru: «Больше всего мне запомнилась встреча с телеведущей из Ливана. Я учился тогда на первом курсе. Мы были в большой аудитории, полной народу. Мне удалось задать гостю несколько вопросов. На следующий день встреча была в другом корпусе, и в коридоре она меня узнала и поздоровалась со мной по-русски, назвав по имени. Её журналистское умение запоминать лица, имена, быть внимательной меня поразили, как и эрудированность, умение выступать. Екатерина Константиновна свободно общалась с ней, говорила по-английски. И в эти два дня я окончательно убедился, что правильно сделал выбор, что я попал в нужное место».

Екатерина Константиновна понимала, что участие студентов и аспирантов в научных конференциях, образовательных, студенческих форумах, фестивалях СМИ в родном городе, в Москве, Чите и других городах, стажировки (Ливан, Турция) – всё это, несомненно, поднимает уровень подготовки будущих журналистов, будущих учёных, дарит радость познания, общения, обмена опытом, мотивирует молодых людей. Ребята возвращались вдохновлённые, окрылённые, делились впечатлениями, отмечали, что «по-новому взглянули на себя», «обрели уверенность», «получили бесценный опыт», «узнали новое», вернулись с желанием «сделать своё СМИ ещё лучше».

Телепроекты кафедры становились победителями конкурсов научных проектов «Ректорские гранты», Всероссийского молодёжного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», молодёжного образовательного форума «iВолга-2016», Всероссийского конкурса молодых журналистов «МедиаВЫЗОВ-2017». Это, в частности, проекты «Этнотарелка», «Олимпийский медиамотиватор».

Студенты были удостоены наград различных уровней за особые успехи в учёбе, участие в общественной деятельности, за информационное сопровождение мероприятий, в том числе всероссийского масштаба, за инициативу и творчество, проявление активной жизненной позиции.

«Екатерина Константиновна – это человек, который всегда поддерживал инициативы студентов и старался помочь каждому раскрыть себя. Мы знали, что всегда можно подойти за советом, узнать, как сделать лучше тот или иной проект, как можно его развить и в каком направлении лучше двигаться. Помимо этого, с Екатериной Константиновной всегда можно было поговорить на любую тему, это многогранный человек, который знал всё и обо всём. Невозможно описать словами, сколько всего сделала Екатерина Константиновна для студентов, сколько она вкладывала сил и энергии в каждого. Это человек с большой буквы и с большим сердцем», – вспоминает Анастасия Чернышова, ведущий специалист отдела информационно-коммуникационных проектов «Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России.

Многие студенты в воспоминаниях отмечают, что Е. К. Рева была для них приме-

ром. «Екатерина Константиновна не только старалась вложить в нас опыт и знания, но и какие-то житейские советы нам давала. Она была чудесной и замечательной, очень мудрой и грамотной, профессиональной, женственной, обаятельной, и мы с неё всегда брали пример», – отметила пресс-секретарь Министерства физкультуры и спорта Пензенской области Татьяна Сарычева.

«Именно в ту самую минуту, когда я колебалась в правильности своего решения и думала изменить выбор, в кабинет, где принимали документы, вошла она. Я обратилась к ней, рассказала, что очень хочу поступить на кафедру журналистики, поделилась некоторыми переживаниями и опасениями, которые, как я тогда считала, мне помешают учиться. Разговор был коротким, но таким нужным для меня в тот момент. Всего несколько одобрительных фраз, уверенных слов поддержки от Екатерины Константиновны, её внимательный, спокойный взгляд – и сомнения ушли. Она сумела найти те самые слова, решившие мою судьбу.

Позже этому качеству я старалась у неё научиться», – вспоминает Ирина Крупкина, специалист по работе с молодёжью ГАУ ПО «Многофункциональный молодёжный центр Пензенской области».

Вспоминая Екатерину Константиновну, студенты отмечают её внимательное, доброе, поистине материнское отношение к ним. «На кафедре Екатерина Константиновна была нашей мамой. Она знала зачастую больше, чем наши родственники и друзья. У неё всегда были силы, она нас объединяла вокруг себя, это был невероятный человек. Она взяла нас на первом курсе за руку и провела до конца, помогала во всём», – сказал во время прощания с Екатериной Константиновной пензенский телеведущий Демид Густов.

Яркая, наполненная событиями жизнь, но очень короткая. Предстояло реализовать много идей, планов. Тёплые воспоминания и чувство благодарности, несомненно, останутся в сердцах тех людей, кого коснулся свет души Екатерины Константиновны Ревы.

Список литературы

1. Не стало завкафедрой «Журналистика» Екатерины Константиновны Ревы. URL: https://pnzgu.ru/news_abt/2023/03/5/16265816 (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
2. Рева Е. К. Жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского (поэтика внутрижанровых связей): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саранск, 2009. 167 с.
3. Рева Е. К. Роль средств массовой информации в межкультурном диалоге // Инновации в межкультурном взаимодействии через языки, сервис и туризм: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Акопянц. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2011. С. 230–236.
4. Рева Е. К. Репрезентативные особенности национальной идентификации в журнале «Дош» // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2. С. 1579–1581.
5. Рева Е. К. Проявление социокультурной самоидентификации в национальных периодических изданиях (на материале журнала «Нана») // Известия Саратовского университета. 2012. Вып. 3. С. 106–110. DOI: 10.18500/1817-7115-2012-12-3-106-110.
6. Рева Е. К. «Думающие горцы» Э. Горюхиной: к проблеме журналистской репрезентации этнокультуры Северного Кавказа // Научные ведомости Белгородский государственный университет. 2014. № 6, вып. 21. С. 179–186.
7. Рева Е. К. Чеченский журнал «Нана» как представитель женской национальной периодической печати // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. В. З. Гарифуллин: в 2 т. Казань: Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 2012. Т. 1. С. 367–373.
8. Рева Е. К. Репрезентация этнокультуры в национальной периодической печати (на материале журнала «Дош») // СМИ в условиях информационной глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. Д. Л. Стровский, О. В. Ильина. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2013. С. 153–157.
9. Рева Е. К. Журналистика и процесс развития национальных культурных ценностей: учеб. пособие / под ред. А. А. Грабельникова. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2012. 51 с.
10. Рева Е. К. Элементы национальной культуры в журналистском тексте: функциональный аспект: учеб. пособие / под ред. А. А. Грабельникова. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2012. 57 с.
11. Рева Е. К. Чеченский журнал «Нана»: проблематика, жанры: учеб. пособие / под ред. А. А. Грабельникова. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2012. 55 с.
12. Рева Е. К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект: монография / под ред. А. А. Грабельникова. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2014. 300 с.

13. Рева Е. К. Журналистика в межнациональном дискурсе: этнокультурный аспект: монография / под ред. А. А. Грабельникова. Саратов: Наука, 2013. 136 с.
14. Хроника научно-практической конференции «Ценностные ориентиры современной журналистики». URL: https://der_jour.pnzgu.ru/page/42962 (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
15. Рева Е. К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2015. 387 с.
16. Арехина Д. В. Особенности репрезентации этнокультуры коренных малочисленных народов России в современной журналистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2019. 154 с.
17. Дубровская Т. В., Рева Е. К., Кожемякин Е. А., Ярославцева Я. А., Арехина Д. В. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений российской федерации: монография. М.: Флинта, 2017. 248 с.
18. Агейкин А. В., Тычков А. Ю., Алимуратов А. К., Горбунов В. Н., Рева Е. К., Межина В. А., Колесова Е. В., Калистратов В. Б., Мельников В. Л., Макарова Н. А. Оценка влияния стрессовой ситуации на психическое здоровье в условиях чрезвычайных ситуаций по видеоконтенту // Психическое здоровье. 2020. № 9. С. 46–52.
19. Рева Е. К. Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 181–191. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191.
20. Рева Е. К. Репрезентация этнокультуры народов России на телевидении: типология программ // Нефилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 813–820. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-4-813-820.
21. Рева Е. К. Особенности этножурналистики как учебной дисциплины в рамках журналистского образования современной России // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 17, № 4. С. 66–72. DOI: 10.21209/2658-7114-2022-17-4-66-72.

Сведения об авторах

Стрыгина Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук; Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; s_t_v@list.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5886-1132>.

Зуева Галина Сергеевна, кандидат филологических наук; Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; gz90@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6388-5078>.

Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук; Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; elena_serd@list.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7526-5639>.

Шиблева Наталья Александровна, кандидат филологических наук; Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; n.shibleva@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3371-9145>.

Симчук Дарья Владимировна, кандидат филологических наук; Московский государственный гуманитарно-экономический университет; 107150, Россия, г. Москва, ул., Лосиноостровская, 49; darya.simchuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7681-9125>.

Для цитирования

Стрыгина Т. В., Зуева Г. С., Сердобинцева Е. Н., Шиблева Н. А., Симчук Д. В. Человек науки верен своей главной теме: памяти Екатерины Константиновны Рева // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 185–195. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-185-195.

Статья поступила в редакцию 07.04. 2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.

References

1. Ekaterina Konstantinovna Reva, the head of the department of Journalism Passed Away Web. 20.05.2023. https://pnzgu.ru/news_abt/2023/03/5/16265816. (In Rus.)
2. Reva, E. K. The genre of the feuilleton in the works of F. M. Dostoevsky (poetics of intragenre links). Cand. sci. diss. Saransk, 2009. (In Rus.)
3. Reva, E. K. The role of mass media in intercultural dialogue. Innovations in intercultural interaction through languages, service and tourism: Papers of International Scientific Conference. Editor-in-chief A. M. Akopyants. Pyatigorsk, 2011: 230–236. (In Rus.)
4. Reva, E. K. Representative features of national identity in the magazine Dosh. Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, no. 2, pp. 1579–1581, 2012. (In Rus.)
5. Reva, E. K. The manifestation of social, ethnic and cultural identity in the national periodicals (based on the material of the chechen journal Nana). Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, no. 3, pp. 106–110, 2012. DOI: 10.18500/1817-7115-2012-12-3-106-110, 2012. (In Rus.)
6. Reva, E. K. "Thinking highlanders" by E. Goryuhina: about journalistic representation of North Caucasus ethnocultural problem. Belgorod State University Scientific Bulletin, no. 6, pp. 179–186, 2014. (In Rus.)

7. Reva, E. K. Chechen magazine Nana as a representative of the women's national periodical press. Informational field of the modern Russia: practices and effects: Papers of XI International Scientific Conference. Editor-in-chief V. Z. Garifullin. Vol. 1. Kazan, 2012: 367–373. (In Rus.)
8. Reva, E. K. Representation of ethnoculture in the national periodical press (based on the material of the Dosh magazine). Mass media in the context of information globalization: Papers of International Scientific Conference. Editors-in-chief D. L. Strovskiy, O. V. Il'ina. Yekaterinburg, 2013: 153–157. (In Rus.)
9. Reva, E. K. Journalism and the process of development of national cultural values: book for students. Grabelnikov, A. A., main editor. Penza, PSPU named after V. G. Belinsky, 2012. (In Rus.)
10. Reva, E. K. Elements of national culture in journalistic text: functional aspect: book for students. Grabelnikov, A. A., main editor. Penza, PSPU named after V. G. Belinsky, 2012. (In Rus.)
11. Reva, E. K. Chechen magazine Nana: problems, genres: book for students. Grabelnikov, A. A., main editor. Penza, PSPU named after V. G. Belinsky, 2012. (In Rus.)
12. Reva, E. K. Features of the reflection of the ethnocultural values of the peoples of the North Caucasus in the periodical press: the interethnic aspect: monography. Grabelnikov, A. A., main editor. Penza, PSU, 2014. (In Rus.)
13. Reva, E. K. Journalism in International discourse: ethno-cultural aspect: monography. Grabelnikov, A. A., main editor. Saratov, Nauka, 2013. (In Rus.)
14. Khronika nauchno-prakticheskoy konferentsii Tsennostnyue orientiry sovremennoy zhurnalistiky [Chronicle of the International scientific and practical conference Value Orientations of the Modern Journalism]. Web.20.05.2023. https://dep_jour.pnzgu.ru/page/42962. (In Rus.)
15. Reva, E. K. The Peculiarities of Reflecting the Ethnocultural Values of the Peoples of North Caucasus in Printed Media: International Aspect. Dr. sci. diss. Moscow, 2015. (In Rus.)
16. Arekhina, D. V. Features of representation of ethnoculture of indigenous ethnic groups of Russia in modern journalism. Cand. sci. diss. Moscow, 2019. (In Rus.)
17. Dubrovskaya, T. V., Reva, E. K., Kozhemyakin, E. A., Yaroslavtseva, Ya. F., Arekhina, D. V. Political, legal and mass media discourse in terms of discursive construction of Russia's international and interethnic relations. M: Flinta: Nauka Publ, 2017. (In Rus.)
18. Ageykin, A. V., Tychkov, A. Yu., Alimuradov, A. K., Gorbunov, V. N., Reva, E. K., Mezhdina, V. A., Kolesova, E. V., Kalistratov, V. B., Melnikov V. L., Makarova N. A. Assessment of the impact of stressful situations on mental health in emergency situations using video content. Mental Health, no. 9, pp. 46–52, 2020. DOI: 10.25557/2074-014X.2020.09.46-52 (In Rus.)
19. Reva, E. K. Ethnocultural Themes in the Media: Typological Review. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 181–191, 2022. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191. (In Rus.)
20. Reva, E. K. Representation of ethnoculture of the peoples of Russia on television: programs typology. Neofilologiya – Neophilology, no. 4, pp. 813–820, 2022. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-4-813-820 (In Rus.)
21. Reva, E. K. Features of ethno-journalism as an educational discipline within the framework of journalistic education in modern Russia. Scholarly Notes of Transbaikal State University, no. 4, pp. 66–72, 2022. DOI: 10.21209/2658-7114-2022-17-4-66-72 (In Rus.)

Information about authors

Strygina Tatyana V., Candidate of Pedagogy, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; s_t_v@list.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5886-1132>.

Zueva Galina S., Candidate of Philology, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; gz90@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6388-5078>.

Serdobintseva Elena N., Doctor of Philology, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; elena_serd@list.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7526-5639>.

Shibleva Natalya A., Candidate of Philology, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; n.shibleva@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3371-9145>.

Simchuk Daria V., Candidate of Philology, Moscow State University for the Humanities and Economics; 49 Losinoostrovskaya st., Moscow, 107150, Russia; darya.simchuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7681-9125>.

For citation

Strygina T. V., Zueva G. S., Serdobintseva E. N., Shibleva N. A., Simchuk D. V. The man of science is faithful to his main theme: the memory of Ekaterina Konstantinovna Reva // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 185–195. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-185-195.

**Received: April 7, 2023; approved after reviewing May 28, 2023;
accepted for publication May 29, 2023.**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом не превышающие 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подписанные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The editors accept previously **unpublished materials** not exceeding 1 paper in volume. I. = 40 thousand characters (with spaces and taking into account all footnotes), including illustrations (1 illustration with a format of 190 × 270 mm is 1/6 of the author's sheet, or 6.7 thousand characters) in Russian, English, Chinese, made in the genre research article, scientific review, scientific communication, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80 %.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that*, etc.) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35–24–79